ГЕРМАНСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

А. Градовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая ул., д. № 49—2).
1874.

ГЕРМАНСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

ЧАСТЬ I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ГЕРМАНСКИХЪ СОЮЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ XIX ВѢКѢ.

А. ГРАДОВСКАГО,
ПРОФЕССОРА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая ул., д. № 49—2).
1875.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Jg 181 50006

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Глава первая. Паденіе „Священной Римской Имперіи" .	1—13
Глава вторая. Германскій союзъ. Его образованіе и устройство	13—57
Глава третья. Внутренняя исторія союза до 1848 года.	57—82
Глава четвертая. 1848 годъ.	82—116
Глава пятая. Реакція (1849—1858 гг.)	116—141
Глава шестая. „Министерство Новой Эры".	142—166
Глава седьмая. Министерство г. Бисмарка.	167—208
Глава восьмая. Единая Германія.	208—274
Глава девятая. Имперія.	274—301

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ историческій очеркъ и обзоръ Германской конституціи, я имѣлъ въ виду облегчить, для желающихъ, изученіе государственныхъ установленій новой имперіи. Поставивъ себѣ эту цѣль, я былъ далекъ отъ мысли провести въ этомъ сочиненіи свои *личныя* воззрѣнія, симпатіи и антипатіи. Для такого сжатаго очерка, каковъ настоящій, строгая объективность изложенія есть условіе необходимое. Зато я надѣюсь, что читатели найдутъ въ этомъ трудѣ *полное*, по возможности, изложеніе фактовъ и учрежденій.

Затѣмъ при составленіи какъ историческаго очерка, такъ и обзора дѣйствующей конституціи, я имѣлъ въ виду познакомить наше общество съ результатами важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ по этому предмету. Само собою разумѣется, что для новѣйшей исторіи Германіи и для комментаріевъ дѣйствующей конституціи, я долженъ былъ обращаться и къ изданнымъ сырымъ матеріяламъ. Главнѣйшими источниками и пособіями, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій (Шлоссеръ, Гервинусъ) для меня служили:

Бецольдъ, Materialien der Deutschen Reichs-Verfassung, III тома; Die Reden des Grafen von Bismarck-Schönhausen, III тома; *Гезекиль*, Das Buch vom Fürsten Bismarck-Schönhausen; *Ганъ*, Der Krieg Deutschland's gegen Frankreich; *Клюпфель*, Geschichte der Deutschen Eincheitsbestrebungen, II тома; *Цёпфль*, Grundzüge des Gemeinen deutschen Staatsrechts; *Г. А. Цахарія*, deutsche Staats- und Bundesrechts; *Г. Шульце*, Einleitung in das Deutsche Staatsrecht; *его же*, Das preussische Staatsrecht; *Рённе*, Das Verfassungs-Recht des deutschen Reiches; *его же*, Das Staats-

recht der pressischen Monarchie; *Р. ф. Моль*, Das deutsche Reichsstaatsrecht; *Ф. Тудихумъ*, Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes; *Л. Ауэрбахъ*, Das neue deutsche Reich; *Ю. Вестеркампъ*, Ueber die Reichsverfassung; *В. Мюллеръ*, Geschichte der neuesten Zeit; *Э. Арндъ*, Geschichte der Jahre 1860 bis 1867; *Ла Мармора*, Un peu plus de lumière etc. (франц. перев.); *Бенедетти*, Ma mission en Prusse: *Герцогъ Грамонъ*, La France et la Prusse avant la guerre; *Гиллебрандъ*, La Prusse contemporaine; *Вормсъ* l'Allemagne économique. Прочія статьи и брошюры, которыми я пользовался, указаны въ самомъ сочиненіи.

Еще одно замѣчаніе. Издаваемый теперь историческій очеркъ германской конституціи былъ напечатанъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1874 годъ. Въ этомъ же изданіи печатается и вторая часть моего сочиненія, которая выйдетъ отдѣльно, въ октябрѣ текущаго года.

Во время печатанія этого труда, нѣкоторые участники современной Германской исторіи сошли со сцены. Такъ смерть отняла у клерикаловъ одного изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ этой партіи *Малинкродта* (май 1874 года). Скончался и *К. Ф. Савиньи*, бывшій прусскій уполномоченный на старомъ германскомъ сеймѣ (1875 г.). Наконецъ, умеръ одинъ изъ изгнанныхъ въ 1866 г. государей, бывшій курфюрстъ Гессенскій.

А. Градовскій.

16 февраля 1875 года.
С. Петербургъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Паденіе „Священной Римской имперіи".

I.

Декларація Наполеона I.—Францъ II объявляетъ, что имперія перестала существовать.—Причины паденія имперіи.—Общій характеръ имперскаго устройства.—Слабость центральнаго правительства.—Императоръ.—Сеймъ.—Имперскіе суды.—Мѣстная независимость членовъ имперіи; развитіе и торжество ея.—Заключеніе.

1-го августа 1806 года французскій уполномоченный объявилъ Германскому сейму, что императоръ Французовъ не признаетъ болѣе Германской имперіи. „Съ давнихъ поръ", говорилось въ деклараціи,—„послѣдовательныя искаженія, увеличивавшіяся изъ столѣтія въ столѣтіе, превратили германскую конституцію въ тѣнь ея самой. Время измѣнило всѣ отношенія величины и силы, первоначально существовавшія между отдѣльными членами союза, между ними въ отдѣльности и цѣлымъ, часть котораго они составляли. Сеймъ пересталъ имѣть собственную волю. Рѣшенія высшихъ судовъ не могли быть приводимы въ исполненіе. Все свидѣтельствовало объ упадкѣ столь сильномъ, что федеративная связь не доставляла уже никому обезпеченія, а для сильныхъ была средствомъ разногласія и раздора. Событія трехъ коалицій довели это разслабленіе до послѣдняго предѣла; Пресбургскій миръ сообщилъ ихъ величествамъ королямъ Баварскому и Виртембергскому полноту державныхъ правъ—прерогативу, которую другіе курфирсты потребовали бы и имѣли бы право потребовать, но

которая не можетъ быть согласована ни съ буквою, ни съ духомъ имперской конституціи. Его величество императоръ и король вынужденъ поэтому объявить, что онъ не признаетъ болѣе существованія германской конституціи, признавая полную и неограниченную державность (la souveraineté entière et absolue) каждаго изъ государей, коихъ владѣнія составляютъ нынѣ Германію“ [1]).

Декларація не только не вызвала протеста, но, такъ-сказать, была приведена въ исполненіе. 6-го августа, то-есть, чрезъ пять дней, Францъ II сложилъ съ себя санъ „Римскаго“ императора и объявилъ имперскій союзъ не существующимъ. Такое быстрое и безмолвное паденіе многовѣковаго учрежденія, конечно, имѣло серьезныя причины, и должно сознаться, что онѣ коренились въ самомъ устройствѣ знаменитой имперіи, основанной Карломъ Великимъ, связанной съ Германскимъ народомъ Оттономъ I (936—973 гг.) и прославленной героическими Гогенштауфенами (1138—1254 гг.).

По наружности Германская имперія вполнѣ заслуживала названія „достопочтенной“ (ehrwürdiges Reich), названія, даннаго ей извѣстною прокламаціей изъ Калиша [2]). Глава имперіи, безспорно, признавался первымъ изъ христіанскихъ государей; сложная и блестящая организація сейма, высокое положеніе имперскихъ судовъ, почтенная древность всѣхъ должностей и учрежденій, связанныхъ съ преданіями императорскаго Рима, — все это сообщало имперіи видъ, внушавшій глубокое уваженіе.

Но въ дѣйствительности Наполеонъ I имѣлъ право сказать, что онъ говоритъ съ „тѣнью“, а не съ дѣйствительнымъ политическимъ существомъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ, когда совершилось это печальное превращеніе. Отступая за нѣсколько лѣтъ назадъ, можно сказать, что и въ 1792 году Французская республика вступила въ борьбу съ такою же тѣнью; трудно доказать, чтобы раньше того Фридрихъ II Прусскій считалъ имперію за что нибудь иное. Всѣ главныя событія XVIII вѣка показали безсиліе верховнаго союзнаго правительства въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики. Самъ домъ Габсбурговъ, издавна связавшій съ собою императорское достоинство, мало заботился о достоинствѣ и силѣ учрежденія, котораго

[1]) Эта декларація заключаетъ въ себѣ повтореніе идей, высказанныхъ предъ этимъ однимъ изъ духовныхъ князей имперіи, *Дальбергомъ*, въ его письмѣ къ Наполеону.

[2]) 25-го марта 1813 г. по н. ст.

онъ былъ главою. Онъ не затруднялся вести внѣшнюю политику къ выгодѣ своихъ наслѣдственныхъ земель и къ явной невыгодѣ имперіи. Прочіе германскіе государи наперерывъ подражали своимъ императорамъ. Не видно, чтобъ учрежденія имперіи поддерживались сочувствіемъ народа.

Легко объяснить политику, доведшую имперію до неслыханнаго безсилія своекорыстіемъ правителей; дѣйствительно, не было недостатка ни въ упрекахъ этого рода, ни въ фактахъ, дававшихъ къ нимъ законный поводъ. Но не легко доказать, чтобы старое имперское устройство, взятое само по себѣ, было связано съ какими нибудь реальными интересами управляющихъ и управляемыхъ до такой степени сильно, что искаженіе и паденіе имперіи должно было болѣзненно отозваться на разныхъ классахъ общества и вызвать энергическій протестъ. Имперская власть не заключала въ себѣ ничего, что̀ заставило бы сплотиться вокругъ нея, въ годину бѣдствій, всѣ классы общества, какъ въ свое время французскія общины, духовенство и юристы поддерживали своихъ королей, и какъ послѣ того Французскій народъ всталъ на защиту республики. Ни одно изъ учрежденій Германской имперіи не было народно; ни одно изъ нихъ не было направлено къ дѣйствительному охраненію и развитію общихъ интересовъ, а если и преслѣдовало такую цѣль номинально, то не имѣло средствъ осуществить ее.

Императоръ былъ главой имперіи, но никакъ не Германскаго народа. Онъ стоялъ во главѣ тѣснаго круга государственныхъ высшихъ сословій, Reichsunmittelbaren, отъ которыхъ въ свою очередь, въ силу мѣстнаго территоріальнаго верховенства (Landeshoheit), зависѣли отдѣльныя части остальнаго народонаселенія.

Сеймъ не былъ народнымъ представительствомъ въ родѣ англійскаго парламента. Онъ слагался изъ трехъ коллегій, въ которыхъ засѣдали или главы отдѣльныхъ государствъ, или ихъ уполномоченные [1]). И эти три коллегіи не составляли въ своихъ совѣщаніяхъ

[1]) Три коллегіи, составлявшія сеймъ, суть слѣдующія: совѣтъ курфирстовъ (Kurfürstenrath), совѣтъ имперскихъ князей (Reichsfürstenrath) и коллегія имперскихъ городовъ (Kollegium der Reichsstädte). Въ совѣтѣ курфирстовъ засѣдали: архіепископы Майнцскій, Кельнскій и Трирскій, король Богемскій, пфальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій и маркграфъ Бранденбургскій. Въ послѣдствіи этотъ составъ измѣнился и увеличился однимъ курфирстомъ. Совѣтъ князей состоялъ изъ 100 свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей; онъ дѣлился на двѣ скамьи—духовныхъ и свѣтскихъ князей. Коллегія городовъ состояла въ 1803 году изъ упол-

и опредѣленіяхъ одного цѣлаго установленія. Каждая коллегія совѣщалась отдѣльно и при рѣшеніи дѣлъ имѣла одинъ голосъ.

Императоръ съ сеймомъ были высшею законодательною и правительственною властью въ имперіи; ихъ распоряженія номинально были обязательны для всѣхъ членовъ имперіи. Но средства обезпечить эту обязательность были ничтожны. Имперское правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи постоянной подчиненной ему арміи. Въ мирное время арміи не существовало. Въ военное время она составлялась изъ контингента, доставляемаго отдѣльными государствами. Количество контингента вотировалось каждый разъ особо; имперскимъ постановленіемъ 1681 года былъ опредѣленъ только minimum арміи: онъ былъ назначенъ въ 40.000 человѣкъ. Еще ограниченнѣе были финансовыя средства имперіи. Она не пользовалась постоянными налогами [1]); прочія потребности покрывались экстраординарными субсидіями, да и тѣ поступали въ казну неисправно. Административно-полицейская власть принадлежала имперскому правительству въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, но и въ этихъ предѣлахъ она была не дѣйствительна: исполненіе распоряженій императора и сейма возлагалось на отдѣльныя правительства, слишкомъ самостоятельныя для того, чтобы повиноваться.

Имперскіе суды имѣли великую цѣль—поддерживать правосудіе на всемъ пространствѣ имперіи и разрѣшать споры между членами имперіи для устраненія частныхъ войнъ и средневѣковаго самоуправства. Но средства рейхскаммергерихта и рейхсгофрата не соотвѣтствовали высотѣ задачи Вопервыхъ, ихъ компетенція быстро была ограничена привиллегіями, установляемыми въ пользу государей отдѣльныхъ территорій (Landesherrn) и скоро превратившимися въ общее правило: привиллегіями de non evocando и de non appellando. Привиллегія de non evocando состояла въ томъ, что дѣла подданныхъ каждаго государя не могли быть изъяты изъ разсмотрѣнія территоріальныхъ судовъ судами имперскими [2]). Привиллегія de non appellando воспре-

номоченныхъ 51 имперскихъ городовъ. Они раздѣлялись, въ свою очередь, на скамью *Рейнскихъ* и скамью *Швабскихъ* городовъ. До 1663 года государи являлись на сеймъ сами. Но съ этого времени они начали присылать вмѣсто себя уполномоченныхъ. Съ 1663 года сеймъ сдѣлался постояннымъ установленіемъ. Мѣстопребываніемъ его былъ городъ *Регенсбургъ*.

[1]) Единственный постоянный налогъ былъ установленъ на содержаніе верховнаго имперскаго суда (Reichskammergericht).

[2]) Эти привиллегіи являются съ XIV столѣтія и даются первоначально однимъ курфирстамъ.

щала даже переносъ дѣла, путемъ апелляціи, изъ территоріальныхъ судовъ въ имперскій. Такъ установилась полная и самостоятельная юрисдикція мѣстныхъ судовъ отдѣльныхъ государствъ. Компетенція рейхскаммергерихта была все таки обширна, если принять въ соображеніе главную цѣль его учрежденія. Установленный, въ качествѣ постояннаго суда, въ 1495 году — для разрѣшенія споровъ между Reichsunmittelbare, — онъ могъ сдѣлаться главнымъ охранителемъ земскаго мира (Landfrieden), нарушавшагося частными войнами владѣтелей. Но имперія не имѣла почти никакихъ средствъ привести въ исполненіе рѣшеніе, постановленное противъ могущественнаго отвѣтчика.

Не болѣе успѣха имѣлъ рейхскаммергерихтъ, въ качествѣ верховнаго охранителя правосудія въ имперіи. Ему, не смотря на привиллегіи de non evocando и de non appellando, могли быть приносимы жалобы на медленность или отказъ въ правосудіи (querelo protractae vel denegatae justitiae) и кассаціонныя жалобы, über *unheilbare* Nichtigkeit, на рѣшенія мѣстныхъ судовъ. Но отдѣльныя государства умѣли поддерживать свою независимость. Были, правда, земли, не пользовавшіяся названными привиллегіями, и послѣднія все-таки считались исключеніемъ; но право апелляціи въ имперскіе суды было значительно ограничено высокою суммой иска. По правилу апелляціонная сумма была опредѣлена въ 400 талеровъ; но императорскія привиллегіи возвышали ее до 1.500 талеровъ — сумма огромная для того времени. Всѣ эти условія лишали имперскій судъ какого бы то ни было значенія для массы народонаселенія.

Дѣйствительнымъ началомъ, непрерывно и неудержимо развивавшимся, было начало мѣстной независимости отдѣльныхъ частей имперіи. Мѣстное верховенство (Landeshoheit) одно дѣлало успѣхи въ то время, какъ верховенство имперское шло къ упадку. Искать зачатковъ этого верховенства должно во временахъ отдаленныхъ. Мѣстное верховенство возникло съ той минуты, какъ старыя должности имперіи—должности графовъ, маркграфовъ, герцоговъ, сдѣлались наслѣдственными, и связанныя съ ними права превратились въ часть поземельныхъ правъ феодальныхъ владѣльцевъ, облеченныхъ этими должностями. Слабость избирательной императорской власти, принужденной въ борьбѣ съ папами искать содѣйствія вассаловъ, способствовала развитію мѣстной независимости. Новыя права получили торжественное признаніе въ двухъ конституціяхъ: Фридриха II Гогенштауфена—Constitutio Francofurtensis de juribus principum ecclesiasticorum (1220 г.) и Constitutio Utinensis de juribus principum secularium

(1232 г.). Въ нихъ опредѣленно были признаны первыя права мѣстнаго самодержавія, получившаго въ послѣдствіи болѣе широкое развитіе.

Въ XVI столѣтіи понятіе такъ-называемой Landeshoheit было ясно опредѣлено и поставлено твердо. Могущественнымъ средствомъ къ утвержденію и расширенію этихъ правъ были знаменитыя избирательныя капитуляціи (Wahlcapitulation) — договоры, заключавшіеся между вновь избираемымъ императоромъ и курфирстами отъ имени всѣхъ государственныхъ чиновъ [1]). Общеевропейское признаніе государи Германіи получили при заключеніи Вестфальскаго мира, въ 1648 году. Вестфальскій трактатъ призналъ независимость 355 германскихъ государствъ и вольныхъ городовъ. Они получили право вести внѣшнія сношенія, то-есть, объявлять войну, заключать миръ, союзы, — только не противъ имперіи и ея членовъ, посылать дипломатическихъ агентовъ [2]). Независимость внутренней администраціи была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія. Вестфальскій договоръ установляетъ принципъ, что въ отдѣльныхъ территоріяхъ императоръ не имѣетъ правительственой власти, конкурирующей съ властью мѣстнаго государя. Этимъ была окончательно устранена возможность приводить въ дѣйствіе общія распоряженія имперской власти, независимо отъ согласія отдѣльныхъ правительствъ [3]). Избирательныя капитуляціи повели дѣло дальше: онѣ не только оградили отдѣльныя государства отъ вмѣшательства имперской власти, но заставили послѣднюю служить цѣлямъ мѣстнаго верховенства. Такъ, въ капитуляціи помѣщаются обѣщанія, что подданные отдѣльныхъ государей будутъ понуждаемы имперскою властью къ должному повиновенію этимъ послѣднимъ, что мѣстнымъ земскимъ чинамъ (Landstände) не будетъ дозволено расширять свои права, и т. д.

Такимъ образомъ для единства Германской имперіи не доставало: 1) единства народнаго въ юридическомъ смыслѣ, то-есть, общно-

[1]) Первая капитуляція относится ко времени Карла V, 1519 г.

[2]) Право войны и мира было, впрочемъ, признано за ними по Аугсбургскому договору 1533 г.

[3]) Изъ этого правила были сдѣланы ничтожныя и немногочисленныя исключенія. Они извѣстны подъ именемъ jura reservata, Reservatrechte, то-есть, правъ, которыя императоръ осуществлялъ независимо отъ мѣстныхъ властей. Нѣкоторыми онъ пользовался лично (jura reservata illimitata), другими — по согласію съ сеймомъ, или по крайней мѣрѣ, съ курфирстами. Какъ обширны были эти права, видно изъ слѣдующаго: подъ jura reservata illimitata разумѣли право возводить въ дворянское достоинство и жаловать ученымъ корпораціямъ университетскія привиллегіи.

сти нѣкоторыхъ правъ и обязанностей по отношенію къ цѣлому; народъ зналъ почти единственно мѣстное подданство и гражданство;

2) сильной центральной власти, законы и распоряженія которой относительно общихъ интересовъ имѣли бы дѣйствительное преимущество предъ распоряженіями и законами мѣстныхъ правительствъ;

3) постоянныхъ и достаточныхъ средствъ для приведенія въ дѣйствіе общихъ законовъ и распоряженій.

Отрѣшенная отъ націи, стѣсненная верховенствомъ мѣстныхъ правительствъ, Германская имперія могла существовать и существовала по стольку, по скольку она удовлетворяла интересамъ отдѣльныхъ правительствъ, ее составлявшихъ. Отъ воли этихъ 355 самодержцевъ Германіи зависѣло бытіе или небытіе имперской власти. Безъ труда можно замѣтить, что ни одно изъ этихъ правительствъ не было прямо заинтересовано существованіемъ и процвѣтаніемъ федераціи. Домъ Габсбурговъ, постоянно облекаемый императорскимъ достоинствомъ, заботливо выдѣлялъ свои коронныя не нѣмецкія земли изъ состава имперіи, и для нѣмецкихъ земель выговаривалъ обширныя привиллегіи; затѣмъ, имперія разсматривалась какъ средство обезпечить преобладаніе этой династіи въ европейской политикѣ. Прочія государства видѣли въ имперіи учрежденіе обременительное и безполезное; имперія была слишкомъ слаба, чтобы доставить истинную защиту всѣмъ членамъ ея, но нерѣдко требовала пожертвованій, несогласныхъ съ частными интересами отдѣльнаго владѣтеля. Притомъ, этотъ „общій интересъ", требовавшій жертвъ, часто оказывался замаскированнымъ интересомъ отдѣльнаго члена имперіи, достаточно сильнаго, чтобы подчинить себѣ остальныхъ. Первое сильное испытаніе должно было раскрыть внутреннюю несостоятельность имперіи; такимъ испытаніемъ было столкновеніе съ французскою революціей, повлекшее за собою рядъ войнъ съ республикой и паденіе Священной Римской имперіи.

II.

Ближайшія причины паденія Священной Римской имперіи. — Столкновеніе съ Французскою республикою. — Коалиція 1792 г. — Политика Пруссіи. — Базельскій миръ. — Униженіе Австріи. — Отношеніе южно-германскихъ государствъ къ Франціи. — Кампанія 1805 г. — Рейнскій союзъ. — Столкновеніе и война съ Пруссіей 1807 г. — Расширеніе предѣловъ Рейнскаго союза. — Отношеніе его къ Наполеону.

Столкновеніе полуфеодальной Германіи съ революціонною Франціей было неизбѣжно. Въ 1789 году начались уже взаимныя неудоволь-

ствія; постепенно подготовлялась коалиція для борьбы съ революціей и на защиту законныхъ властей. Наконецъ, 20-го апрѣля 1792 года была объявлена война между Франціей, съ одной, и Австріей и Пруссіей — съ другой стороны.

Здѣсь, конечно, не мѣсто слѣдить за ходомъ войны. Въ данномъ случаѣ важно отношеніе двухъ главныхъ германскихъ державъ къ интересамъ имперіи и отношеніе послѣдней къ европейской войнѣ.

Вопервыхъ, война была возбуждена первоначально Австріей и Пруссіей; она сдѣлалась имперскою только въ 1793 году, вслѣдствіе постановленія сейма, ратификованнаго 30-го апрѣля этого года. Вовторыхъ, послѣ того какъ война сдѣлалась имперскою, отдѣльныя правительства считали себя въ правѣ дѣйствовать независимо отъ сейма и общаго согласія. Первый примѣръ былъ поданъ королемъ Прусскимъ. Отвлекаемый происшествіями въ Польшѣ, онъ поспѣшилъ заключить съ Французскою республикою отдѣльный миръ въ Базелѣ (1795 г.). Примѣру Пруссіи вскорѣ послѣдовали Виртембергъ, Баденъ, Баварія и Гессенъ-Кассель. Распорядительницей „имперской“ войны осталась Австрія. Вынужденная заключить миръ въ Кампоформіо (1797 г.), она поспѣшила сдѣлать Франціи значительныя уступки на счетъ имперіи и увеличить нѣсколько свои династическія владѣнія. Мирный конгрессъ, долженствовавшій окончательно опредѣлить отношенія новой республики къ Священной Римской имперіи, собрался въ Раштатѣ (ноябрь 1797 г.); но въ 1799 году разошелся по случаю новой войны.

Двумя битвами — при Маренго и Гогенлинденѣ, былъ рѣшенъ исходъ войны. Она была прекращена Люневильскимъ миромъ (февраль 1801 г.), который императоръ заключилъ за себя (то-есть, за Австрію) и за имперію, съ разными извиненіями и ссылками на намѣренія Раштатскаго конгресса. На этотъ разъ потери имперіи были громадны. Она уступила Франціи лѣвый берегъ Рейна, то-есть, 1.150 кв. миль съ 3-мя слишкомъ милліонами жителей; великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій должны были получить удовлетвореніе за потерянныя ими владѣнія въ Германіи; кромѣ того, въ Германіи же должны были получить вознагражденіе государи, лишившіеся своихъ владѣній, вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна. Австрія была вознаграждена Венеціанскою областью и нѣкоторыми другими землями.

Понятно, какую смуту вносилъ Люневильскій трактатъ въ Германію вслѣдствіе обязанности вознагражденія потерпѣвшихъ владѣльцевъ. Чрезвычайной имперской депутаціи, созванной для этой цѣли

въ Регенсбургѣ, трудно было удовлетворить всѣ притязанія, особенно если принять въ разчетъ, что она дѣйствовала подъ строгимъ контролемъ французскихъ уполномоченныхъ. Ея труды были окончены и утверждены въ 1803 году. Множество членовъ имперіи изчезло изъ новаго росписанія государствъ. Такъ какъ коммиссія приняла за правило вознаграждать свѣтскихъ владѣльцевъ на счетъ духовныхъ, то изъ всѣхъ владѣтельныхъ прелатовъ осталось только 6. Между ними не было уже древнихъ архіепископствъ Майнцскаго, Кельнскаго и Трирскаго. Изъ 51 вольнаго города осталось 6; 45 городовъ были розданы отдѣльнымъ государямъ.

Съ тѣхъ поръ политика Франціи относительно Германіи была поставлена въ очень опредѣленныя условія. Для германскихъ государей въ старой федераціи не было уже твердой точки опоры. Австрія и Пруссія отдѣлили свою политику отъ интересовъ имперіи; второстепенныя государства, какъ Виртембергъ и Баварія, стремились къ утвержденію и разширенію своей независимости и державности, дозволяя себѣ при этомъ явныя нарушенія правъ прочихъ „непосредственныхъ“ [1]); мелкія государства, обреченныя на поглощеніе, нигдѣ не видѣли надежныхъ гарантій ихъ поколебленнаго права. Все побуждало среднихъ и мелкихъ государей обращаться къ содѣйствію могущественной Франціи. Среднія государства ждали отъ нея укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія своего верховенства, мелкія — какой-нибудь гарантіи своего существованія. Необходимость *новаго союза*, независимаго отъ безсильной Германской имперіи, союза, способнаго сколько-нибудь обезпечить общее право, вошла во всеобщее сознаніе. Поговаривали о перенесеніи императорско-германскаго достоинства на Наполеона. Францъ II Австрійскій уже въ 1804 году предвидѣлъ конецъ имперіи и обезпечилъ себя, на этотъ случай, провозглашеніемъ Австрійской монархіи имперіей, а себя императоромъ Австрійскимъ ($^{14}/_{2}$ августа 1804 года).

Событія, подготовлявшія новый союзъ, быстро слѣдовали одно за

[1]) *Тьеръ*, Hist. de l'empire, т. I, стр. 262 и слѣд. (изд. 1865 г.). Вотъ небольшой образчикъ того, что происходило въ Германіи: «Le roi de Wurtemberg, ne gardant aucune mesure avait usurpé les terres de la noblesse immédiate, tant celle qui avaient cette qualité que celle qui ne l'avaient pas. Il s'était arrogé plus que les droits du souverain territorial, et il avait saisi beaucoup de chateaux de la noblesse, comme s'il en eut été le véritable propriétaire... Les maisons de Baden et de Bavière, molestées par lui et autorisées par son exemple, commetaient les mêmes excès dans leurs circonscriptions».

другимъ. Въ 1805 году составилась новая коалиція противъ Франціи— изъ Россіи, Англіи и Австріи. На этотъ разъ Виртембергъ, Баварія и Баденъ были уже на сторонѣ Франціи. Исходъ этой кампаніи извѣстенъ. Несчастная капитуляція при Ульмѣ (17-го октября) и битва при Аустерлицѣ (2-го декабря 1805 г.) принудили Австрію заключить Прессбургскій миръ (26-го декабря 1805 г.). Теперь Австрія потеряла много и на собственный счетъ. Баварія, Виртембергъ и Баденъ были награждены побѣдителемъ. Кромѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, Баварія и Виртембергъ были возведены на степень королевствъ, и за всѣми тремя государствами была признана полнота державныхъ правъ (la plénitude de la souveraineté).

Это обстоятельство усилило и безъ того великую неопредѣленность отношеній между государствами западной Германіи. Новыя королевства были достаточно сильны и независимы для угнетенія слабѣйшихъ, и они широко пользовались этою возможностію; но акты насилія еще не основывали для нихъ опредѣленнаго права. Мелкія государства и имперское рыцарство съ ужасомъ помышляли о своей судьбѣ и тщетно искали средствъ защиты въ омертвѣвшей имперіи. Для тѣхъ и другихъ единственнымъ выходомъ было образованіе новаго союза подъ покровительствомъ Французскаго императора.

Такимъ учрежденіемъ и былъ *Рейнскій союзъ*. Совѣщанія объ этомъ предметѣ начались уже въ мартѣ 1806 года. Затѣмъ 12-го іюля былъ подписанъ актъ новой конфедераціи [1]), а 25-го того же мѣсяца послѣдовалъ въ Мюнхенѣ обмѣнъ ратификацій [2]).

Цѣлью Рейнскаго союза было охраненіе внѣшняго и внутренняго мира въ южной Германіи. По формѣ своей онъ былъ международнымъ союзомъ государствъ, державность которыхъ была подтверждена трактатомъ. Но онъ произвелъ новую революцію во взаимныхъ отношеніяхъ германскихъ государствъ; благодаря ему, раздробленная Германія начала группироваться въ государства большаго объема. Рейн-

[1]) Acte de la confédération du Rhin ou *traité* entre S. M. l'Empereur des Français et les membres de l'empire Germanique denommés, conclu à Paris le 12 Juillet 1806.

[2]) Первоначальный союзъ состоялъ изъ 16-ти членовъ: королей Баварскаго и Виртембергскаго, князя-примаса (Дальбергъ), великихъ герцоговъ Баденскаго, Бергскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго, герцоговъ Нассау-Узингенскаго, Гехингенскаго и Аренбергскаго, князей Нассау-Вейльбургскаго, Гогенцоллернъ-Зингморнигенскаго, Сольмъ-Сальмъ, Сальмъ-Кирбургскаго, Изенбургъ-Бирштейнскаго, Лейнскаго и Лихтенштейнскаго.

скій трактатъ раздѣлилъ владѣнія, заключавшіяся въ территоріи новаго союза, на два разряда. Къ первому разряду были отнесены самостоятельные члены союза, за которыми была признана полная державность, съ ея четырьмя признаками: правомъ законодательства, верховной юрисдикціи, высшей полиціи и воинской конскрипціи [1]. Ко второму разряду были отнесены владѣнія, не имѣвшія суверенныхъ правъ, а потому подчиненныя, въ государственномъ отношеніи, одному изъ самостоятельныхъ государствъ. За ними были признаны нѣкоторыя владѣльческія и феодальныя права, не принадлежащія существенно къ правамъ державнымъ [2]. Такъ образовалось впервые сословіе *медіатизированныхъ* князей, занимавшихъ среднее мѣсто между массою подданныхъ и независимыми государями. Членами союза считались одни суверенные государи. Владѣнія ихъ быстро увеличивались. Достаточно замѣтить, что новое герцогство Гессенъ-Дармштадтское составилось изъ владѣній, принадлежавшихъ прежде 30-ти владѣльцамъ.

Въ сѣверной Германіи новый союзъ былъ принятъ за угрозу ея самостоятельности. Декларація Наполеона I отъ 1-го августа 1806 года [3] и актъ отреченія Франца II отъ германской императорской короны довершили смятеніе. Еслибы въ имперіи были еще какія-нибудь жизненныя силы, актъ Франца II не могъ прекратить ея существованія. Съ юридической точки зрѣнія не все содержаніе этого акта могло имѣть законную силу. Францъ II могъ сложить съ себя званіе Германскаго императора; но какое право имѣлъ онъ объявить не существующими имперію и ея учрежденія? На основаніи законовъ страны, въ случаѣ отреченія императора, престолъ дѣлался вакантнымъ, какъ послѣ его смерти; управленіе имперіей, впредь до избранія новаго императора, переходило къ имперскимъ викаріямъ, Reichsvikarien [4]. Поэтому, вслѣдъ за отреченіемъ Франца, уцѣлѣвшій викарій имперіи — курфирстъ Саксонскій, долженъ былъ бы вступить въ отправленіе своей обязанности, созвать коллегію курфирстовъ и прочія коллегіи сейма. Но изъ историческихъ документовъ не видно,

[1] Legislation, juridiction suprême, haute police, conscription militaire.

[2] Droits seigneuriaux et féodaux non essentiellement inhérens à la souveraineté. Въ первоначальномъ союзѣ было 72 такія владѣнія.

[3] См. выше.

[4] Викаріатъ имперіи принадлежалъ двумъ государямъ — пфальцграфу Рейнскому и герцогу Саксонскому. Въ италіанскихъ земляхъ викаріатъ принадлежалъ герцогу Савойскому.

чтобы кому-нибудь пришла въ голову такая мысль. Сѣверная Германія, не вошедшая въ составъ Рейнскаго союза, не думала о сопротивленіи. Она безмолвно покорилась рѣшенію Франца и стала думать объ основаніи *Сѣверо-Германскаго* союза. Во главѣ этого предпріятія стояла Пруссія. Гаугвицъ, до тѣхъ поръ покорный искатель милостей Наполеона, 21-го августа 1806 года предложилъ саксонскому правительству планъ учрежденія Сѣверо-Германскаго имперскаго союза (eines Norddeutschen Reichsbundes). Но этотъ планъ не имѣлъ другихъ послѣдствій, кромѣ униженія Пруссіи и увеличенія объема Рейнскаго союза.

Пруссія, послѣ Базельскаго мира (1795 г.), не только соблюдала строгій нейтралитетъ, но усердно искала дружбы и покровительства Наполеона. Повелитель Европы позволилъ ей занять Ганноверъ, владѣніе которымъ и было утверждено за нею 15-го августа 1806 года. Но въ октябрѣ того же года послѣдовалъ разрывъ между двумя державами. Пруссія и Россія заключили союзъ противъ императора Французовъ. Компанія окончилась столь же быстро, какъ и война 1805 года. Битвы подъ Іеной и Ауэрштедтомъ, Фридландомъ принудили союзниковъ заключить Тильзитскій миръ (9-го іюля 1807 г.). Пруссія была низведена на степень второклассной державы; территорія ея уменьшена на половину. Другія обременительныя условія надолго лишили ее возможности предпринять что-либо для самостоятельности Германіи и собственнаго спасенія. Прочія государства одно за другимъ присоединялись къ Рейнскому союзу. Къ нему принадлежали теперь всѣ государства бывшей Германской имперіи, за исключеніемъ Австріи, Пруссіи, Шведской Помераніи и Гольштейна. Не смотря на признанный Парижскимъ договоромъ суверенитетъ отдѣльныхъ государей Рейнскаго союза, дѣйствительнымъ повелителемъ его былъ Наполеонъ, управлявшій имъ чрезъ своего намѣстника, архиканцлера Дальберга. До чего доходило самовластіе Наполеона, видно, между прочимъ, изъ того, что въ 1810 году опредѣленіемъ французскаго сената (senatusconsulte organique) часть территоріи Рейнскаго союза была присоединена къ Франціи, въ качествѣ нѣсколькихъ ея департаментовъ. Сеймъ членовъ союза, мѣстопребываніе котораго было назначено во Франкфуртѣ, никогда не открывался. Распоряженія Французскаго императора замѣняли волю союза.

Такъ пала Германская имперія, не поддержанная ни однимъ изъ ея членовъ и не оплаканная народомъ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе, начатой Россіей (1813 года), воспоминанія объ имперіи не

были и не могли быть нравственнымъ знаменемъ, сбиравшимъ народныя силы. Правительства сражались за свою независимость, народъ шелъ противъ иноземцевъ, обременявшихъ его военными постоями и контрибуціями, никто не выступилъ въ борьбу за „Священную Римскую имперію Германскаго народа". Правда, въ сознаніи германскаго общества, экзальтированнаго проповѣдью Арндта и Фихте, носилось представленіе объ общемъ отечествѣ — единой Германіи. Но ни сами проповѣдники, ни ихъ послѣдователи не думали давать освобожденному отечеству средневѣковыхъ формъ погибшей имперіи. Форма новой Германіи, освобожденной войною 1813 — 1814 годовъ, была загадкою для всѣхъ руководителей великаго движенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германскій союзъ. Его образованіе и устройство (1815—1866 гг.).

I.

Воззваніе къ войнѣ за освобожденіе. — Его неопредѣленность и причины этой неопредѣленности. — Настроеніе германскаго общества. — Стремленія правительствъ. — Вѣнскій конгрессъ. — Баронъ Штейнъ и его планы. — Положеніе Штейна на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Прусскій проектъ. — «Комитетъ пяти». — Протестъ 29 и Гансъ Гагернъ. — «Сто дней». — Новое направленіе конгресса. — Неудача Вильгельма Гумбольдта. — Проектъ Меттерниха. — Заключительная конференція. — «Союзный актъ». — Первый сеймъ 1816 года и его ложное положеніе.

Калишская прокламація, призывая народы Германіи къ войнѣ за освобожденіе, обѣщала имъ возвращеніе свободы и независимости и возрожденіе ихъ достопочтенной имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашалось, что исполненіе этого великаго труда будетъ принадлежать исключительно государямъ и народамъ Германіи, дабы будущій союзъ могъ выйдти изъ самобытнаго духа Германскаго народа обновленнымъ, полнымъ жизни и единства.

Нельзя сказать, чтобъ это обѣщаніе отличалось опредѣленностью во всѣхъ своихъ частяхъ, и чтобы, затѣмъ, опредѣленныя его части были выполнены.

Вопервыхъ, прокламація говорила о возрожденіи „достопочтенной" имперіи, слѣдовательно, по видимому, о возстановленіи очень опредѣленнаго государственнаго типа. Но вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ о необходимости обновленія этого зданія путемъ свободной и совмѣстной работы государей и народовъ. Что могло выйдти изъ этого

пересмотра старыхъ установленій, конечно, никто не могъ предвидѣть. Опредѣленная сторона прокламаціи состояла въ обѣщаніи, что переустройство Германіи будетъ ея домашнимъ дѣломъ, свободнымъ отъ чужеземнаго вмѣшательства. Но это обѣщаніе не было выполнено вполнѣ, потому что мы не видимъ никакого участія народовъ въ образованіи новаго устройства Германіи вплоть до 1848 года. Трудно, конечно, обвинять прокламацію за общность и неисполнимость нѣкоторыхъ ея обѣщаній. Предпринимая европейскую войну, Русскій императоръ и Прусскій король должны были имѣть въ виду различныя политическія стремленія, укрѣпившіяся уже въ Германіи; необходимо было поощрять одни, не оскорбляя другихъ.

Германское общество, народъ, возставая противъ французскаго владычества, вовсе не были врагомъ новыхъ политическихъ идей, выработанныхъ Франціей и разносимыхъ ея войсками по Европѣ. Начало гражданскаго равенства, обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ, новыя формы суда не были явленіями, къ которымъ можно было бы относиться враждебно. Новыя начала прочно прививались во многихъ государствахъ, подпадавшихъ французскому владычеству, или вліянію. Неудовольствіе противъ средневѣковыхъ порядковъ было сильно. Либеральные министры, какъ, напримѣръ, *Штейнъ* въ Пруссіи, понимали, что возрожденіе Германіи невозможно безъ кореннаго измѣненія ея гражданскаго быта. Руководители общественнаго мнѣнія, какъ, напримѣръ, Фихте, были проникнуты уваженіемъ къ новому политическому строю. Притомъ должно принять во вниманіе, что народная война, какою была война 1813—1814 годовъ, всегда возвышаетъ народъ въ собственномъ мнѣніи, возбуждаетъ въ немъ законное чувство самоуваженія и естественно расширяетъ его требованія. Народъ, возстановившій то, что̀ было утрачено неспособными и своекорыстными правительствами, конечно, не можетъ довольствоваться положеніемъ, какое занимали низшіе классы въ средневѣковомъ порядкѣ. Словомъ, французская пропаганда и великія событія войны за освобожденіе воспитали новое германское общество, ни въ чемъ не похожее на общество временъ Карла VI и Фридриха-Вильгельма I Прусскаго. Оно имѣло и могло имѣть желанія, независимо отъ направленія правительственной политики. Желанія эти, въ массѣ и въ общихъ чертахъ, опредѣлялись событіями и бѣдствіями послѣднихъ годовъ. Безпомощность Германіи предъ силою внѣшняго врага, эгоистическій партикуляризмъ, приводившій въ итогѣ къ необходимости учрежденій въ родѣ Рейнскаго союза, обособленіе двухъ главныхъ

Германскихъ государствъ — Австріи и Пруссіи — отъ интересовъ общегерманской политики, — все это наглядно показывало необходимость сильной центральной и притомъ вполнѣ національной власти. Затѣмъ времена Рейнскаго союза показали, какіе результаты даетъ чрезмѣрное усиленіе мѣстныхъ династій для общественныхъ правъ. Знаменитый Штейнъ въ правѣ былъ говорить о „султанизмѣ" мѣстныхъ династовъ. Были, конечно, почтенныя исключенія, къ числу которыхъ относилось Баденское великое герцогство, усвоившее себѣ либеральное направленіе. Но прочіе члены Рейнскаго союза воспользовались своею souveraineté pleine et entière для устраненія даже тѣхъ формъ народнаго представительства, какія были выработаны средними вѣками. Партикуляризмъ и общественная свобода сдѣлались понятіями враждебными; только въ сильной центральной власти видѣли средство обезпеченія послѣдней.

Но нельзя сказать, чтобъ эти стремленія вызывали въ общественномъ сознаніи какой-нибудь твердый и опредѣленный планъ политической реформы. Общественныя стремленія не успокоивались на формулахъ политическаго катехизиса, выработаннаго французскою революціей. Романтизмъ, съ его фантастическимъ поклоненіемъ среднимъ вѣкамъ, уже вступалъ въ свои права. Образъ „Священной Римской имперіи", сильно идеализированный, воспѣваемый, какъ время благоденствія и свободы, возбуждалъ общественныя симпатіи. Отвращаясь, какъ это часто бываетъ, отъ имперіи знакомой и опозоренной событіями послѣднихъ лѣтъ, общественная фантазія прилѣплялась къ давно минувшей имперіи, вышедшей непосредственно изъ „лѣсовъ" старой Германіи.

Еще болѣе затрудненій представляли практическія средства къ осуществленію германскаго единства.

Вопервыхъ, послѣ многочисленныхъ передѣлокъ карты Европы вообще, и карты Германіи въ особенности, въ эпоху могущества Наполеона I, не мало затрудненій представлялъ вопросъ, какія земли должны быть отнесены и въ какой степени къ „общему отечеству?"

Вовторыхъ, съ самаго начала войны, союзники признали и вынуждены были признать „совершенную независимость и полноту самодержавія" нѣкоторыхъ германскихъ государствъ, приступившихъ къ первоначальной коалиціи [1]. Такое признаніе получили Баварія (до-

[1]) Первоначальный союзъ для веденія войны съ Наполеономъ былъ заключенъ между Россіей и Пруссіей (февраль 1813 г.); Австрія пристала къ союзу позже (договоръ въ Тёплицѣ, 9-го сентября 1813 г.).

говоръ въ Ридѣ, 8-го октября 1813 г.) и Виртембергъ (договоръ въ Фульдѣ, 2-го ноября 1813 г.). Прочія германскія государства получили подобныя же обѣщанія, съ тою, впрочемъ, существенною оговоркою, что ихъ правительства должны были „сообразоваться съ обязательствами, какихъ потребуетъ порядокъ вещей, который будетъ установленъ для поддержанія независимости Германіи“ [1]).

Съ признаніемъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, приступившихъ къ союзу, форма „порядка вещей“, предсказаннаго Франкфуртскимъ договоромъ, опредѣлялась уже въ общихъ чертахъ. Затѣмъ, VI статья Парижскаго договора постановляла: „Германскія государства будутъ самостоятельны и соединены федеративною связью“ (par un lien fédératif). Окончательно судьба Германіи должна была рѣшиться на Вѣнскомъ конгрессѣ; было условлено только, что опредѣленіе формы союза предоставляется уполномоченнымъ германскихъ государствъ, какъ домашнее дѣло Германіи. Предоставить составленіе германской конституціи уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ значило, конечно, устранить общество отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Можно было спросить—какъ эта конституція выйдетъ aus dem ureignen deutschen Geiste, согласно обѣщанію Калишской прокламаціи?

Конечно, коренныя желанія германскаго общества могли быть осуществлены и чрезъ дипломатовъ; но это зависѣло отъ настроенія послѣднихъ, и потому необходимо бросить взглядъ на характеръ лицъ, руководившихъ этимъ важнымъ дѣломъ.

На первомъ планѣ должно поставить человѣка, не состоявшаго въ числѣ уполномоченныхъ какой-либо державы, но который, какъ про него говорили, по личному вліянію своему, самъ былъ державой. Это — бывшій прусскій министръ баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ Штейнъ [2]). Можетъ-быть, изъ всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ имѣлъ наиболѣе твердыя убѣжденія, которымъ, впрочемъ, не всегда соотвѣтствовала опредѣленность плановъ ихъ осуществленія. Трудно охарактеризовать дѣятельность этого великаго человѣка въ немногихъ словахъ: характеристика эта не можетъ быть исчерпана указаніемъ на два-три факта. Предѣлы нашего труда обязываютъ, однако, къ краткости.

[1]) Франкфуртскій договоръ, ноябрь и декабрь 1813 г.

[2]) Род. въ 1757 г., ум. въ 1831 г. Въ моментъ открытія Вѣнскаго конгресса ему было 57 лѣтъ. Лучшая біографія Штейна принадлежитъ Пертцу (Pertz), Das Leben des Ministers v. Stein.

Независимый и богатый аристократъ по рожденію, онъ не раздѣлялъ, однако, воззрѣній и міросозерцанія имперскаго рыцарства, видѣвшаго въ своихъ мѣстныхъ вольностяхъ и личныхъ преимуществахъ конечную цѣль существованія имперіи. Штейнъ былъ одинъ изъ первыхъ общегерманскихъ патріотовъ и рѣшительный врагъ партикуляризма. Далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ угадалъ общегерманское значеніе Пруссіи. Въ силѣ этого государства онъ видѣлъ залогъ будущей силы Германіи. Личность Фридриха II возбуждала въ немъ удивленіе и уваженіе. Съ 1780 года онъ вступилъ въ прусскую службу и посвятилъ свои силы этому государству. Но въ 1807 году онъ принужденъ былъ оставить на время прусскую службу, по личному неудовольствію короля. Замѣчательно, что послѣ Іенской катастрофы и при заключеніи Тильзитскаго мира, Наполеонъ самъ рекомендовалъ Штейна прусскому королю, какъ человѣка „умнаго". Недавно уволенный, Штейнъ сдѣлался первымъ министромъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью возродить униженную Пруссію чрезъ возрожденіе народа. Этой великой цѣли онъ не думалъ достигнуть чрезъ всемощную опеку государства. Штейнъ негодовалъ на феодальныя привиллегіи столько же, сколько и французскіе революціонеры; но онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ французскихъ революціонныхъ идей, принявшихъ черезъ-чуръ бюрократическую форму въ новомъ государственномъ устройствѣ. Понятно само собою, что Штейнъ съ неменьшимъ неудовольствіемъ относился и къ прусской бюрократіи [1]). Возрожденіе Пруссіи, по его мнѣнію, должно было совершиться чрезъ призваніе народа къ самодѣятельности. Вотъ какъ онъ самъ выражалъ тогда свою мысль: „Навязчивое вмѣшательство государственныхъ установленій въ частныя и общинныя дѣла должно прекратиться; мѣсто его займетъ дѣятель-

[1]) Нельзя не привести здѣсь мнѣнія Штейна объ этомъ предметѣ. «Наше несчастье», писалъ онъ, «въ томъ, что мы управляемся оплачиваемыми книжно, учеными, не имѣющими собственности и интересовъ бюрократами (Buroliſten)... Эти четыре слова: beſoldet, buchgelehrt, intereſſelos, eigenthumslos — содержатъ въ себѣ смыслъ нашей бездушной правительственной машины. Пусть идетъ дождь, или свѣтитъ солнце, пусть увеличиваются или уменьшаются подати, пусть уничтожаются или остаются неприкосновенными старыя обычныя права, пусть «теоретизируютъ» всѣхъ крестьянъ въ поденщиковъ и подставляютъ на мѣсто крѣпостной зависимости землевладѣльцу такую же крѣпостную зависимость отъ жидовъ и ростовщиковъ, — ничто ее не безпокоитъ. Они получаютъ свое содержаніе изъ государственнаго казначейства и пишутъ, пишутъ, пишутъ въ тихихъ и снабженныхъ крѣпко запертыми дверями бюро и воспитываютъ своихъ дѣтей въ такія же удобныя пишущія машины».

ность гражданина (des Bürgers), который живетъ не въ формахъ и въ бумагѣ, но дѣйствуетъ крѣпко (kräftig handelt), *потому что его* отношенія зовутъ его въ дѣйствительную жизнь и заставляютъ его принимать участіе въ вихрѣ человѣческихъ дѣлъ.... Если нація поднялась надъ состояніемъ чувственности [1]), если она пріобрѣла значительную массу свѣдѣній и пользуется въ достаточной степени свободою мысли, — она обращаетъ вниманіе на свои національныя и общинныя дѣла. Если ей даютъ въ нихъ участіе — обнаруживаются благотворныя выраженія любви къ отечеству и общественнаго духа; если ей отказываютъ въ такомъ участіи — порождается неудовольствіе и досада, которыя или обнаруживаются различными вредными способами, или должны быть подавляемы насильственными мѣрами, обезсиливающими духъ. Рабочіе и средніе классы гражданскаго общества принижаются [2]), такъ какъ ихъ дѣятельность направляется *исключительно* на пріобрѣтеніе и потребленіе; высшіе классы падаютъ въ общественномъ уваженіи, вслѣдствіе страсти къ наслажденіямъ и праздности, или дѣйствуютъ вредно чрезъ необузданное и безсмысленное порицаніе правительства".

Заявленія Штейна не ограничились словами. Реформы, имѣвшія цѣлью создать и организовать народную силу, слѣдовали одна за другою и, на сколько это позволяло кратковременное министерство Штейна, положили начало обновленію Пруссіи. Уничтоженіе феодальной зависимости крестьянъ, отмѣна стѣснительныхъ мѣръ относительно пріобрѣтенія поземельной собственности всѣми классами, отмѣна нѣкоторыхъ монополистическихъ корпорацій и, наконецъ, новое городовое положеніе, расширившее условія мѣстнаго самоуправленія,— таковы были первыя реформы великаго министра. Постепенно онъ хотѣлъ организовать народное представительство. Но различныя обстоятельства, и главнымъ образомъ, вліяніе Наполеона, который понялъ теперь рекомендованнаго имъ „homme d'esprit", принудили Штейна не только оставить министерство, но и бѣжать въ Россію (конецъ 1808 и начало 1809 гг.).

Въ изгнаніи Штейнъ имѣлъ одну цѣль — освобожденіе Германіи. Пользуясь расположеніемъ императора Александра I, онъ настойчиво ходатайствовалъ въ пользу своего отечества. Напрасно противники

[1]) Der Sinnlichkeit, то-есть, грубыхъ матеріальныхъ интересовъ.

[2]) Въ подлинникѣ werden verunedelt, буквально: оподляются. Но этотъ терминъ, конечно, не точно выражаетъ общій смыслъ нѣмецкаго слова.

его (изъ соотечественниковъ) упрекали его въ узкомъ пруссофильствѣ. „Я имѣю одно только отечество“, писалъ онъ къ графу Мюнстеру [1]),— „именно Германію“. Но можетъ-быть обвиненія, направленныя противъ него, были справедливы въ томъ смыслѣ, что онъ склонялся къ тому мнѣнію, что организація освобожденной Германіи требуетъ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ *переходной* мѣры, подчиненія мелкихъ государствъ двумъ главнымъ державамъ—Австріи и Пруссіи. Во всякомъ случаѣ всѣ его планы (а онъ составилъ ихъ довольно много во время изгнанія) проникнуты двумя основными началами: 1) сознаніемъ необходимости обезпечить при помощи сильной союзной власти нѣкоторыя основныя права (Grundrechte) для всего Германскаго народа и точно опредѣленныя права земскаго представительства (Landstände); 2) сознаніемъ необходимости ограничить, на сколько возможно, силу партикуляризма мелкихъ и среднихъ государствъ.

Съ этими идеями Штейнъ явился на Вѣнскій конгрессъ. Нѣкоторыя обстоятельства обѣщали ему поддержку: личное къ нему уваженіе всѣхъ государственныхъ людей, дружба императора Александра, и наконецъ, тотъ фактъ, что представителями Пруссіи на конгрессѣ были князь Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, раздѣлявшіе воззрѣнія его на внѣшнюю и внутреннюю политику [2]). Кромѣ того, союзники были согласны въ томъ, что конституція Германіи должна быть составлена исключительно германскими уполномоченными.

Но Штейнъ, выросшій и окрѣпшій въ эпоху, которую справедливо называютъ временемъ борьбы гигантовъ, не безъ опасенія смотрѣлъ на общество, соединившееся въ Вѣнѣ по случаю конгресса. Занятое балами, театрами, загородными прогулками, маскарадами, оно мало думало о важныхъ своихъ задачахъ [3]). Онъ тогда же замѣтилъ, что настало время „мелочей и посредственныхъ людей“, и что дѣло кончится самымъ „плоскимъ“ образомъ. Конечно, въ царствѣ „посредственностей“, въ эпоху, когда всякій рѣшительный планъ былъ нелюбезенъ уже по одному тому, что онъ возмущалъ спокойствіе, къ

[1]) Извѣстный Ганноверскій министръ.

[2]) Князь Гарденбергъ, канцлеръ Прусскаго королевства, род. въ 1750, ум. въ 1822 г. Вильгельмъ Гумбольдтъ, братъ Александра Гумбольдта, род. въ 1767, ум. въ 1835 г., одинъ изъ основателей лингвистики; какъ публицистъ либеральной школы, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: «Ideen zu einem Versuche die Gränzen der Wirksammkeit des Staates zu bestimmen».

[3]) Этотъ *праздничный* характеръ Вѣнскаго конгресса превосходно изображенъ *Гервинусомъ* въ его Исторіи XIX столѣтія.

которому всѣ стремились, Штейнъ, человѣкъ другаго времени, не могъ соперничать съ княземъ Меттернихомъ, проповѣдникомъ политическаго эклектизма и пресловутаго равновѣсія [1]). Если мы будемъ говорить здѣсь о проектахъ прусскихъ уполномоченныхъ, то не потому, чтобъ они имѣли успѣхъ, но потому, что непринятіе ихъ основныхъ началъ раскрываетъ причину слабости германскаго союза и программу будущихъ преобразованій.

Штейнъ (въ этомъ состояла одна изъ его ошибокъ), руководясь неудобнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ отвращеніемъ къ мелкимъ государствамъ, настаивалъ, чтобы составленіе проекта конституціи было предоставлено соглашенію *пяти* главныхъ германскихъ государствъ—именно комитету уполномоченныхъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера и Виртемберга. Для этого комитета уже былъ заготовленъ проектъ, изъ 41 статьи, представленный Гарденбергомъ князю Меттерниху 13-го сентября 1814 года. Проектъ содержалъ въ себѣ: 1) требованіе гарантій гражданскихъ и политическихъ правъ для всей массы народонаселенія, 2) основныя начала организаціи союзнаго правительства и 3) требованіе общаго союзнаго суда (Bundesgericht).

Проектъ организаціи союзнаго правительства былъ приноровленъ къ политическимъ условіямъ того времени, которыхъ конгрессъ не могъ устранить, но хотѣлъ ихъ согласовать съ началомъ германскаго единства. Вопервыхъ, нужно было принять въ разчетъ величину, сравнительно съ другими государствами, Австріи и Пруссіи и ихъ соперничество, не дозволявшее подчинить одно государство другому въ будущемъ союзѣ; поэтому имъ предполагалось предоставить совмѣстную дирекцію (Directorium) въ союзѣ и въ сеймѣ. Вовторыхъ, нужно было удовлетворить притязаніямъ *среднихъ* государствъ и дать имъ роль, болѣе или менѣе видную; для этой цѣли предполагалось раздѣлить Германію на нѣсколько округовъ, дирекцію которыхъ предоставить государствамъ средней величины. Наконецъ, третьимъ элементомъ являлись мелкія государства и имперскіе чины. Такимъ образомъ, управленіе будущаго союза слагалось изъ трехъ установленій: директоріи, совѣта правителей округовъ и совѣта князей и сословій. Въ сущности проектъ воспроизводилъ организацію старой имперіи, только въ другихъ формахъ; легко замѣтить аналогію между властью императора и директоріей, совѣтомъ курфирстовъ и совѣтомъ окружныхъ правителей, совѣтомъ князей и сословій и совѣтомъ князей и коллегіей городовъ.

[1]) Род. въ 1773 г., ум. въ 1859 г.

Этотъ проектъ былъ „согласованъ" (koncertirt) по взаимному сношенію Пруссіи и Австріи. Результатомъ согласованія былъ проектъ въ 12 статьяхъ.

Меттерниховскій проектъ нѣсколько измѣнялъ территоріальный объемъ союза, сосредоточивалъ дирекціонную власть въ рукахъ одной Австріи и нѣсколько слабѣе высказывался относительно обезпеченія народныхъ правъ. Въ такомъ видѣ основанія будущаго союза были предложены на обсужденіе „комитета пяти", 16-го октября 1814 года. Не смотря на скромность изложенныхъ здѣсь требованій, Баварія и Виртембергъ нашли его слишкомъ стѣснительнымъ для мѣстнаго верховенства. Съ особенною силою протестовало Виртембергское правительство. Ему казалось немыслимымъ „создать изъ различныхъ народностей, напримѣръ, Пруссіи и Баваріи, такъ-сказать (so zu sagen), одинъ народъ". Затѣмъ оно считало посягательствомъ на права мѣстнаго правительства обезпеченіе союзнымъ актомъ какой-то minimum народныхъ правъ. То, что касается отношеній отдѣльнаго государя къ его подданнымъ, не можетъ быть предметомъ союзнаго законодательства. Мысль о союзномъ судѣ отвергалась совершенно. Не менѣе сильно протестовали два новыя королевства противъ преимуществъ, предоставляемыхъ Австріи и Пруссіи. Въ результатѣ предлагалось, что будущій союзъ долженъ быть союзомъ въ международномъ смыслѣ, то-есть, имѣть цѣлію охраненіе внѣшней безопасности. Одно только предложеніе прусско-австрійскаго проекта было любезно бывшимъ членамъ Рейнскаго союза — именно учрежденіе окружныхъ правительствъ, которыя казались наилучшимъ средствомъ постепенно „медіатизировать" мелкія государства въ пользу среднихъ. Самъ Меттернихъ горячо протестовалъ противъ такого направленія. 16-го ноября 1814 года уполномоченные Виртемберга объявили, что они выходятъ изъ комитета. Въ тотъ же день совершилось событіе, имѣвшее большое значеніе въ исторіи образованія Германскаго союза. Именно 25 князей и 4 города соединились между собою и подали сильный протестъ противъ дѣйствій „пяти".

Это событіе связано съ именемъ замѣчательнаго человѣка и постояннаго представителя интересовъ мелкихъ государствъ — именно *Ганса Гагерна* [1]). Трудно было найдти характеръ болѣе сложный и

[1]) Баронъ Гансъ-Христофъ-Эрнстъ Гагернъ, род. въ 1766, ум. въ 1852 г. Его не должно смѣшивать съ сыномъ его *Генрихомъ* Гагерномъ, съ дѣятельностію котораго въ событіяхъ 1848 года мы познакомимся ниже. Матеріалы для

вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе подвижной. Онъ принадлежалъ къ старому имперскому рыцарству и имѣлъ многіе его предразсудки; въ то же время онъ взросъ на либеральныхъ политическихъ идеяхъ школы Монтескье и постоянно отличался самымъ гуманнымъ направленіемъ. Въ его общественной жизни и сочиненіяхъ можно найдти довольно доказательствъ привязанности къ общему германскому отечеству и сознанія единства Германскаго народа. Его книга „Національная исторія Нѣмцевъ“ (Nationalgeschichte der Deutschen, 1812 года) была направлена именно къ возбужденію общегерманскаго патріотизма. Гёте сказалъ про ея автора: „Онъ хотѣлъ написать нѣчто большее чѣмъ книгу“ (der Mann wollte noch Etwas mehr als ein Buch schreiben). Въ эпоху Вѣнскаго конгресса онъ восклицалъ: „Я слышу, что нѣтъ Германіи. Но мнѣ кажется что мы доказали что таковая существуетъ— *Германія какъ Нѣмцы*, Германія, которую нельзя раздражать и оскорблять, Германія, имѣющая своего рода общественное мнѣніе“. Но съ другой стороны, онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ мелкихъ государствъ (der Kleinstaatterei). Лучшіе годы его политической дѣятельности ушли на спасеніе правъ Нассаускаго дома. Это заставило его войдти въ свое время въ тѣсныя сношенія съ Французскою имперіей, отъ которой фактически зависѣла судьба каждаго изъ мелкихъ государствъ. Въ Парижѣ онъ сблизился и подружился съ Талейраномъ, поддержкѣ котораго обязанъ былъ спасеніемъ и расширеніемъ Нассаускаго герцогства въ то время, какъ другія были поглощаемы или „медіатизированы“.

Въ эпоху Вѣнскаго конгресса такой политическій дѣятель, романтикъ, мечтавшій объ имперіи, сложенной изъ малыхъ державъ, былъ естественнымъ центромъ соединенія для мелкихъ государствъ, устраненныхъ пока (и несправедливо) отъ совѣщанія объ общегерманскомъ дѣлѣ. 14-го октября 1814 года [1]) собралъ онъ къ себѣ на квартиру представителей малыхъ державъ и побуждалъ ихъ, вопервыхъ, составить самостоятельный союзъ, и вовторыхъ, протестовать противъ произвольныхъ дѣйствій пяти державъ. Нельзя сказать, чтобы переговоры эти въ первое время приняли практическое и даже желательное направленіе. Рѣчь шла даже объ учрежденіи союза изъ однихъ среднихъ

біографіи Ганса Гагерна содержатся въ его воспоминаніяхъ: «Mein Antheil an der Politik» (Мое участіе въ политикѣ). См. также интересную статью *Трейчке*: «Hans von Gagern», помѣщенную въ его «Historische und Politische Aufsätze», первая серія, стр. 153—206, третьяго изданія.

[1]) Въ день перваго засѣданія «комитета пяти».

и мелкихъ государствъ, безъ Австріи и Пруссіи, гегемоніи которыхъ опасались. Но дѣломъ, задуманнымъ Гагерномъ, воспользовался Штейнъ. Недовольный ходомъ дѣлъ въ „комитетѣ пяти", онъ обратился къ составившемуся союзу мелкихъ государствъ съ цѣлью повліять на пентархію. 16-го ноября 1814 года они представили ноту, въ которой требовали допущенія ихъ къ составленію проекта. Основными условіями новаго государственнаго устройства они считали: 1) обезпеченіе гражданскихъ правъ и введеніе земскаго представительства, при чемъ существенными правами земскихъ чиновъ являлись: участіе въ законодательствѣ, право изъявлять согласіе на установленіе налоговъ, финансовый контроль и право жалобъ на злоупотребленія администраціи, и 2) возстановленіе императорскаго достоинства, съ измѣненіями, согласными съ требованіями времени; глава имперіи долженъ былъ быть „первымъ представителемъ Германскаго народа, твердый защитникъ конституціи и нѣмецкой свободы". Въ результатѣ заявленіе требовало, чтобы былъ положенъ конецъ „царству произвола".

Комитетъ пяти былъ распущенъ, но отъ этого дѣло не подвинулось. Съ 16-го ноября до февраля оно оставалось безъ движенія. Въ февралѣ 1815 года Австрія и Пруссія изъявили рѣшимость приступить къ составленію проекта съ участіемъ всѣхъ государствъ. Но въ это время подготовилось и совершилось событіе, вполнѣ неожиданное. 26-го февраля 1815 года Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и 1-го марта снова былъ во Франціи. 6-го марта лордъ Кестельри получилъ объ этомъ извѣстіе въ Вѣнѣ. Дипломаты, по нѣкоторымъ разчетамъ, скрыли это извѣстіе въ своемъ кругѣ до 11-го марта; но „въ ночь съ 11-го на 12-е великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ данныхъ на конгрессѣ баловъ былъ разстроенъ и прерванъ извѣстіемъ о появленіи Наполеона во Франціи [1])". Новость произвела потрясающее впечатлѣніе на государей и дипломатовъ. Она дала новый оборотъ переговорамъ о германской конституціи.

Результаты новаго кризиса въ этомъ отношеніи были двоякіе. Вопервыхъ, всѣ убѣдились въ необходимости такъ или иначе кончить съ этимъ дѣломъ скорѣе. Сама по себѣ подобная рѣшимость была даже желательна. Но печально было то, что по общему убѣжденію нужно было „въ виду современныхъ обстоятельствъ" ограничиться обсужденіемъ только *основныхъ началъ* конституціи, предоставивъ развитіе этихъ началъ „временамъ мирнымъ". Даже Штейнъ

[1]) *Шлоссеръ*, Исторія XVIII столѣтія.

и Гарденбергъ склонились къ этому мнѣнію. Между тѣмъ невыгода такого рѣшенія была очевидна. Ограничиваясь „общими началами", составители проекта конституціи могли ограничиться общими и неопредѣленными выраженіями, опасными всегда, а особенно въ эпоху безпредѣльной реакціи, когда всякая неопредѣленность могла быть истолкована въ пользу произвола. Вовторыхъ, кризисъ 1815 года далъ рѣшительный перевѣсъ реакціонной партіи на конгрессѣ. Гарденбергъ, Штейнъ и Гумбольдтъ колебались въ своихъ намѣреніяхъ, и въ эту минуту всеобщей паники голосъ князя Меттерниха рѣшилъ все дѣло.

Выработка „основныхъ началъ" продолжалась въ теченіе марта и апрѣля. Вильгельмъ Гумбольдтъ работалъ неутомимо. Еще прежде 10-го февраля, онъ представилъ два проекта [1]). Теперь онъ извлекалъ изъ нихъ основныя начала. Въ апрѣлѣ онъ представилъ проектъ, состоящій изъ 14 статей. Они содержали въ себѣ главныя конституціонныя гарантіи для всей націи и земскихъ представительствъ. И этотъ планъ былъ признанъ слишкомъ рѣшительнымъ. Въ переработанномъ видѣ онъ былъ переданъ прусскимъ правительствомъ князю Меттерниху. 7-го мая Австрія предложила свой „противопроектъ", и 11-го мая начались формальныя засѣданія уполномоченныхъ для согласованія двухъ проектовъ. При нѣкоторой настойчивости прусскихъ уполномоченныхъ, такого согласованія трудно было бы достигнуть по той причинѣ, что австрійскій проектъ радикально расходился съ главными началами прусскаго. Именно—Меттерниховскій проектъ [2]) отвергалъ раздѣленіе въ союзномъ правительствѣ законодательной и исполнительной власти, очень мало говорилъ о земскомъ представительствѣ, сокращалъ minimum основныхъ правъ Германскаго народа и т. д. Но прусскіе уполномоченные и дѣйствовавшій съ ними Ганноверскій министръ графъ Мюнстеръ, обнаружили теперь необыкновенную уступчивость. Эта „очистительная" работа кончилась къ 23-му мая, когда открылись окончательныя конференціи германскихъ уполномоченныхъ.

23-го мая собрались уполномоченные отъ германскихъ государствъ, но не въ полномъ составѣ. Мелкія государства были представлены

[1]) Разница между ними заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что въ одномъ предлагалось подраздѣленіе Германіи на округи, а въ другомъ нѣтъ. Но остальные параграфы были составлены въ смыслѣ, изложенномъ выше.

[2]) Выработанный при содѣйствіи *Вессенберга*.

только пятью лицами. Тотчасъ же открылись конференціи (кромѣ Виртемберга, который не принималъ участія въ совѣщаніяхъ и приступилъ къ союзу позже). Исходъ совѣщаній теперь не трудно было предвидѣть. Австрія ловко пользовалась несогласіемъ и соперничествомъ государствъ, доводила иногда раздоры до того, что конференція готова быта разойдтись [1]), и всегда умѣла дать перевѣсъ своимъ намѣреніямъ. Она имѣла, кромѣ того, усердныхъ помощниковъ.

Главные результаты совѣщаній были скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Они состояли или въ устраненіи, или въ ослабленіи того, что предлагалось нѣкогда прусскими проектами. Такъ, былъ устраненъ союзный судъ, который Вильгельмъ Гумбольдтъ считалъ заключительнымъ камнемъ зданія германскаго права. Относительно земскаго представительства конференція нашла слишкомъ рѣшительною статью, удержанную даже въ проектѣ Меттерниха: „Во всѣхъ союзныхъ государствахъ *должно* быть представительное устройство“ (landständische Verfassung). Конференція нашла болѣе удобнымъ замѣнить слова *должно быть* словомъ *будетъ* (wird вмѣсто soll) то-есть, предписаніе замѣнено предсказаніемъ [2]), которое могло не сбыться, и для большинства государствъ не сбылось. Изъ такъ-называемыхъ „основныхъ правъ“ націи признаны свобода *христіанскихъ* вѣроисповѣданій [3]) и общность нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ: права пріобрѣтенія поземельной собственности во всѣхъ государствахъ Германіи, права переселенія изъ одного германскаго государства въ другое, права вступленія на службу всякаго германскаго правительства и безпошлинный вывозъ имущества въ случаѣ переселенія въ предѣлахъ Союза (относительно такъ называемыхъ jus detractus и gabella emigrationis) [4]). Совокупность такихъ правъ дѣйствительно могла быть названа minimum'омъ, хотя не въ смыслѣ плановъ Штейна, Гарденберга и Гумбольдта. Правда XVIII и XIX статьи Союзнаго акта [5]) заключали въ себѣ еще указанія на нѣкоторыя важныя права и усло-

[1]) Какъ это случилось, напримѣръ, въ засѣданіи 5-го іюня.

[2]) Замѣчаніе профессора Эгиди.

[3]) То-есть, въ отношеніи гражданской правоспособности ихъ членовъ. См. союзный актъ, ст. XVI.

[4]) Тамъ же, ст. XVIII.

[5]) Мы разумѣемъ союзный актъ, подписанный въ Вѣнѣ 10-го іюня 1815 года. Другой основной законъ Германскаго союза — Вѣнскій заключительный актъ (Wiener Schlussakt), подписанный 15-го мая 1820 года.

вія гражданской жизни, именно на свободу печати и на торговыя условія между отдѣльными государствами Союза. Союзный актъ не установлялъ никакого опредѣленнаго minimum'а относительно какъ того, такъ и другаго предмета: онъ только рекомендовалъ ихъ вниманію будущаго союзнаго сейма [1]).

Въ такомъ духѣ былъ редактированъ союзный актъ. Установляя въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ общія начала союзнаго устройства, онъ легко могъ быть разсмотрѣнъ въ непродолжительное время. 8-го іюня разсмотрѣніе акта закончилось, а 10-го онъ былъ подписанъ. Дальнѣйшее развитіе „основныхъ началъ" предоставлялось будущему сейму. Конечно, вся нація была заинтересована тѣмъ, въ какомъ духѣ начнутся и будутъ продолжаться работы союзнаго правительства. Трудно было ожидать какихъ нибудь особенныхъ результатовъ; сеймъ, долженствовавшій состоять изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, которые были связаны инструкціями послѣднихъ, не могъ имѣть широкой свободы дѣйствій. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя надежды существовали. Отдѣльныя правительства, невольно подчинившіяся реакціоннымъ стремленіямъ князя Меттерниха въ грозныя для Европы „сто дней" новаго владычества Наполеона, могли во дни „мира и спокойствія" придти къ другимъ намѣреніямъ. На самомъ Вѣнскомъ конгрессѣ не было недостатка въ правительствахъ, проникнутыхъ либеральными и національными стремленіями; устраненныя тогда, онѣ теперь могли взять верхъ надъ стремленіями противоположными. Но разчетъ былъ не вѣренъ.

Германскій сеймъ долго не собирался; только 5-го ноября 1816 года послѣдовало его открытіе. Уполномоченные прибыли въ Франкфуртъ-на-Майнѣ съ наилучшими намѣреніями и выразили много радостныхъ надеждъ. Австрійскій уполномоченный, графъ Буоль-Шауэнштейнъ, открылъ собраніе широковѣщательною рѣчью. Первыя дѣйствія сейма оправдывали эти обѣщанія. XIII и XVIII статьи союзнаго акта истолковывались и примѣнялись въ широкомъ и благопріятномъ смыслѣ. Либеральнымъ учрежденіямъ нѣкоторыхъ государствъ (напримѣръ, великаго герцогства Саксенъ-Веймарскаго) была дана гарантія союза; деспотическія дѣйствія въ другихъ государствахъ

[1]) Именно ст. XVIII (2 п. д.) гласитъ: «Союзный сеймъ займется въ первую сессію составленіемъ общихъ распоряженій относительно свободы печати и обезпеченія правъ авторовъ и издателей противъ контрфакціи». Ст. XIX выражается еще неопредѣленнѣе.

вызвали серьезный протестъ, какъ например̂ъ, дѣйствія Кургессенскаго правительства. Постановленіе сейма гласитъ по этому поводу слѣдующее: „Въ виду многочисленныхъ жалобъ на распоряженія правительства, полученныхъ изъ Кургессена, сеймъ, проникнутый сознаніемъ высокаго назначенія, указаннаго ему предписаніями и цѣлью союзнаго акта, не можетъ, въ предѣлахъ указанныхъ ему границъ, не принять стороны угнетенныхъ подданныхъ и не внушить также и имъ убѣжденія, что Германія освободилась кровью народовъ отъ иноземнаго ига и земли возвращены ихъ законнымъ правителямъ для того, чтобы правомѣрный порядокъ занялъ мѣсто произвола".

Но эти золотые дни, или лучше сказать, сны перваго сейма продолжались недолго. Реакція дѣлала свое дѣло и общество, не раздѣлявшее самообольщенія уполномоченныхъ, видѣло безсиліе сейма и безпомощность Германіи. Уже лѣтомъ 1817 года, во время вакацій сейма, Гансъ Гагернъ, юношески вѣрившій „въ высокое его призваніе", долженъ былъ успокоивать общественное мнѣніе. Въ 1818 году онъ издалъ съ этою цѣлью особую книгу — „Ueber Deutschlands Zustand und Bundesverfassung". Конечно, онъ скоро самъ долженъ былъ разочароваться въ своемъ идеалѣ. Наступало время, когда онъ и Штейнъ сдѣлались „подозрительны", а Вильгельмъ Гумбольдтъ долженъ былъ подать въ отставку. Въ это время были развиты „подробности" началъ союзнаго акта, но помимо сейма, которому осталось только принять новый актъ за второй основный законъ Союза.

II.

Священный союзъ и его вліяніе на внутреннія дѣла Германіи.—Карлсбадскія и Вѣнскія конференціи. — Заключительный актъ. — Организація Германскаго союза. А) Цѣль союза. Б) Составъ союза. В) Субъектъ и объектъ союзной власти. Г) Устройство сейма. Общія начала устройства. Распредѣленіе голосовъ. Тѣсный совѣтъ и Plenum. Порядокъ постановленія опредѣленій. Значеніе и послѣдствіе этихъ условій. Д) Кругъ вѣдомства, степень власти и средства Сейма. а) Внѣшнія сношенія. Сеймъ, какъ представитель Германіи въ Европѣ. Союзная армія. Слабость сейма и ея причина. б) Охраненіе внутренняго мира. Разрѣшеніе пререканій между отдѣльными государствами союза. Поддержаніе спокойствія въ отдѣльныхъ государствахъ. Причины непопулярности сейма. в) Содѣйствіе внутреннему благосостоянію Германіи. Причины, по которымъ сеймъ ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. г) Охраненіе частныхъ правъ. д) Союзныя экзекуціи. Заключеніе.

Внутреннія событія Германіи, конечно, не были изолированы отъ общаго хода европейскихъ событій. Они отражали на себѣ и отчасти

выражали общую мысль, руководившую европейскими кабинетами. Эта общая мысль была формулирована въ довольно неопредѣленныхъ и даже мистическихъ выраженіяхъ при заключеніи такъ-называемаго Священнаго союза (сентябрь 1815 года). Съ внѣшней стороны Священный союзъ представляется попыткой основать международныя отношенія на высшихъ религіозныхъ началахъ. Основатели союза, императоры Александръ I, Францъ II и король Фридрихъ-Вильгельмъ III, взывали къ христіанской заповѣди всеобщей любви и братства, во имя которой монархи, какъ главы отдѣльныхъ частей одной и той же христіанской семьи, должны стремиться къ поддержанію мира и справедливости. Но это направленіе было утилизировано Меттернихомъ для цѣлей полной и всесторонней реакціи. Практическіе результаты Священнаго союза можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Внѣшній миръ между европейскими государствами, искусственно созданными и расположенными на Вѣнскомъ конгрессѣ, дѣйствительно поддерживался. Но подъ этимъ наружнымъ „международнымъ" спокойствіемъ скрывалась гибельная двойная работа, подготовлявшая страшныя потрясенія въ будущемъ. Съ одной стороны, правительственныя мѣры уничтожали въ разныхъ государствахъ послѣднія условія правомѣрности; съ другой—общественныя силы, устраненныя отъ правильнаго и законнаго участія въ политической жизни, легко подчинились мечтательному и безплодному революціонному направленію. Реакція и революція противостояли другъ другу столь же рѣшительно и непримиримо, какъ и въ эпоху коалицій феодальной Европы противъ Французской республики. Немногія государства рѣшились вступить на путь общественной свободы и тѣмъ обезпечить себѣ мирное внутреннее развитіе, основанное на единеніи земли и государства. Въ прочихъ странахъ это гибельное роздвоеніе оставалось въ своей силѣ.

Величайшимъ несчастіемъ для будущихъ судебъ Европы было то обстоятельство, что элементъ правительственный отожествлялъ себя и былъ отожествленъ съ началомъ реакціоннымъ, не допускавшимъ самой скромной доли свободы, и что, съ другой стороны, всякое общественное движеніе принимало характеръ революціонный, противный какому бы то ни было порядку. Въ то время, какъ представитель либеральныхъ стремленій эпохи, лордъ Байронъ, „упрощалъ" свою политику въ смыслѣ ненависти *ко всѣмъ* правительствамъ, Меттернихъ „упрощалъ" свою, состоявшую въ отвращеніи ко всѣмъ видамъ свободы. Съ одной стороны, сыскныя коммиссіи, въ родѣ Майнцской, съ другой—тайныя общества не могли разрѣшить

общественныхъ вопросовъ. Съ 1815 до 1848 года Европа представляла видъ наружнаго спокойствія, прерывавшагося судорожными движеніями общества, угнетеннаго политикою Вѣнскаго кабинета. Кто могъ тогда предвидѣть революціонное движеніе 1848 года, новое развитіе національнаго вопроса, разрушеніе системы искусственныхъ государствъ, Крымскую войну, Италіанскую кампанію, страшный кризисъ 1866 года и ужасныя событія 1870 года? Между тѣмъ, все это коренилось въ политической системѣ 1815 и слѣдовавшихъ затѣмъ годовъ.

Въ то время, какъ государи собирались отъ времени до времени для укрѣпленія отношеній, установленныхъ Священнымъ союзомъ [1]), Вѣнскіе дипломаты пользовались каждымъ случаемъ увлечь европейскія правительства вообще и германскія въ особенности на реакціонную дорогу. При такихъ условіяхъ, толкованіе и развитіе началъ союзнаго акта не могло быть оставлено въ рукахъ сейма, дѣйствовавшаго болѣе или менѣе гласно; дипломаты предпочли удобный и негласный путь частныхъ *министерскихъ конференцій*, постановленія которыхъ потомъ дѣлались обязательными для сейма. Между этими конференціями особенно замѣчательны Карлсбадская и Вѣнская.

Карлсбадская конференція составилась въ августѣ 1819 года для принятія мѣръ противъ разныхъ движеній и направленій, не согласныхъ съ принятою уже политическою системою. Правительства были встревожены либеральнымъ направленіемъ печати, учащейся молодежи, разными національно-демократическими обществами (Tugendbund, Turnanstalten, Allgemeine Burschenschaft) и нѣкоторыми демонстраціями, имѣвшими печальный исходъ [2]). Главнѣйшія постановленія этой конференціи касались учрежденія повсемѣстно предварительной цензуры, чѣмъ отмѣнялась обѣщанная XVIII статьею союзнаго акта свобода печати, а также относились до мѣръ противъ университетовъ, гимназій и школъ, образованія центральной слѣдственной коммиссіи въ Майнцѣ и истолкованія въ ограничительномъ смыслѣ XIII статьи союзнаго акта о представительныхъ учрежденіяхъ. Эти постановленія были приняты сеймомъ, не смотря на нѣкоторую оппо-

[1]) Конгрессы въ Ахенѣ (1818 г.), Троппавѣ (1820 г.), Лайбахѣ (1821 г.) и Веронѣ (1822 г.).

[2]) Таковы, напримѣръ, Вартбургскій праздникъ, устроенный въ 1817 году, для празднованія трехсотлѣтняго юбилея реформаціи. Послѣ этого праздника нѣкто Зандъ убилъ Августа Коцебу, подозрѣваемаго въ политическомъ шпіонствѣ (мартъ 1819 года).

зицію, въ качествѣ „временныхъ мѣръ для необходимаго поддержанія внутренней безопасности и общественнаго порядка въ Союзѣ".

Со времени Карлсбадской конференціи стало ясно, что, по мнѣнію австрійскаго и увлеченнаго имъ прусскаго кабинета, союзныя установленія должны быть направлены не къ обезпеченію гражданскихъ и minimum'а политическихъ правъ всего Германскаго народа, а къ ограниченію права слишкомъ либеральныхъ правительствъ давать льготы своимъ подданнымъ, то-есть, къ цѣли діаметрально-противоположной. При этихъ условіяхъ партикуляризмъ и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ явились нѣкоторымъ оплотомъ противъ реакціонныхъ стремленій руководителей Союза. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя государства, наиболѣе ратовавшія за мѣстную независимость и возстававшія противъ учрежденія сильной центральной власти въ 1814 году, были теперь на сторонѣ либеральнаго движенія.

Баварское правительство на дѣлѣ доказало справедливость своихъ словъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, что оно противится введенію народнаго представительства по предписанію центральной власти, но не отказывается отъ реформъ по собственному почину. Оно скоро послѣдовало примѣру Саксенъ-Веймарскаго правительства; 19-го мая 1818 года, король Максимиліанъ-Іосифъ октроировалъ своему народу конституцію. Съ небольшимъ чрезъ три мѣсяца, великій герцогъ Баденскій сдѣлалъ то же (22-го августа 1818 года). Труднѣе было открыть путь къ реформамъ въ Виртембергѣ. Въ этой странѣ издавна существовало земское представительство, организованное, правда, на феодальныхъ началахъ, но рѣзко выдававшееся своими достоинствами изъ ряду другихъ одновременныхъ учрежденій. Но столкновенія земскихъ чиновъ съ королевскою властью въ XVIII столѣтіи постепенно привели ихъ къ гибели. Король Фридрихъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ Наполеона, опираясь на силу новаго императора, расширилъ свою прерогативу до послѣднихъ предѣловъ. Немедленно послѣ событій 1805 года земскіе чины были уничтожены. Однако, въ 1815 году король снова почувствовалъ необходимость въ представительствѣ: ничего опредѣленнаго не было, впрочемъ, сдѣлано до его смерти (октябрь 1816 года). Наслѣдникъ его, король Вильгельмъ, пользовавшійся бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ отецъ, довелъ дѣло до конца. Конституція была октроирована 25-го сентября 1819 года. При этомъ король прямо указывалъ, что онъ исполняетъ, между прочимъ, *требованіе* XIII статьи союзнаго акта, въ качествѣ члена Германскаго союза.

Эти прецеденты были очень серьезны. Неопредѣленное *wird* XIII статьи истолковывалось, очевидно, въ смыслѣ опредѣленнаго *soll*. Очевидно, многія „общія начала“ союзнаго акта нуждались въ толкованіи, согласномъ съ требованіями реакціонныхъ членовъ союза. Послѣдніе не хотѣли представить этого дѣла сейму, не „очищенному“ еще (epurirt) отъ свободомыслящихъ патріотовъ. Поэтому необходимо было изъять этотъ вопросъ изъ вѣдомства сейма и предоставить его рѣшеніе особой конференціи министровъ всѣхъ германскихъ государствъ. Она собралась въ центрѣ реакціи, Вѣнѣ, 25-го ноября 1819 года и дѣйствовала до 24-го мая 1820 года.

Для болѣе конкретнаго уясненія духа, въ которомъ должна была дѣйствовать конференція, полезно указать на то, въ какомъ смыслѣ предполагалось истолковать XIII статью союзнаго акта. Она, какъ извѣстно, гласила, что „во всѣхъ союзныхъ государствахъ будетъ земское представительство—eine landständische Verfassung“. Австрійскій кабинетъ желалъ истолковать выраженіе „landständische“, въ смыслѣ совѣщательно-сословнаго представительства, развившагося въ средніе вѣка и совершенно несогласнаго съ новыми понятіями. Для подкрѣпленія этого толкованія и убѣжденія другихъ правительствъ, должны были служить учено-историческія изысканія Гентца [1]). Гентцъ доказывалъ, что XIII статья дозволяетъ только сословныя собранія, но *воспрещаетъ* представительное устройство въ новомъ смыслѣ. Такимъ способомъ думали ограничить права отдѣльныхъ правительствъ, независимость которыхъ была провозглашена самимъ же союзнымъ актомъ, и отмѣнить октроированныя конституціи Баваріи, Виртемберга и Бадена. Это толкованіе не было, впрочемъ, принято конференціей. За то во многихъ отношеніяхъ идеи Меттерниха и Гентца имѣли рѣшительный успѣхъ.

Вопервыхъ, существо Германскаго союза (толкованіе 1-й статьи союзнаго акта) было изъяснено въ томъ смыслѣ, что онъ есть *международное* соединеніе (ein völkerrechtlicher Verein) нѣмецкихъ независимыхъ государей и вольныхъ городовъ для защиты независимости и неприкосновенности ихъ владѣній, входящихъ въ составъ Союза, и для поддержанія внѣшней и внутренней безопасности Германіи [2]). Во

[1]) Фридрихъ фонъ-Гентцъ, род. въ 1764 году въ Бреславлѣ, ум. въ 1832 году. Сначала горячій либералъ, потомъ столь же горячій сторонникъ реакціи. На Вѣнской конференціи онъ былъ первымъ ея секретаремъ. Его сочиненія изданы въ пяти томахъ Вейкомъ (Weick). Кромѣ того, отдѣльно изданы его мемуары, письма и т. д.

[2]) Заключительный актъ, ст. 1.

внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныя государства вполнѣ независимы; права и обязанности ихъ ограничиваются договорами; но во внѣшнихъ сношеніяхъ Германскій союзъ является однимъ цѣлымъ [1]). Обѣщаніе, трудно исполнимое по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже.

Вовторыхъ, заключительный актъ болѣе подробно опредѣлилъ отношенія уполномоченныхъ на сеймѣ къ пославшимъ ихъ правительствамъ. Уполномоченные *безусловно* зависятъ отъ своихъ довѣрителей (Committenten) и отвѣчаютъ только предъ ними за свое поведеніе, которое должно согласоваться съ данными имъ инструкціями [2]). При такихъ условіяхъ, сеймъ никогда не могъ сдѣлаться центральнымъ союзнымъ правительствомъ и до конца своего существованія оставался, въ сущности, международнымъ конгрессомъ независимыхъ во всѣхъ отношеніяхъ государствъ.

Въ-третьихъ, касательно общественныхъ правъ, обѣщанныхъ союзнымъ актомъ, конференція, не принявъ ученія Гентца во всей его чистотѣ, ввела, однако, извѣстныя измѣненія въ примѣненіи XIII статьи. Всѣ они имѣли цѣлью ослабить и безъ того неопредѣленный смыслъ ея. Каждому отдѣльному правительству предоставлялось на волю организовать народное представительство примѣнительно или къ прежнимъ учрежденіямъ этого рода (то-есть, къ феодальнымъ чинамъ), или къ новымъ его формамъ [3]). Но ни одно правительство не имѣло права упускать изъ виду основной типъ германскихъ государствъ. Такъ какъ большинство послѣднихъ суть монархіи, то заключительный актъ требуетъ, чтобы вся сумма государственной власти была сосредоточена въ рукахъ государя; земскіе чины могутъ быть призваны къ участію лишь въ отправленіи нѣкоторыхъ функцій власти [4]). Для охраненія Союза отъ дѣйствія конституціонныхъ учрежденій въ новой ихъ формѣ, принята была слѣдующая мѣра: тамъ, гдѣ допущена гласность преній въ палатахъ, правительство должно озаботиться, чтобы границы свободнаго выраженія мнѣній не были нарушаемы, и тѣмъ не возмущалось бы спокойствіе какъ даннаго государства, такъ и цѣлаго союза [5]).

[1]) Тамъ же, ст. 2.

[2]) Тамъ же, ст. 8.

[3]) Закл. актъ, ст. 55.

[4]) Тамъ же, ст. 57. Конечно, статья эта не касалась вольныхъ городовъ (ср. ст. 62).

[5]) Тамъ же ст. 59: «muss.... dafür gesorgt werden, dass die gesetzlichen Grän-

Постановленія конференціи, въ числѣ 65 статей, были подписаны 15-го іюня 1820 года и переданы сейму для утвержденія ихъ въ качествѣ втораго основнаго закона союза подъ названіемъ „Вѣнскаго заключительнаго акта“. Характеръ и смыслъ образованнаго, такимъ образомъ, Германскаго союза опредѣлить не трудно.

Германскій союзъ былъ соединеніемъ извѣстнаго числа *независимыхъ* государствъ *для внѣшней и внутренней безопасности*. Изъ этого опредѣленія вытекаетъ слѣдующее:

А. *Цѣль союза.* Установленный для сохраненія внѣшней и внутренней безопасности—задачи отрицательной,—Союзъ не могъ взять на себя обезпеченія, общими средствами, условій общаго благосостоянія, духовнаго и экономическаго прогресса всего германскаго народа. Осуществленіе задачъ этого рода совершалось помимо Союза, по инипіативѣ и добровольному соглашенію отдѣльныхъ государствъ. Таково учрежденіе *таможеннаго союза* [1]). Притомъ, въ данномъ случаѣ, понятіе безопасности должно принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Какъ союзный актъ, такъ и заключительный актъ подъ именемъ безопасности разумѣютъ огражденіе Германіи отъ внѣшняго нападенія и сохраненіе внѣшняго мира между отдѣльными государствами Союза. Въ рѣдкихъ случаяхъ Союзъ могъ принимать мѣры для сохраненія спокойствія внутри отдѣльныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого, Союзъ былъ конфедераціей даже не международною, а междуправительственною.

Б. *Составъ союза.* Союзъ состоялъ изъ опредѣленнаго числа независимыхъ государствъ, владѣнія которыхъ были расположены въ предѣлахъ германской территоріи. Такихъ государствъ первоначально было 38, а въ послѣдствіи 35 [2]). Германская территорія распредѣлена

zen der freien Aeusserung, weder bei den Verhandlungen selbst, noch bei deren Bekanntmachung durch den Druck, auf eine die Ruhe des einzelnen Bundesstaats oder des gesammten Deutschlands gefährdende Weise überschritten werden».

[1]) Zollverein, см. ниже.

[2]) См. VI статью союзнаго акта. Независимость нѣкоторыхъ государствъ, пользовавшихся ею въ моментъ созванія Вѣнскаго конгресса, не была признана, именно—герцогства Аремберга, княжествъ Изенбурга и Лейена и графства Бентинка. За симъ, въ 1815 году вошли въ составъ союза: 1) Австрія, 2) Пруссія, 3) Баварія, 4) Саксонія, 5) Ганноверъ, 6) Виртембергъ, 7) Баденъ, 8) Кургессенъ, 9) великое герцогство Гессенское, 10) Гольштейнъ, 11) Люксембургъ, 12) Брауншвейгъ, 13) Мекленбургъ-Шверинъ, 15—19) герцогства: Саксенъ-Веймарское, Готское, Кобургское, Мейнингенское, Гильбургаузенское, 20) Мекленбургъ-Стрелицъ, 21) Гольштейнъ-Ольденбургъ, 22—24) Ангальтъ-Дес-

между этими отдѣльными владѣніями чрезвычайно неравномѣрно. Трудно было установить какую-нибудь соразмѣрность между нѣмецкими владѣніями Австріи и Пруссіи, съ одной стороны, и территоріей мелкихъ герцогствъ и княжествъ, съ другой. Если прибавить къ этому, что главные члены союза имѣли еще и обширныя владѣнія, не принадлежавшія къ составу германской территоріи, то эта несоразмѣрность увеличится еще больше. Отсюда понятно, что далеко не всѣ члены союза желали и могли отождествить свои частные интересы съ интересами союза.

Къ числу такихъ государствъ, кромѣ Голландіи[1]) и Даніи[2]), принадлежали именно сильнѣйшія державы союза — Австрія и Пруссія. Они являлись не только сильнѣйшими членами Германскаго союза, но первоклассными державами въ *европейскомъ* международномъ союзѣ, съ своими самостоятельными интересами, своимъ призваніемъ и традиціонною политикой, которыя не всегда могли быть отождествлены съ интересами Германскаго союза, и тѣмъ болѣе, принесены имъ въ жертву. Нельзя было требовать отъ великихъ европейскихъ державъ, чтобъ они замкнули свои интересы въ довольно узкую сферу конфедераціи, которую никакъ нельзя было назвать Герма-

сау, Бернбургъ и Кётенъ; 25—26) Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и Рудольфштадтъ, 27) Гогенцоллернъ-Гёхингенъ, 28) Лихтенштейнъ, 29) Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, 30) Вальдекъ, 31—32) Рейссъ старшей линіи и Рейссъ младшей линіи, 33) Шаумбургъ-Липпе, 34) Липпе, 35—38) вольные города: Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Бременъ и Гамбургъ. Впослѣдствіи сократились: Саксенъ-Гота (№ 16, въ 1825 году) два Гогенцоллерна (№№ 27 и 29, въ 1849 году) и Ангальтъ-Кётенъ, присоединенный къ Ангальтъ-Дессау (№ 23, въ 1847 году). Но въ 1817 году въ составъ союза вступилъ Гессенъ-Гомбургъ. Въ 1866 году союзъ состоялъ изъ 35 членовъ. Изъ нихъ:

1 имперія (Австрія).

5 королевствъ (Пруссія, Саксонія, Баварія, Ганноверъ, Виртембергъ).

1 курфиршество (Гессенъ).

7 великихъ герцогствъ (Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Люксембургъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксонія, Ольденбургъ, Мекленбургъ-Стрелицъ).

8 герцогствъ (Гольштейнъ-Лауэнбургъ, Брауншвейгъ, Нассау, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Мейнингенъ-Гильбургаузенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Ангальтъ-Дессау-Кётенъ, Ангальтъ-Бернбургъ).

8 княжествъ (Шварцбургъ-Рудольфштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, два Рейсса, Лихтенштейнъ, Вальдекъ, Шаунбургъ-Липпе и Липпе).

1 ландграфство (Гессенъ-Гомбургъ).

4 вольные города.

[1]) Бывшей членомъ союза за Люксембургъ и Лимбургъ.

[2]) Бывшей членомъ союза за Гольштейнъ и Лауэнбургъ.

ніей, въ смыслѣ цѣльнаго политическаго тѣла; этому противились какъ выгоды прочихъ, не германскихъ частей ихъ территоріи, такъ и интересы великаго международнаго союза, гдѣ они имѣли свою самостоятельную роль. Съ точки зрѣнія германскаго патріотизма, такая политика часто вмѣнялась въ вину этимъ великимъ державамъ, въ качествѣ измѣны національному дѣлу. Но долгъ безпристрастія требуетъ сказать, что эта идея „единой Германіи“ въ тѣ времена не могла быть руководящимъ началомъ практической политики. Прусскіе, австрійскіе интересы имѣли гораздо больше опредѣленности, конкретности, чѣмъ „національные интересы Германіи“, которые всѣ были еще въ отдаленномъ будущемъ. Съ практической точки зрѣнія, вопросъ формулируется слѣдующимъ образомъ: должна ли была Пруссія (или Австрія) подчинять свою политику интересамъ не націи Германской, не имѣвшей еще политическаго существованія, а *прочихъ правительствъ*, съ которыми она имѣла дѣло на сеймѣ? Эта масса микроскопическихъ государствъ (Zwergstaaten), конечно, не могла имѣть притязанія подчинить своему руководству политику двухъ могущественныхъ державъ, какъ могла бы это сдѣлать политически единая Германія. Отсюда понятно, что такъ-называемая „общая политика“ Германскаго союза могла быть плодомъ только случайнаго и очень рѣдкаго соглашенія его членовъ, почему она была весьма незамѣтнымъ и нечувствительнымъ элементомъ новой европейской исторіи.

В. *Субъектъ и объектъ союзной власти.* Союзная конституція не учредила центральной власти, которая стояла бы *выше* правительствъ отдѣльныхъ государствъ и имѣла бы извѣстныя *непосредственныя* отношенія ко всей массѣ народонаселенія Германіи. Субъектомъ союзной власти являлись *сами союзныя правительства*, вступавшія другъ съ другомъ въ соглашеніе чрезъ своихъ уполномоченныхъ на сеймѣ. Каждый изъ этихъ уполномоченныхъ не только de facto, но и de jure представлялъ интересы только своего правительства, инструкціями котораго онъ былъ связанъ. Это прямо противорѣчило идеѣ общаго представительства, въ которомъ депутаты отдѣльныхъ частей цѣлаго представляютъ не эти части, а всю націю, и потому не могутъ быть связаны какими-либо инструкціями. Конечно, о примѣненіи началъ дѣйствительнаго представительства къ Германскому союзу не могло быть и рѣчи, потому что конституція не допускала главнаго его условія — народнаго представительства, которое бы выражало волю всей націи, въ противоположность партикуляристическому составу сейма.

3*

Характеромъ субъекта союзной власти опредѣлялся и ея объектъ, или лучше сказать, отсутствіе этого объекта. Сеймъ не имѣлъ и не могъ имѣть правъ, отдѣльныхъ отъ правъ каждаго правительства, и которыми онъ могъ бы пользоваться независимо отъ нихъ, обращая свои требованія непосредственно ко всей массѣ Германскаго народа. Въ этомъ отношеніи новое союзное правительство было поставлено въ условія, невыгодныя даже сравнительно съ старою имперіей. Имперское правительство, хотя номинально считалось главою всей Германіи, во всякомъ случаѣ, имѣло разныя прерогативы предъ мѣстными властями. Оно имѣло въ отдѣльныхъ земляхъ разныя непосредственныя права; въ другихъ отношеніяхъ, его власть соперничала съ властями мѣстными. Союзный сеймъ не имѣлъ ни территоріальнаго верховенства, ни малѣйшей доли общенароднаго главенства.

Правда, союзъ былъ объявленъ учрежденіемъ непреходящимъ и неразрывнымъ; отдѣльный членъ не могъ отложиться отъ него по своей волѣ [1]). Слѣдовательно, территорія союза объявлялась нераздѣльнымъ цѣлымъ. Но 5 статья заключательнаго акта установляла только международную цѣльность территоріи; изъ нея не возникало никакихъ правъ территоріальнаго верховенства для союзной власти. Масса германскаго народонаселенія не пользовалась никакими общими правами, обезпеченными непосредственно союзною властью, и не имѣла никакихъ обязанностей непосредственно же по отношенію къ союзу. По началамъ конституціи, Германскій народъ не былъ однимъ политическимъ цѣлымъ, организованнымъ на основахъ извѣстныхъ общеподданническихъ обязанностей и общности нѣкоторыхъ правъ.

Г. *Устройство сейма.* Германскій сеймъ былъ *органомъ* союзной власти, субъектами которой являлись отдѣльныя государства. Поэтому онъ состоялъ изъ *уполномоченныхъ* отъ государствъ, дѣйствовавшихъ по инструкціямъ своихъ правительствъ и подъ условіемъ отвѣтственности предъ сими послѣдними. Сеймъ можно, слѣдовательно, назвать *постояннымъ конгрессомъ* германскихъ государствъ [2]). Мѣстопребываніемъ его былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ [3]).

[1]) Закл. актъ ст. 5. Der Bund ist als ein unauflöslicher Verein gegründet, und es kann daher der Austritt aus diesem Verein keinem Mitgliede desselben frei werden».

[2]) Считаемъ лишнимъ объяснять, что подъ именемъ *конгресса* мы разумѣемъ установленіе *международнаго* характера, то-есть, собраніе уполномоченныхъ нѣсколькихъ независимыхъ державъ.

[3]) Союзный актъ, ст. IX.

Устройство сейма опредѣлялось въ подробностяхъ: а) юридическимъ отношеніемъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ между собою и б) юридическимъ положеніемъ самаго сейма.

а) Союзный актъ призналъ и заключительный актъ подтвердилъ начало *равенства* германскихъ государствъ [1]) въ томъ смыслѣ, что всѣ они одинаково независимы, и всѣ имѣютъ право на участіе въ союзномъ управленіи. Но *степень* этого участія не была и не могла быть одинакова для всѣхъ государствъ, принимая во вниманіе ихъ различную величину, а слѣдовательно, и различный объемъ представляемыхъ ими интересовъ. Вопросъ объ опредѣленіи степени участія отдѣльныхъ и неровныхъ по объему членовъ Союза въ общихъ дѣлахъ, при соблюденіи однако ихъ юридическаго равенства, есть, конечно, вопросъ сложный, но присущій всѣмъ союзнымъ государствамъ, даже федеративнымъ, а не только конфедеративнымъ, какимъ былъ Германскій союзъ. Онъ возникъ въ свое время—въ Америкѣ и въ Швейцаріи; тамъ и здѣсь его разрѣшили одинаково и къ общему удовольствію, именно различіемъ въ устройствѣ двухъ палатъ народныхъ представителей. Американскій сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, избираемыхъ *по два* отъ каждаго штата, какова бы ни была его величина. Напротивъ депутаты въ палату представителей избираются каждымъ штатомъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ его народонаселенію [2]). Таковы же постановленія швейцарской конституціи 1848 года. Совѣтъ государствъ (Conseil des Etats) состоитъ изъ 44 депутатовъ, назначаемыхъ по два отъ каждаго изъ 22 кантоновъ; народный совѣтъ (Conseil National) состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ кантонами пропорціонально ихъ народонаселенію [3]). Такимъ образомъ, начало мѣстной независимости и равенства членовъ федераціи обезпечивается равнымъ для нихъ представительствомъ въ одной палатѣ; начало единства федераціи поддерживается устройствомъ второй. Подобное разрѣшеніе вопроса очевидно могло имѣть мѣсто въ странахъ, признающихъ народное представительство и его различные органы. Между тѣмъ,

б) Германскій сеймъ, по началамъ союзной конституціи, являлся *единственнымъ* органомъ союзной власти и притомъ составленнымъ изъ однихъ правительственныхъ агентовъ. Меттернихъ, какъ извѣ-

[1]) Союзный актъ, ст. III: «Alle Bundesglieder haben als solche gleiche Rechte». Ср. закл. актъ, ст. 1 и 2.

[2]) См. америк. конституцію, гл. первая, отд. II, ст. 1, 3; отд. III, ст. 1.

[3]) Ср. Швец. конституцію, глава II, ст. 61, 69.

стно, отвергъ и настоялъ на устраненіи сложной организаціи союзной власти, какъ это предлагалось въ проектѣ прусскихъ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Признавая только одинъ и несложный органъ союзной власти, конституція должна была разрѣшить вопросъ о степени участія отдѣльныхъ государствъ въ дѣлахъ союза инымъ способомъ. Такимъ средствомъ явилось установленіе различія въ *числѣ голосовъ, принадлежащихъ каждому государству на сеймѣ*.

По плану, предложенному въ 1815 году Австріей, совмѣстно съ Пруссіей [1]), государства, признанныя членами союза, раздѣлялись на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ получали самостоятельный голосъ на сеймѣ (Virilstimme); другія (мелкія) государства для образованія полнаго голоса соединялись между собою (Gesammt или Curiotstimmen). Самостоятельные голоса даны 11 государствамъ; прочія составили 6 собирательныхъ голосовъ. Такимъ образомъ, въ обыкновенныхъ рѣшеніяхъ сейма принимали участіе 17 голосовъ. Но мелкія государства и вольные города нашли, что ихъ независимость недостаточно обезпечена этою мѣрою вліянія на общія дѣла. Могли ли 6 предоставленныхъ имъ голосовъ противостоять намѣреніямъ 11 полноправныхъ державъ, неуваженіе которыхъ къ правамъ слабѣйшихъ ясно обнаружилось во время разгрома старой имперіи — въ поглощеніи однихъ и медіатизаціи другихъ? Протестъ князей и вольныхъ городовъ былъ представленъ $^{13}/_{25}$ мая 1815 года и имѣлъ успѣхъ. Постановлено было рѣшеніе дѣлъ исключительной важности предоставить особому собранію сейма, въ которомъ каждое государство имѣло бы не менѣе одного самостоятельнаго голоса (Virilstimme); но за то главныя государства получали здѣсь по нѣскольку голосовъ, во всякомъ случаѣ не болѣе четырехъ. Такъ установилось различіе между двумя *формами засѣданій* сейма и двумя способами постановляемыхъ въ немъ опредѣленій—совѣтомъ тѣснымъ (engerer Rath) и полнымъ собраніемъ (Plenum). Они признаны какъ союзнымъ, такъ и заключительнымъ актами [2]). Plenum и тѣсный совѣтъ не были двумя различ-

[1]) Когда послѣдняя приняла уже систему Меттерниха.

[2]) Ср. Союзн. актъ, ст. IV и VI; закл. актъ, ст. 11 — 15. Для наглядности мы представляемъ здѣсь распредѣленіе голосовъ между государствами въ двухъ означенныхъ формахъ собраній сейма.

Тѣсный совѣтъ.

Названіе государствъ.	Самостоятельные голоса.
Австрія	1 голосъ.
Пруссія	1 »

ными установленіями. На основаніи VI статьи союзнаго акта, тѣсный совѣтъ *обращался* въ plenum для принятія рѣшенія по нѣкоторымъ дѣламъ особой важности [1]). Сюда относились: 1) измѣненіе основныхъ законовъ, изданіе новыхъ постановленій, принятіе въ союзъ новыхъ членовъ, учрежденіе новыхъ союзныхъ установленій (Organische Einrichtungen, das heisst, bleibende Anstalten, als Mittel zur Erfüllung der aussgesprochenen Bundeszwecke); эти вопросы требовали *единогласнаго* рѣшенія; 2) объявленіе войны, заключеніе мирныхъ договоровъ отъ имени союза; эти вопросы надлежало рѣшать большинствомъ $^2/_3$ голо-

Баварія	1	голосъ.
Королевство Саксонія	1	»
Ганноверъ	1	»
Виртембергъ	1	»
Кургессенъ	1	»
Великое герцогство Гессенъ	1	»
Великое герцогство Баденъ	1	»
Гольштейнъ-Лауэнбургъ	1	»
Люксембургъ-Лимбургъ	1	»
	Собирательные голоса.	
1) Брауншвейгъ и Нассауское герцогства	1	»
2) Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ	1	»
3) Великое герцогство Саксенъ-Веймаръ, герцогство Саксенъ-Мейнингенъ и Саксенъ-Альтенбургъ	1	»
4) Ольденбургъ, два Ангальта и два Шварцбурга	1	»
5) Лихтенштейнъ, два Рейсса, два Липпе, Вальдекъ и Гессенъ-Гомбургъ	1	»
6) Франкфуртъ на Майнѣ, Бременъ, Гамбургъ и Любекъ	1	»
Всего	17	голосовъ.

PLENUM.

Названіе государствъ.	Каждое имѣетъ по	ВСЕГО.
1) Австрія, Пруссія, Саксонія (кор.), Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ	4 голоса.	24 голоса.
2) Баденъ, Кургессенъ, вел. герц. Гессенъ, Гольштейнъ-Лауэнбургъ, Люксембургъ-Лимбургъ	3 »	15 »
3) Брауншвейгъ, Мекленбургъ-Шверинъ и Нассау	2 »	6 »
4) Остальные государства и вольные города, въ числѣ 21, имѣли каждое — по	1 »	21 »
Итого		66 голосовъ.

[1]) VI ст. Союзнаго акта гласитъ: «Wo es auf Abfassung und Abänderung von Grundgesetzen des Bundes, auf Beschlüsse, welche die Bundesacte selbst betreffen, auf organische Bundeseinrichtungen und auf Gemeinnützige Anordnungen sonstiger Art ankommt, *bildet sich die Versammlung zu einem Plenum*» и т. д.

совъ [1]). Въ plenum'ѣ не происходило преній; всѣ пренія заканчивались въ тѣсномъ совѣтѣ и поступали въ plenum единственно для голосованія [2]). Въ такомъ видѣ plenum являлся только условіемъ ограниченія того преобладанія, какое въ тѣсномъ совѣтѣ имѣли 11 большихъ государствъ. Учрежденіе его выражало слѣдующую мысль: ни одно существенно важное измѣненіе въ союзѣ не можетъ произойдти въ немъ безъ согласія или *всѣхъ* его членовъ, или большинства ²/₃ голосовъ. Такое учрежденіе служило цѣлямъ довольно крайняго партикуляризма. Настоятельно необходимыя измѣненія въ конституціи, проекты полезнѣйшихъ установленій союзной администраціи, проекты, одобренные Пруссіей, Австріей, Баваріей, Виртембергомъ, Баденомъ и огромнымъ большинствомъ прочихъ державъ въ „тѣсномъ совѣтѣ", могли не пройдти, въ случаѣ несогласія Вальдека или Лихтенштейна. Отсюда само собою понятно, что союзная конституція не допускала никакого серьезнаго улучшенія и дальнѣйшаго развитія, требуемаго условіями времени. Даже рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, требующихъ иногда быстроты и рѣшительности, было обставлено такъ, что главныя государства Германіи, вмѣстѣ взятыя, не могли предпринять ничего при оппозиціи однихъ мелкихъ державъ [3]). Если прибавить къ этому, что важнѣйшіе изъ вопросовъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства тѣснаго союза [4]), требовали здѣсь также единогласнаго рѣшенія, то понятно будетъ, почему Германскій сеймъ былъ обреченъ на бездѣйствіе по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ германское общество съ 1815 по 1866 г., и почему всякая преобразовательная попытка должна была совершаться *мимо* сейма,—именно *мимо*, даже не противъ него: онъ не имѣлъ возможности отнестись къ дѣйствительно серьезному движенію ни положительно, ни отрицательно; онъ стоялъ въ сторонѣ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о *внѣшней* организаціи сейма.

[1]) См. ст. 12 и 13. закл. акта.

[2]) Тамъ же, ст. 12: «In Plenum findet keine Erörterung noch Berathung statt, sondern es wird nur darüber abgestimmt, ob ein in engerem Rathe vorbereitete Beschluss angenommen oder verworfen werden soll».

[3]) Большинство ²/₃ въ plenum составлялось изъ 44 голосовъ. Слѣдовательно, рѣшеніе, принятое государствами 1-го и 2-го разряда, имѣвшими по 4 и 3 голоса (всего 39), могло быть отвергнуто державами 3-го и 4-го разряда, имѣвшими по 2 и по 1 голосу (всего 27).

[4]) Религіозныя дѣла и такъ-называемыя jura singularum.

Число уполномоченныхъ не было строго опредѣлено. Каждое правительство, принимавшее участіе въ сеймѣ, имѣло право посылать туда своего уполномоченнаго. Поэтому число уполномоченныхъ могло представлять опредѣленную цифру 35 (по числу государствъ). Но фактически оно видоизмѣнялось и колебалось подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Вопервыхъ, государства, имѣвшія въ тѣсномъ совѣтѣ только собирательные голоса, обыкновенно не считали нужнымъ имѣть отдѣльныхъ уполномоченныхъ на сеймѣ. Каждая *курія* [1]) имѣла право назначать одного уполномоченнаго, который долженъ былъ сообразоваться съ отдѣльными инструкціями своими [2]). Съ другой стороны, государства, имѣвшія in pleno нѣсколько голосовъ (4, 3, 2) могли посылать и нѣсколькихъ уполномоченныхъ, что̀, конечно впрочемъ, не увеличивало числа ихъ голосовъ (одного) въ *тѣсномъ* совѣтѣ. При такихъ условіяхъ, союзное законодательство должно было опредѣлить только minimum числа уполномоченныхъ; этотъ minimum и былъ ограниченъ 17-ю.

Предсѣдательство на сеймѣ принадлежало австрійскому уполномоченному; но Австрія, конечно, не пріобрѣтала чрезъ это никакихъ существенныхъ правъ; предсѣдательство состояло въ формальномъ руководствѣ преніями и въ наблюденіи за порядкомъ дѣлопроизводства. Сеймъ, какъ постоянный органъ Союза, засѣдалъ, въ принципѣ, постоянно. Но онъ могъ назначать себѣ вакаціи, maximum на 4 мѣсяца. На время вакаціи оставались однако: уполномоченный предсѣдательствующаго государства или заступающій его мѣсто [3]) и союз-

[1]) То-есть, кругъ государствъ, которыя вмѣстѣ имѣли одинъ собирательный голосъ, напримѣръ, четыре вольные города.

[2]) Это обстоятельство имѣло особенное значеніе in pleno, гдѣ одинъ и тотъ же уполномоченный долженъ былъ подавать голосъ то за, то противъ обсуждаемаго предложенія. Во всякомъ случаѣ, по утвержденному сеймомъ уставу дѣлопроизводства (Geschäftsordnung, 1816 и 1854 гг.), въ тѣсномъ совѣтѣ имѣетъ право подавать голосъ только *одинъ уполномоченный* изъ всѣхъ депутатовъ одной куріи. Прочіе могутъ присутствовать здѣсь для совѣщаній, объясненій, но безъ рѣшительнаго голоса. Назначеніе такого уполномоченнаго и порядокъ соглашенія между отдѣльными государствами куріи предоставляется имъ самимъ. Обыкновенно эти уполномоченные смѣнялись по очереди (Turnus). Очередь, напримѣръ, между вольными городами, была установлена въ слѣдующемъ порядкѣ: Любекъ, Франкфуртъ, Бременъ, Гамбургъ. Каждый городъ имѣлъ 1/4 голоса. Въ случаѣ несогласія, вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи ихъ, перевѣсъ давалъ голосъ очереднаго города.

[3]) Исправленіе должности предсѣдательствующаго, въ небытность австрій-

ная канцелярія. Кромѣ того, при уполномоченномъ предсѣдательствующемъ должны были оставаться, по крайней мѣрѣ, два уполномоченныхъ другихъ государствъ; вмѣстѣ они составляли вакаціонный комитетъ (Ferien-Ausschuss). При сеймѣ состояли, или вѣрнѣе, изъ его членовъ образовывались различные постоянные комитеты для завѣдыванія отдѣльными отраслями союзной администраціи [1]) и другія должности.

Достойно замѣчанія, что дѣятельность сейма была *негласна*. Мы не говоримъ ужъ *о засѣданіяхъ* сейма, происходившихъ при закрытыхъ дверяхъ. Но даже отчеты о засѣданіи и протоколы сейма или вовсе не печатались для публики, или предавались гласности въ весьма ограниченномъ размѣрѣ [2]). По видимому, сдѣлано было все, чтобъ устранить вліяніе сейма на германское общество, если только онъ могъ имѣть его.

Д. *Кругъ вѣдомства, степень власти и средства сейма.* Главная цѣль союза, какъ замѣчено выше, состояла въ охраненіи внѣшняго и внутренняго мира Германіи; нѣкоторыя добавочныя задачи указаны особо. Вообще компетенція сейма опредѣлена союзнымъ актомъ 1815 года, сеймовымъ опредѣленіемъ (Competenz-Bestimmung) и заключительнымъ актомъ 1820 года. Предметы, подлежавшіе вѣдѣнію сейма на основаніи этихъ узаконеній, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: а) веденіе внѣшнихъ сношеній, б) охраненіе внутренняго мира, в) попеченіе о внутреннемъ благосостояніи Германіи, и г) защита частныхъ правъ. Мы разсмотримъ каждую изъ

скаго уполномоченнаго, ввѣрялось уполномоченному прусскому, въ небытность его — баварскому и т. д. по списку членовъ Союза.

[1]) Таковы были: 1) союзная экзекуціонная коммиссія (Bundes-Executions-Commission) (о значеніи союзныхъ экзекуцій см. ниже); 2) коммиссія для разсмотрѣнія жалобъ частныхъ лицъ, подававшихся сейму (Reclamations-Commission); 3) военный комитетъ (Militärausschuss); 4) коммиссія для надзора за дѣйствіями представительныхъ установленій въ отдѣльныхъ государствахъ. Она учреждена въ 1832 году; о дѣятельности ея см. ниже.

[2]) Сеймъ первоначально желалъ предавать свои дѣйствія значительной гласности (1816 г.). Но 1-го іюля 1824 года сеймъ издалъ постановленіе, ограничившее первоначальныя правила. Оно было отмѣнено во время революціи 1848 года. По возстановленіи сейма въ 1851 году, изданы новыя правила, не столь стѣснительныя, какъ законъ 1824 года, но все-таки мало обезпечивающія гласность сеймовыхъ преній и дѣйствій. Только въ 1860 году сеймъ рѣшился возвратиться къ порядку 1816 года. Ср. *Цёпфль*, Grundsätze des Gem. deutsch. Staatsrechts, I, стр. 320—324 пятаго изданія.

этихъ общихъ цѣлей особо, вмѣстѣ съ средствами къ ихъ осуществленію.

а) Называя Германскій союзъ установленіемъ *международнымъ*, основные законы его должны были организовать силы Германіи, главнымъ образомъ, для цѣлей *внѣшнихъ сношеній*, для обезпеченія неприкосновенности ея въ средѣ другихъ государствъ, какъ единаго цѣлаго. Нельзя, однако, сказать, чтобъ эта цѣль была осуществлена какъ слѣдуетъ. 2-я статья заключительнаго акта объявляетъ, что союзъ во внѣшнихъ сношеніяхъ является единымъ цѣлымъ, als eine in politischer Einheit verbundene Gesammt-Macht. На этомъ основаніи, союзъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и вступать въ договоры [1]). Но эти постановленія нисколько не сдѣлали изъ Германскаго союза *дѣятельнаго* члена европейской семьи. Не нужно доказывать, что задача современныхъ международныхъ сношеній не исчерпывается охраненіемъ *безопасности* каждаго государства. Это—задача элементарная, осуществляемая одними отрицательными мѣрами. Но съ обезпеченіемъ ея, начинается истинная дѣятельность международнаго союза, направленная къ осуществленію общими средствами разныхъ условій ихъ благосостоянія; съ этого момента появляются торговые трактаты, почтовыя конвенціи, взаимное обезпеченіе литературной собственности, учрежденіе консуловъ съ ихъ обширною дѣятельностью и т. д. Участвовалъ ли во всемъ этомъ Германскій союзъ, какъ признанная европейская держава, Gesammt-Macht, участвовалъ ли онъ тогда, когда всѣ государства Европы, къ ихъ великой чести, обратили вниманіе именно на эту сторону международнаго права? На основаніи историческихъ данныхъ, нельзя дать другаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго.

Союзъ замкнулъ свою дѣятельность въ предѣлы узко-понятой 35-й статьи заключительнаго акта, по которой цѣлью союза должна быть только *оборонительная* война и охраненіе Германіи. Дѣйствительно, для *обороны* Германіи было сдѣлано довольно много, особенно сравнительно съ средствами, оставленными имперіей. Наиболѣе совершенною частью германскихъ союзныхъ учрежденій была союзная армія [2]). Конечно, нельзя говорить о *союзной* арміи въ собственномъ смыслѣ; союзъ не имѣлъ своей военной силы, которою могъ бы распоряжаться независимо отъ отдѣльныхъ государствъ. Подобно арміи имперской, и союзная

[1]) Тамъ же, ст. 35. Ср. также ст. XI союзн. акта и ст. 36 закл. акта.

[2]) Союзная армія была организована сеймовыми постановленіями 1821 и 1822 годовъ. Реформа этого устройства послѣдовала въ 1855 году, января 4-го.

составлялась изъ контингентовъ отдѣльныхъ государствъ. Но она отличалась отъ первой и количествомъ контингента, и его правильною организацiей. Въ 1863 году численность ея превышала 600.000 человѣкъ, съ 1.400 полевыхъ орудій и 250 орудій осадныхъ. Она слагалась изъ 10-ти корпусовъ: 7 *несмѣшанныхъ* и 3 *смѣшанныхъ*. Несмѣшанные корпуса содержались и выставлялись (въ случаѣ войны) непосредственно тремя главными государствами Германіи — Австріей (три корпуса), Пруссіей (три корпуса) и Баваріей (одинъ корпусъ). Смѣшанные корпуса содержались и выставлялись совмѣстно прочими государствами, пропорціонально ихъ средствамъ [1]). Часть этого войска постоянно должна была находиться на дѣйствительной службѣ; порядокъ составленія и мобилизированія арміи былъ точно опредѣленъ. Кромѣ сеймоваго военнаго комитета, для ближайшаго завѣдыванія военною частью была учреждена техническая военная коммиссія изъ особыхъ уполномоченныхъ отъ германскихъ государствъ [2]). Въ случаѣ войны, главнокомандующій назначался сеймомъ, которому онъ и приносилъ присягу.

Кромѣ арміи, въ распоряженіе союза были предоставлены *крѣпости*, съ цѣлью защиты союза отъ непріятельскаго вторженія. Первоначально Парижскій трактатъ 1815 года предоставилъ въ распоряженіе союза три крѣпости—Майнцъ, Люксембургъ и Ландау [3]) Въ 1841 и 1842 годахъ къ нимъ присоединены Ульмъ и Раштадтъ.

Но эта почтенная съ виду сила имѣла значеніе едва ли не на одной бумагѣ. Европа фактически не ощущала существованія въ своей средѣ такой огромной арміи даже въ такія минуты, когда честь Германіи была затронута. Въ 1848 году Союзъ считалъ чрезвычай-

[1]) 8-й корпусъ слагался изъ контингентовъ Виртемберга, Бадена, великихъ герцогствъ Гессена, Лихтенштейна, Гамбурга и Франкфурта; 9-й корпусъ – изъ контингентовъ королевства Саксоніи, Кургессена, Нассау, герцогствъ Саксонскихъ, владѣній Ангальтскихъ, Шварцбургскихъ и Рейсскихъ; 10-й корпусъ — изъ контингентовъ Ганновера, Брауншвейга, Гольштейнъ-Лауэнбурга, двухъ Мекленбурговъ, Ольденбурга, Вальдека, двухъ Липпе и трехъ вольныхъ городовъ.

[2]) Technische Militär-Commission учреждена въ 1819 году. Она состояла изъ 6-ти членовъ: отъ Австріи, Пруссіи и Баваріи по одному и трехъ отъ остальныхъ государствъ, назначавшихъ ихъ по взаимному соглашенію.

[3]) «Les places de Mayence, Luxembourg et Landau sont declarées places de la Confédération Germanique, abstraction faite de souveraineté territoriale de ces places. Ср. *Г. Цахаріэ*, Deutsches Staats- und Bundesrecht, т. II, стр. 829. Это нисколько не установляло *непосредственной* державности союза надъ этими мѣстами; они оставались частями соотвѣтствующихъ территорій.

нымъ національнымъ подвигомъ „общую войну“ противъ беззащитной Даніи; но даже и это предпріятіе кончилось *мимо* союза и къ его невыгодѣ. Не станемъ говорить о плачевной роли союза во время Италіанской войны 1859 года. Безсиліе союза, конечно, зависѣло не отъ недостатка его средствъ, но отъ отсутствія мотива, безъ котораго всѣ матеріальныя средства не имѣютъ никакой цѣны, отъ отсутствія сознанія общенаціональныхъ цѣлей и необходимости соотвѣтствующей имъ политики. Самъ сеймъ въ 1848 году [1]) жаловался на отсутствіе даже внѣшнихъ символовъ національнаго единства — союзнаго герба и цвѣтовъ [2]). Можно находить тонъ прокламаціи сейма немного театральнымъ, но нельзя не согласиться, что онъ вѣрно указалъ на причину безсилія Союза, хотя эта причина лежала въ самомъ существѣ его организаціи и ея основныхъ началахъ. Безсиліе союза проявлялось прежде всего въ отсутствіи въ немъ всякихъ творческихъ силъ. Организація военной защиты страны остановилась на тѣхъ средствахъ, какія были ей даны первымъ движеніемъ 1815 и ближайшихъ къ нему годовъ. Затѣмъ союзное правительство не прибавило къ нимъ ничего, или прибавляло съ изумительною медленностію. Мы остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Еще въ 1815 году было опредѣлено, что Союзъ, кромѣ трехъ вышеназванныхъ крѣпостей, воздвигнетъ еще четвертую, въ области средняго Рейна, стратегическое значеніе которой нечего доказывать. Изъ 60.000.000 фр. французской контрибуціи, 20.000.000 были назначены на этотъ предметъ. Но *двадцать-шесть лѣтъ* прошли въ безплодныхъ спорахъ и совѣщаніяхъ, пока наконецъ сеймъ не рѣшился укрѣпить Ульмъ, какъ главную, и Раштадтъ, какъ добавочную крѣпость (1841, 1842 гг.). Контингентъ союзной арміи былъ опредѣленъ согласно переписи 1818 года, показавшей народонаселеніе Германіи въ 30 съ не-

[1]) Конечно, подъ вліяніемъ извѣстнаго національнаго движенія, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

[2]) До 1848 года союзъ пользовался гербомъ и печатью предсѣдательствующей державы съ надписью: «Kaiserlich-Oesterreichische Bundespräsidialkanzlei». 9-го марта 1848 года политическій комитетъ сейма пришелъ къ заключенію, что: «Сила Германіи основывается на сознаніи ея единства, но для того, чтобы сознаніе это ясно и живо представлялось народу, оно нуждается во внѣшнихъ символахъ». Поэтому, сеймъ постановилъ дать союзу старый имперскій гербъ (орла) и національные цвѣта — черный — красный — золотой (schwarz-roth-golden). Вокругъ герба полагалась надпись: «Германскій союзъ». Это постановленіе сейма было подтверждено въ 1854 году. Ср. *Цахаріэ*, назв. соч., II, стр. 795; *Цёпфль*, назв. соч., I, стр. 324.

большимъ милліоновъ. Съ тѣхъ поръ, до 1860 года, ни разу не было приступлено къ провѣркѣ союзной переписи, хотя въ 1852 году народонаселеніе Германіи увеличилось до 42 слишкомъ милліоновъ. Но самый рѣшительный примѣръ представляетъ вопросъ о германскомъ *союзномъ флотѣ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что защита интересовъ столь обширнаго и притомъ столь промышленнаго государства (Gesammt-Macht), какъ Германскій союзъ, не могла быть достигнута съ помощію одной сухопутной арміи. Настоятельность союзнаго флота чувствовалась уже въ 1817 году. Вольные города: Бременъ, Гамбургъ и Любекъ горько жаловались сейму, что ихъ торговые корабли постоянно захватываются *варварійскими* пиратами, нападающими на нихъ даже въ Нѣмецкомъ морѣ и Ла-Маншѣ, подлѣ англійскихъ береговъ! Сеймъ передалъ просьбу въ коммиссію, и вопросъ оставался безъ движенія до 1848 года, то-есть, въ теченіе *тридцати-одного года*. Въ 1848 году событія Датской войны ясно обнаружили слабость Германіи. Маленькое государство, тѣснимое на сушѣ, могло, однако, наносить жестокіе удары врагу при помощи своего небольшого флота. Національное собраніе [1]), которому можно отказать во многомъ, но только не въ хорошихъ намѣреніяхъ, признало учрежденіе флота за неотложную потребность Союза. Оно постановило, что Союзъ долженъ отпустить 6 милліоновъ талеровъ на первоначальное устройство морскаго дѣла. Кое-что было сдѣлано избраннымъ тогда „блюстителемъ“ имперіи [2]). Но послѣ реставраціи, безсильный сеймъ не только не поддержалъ этого предпріятія, но въ 1852 году *распустилъ* флотъ и *продалъ* выстроенные уже корабли [3]).

При такихъ условіяхъ, сеймъ, конечно, не могъ осуществлять своихъ *активныхъ* правъ въ международномъ союзѣ, хотя конституція и давала ему на это полное право. По конституціи сеймъ могъ не только принимать, но и посылать отъ себя дипломатическихъ агентовъ. Не видно однако, чтобъ онъ хотя единожды воспользовался этимъ послѣднимъ правомъ. Кончилось даже тѣмъ, что писатели, незнакомые близко съ писанными учрежденіями Союза и судившіе

[1]) О значеніи этого собранія см. ниже, III главу.

[2]) Эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій, см. III главу.

[3]) Австрія доказывала даже, что союзъ не имѣетъ права собственности на флотъ. Она была права съ точки зрѣнія общихъ началъ союзнаго устройства, которыя пыталось измѣнить національное собраніе.

только по его практическимъ дѣйствіямъ, стали отрицать за сеймомъ право посылать дипломатическихъ агентовъ и тѣмъ вовлекли нѣмецкихъ публицистовъ въ довольно комическую полемику. Отказъ отъ самостоятельныхъ дипломатическихъ сношеній равнялся отказу въ дѣятельномъ участіи въ международныхъ сношеніяхъ съ цѣлью обезпеченія общегерманскихъ интересовъ.

Такова была компетенція и средства Союза относительно *главной* цѣли его учрежденія. Не болѣе пользы могъ онъ принести и въ другихъ отношеніяхъ.

б) *Права и средства союза относительно охраненія внутренняго мира.* Идея „мира" — великая и плодотворная идея, если принимать ее въ обширномъ, нравственно-философскомъ смыслѣ, — нисколько, однако, не объясняетъ идеи того мира, какой долженъ былъ поддерживать союзъ въ своихъ предѣлахъ. Подобно всѣмъ возвышеннымъ и нѣсколько романтическимъ идеямъ временъ Священнаго союза, идея „мира" въ практическомъ своемъ приложеніи приняла довольно узкій и отчасти полицейскій характеръ. Сеймъ былъ призванъ поддерживать внутренній миръ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ случаѣ столкновеній между отдѣльными государствами союза, и 2) въ случаѣ пререканій между подданными и правительствомъ въ отдѣльномъ государствѣ.

1) Роль сейма, въ случаѣ столкновенія между отдѣльными государствами союза, опредѣлялась XI статьею союзнаго акта. Она гласила, между прочимъ: „Члены союза обязываются ни подъ какимъ предлогомъ ни начинать другъ съ другомъ войны, ни разрѣшать своихъ споровъ силою, но представлять о нихъ сейму. Послѣдній долженъ чрезъ свой комитетъ изыскать средства къ примиренію; если примиреніе не состоится и потому окажется необходимость въ судебномъ рѣшеніи, оно должно быть постановлено *аустрегальною* инстанціей, приговору которой обѣ стороны должны немедленно подчиниться". Это начало развито въ статьяхъ 18—24 заключительнаго акта.

Общая цѣль этого постановленія состоитъ, очевидно, въ предупрежденіи междоусобныхъ войнъ; въ немъ находило свое ограниченіе право войны и мира, принадлежавшее каждому независимому германскому государству. Слѣдовательно, компетенція сейма опредѣлялась въ этомъ отношеніи *политическими* спорами, возникавшими между отдѣльными государствами. Въ предѣлахъ этой компетенціи, онъ долженъ былъ исполнять роль примирителя, а въ случаѣ неудачи предоставлять рѣшенію особаго третейскаго суда, извѣстнаго подъ име-

немъ *аустрегальной* инстанціи [1]). Не должно думать, что судъ этотъ былъ особымъ и постояннымъ учрежденіемъ союза, въ родѣ старыхъ имперскихъ судовъ.

Аустрегальная инстанція назначалась слѣдующимъ образомъ. Если сеймъ не успѣлъ примирить противниковъ, *обжалованная* сторона въ теченіе 4—6 недѣль должна была указать на *три* безпристрастныя державы союза, между которыми *жалобщикъ* долженъ былъ выбрать одну въ теченіе такого же срока [2]). Высшее судилище *этого* государства признается аустрегальною инстанціей; оно разсматриваетъ дѣло и произноситъ приговоръ именемъ союза. Онъ обязателенъ для сторонъ. Въ случаѣ неповиновенія сеймъ могъ привести его въ исполненіе посредствомъ союзной экзекуціи [3]).

Такимъ образомъ аустрегальный судъ, по своей идеѣ, являлся третейскимъ международнымъ судомъ, въ родѣ того, какимъ улажено въ послѣднее время столкновеніе между Англіей и Америкой. Онъ отличался только своею организаціей и нѣсколько бо̀льшими правами. Нельзя отрицать его пользы въ извѣстномъ отношеніи, но нельзя не замѣтить, что онъ ни въ чемъ не походилъ на тотъ „союзный судъ", о которомъ мечтали Штейнъ и Гумбольдтъ [4]).

[1]) Происхожденіе и значеніе этого слова и самаго учрежденія довольно замѣчательны. Названіе «аустрегальный» происходитъ отъ нѣмецкаго *austragen*, покончить, привести къ концу (теперь это слово измѣнило старое свое значеніе). Изъ этого нѣмецкаго слова сдѣлали *латинское (!)* austraego — третейскій судья. Учрежденіе аустрегальныхъ судовъ очень древне. Оно предшествовало учрежденію верховнаго имперскаго суда, рейхскаммергерихта (1495 г.). Они явились именно вслѣдствіе потребности, сознанной имперскими князьями, избѣгать междоусобій; потребность въ этихъ судахъ не изчезла и съ учрежденіемъ имперскаго суда, не всегда достигавшимъ своей цѣли. Но они остались въ качествѣ исключенія изъ общаго правила и только восполняли средства рейхскаммергерихта. Союзная конституція, не учредившая, какъ мы видѣли, верховнаго союзнаго суда, сдѣлала аустрегальный судъ общимъ правиломъ.

[2]) Если жалобщикъ пропустилъ срокъ, государство указывалось сеймомъ.

[3]) О союзныхъ экзекуціяхъ см. ниже.

[4]) Мѣсто не позволяетъ намъ останавливаться на другихъ обязанностяхъ сейма относительно поддержанія внутренняго мира. Сюда относится, напримѣръ, охраненіе нарушеннаго владѣнія (ст. 20 заключительнаго акта), спеціальный родъ аустрегальнаго разбирательства, установленнаго ст. 30 заключительнаго акта и т. д. Должно замѣтить, что вопросъ объ аустрегальныхъ судахъ очень подробно (какъ почти все) разсмотрѣнъ въ нѣмецкой литературѣ. Сюда относятся: *R. v. Mohl* Die öffentliche Rechtspflege des Deutschen Bundes; *Heffter*, Beiträge z. d. Staats-und Fürstenrecht; *Eichgorn*, Betrachtungen über die Verfassung des Deuts-

2) Довольно много постановленій заключаетъ въ себѣ заключительный актъ относительно поддержанія *внутренняго* спокойствія въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Они въ значительной степени объясняютъ непопулярность сейма въ массѣ Германскаго народа.

По общему принципу, установленному ст. 25 заключительнаго акта, охраненіе внутренняго мира предоставлялось правительству каждаго государства въ отдѣльности. Но въ видѣ *исключенія*, на основаніи какъ этой, такъ и другихъ статей заключительнаго акта, допускалось вмѣшательство союза во внутреннія отношенія каждаго государства въ слѣдующихъ случаяхъ: α) въ случаѣ неповиновенія подданныхъ правительству; β) въ случаѣ пререканій между палатами и правительствомъ относительно толкованія и примѣненія мѣстной конституціи; γ) въ случаѣ нарушенія смысла постановленій союзной конституціи. α) Статьи 25—28 заключительнаго акта постановляли, что сеймъ вмѣшивается во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ въ случаѣ происшедшихъ въ нихъ сопротивленій власти и безпорядковъ, грозящихъ спокойствію цѣлаго Союза. Здѣсь различались случаи безпорядковъ, происшедшихъ въ одномъ только государствѣ или въ нѣсколькихъ разомъ. Если безпорядки происходили въ одномъ государствѣ, Союзъ, по общему правилу, могъ вмѣшиваться, если эти безпорядки грозили общему спокойствію и не иначе, какъ по требованію мѣстной власти, которая предварительно должна была испробовать всѣ средства умиротворенія. Но если мѣстная власть не въ состояніи подавить безпорядковъ и лишена, кромѣ того, средствъ снестись съ сеймомъ, то послѣдній обязанъ оказать ей помощь по собственной инициативѣ. Если общественное спокойствіе нарушено разомъ въ нѣсколькихъ государствахъ, сеймъ предлагаетъ мѣстнымъ властямъ союзную помощь и даетъ ее, буде онѣ того пожелаютъ. Эти постановленія *въ приложеніи своемъ* порождали всеобщее неудовольствіе. Они, въ рукахъ отдѣльныхъ правительствъ, явились средствомъ подавленія всякихъ, самыхъ скромныхъ, попытокъ общественныхъ реформъ. Конституціонная жизнь, зарождавшаяся въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, не могла развиваться правильно, путемъ взаимныхъ уступокъ, потому что правительство могло разчитывать на поддержку Союза противъ неуступчивыхъ палатъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что понятіе „безпорядковъ“ было весьма обширно и неопредѣленно. Министер-

chen Bundes in Beziehung auf Streitigkeiten der Mitglieder etc.; *Leonchardi*, Das Austrägal-Verfahren des deutschen Bundes и т. д.

ская конференція 1832 года подвела подъ понятіе неповиновенія отказъ въ налогахъ, составляющій одно изъ существенныхъ правъ конституціонныхъ палатъ.

β) Разрѣшеніе пререканій относительно толкованія ея примѣненія признанной земской конституціи предоставлялось сейму въ слѣдующихъ случаяхъ: если конституція была гарантирована Союзомъ [1]); если палаты и правительство представятъ вопросъ добровольно на его разрѣшеніе, и наконецъ, если столкновеніе пріиметъ характеръ, указанный въ статьяхъ 25 и 26 заключительнаго акта. Гарантированная конституція охраняется союзомъ въ своей силѣ, независимо отъ обращенія къ нему палатъ и правительствъ вмѣстѣ. Не гарантированная конституція охраняется Союзомъ не въ дѣйствительномъ ея содержаніи, а въ предѣлахъ статьи XIII союзнаго акта, весьма, какъ мы видѣли, неопредѣленныхъ. Въ случаѣ пререканій относительно смысла и примѣненія конституціи, сеймъ долженъ былъ, въ случаѣ добровольнаго обращенія къ нему сторонъ, искать средствъ примиренія. Постановленіемъ сейма 1834 года предполагалось учредить для этой цѣли особый третейскій судъ. Но къ сожалѣнію, подобныя пререканія большею частью приравнивались къ случаямъ, предусмотрѣннымъ статьями 25 и 26 заключительнаго акта, и дѣло рѣшалось союзною экзекуціей.

γ) Обязанность охраненія точнаго смысла постановленій союзнаго акта давала сейму довольно неопредѣленныя права. Многолѣтняя практика истолковала ихъ далеко не въ пользу общественнаго развитія Германіи. Дѣятельность Союза въ этомъ отношеніи опредѣлялась *тремя* главными цѣлями, указанными въ союзномъ актѣ: 1) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ XIII ст. союзнаго акта; 2) наблюденіе за тѣмъ, чтобы внутренніе законы каждаго государства не заключали въ себѣ постановленій, препятствующихъ исполненію этими государствами обязанностей относительно Союза; 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы мѣстныя конституціи не противорѣчили монархическому принципу, въ смыслѣ, указанномъ 57 статьею союзнаго акта [2]). Въ отношеніи первой цѣли, дѣятельность сейма была немногосложна. При полной свободѣ, предоставленной каждому отдѣльному правительству, толковать смыслъ XIII статьи по своему усмотрѣнію [3]), союзнаго „наблюденія“

[1]) Закл. актъ ст. 61.

[2]) См. выше, въ этомъ же отдѣлѣ данной главы, разборъ дѣйствій Вѣнской конференціи министровъ.

[3]) Закл. актъ, ст. 55.

въ этомъ отношеніи не существовало и существовать не могло. Австрія и Пруссія, ограничившіяся введеніемъ *областнаго* представительства съ весьма ограниченными правами, считались исполнившими XIII статью въ такой же мѣрѣ, какъ Баварія и Виртембергъ. Когда новый Ганноверскій король въ 1837 году отмѣнилъ своею властью конституцію 1833 года [1]), и ганноверскіе чины, на основаніи сеймоваго постановленія 1834 года, обратились [2]) къ сейму, послѣдній отвѣчалъ, что онъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла. Наоборотъ, во время столкновенія въ Кургессенѣ въ 1850 и слѣдующихъ годахъ, сеймъ счелъ себя въ правѣ отмѣнить мѣстную конституцію, какъ „несогласную съ основными началами союзной конституціи".

в) *Содѣйствіе внутреннему благосостоянію Германіи.* Объ этомъ предметѣ мы можемъ сказать очень мало. Сами основатели Германскаго союза указали ему другую общую цѣль — охраненіе внѣшняго и внутренняго спокойствія Германіи. Попеченіе о благосостояніи могло явиться и дѣйствительно явилось только *добавочною* цѣлью. Въ такомъ смыслѣ редактирована XIX статья союзнаго акта. Она содержитъ въ себѣ обѣщаніе, что члены союза вступятъ въ соглашеніе о правилахъ, касающихся торговли, сообщеній и судоходства [3]). Это обѣщаніе нисколько не налагало на нихъ *обязанности*, даже условной. Изъ выраженія XIX статьи: „die Bundesglieder behalten sich vor" явствуетъ, что XIX статья разсматривала предполагаемыя „совѣщанія", какъ факультативное право отдѣльныхъ членовъ Союза, которые могли имъ воспользоваться или нѣтъ, по своему усмотрѣнію. Вѣнскій заключительный актъ, довольно подробный въ другихъ отношеніяхъ, нисколько не развилъ этого постановленія. XIX статья осталась мертвою буквой, и всѣ улучшенія экономическаго быта Германіи въ періодъ съ 1865 по 1866 годъ были сдѣланы частными усиліями отдѣльныхъ государствъ. Союзныя предпріятія въ этомъ смыслѣ не могли имѣть успѣха, вопервыхъ, потому, что Союзъ не имѣлъ самостоятельной законодательной власти, въ истинномъ значеніи. Постановленія сейма разсматривались, какъ результатъ соглашенія отдѣльныхъ правительствъ, а потому были обяза-

[1]) Объ этомъ см. въ III главѣ.

[2]) См. непосредственно предъ симъ, п. β.

[3]) С. А. ст. XIX: «Die Bundesglieder behalten sich vor, bei der ersten Zusammenkunft der Bundesversammlung wegen des Handels und Verkehrs zwischen den verschiedenen Bundesstaaten, so wie wegen der Schiffahrt noch Anleitung der auf dem Congress zu Wien angenommenen Grundsätze, in Berathung zu treten».

тельны для однихъ правительствъ, съ которыми сеймъ только и имѣлъ дѣло. Значеніе закона, обязательнаго для массы народонаселенія, сеймовыя постановленія получали только тогда, когда каждое отдѣльное правительство обнародовало его въ своихъ владѣніяхъ. Посему сеймъ и не имѣлъ возможности наблюдать за дѣйствительнымъ примѣненіемъ своихъ постановленій. Вовторыхъ, самая возможность изданія постановленій, касающихся внутренняго быта Германіи, даже въ предѣлахъ компетенцій сейма, была затруднена порядкомъ распредѣленія голосовъ въ тѣсномъ совѣтѣ и plenum'ѣ, о которомъ мы говорили выше. Затѣмъ, къ отсутствію общаго законодательства по извѣстнымъ предметамъ внутренняго благосостоянія присоединялось отсутствіе общихъ установленій исполнительной власти, *зависящихъ прямо отъ союза*, и которымъ сеймъ могъ бы ввѣрить завѣдываніе тою или другою частью. Наконецъ, сеймъ не далеко ушелъ отъ старой имперіи въ отношеніи *финансовыхъ средствъ* своихъ. При такихъ условіяхъ ему нельзя даже ставить въ вину его бездѣйствія по вопросамъ экономической политики Германіи.

г) *Охраненіе правъ частныхъ лицъ и обществъ*. Мы видѣли выше, что мысль объ обезпеченіи союзною властью нѣкоторыхъ основныхъ правъ (Grundrechte) цѣлому народонаселенію Германіи, независимо отъ условій юридическаго быта въ томъ или другомъ государствѣ Союза, не была принята составителями союзнаго акта, или была принята въ весьма слабой степени. Только нѣкоторыя *отдѣльныя* начала были признаны обязательными для всѣхъ членовъ Союза. Сюда относится: политическая и юридическая равноправность всѣхъ *христіанскихъ* вѣроисповѣданій, свобода передвиженія и переселенія изъ одного *германскаго* государства въ другое и право вступленія въ службу различныхъ союзныхъ правительствъ — права, обставленныя, однако, разными стѣснительными условіями. Кромѣ того, союзный актъ заключалъ въ себѣ обѣщаніе, что самъ, въ первую же сессію свою, займется составленіемъ единообразныхъ правилъ касательно свободы печати и обезпеченія авторскихъ правъ отъ контрфакціи [1]). Но лица, заинтересованныя свободою печати, имѣли основаніе сожалѣть, что подобная статья помѣщена въ союзномъ актѣ. Не будь ее, сеймъ не имѣлъ бы основанія издавать постановленій о печати. Теперь онъ, пользуясь своимъ правомъ, могъ опредѣлить границы печатнаго слова, и подъ вліяніемъ политики Вѣнскаго кабинета, установилъ границы весьма

[1]) Союзный актъ, ст. XVIII, 2, п. д.

стѣснительныя. Инициатива этихъ стѣсненій принадлежала, правда, не сейму. Первоначально сеймъ, не „очищенный“ еще княземъ Меттернихомъ, издалъ правила въ духѣ Гагерна и Штейна. Но на Карлсбадскихъ конференціяхъ министровъ (1819 года) были предписаны строгія цензурныя правила. Они, вмѣстѣ съ другими правилами, подобными имъ, были утверждены сеймомъ на пять лѣтъ, то-есть, до 1824 года. Но это утвержденіе возобновлялось потомъ постоянно, вслѣдствіе чего германское общество было свидѣтелемъ довольно страннаго явленія. Отдѣльныя государства, Баденъ, Виртембергъ и т. п., воспользовавшись неопредѣленнымъ смысломъ XIII статьи, ввели у себя представительныя учрежденія въ новомъ смыслѣ; но они должны были сохранить у себя разныя цензурныя стѣсненія, и конституціонная жизнь должна была идти безъ свободы печати, что много содѣйствовало недѣйствительности самыхъ представительныхъ учрежденій.

На практикѣ сеймовыя постановленія выработали двѣ формы охраненія частныхъ правъ, именно—они признавали: 1) право обращаться къ сейму въ случаѣ *отказа* или *замедленія* въ правосудіи (wegen Verweigerung oder Verzögerung der Rechtspflege) и 2) право подавать сейму прошенія всякаго другаго содержанія (Eingaben).

1. Статья 29 заключительнаго акта содержала въ себѣ слѣдующее постановленіе: „если въ одномъ изъ союзныхъ государствъ обнаружится случай отказа въ правосудіи, и законныя средства помощи окажутся недостаточными, сеймъ обязанъ принимать жалобы, *доказанныя, на основаніи конституціи и законовъ каждой отдѣльной страны*, на отказъ или замедленіе въ правосудіи и содѣйствовать (bewirken) къ доставленію судебной помощи у союзнаго правительства, подавшаго поводъ къ жалобѣ“. Отсюда выходитъ слѣдующее:

α) Сеймъ долженъ былъ констатировать самый фактъ отказа въ правосудіи на основаніи законовъ той страны, на правительство которой подана была жалоба. При отсутствіи общаго права и полной независимости каждаго государства, сеймъ не имѣлъ предъ собою высшихъ руководящихъ началъ для оцѣнки дѣйствій даннаго правительства. Посему дѣйствительность и самая необходимость въ союзной помощи была обратно пропорціональна совершенству судоустройства и судопроизводства въ данной странѣ. Такія государства, какъ Баденъ или Виртембергъ, конечно, подавали мало поводовъ къ жалобамъ этого рода. Напротивъ того, безпрерывныя несправедливости, совершавшіяся въ Кургессенѣ, Брауншвейгѣ и т. п. государствахъ, не могли быть устранены помощію сейма. Какъ могъ сеймъ, въ дан-

номъ случаѣ, удостовѣриться въ существованіи факта отказа въ правосудіи? Тѣмъ ли, что судъ отказался принять данное дѣло къ своему разбирательству, — хотя по общимъ юридическимъ началамъ онъ былъ компетентенъ? Но правительство могло возразить, что данный родъ дѣлъ „по законамъ его страны" подлежитъ особымъ установленіямъ, или могло привести еще то основаніе, что данное дѣло спеціально изъято изъ судебнаго вѣдомства въ силу права, принадлежащаго правительству „по законамъ страны". Словомъ, чѣмъ меньше законодательство и судебныя учрежденія даннаго государства удовлетворяли началамъ права, тѣмъ труднѣе было доказать наличность отказа въ правосудіи, и тѣмъ больше основаній имѣлъ сеймъ отказать просителю.

β) Сеймъ не входилъ въ разсмотрѣніе самаго существа дѣла, такъ какъ онъ не былъ судебною инстанціей. Онъ только могъ понудить правительство къ удовлетворенію просителя, въ случаѣ необходимости даже посредствомъ союзной экзекуціи. Но конечно, союзная экзекуція не была мѣрою, къ которой сеймъ рѣшился бы прибѣгнуть по поводу жалобы частнаго лица.

2. Значеніе прошеній, которыя частныя лица имѣли право подавать сейму, опредѣлить довольно трудно. Особеннаго значенія это право не могло имѣть уже по одному тому, что постановленіемъ сейма 1831 года было воспрещено подавать *коллективныя* прошенія, касающіяся общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Этимъ постановленіемъ сеймъ думалъ гарантировать себя отъ всякаго вліянія со стороны общественнаго мнѣнія.

Союзная экзекуція. Какъ ни ограниченъ былъ кругъ вѣдомства сейма, но даже въ предѣлахъ его онъ не могъ разчитывать на обязательную силу своихъ распоряженій въ случаѣ упорства отдѣльныхъ его членовъ. Союзъ не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ массѣ Германскаго народа по данному кругу дѣлъ и не могъ приводить въ исполненіе своихъ распоряженій *независимо* отъ отдѣльныхъ правительствъ. Напротивъ, онъ не могъ иначе осуществлять свои предписанія, какъ *при помощи* этихъ правительствъ. На этомъ принципѣ была построена такъ-называемая союзная экзекуція [1]).

Начала этого порядка заключались въ слѣдующемъ: Сеймъ на-

[1]) Постановленія о союзной экзекуціи (Bundesexecution) изложены 1) въ Заключительномъ актѣ, ст. 31—34, и 2) въ экзекуціонномъ уставѣ (Executionsordnung) 3-го августа 1820 года.

значалъ изъ своей среды, такъ-называемую экзекуціонную коммиссію (Executions-Commission). Она состояла изъ пяти членовъ и двухъ кандидатовъ и назначалась на полгода. На нее возлагалась обязанность слѣдить за исполненіемъ предписаній сейма. Если она находила, что предписанія сейма не исполняются однимъ изъ правительствъ, или исполняются неудовлетворительно, въ сеймѣ возникала слѣдующая процедура:

1) Коммиссія представляла свое заключеніе сейму.

2) Сеймъ назначалъ срокъ, въ теченіе котораго уполномоченный даннаго правительства долженъ былъ или извѣстить сеймъ объ исполненіи его опредѣленія, или объяснить законные поводы неисполненія.

3) Если въ теченіе даннаго срока объясненіе не было представлено или признавалось неудовлетворительнымъ, то коммиссія входила съ новымъ представленіемъ въ сеймъ.

4) Сеймъ обсуждалъ это представленіе, и если находилъ доводы коммиссіи уважительными, опредѣлялъ прибѣгнуть къ экзекуціи.

5) Не приводя этого опредѣленія въ исполненіе, онъ сообщалъ уполномоченному данной державы о принятомъ рѣшеніи и назначалъ новый срокъ для исполненія.

6) Въ случаѣ неисполненія этого требованія, сеймъ, по представленію той же коммиссіи, опредѣлялъ приступить къ экзекуціи и извѣщалъ о томъ непокорную державу.

7) Сдѣлавъ это сообщеніе, сеймъ назначалъ *правительство*, на которое должно быть возложено веденіе союзной экзекуціи. При этомъ онъ опредѣлялъ потребное для того количество войска и т. д.

8) Избранное для веденія союзной экзекуціи правительство могло *отказаться* отъ возлагаемаго на него порученія, подъ условіемъ представленія достаточныхъ для того основаній.

9) Сеймъ обсуждалъ основанія, приведенныя послѣднимъ правительствомъ, и если находилъ ихъ достаточными, или если оно упорствовало въ своемъ отказѣ, то возлагалъ порученіе на другое правительство [1]).

10) Правительство, принявшее на себя экзекуцію, не приступая

[1]) Правительство, отказавшееся отъ экзекуціи безъ достаточныхъ основаній, брало, впрочемъ, на себя отвѣтственность предъ Союзомъ за могущіе произойти отсюда убытки и другія затрудненія.

къ ней, приглашало подлежащее экзекуціи правительство исполнить требованіе Союза въ теченіе трехъ недѣль [1]).

11) Если извѣщенное правительство не исполняло требованія, то наступало дѣйствительное исполненіе экзекуціи.

Экзекуціонное исполненіе рѣшеній аустрегальныхъ судовъ было обставлено еще бо̀льшимъ количествомъ условій.

Понятно само собою, что такая экзекуція была весьма слабымъ средствомъ въ рукахъ союза. Слабая вообще, эта мѣра оказывалась вполнѣ неприложимою къ сколько-нибудь могущественному государству, не говоря уже о такихъ державахъ, какъ Австрія и Пруссія. Даже по отношенію къ слабой Даніи, союзныя экзекуціи 1848 и 1863 годовъ получили значеніе нѣкоторыхъ геройскихъ предпріятій, покрывшихъ союзное оружіе „неувядаемою славою". Союзная экзекуція противъ Пруссіи въ 1866 году кончилась паденіемъ Союза и гибелью многихъ изъ державъ, взявшихъ на себя эту обязанность.

Таковъ былъ характеръ Германскаго Союза. Созданный поспѣшно, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, онъ влачилъ свое существованіе, не уважаемый правительствами и пользуясь всеобщимъ нерасположеніемъ народонаселенія. Слабый и даже неслышный въ вопросахъ внѣшней политики, безсильный во всѣхъ вопросахъ національнаго благосостоянія, онъ, однако, былъ удобнымъ орудіемъ для подавленія всѣхъ новыхъ стремленій и начинаній. Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для единства, славы и могущества страны, онъ нерѣдко стѣснялъ отдѣльныя правительства, вступавшія на путь преобразованій. Народы часто — это показалъ примѣръ Франціи — мирятся съ административными неудобствами и ограниченіями свободы, даже съ тяжелыми повинностями, если это выкупается сильною національною политикою, попеченіемъ о благосостояніи народа, славой оружія, всеобщимъ уваженіемъ среди другихъ державъ. Но установленіе безсильное и безславное и въ то же время служащее орудіемъ непопулярныхъ мѣръ никогда не примиритъ съ собою никого. Таково было правительство Іакова II въ Англіи. Германскій Союзъ былъ одновременно воплощеннымъ отрицаніемъ единства Германіи и постояннымъ напоминаніемъ, что ни одна изъ надеждъ, волновавшихъ патріотовъ въ 1815 и слѣдующихъ годахъ, не осуществилась и не осуществится, пока будетъ существовать Союзъ. Онъ существовалъ не какъ „необходимое въ свое время учрежденіе", а какъ доказатель-

[1]) Исключенія изъ этого правила допускались въ особенно важныхъ случаяхъ.

ство неосуществимости какихъ бы то ни было *общихъ учрежденій* въ Германіи, пока она не выйдетъ изъ своего разъединенія. Онъ долженъ былъ не видоизмѣниться, а пасть при развитіи тѣхъ условій, отсутствіе которыхъ дало ему бытіе — сознанія національнаго единства и центра этого единенія. Союзъ могъ пасть отъ двухъ причинъ: или совокупнымъ дѣйствіемъ всего Германскаго народа, или дѣйствіемъ одной изъ державъ, достаточно сильной, чтобы подчинить себѣ всѣ другія. Первый путь былъ испытанъ въ 1848 году и оказался неудачнымъ. Результаты втораго мы видимъ теперь, и намъ предстоитъ разсмотрѣть условія, подготовившія могущество Пруссіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутренняя исторія Союза до 1848 года.

Торжество партикуляризма. — Причины этого явленія. — Партикуляристическія стремленія въ высшихъ классахъ общества. — Ихъ теорія и аргументы. — Критика этой теоріи. — Очеркъ внутренней исторіи отдѣльныхъ государствъ Германіи до 1848 года. — *Австрія*. — Общая задача ея политики; внутреннія мѣры; отношенія къ союзу. — *Среднія и мелкія государства*. — Конституціонныя учрежденія на юго-западѣ Германіи и ихъ характеръ. — Реакція на сѣверо-востокѣ. — Движеніе 1830 года и его ближайшіе результаты. — Новая реакція. — *Пруссія*. — Характеръ и смыслъ произведенной въ ней реставраціи. — Общая характеристика Прусскаго государства. — Его внутреннее развитіе въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. — Новая система народнаго образованія, финансоваго и административнаго управленія. — Отношеніе къ Германіи. — Таможенный союзъ; его исторія, установленіе и ближайшія послѣдствія. — Заключеніе.

Безсиліе и безсодержательность союзной власти открывали широкую дорогу партикуляризму; мѣстная самостоятельность отнынѣ могла развиваться не только какъ *фактъ*, подобно „земельному верховенству“ въ старой Имперіи, но какъ *право*, торжественно признанное и провозглашенное какъ международными договорами всей Европы, такъ и союзною конституціею.

Въ этомъ фактѣ, повидимому, не было ничего прискорбнаго; напротивъ, онъ открывалъ Германіи, по мнѣнію весьма многихъ, самую свѣтлую будущность. Унитаризмъ Штейновъ и Гарденберговъ далеко не былъ всеобщимъ стремленіемъ германскаго общества. Мы не говоримъ уже о томъ, что народныя массы искони разчлененной Германіи смутно сознавали единство Германіи, въ его *политическомъ* значеніи. Солидарность Баварцевъ, Саксонцевъ, Нассаусцевъ и т. д., если она существовала независимо отъ великихъ минутъ патріотиче-

скихъ увлеченій (какъ въ 1813—1815 г.), была скорѣе *нравственною* связью, порождаемою единствомъ языка, нѣкоторыхъ обычаевъ, преданій, чѣмъ серьезною политическою силою. Притомъ не должно забывать, что реформація провела рѣзкую границу между католическою и протестантскою частью Германіи. Мы не говоримъ далѣе о массѣ землевладѣльческой аристократіи, о бюргерахъ древнихъ городовъ, привыкшихъ къ своимъ мѣстнымъ вольностямъ, мѣстному управленію и не видѣвшихъ свѣта дальше своей общины и земскихъ чиновъ (Landstände) феодальнаго образца. Партикуляристическія стремленія были сильны даже въ высокообразованной части общества, призванной быть представителемъ и руководителемъ общественнаго мнѣнія. И здѣсь, повидимому, онъ имѣлъ весьма законныя основанія.

Дипломаты Вѣнскаго конгресса, говорили они, создали слабую союзную власть; но этому должно только радоваться. Другъ свободы и просвѣщенія не могъ желать другаго результата. Если бы даже дипломаты конгресса были проникнуты наиболѣе либеральными стремленіями, они не могли бы организовать политическую свободу Германіи, при отсутствіи потребныхъ для того элементовъ.

Конечно, старое рыцарство, пропитанное феодальными преданіями, не было приготовлено для новыхъ политическихъ идей; средній классъ, богатый и зажиточный, лучшая опора конституціи въ духѣ французскаго парламентаризма, еще не существовалъ. Аристократія и бюргеры понимали свободу въ смыслѣ средневѣковыхъ своихъ „вольностей“, обременительныхъ для низшихъ классовъ [1]). Послѣдніе только что вышли изъ феодальной зависимости (и то не вездѣ) и не имѣютъ ни образованія, ни благосостоянія. Поэтому политическій прогрессъ долженъ былъ начаться и завершиться предварительно въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Но всѣмъ, кромѣ того, извѣстно настроеніе, господствовавшее на вѣнскомъ конгрессѣ. Не сдѣлалось ли бы сильное союзное правительство могущественнымъ, непреодолимымъ ору-

[1]) Въ этомъ смыслѣ къ высшимъ классамъ Германіи можно было примѣнить замѣчаніе *Бёрне* относительно французской аристократіи. «Отъ внимательныхъ читателей французскихъ газетъ, говоритъ онъ, не ускользнуло, что аристократы, какъ на трибунѣ, такъ и въ сочиненіяхъ, всегда говорятъ о свободахъ (les libertés, по нашему—вольности) и никогда не употребляютъ слова свобода... Различіе между свободами и свободой также велико, какъ между Богомъ и богами. Какъ истинная вѣра состоитъ въ признаніи единаго Бога, такъ истинная политическая религія въ признаніи единой свободы. Народъ можетъ имѣть свободу безъ свободъ и вольности безъ свободы». Сочиненія, т. VII, афор. 54.

діемъ реакціи? Сеймъ, при всей своей слабости, пытался останавливать политическое развитіе отдѣльныхъ державъ. Что же сдѣлало бы сильное союзное правительство, преданное реакціи? Раздробленіе Германіи, слѣдовательно, есть условіе ея внутренней свободы. Пусть нѣкоторыя государства преданы реакціи и даютъ просторъ произволу; за то другія служатъ убѣжищемъ свободы мысли и религіи. Отсюда, рано или поздно, лучшій порядокъ перейдетъ къ отсталымъ сосѣдямъ. Нужно ли говорить объ условіяхъ умственнаго и экономическаго развитія? Унитаріи утверждаютъ, что только солидная центральная власть можетъ обезпечить условія культурнаго развитія Германіи. Но не заблужденіе ли это? Опытъ исторіи показываетъ, что централизація обусловливаетъ приливъ общественныхъ силъ къ центру государствъ и убиваетъ творческія силы отдѣльныхъ мѣстностей; съ прекращеніемъ жизни въ частяхъ, не замедлитъ изсякнуть творчество и въ самомъ центрѣ. Притомъ сосредоточенная народная сила, въ сознаніи своего могущества, не отвратится ли отъ внутренней, духовной жизни, и отъ преслѣдованія мелкихъ, но весьма существенныхъ экономическихъ интересовъ у себя дома? Не обратится ли она къ безплоднымъ внѣшнимъ предпріятіямъ, чтобы славою оружія замѣнить славу умственныхъ успѣховъ? Да предохранитъ Богъ Германію отъ такого исхода! Теперь, слабая, правда, для активной роли въ Европѣ, она достаточно сильна для охраненія своей безопасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ процвѣтаютъ отдѣльные центры Германской промышленности и науки! Нужно ли говорить объ экономическомъ значеніи Франкфурта, Гамбурга, Лейпцига и другихъ городовъ? Не говорятъ ли сами за себя такіе умственные центры, какъ Іена, Геттингенъ, Гейдельбергъ, Боннъ-на-Рейнѣ, Мюнхенъ, Берлинъ? Не при дворѣ ли небольшаго Саксенъ-Веймарскаго герцогства собрались недавно лучшія умственныя силы Германіи и превратили Саксенъ-Веймаръ въ новыя Аѳины? Германія не можетъ и не должна уступить эти вѣрныя, реальныя блага, эти славныя преданія призрачному единству, послѣдствія котораго весьма сомнительны.

Таковы, приблизительно, были соображенія, руководившія партикуляристами весьма почтенными. Они имѣютъ внѣшній видъ убѣдительности и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были дѣйствительны для своего времени. Можно привести много соображеній въ пользу того, что господство партикуляризма должно было играть роль переходной ступени къ дальнѣйшему развитію Германіи и что союзъ былъ необходимымъ компромиссомъ между преданіями стараго порядка и

не окрѣпшими еще требованіями новаго. Но внутренняя несостоятельность вышеприведенныхъ соображеній слишкомъ очевидна.

Во первыхъ, мысль о томъ, что мелкія государства служили разсадникомъ новыхъ политическихъ учрежденій вѣрна въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ государствахъ были октроированы разныя хартіи, но всѣ эти учрежденія были весьма шатки, потому что основаніе ихъ было не въ *общегерманскомъ правѣ*, гарантированномъ сильною союзною властью, а въ доброй волѣ отдѣльныхъ правительствъ, которыя имѣли всѣ средства ограничить и видоизмѣнить дарованныя ими права по своему усмотрѣнію. Въ большинствѣ государствъ, обладавшихъ хартіями, послѣднія долго не получали дѣйствительнаго значенія. Періодъ времени съ 1815 по 1848 годъ можно назвать эпохою господства призрачнаго конституціонализма (Scheinkonstitutionalismus). Слѣдовательно, потребность сильной федеративной власти, обезпечивающей нѣкоторыя начала общаго права, не только не прекращалась, но росла съ каждымъ годомъ, привела къ взрыву 1848 года и поддержала стремленія Пруссіи съ 1866 года.

Во вторыхъ, понятія партикуляризма и унитаризма противуположны вовсе не въ томъ смыслѣ, что послѣдній предполагаетъ сосредоточеніе *всѣхъ* общественныхъ силъ и правительственныхъ правъ въ одномъ мѣстѣ. Французская централизація не есть *единственная* противуположность старому союзному устройству Германіи. Отъ него рѣзко отличалась правильно организованная федеральная власть. Правильное федеративное устройство предполагаетъ, между прочимъ, сосредоточеніе въ рукахъ союзнаго правительства нѣкоторыхъ административныхъ задачъ и подчиненіе его законодательству нѣкотораго числа вопросовъ, имѣющихъ общенаціональное значеніе, съ предоставленіемъ такому правительству самостоятельныхъ средствъ къ осуществленію возложенныхъ на него обязанностей. Затѣмъ остается еще масса вопросовъ, предоставленныхъ мѣстнымъ правительствамъ, облеченнымъ широкими правами автономіи. Таково устройство Сѣверо-Американской федераціи; этимъ она отличается отъ жалкаго государственнаго устройства 1776 года, приводившаго въ отчаяніе Вашингтона, Франклина, Гамильтона, и отъ германскаго союзнаго устройства. Федерація не предполагаетъ безсилія союзной власти и лишенія ея какихъ бы то ни было аттрибутовъ власти. Неудивительно поэтому, что потребность въ общемъ законодательствѣ и общей администраціи по нѣкоторымъ вопросамъ росла въ Германіи

съ каждымъ годомъ и сама собою приводила къ установленію общаго правительства. Оставалось только овладѣть этимъ стремленіемъ и дать ему практическое выраженіе.

Такимъ образомъ исторія Германскаго союза есть и долженствовала быть исторіею постепеннаго его паденія, обусловленнаго внутреннимъ развитіемъ каждаго изъ отдѣльныхъ его государствъ. Эту исторію мы и попытаемся изложить въ немногихъ словахъ.

Первенство во внутренней политикѣ союза не только de jure, но и de facto принадлежало *Австріи*. Идеи ея правительства давали общій тонъ и направленіе политикѣ другихъ государствъ. Этому способствовало не только естественное и традиціонное преобладаніе австрійскаго дома въ Германіи, но и то важное обстоятельство, что представители крайнихъ ученій 1815 года имѣли достаточно времени утвердить господство своей системы. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ представители власти смѣнялись, системы ихъ измѣнялись и колебались, австрійская система въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній представлялась одними и тѣми же лицами. Князь Меттернихъ стоялъ въ главѣ австрійской политики съ 1809 до $^{1}/_{13}$ марта 1848 года, когда онъ бѣжалъ въ Англію 75-лѣтнимъ старцемъ. Императоръ Францъ I [1]), возвысившій Меттерниха, царствовалъ съ 1792 до 1835 года, оставивъ въ преемникѣ своемъ, Фердинандѣ I, государя совершенно расположеннаго къ руководству Меттерниха. Такимъ образомъ до 1848 года политика Австрійскаго двора не потерпѣла измѣненія въ существенныхъ своихъ чертахъ и Австрія вѣрно хранила залогъ, оставленный 1815 годомъ.

Этимъ началомъ собственно и опредѣляется Австрійская политика. Сохранить status quo, установленный вѣнскими трактатами и старыми преданіями Австріи, предохранить какъ это государство, такъ и государства союзныя отъ новыхъ идей и формъ, приходившихъ изъ Франціи, — такова была цѣль, неуклонно преслѣдуемая австрійскою политикою въ теченіе 33 лѣтъ, отдѣляющихъ вѣнскій конгрессъ отъ потрясеній 1848 года. Ничего творческаго она не заключала въ себѣ; для осуществленія предположенныхъ ею цѣлей достаточно было мѣръ отрицательныхъ. Онѣ примѣнялись какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Внутренняя политика имѣла цѣлью оградить Австрію отъ наплыва новыхъ ученій и какихъ бы то ни было реформъ въ государ-

[1]) Какъ императоръ бывшей священной имперіи — Францъ II.

ственномъ хозяйствѣ и администраціи. Экономическія идеи Австріи держались на почвѣ самаго узкаго протекціонизма и это постоянно препятствовало ей приступить къ знаменитому таможенному союзу, руководимому мудрою политикою Пруссіи. Ничего не было сдѣлано для улучшенія экономическаго быта низшихъ классовъ народонаселенія; даже крѣпостное право процвѣтало въ разныхъ областяхъ имперіи. Производство и отпускная торговля не соотвѣтствовали богатымъ естественнымъ средствамъ страны. Система казенныхъ монополій стѣсняла и безъ того слабую торговлю. Монетная система и состояніе государственнаго кредита были вполнѣ неудовлетворительны. Не смотря на свои превосходные порты на Адріатическомъ морѣ, Австрія не имѣла флота и для купеческихъ кораблей своихъ должна была исходатайствовать покровительство *турецкаго* флота. Система образованія была поставлена въ весьма невыгодныя условія. Количество народныхъ школъ было номинально велико. Но изъ $2^{1}/_{2}$ мил. дѣтей, обязанныхъ посѣщать ихъ, въ дѣйствительности посѣщали ихъ менѣе $^{3}/_{5}$ этого числа. Гимназіи и университеты, поставленные подъ строгій полицейскій надзоръ, были стѣснены какъ въ преподаваніи, такъ и въ выборѣ предметовъ для преподаванія. Преподаваніе философіи, исторіи, даже древнихъ языковъ было ограничено; покровительствовалось преподаваніе естественныхъ наукъ и, такъ сказать, прикладная ихъ сторона. Затѣмъ всѣ учебныя заведенія были ввѣрены ближайшему надзору духовенства, значительно стѣснявшему и безъ того ограниченныя рамки преподаванія. Этими мѣрами Австрія вполнѣ выдѣлилась изъ духовнаго и экономическаго движенія, такъ или иначе совершившагося въ остальной Германіи.

Во внѣшней политикѣ Австрію, конечно, нельзя было упрекнуть въ какихъ-нибудь завоевательныхъ планахъ и рѣшительныхъ мѣрахъ. Она вполнѣ довольствовалась удобствами, доставляемыми ей раздробленіемъ Германіи. Для обезпеченія ея преобладанія наиболѣе цѣлесообразною была система государствъ *средней* величины, недостаточно сильныхъ, чтобы противустоять ей, но достаточно сильныхъ, чтобы сломить сопротивленіе мелкихъ государствъ и составить оплотъ противъ Пруссіи, соперничества которой всегда опасался австрійскій дворъ. Въ системѣ среднихъ, разъединенныхъ государствъ, открывалось обширное поле для дипломатическаго искусства, въ которомъ князь Меттернихъ долгое время не зналъ себѣ соперниковъ. Являясь „охранительницею“ союза, Австрія всегда имѣла средства направлять и внутреннюю политику этихъ государствъ въ смыслѣ, соотвѣтствую-

щемъ началамъ 1815 года, какъ это показали событія 1820 и 1832 годовъ.

Прочія государства, кромѣ Пруссіи, не могли, въ такой степени какъ Австрія, предохранить себя отъ наплыва новыхъ идей. Многія изъ нихъ выступили на путь представительныхъ учрежденій, — одни вскорѣ послѣ образованія союза, другія позже [1]).

[1]) Для удобства читателей, здѣсь не безполезно будетъ представить небольшую таблицу постепеннаго развитія представительныхъ учрежденій въ Германіи въ хронологическомъ порядкѣ. Мы будемъ означать и *родъ* введеннаго представительства—именно *сословнаго* или *представительнаго* въ новомъ смыслѣ.

Названіе государствъ.

2-го сентября 1814 г. — *Нассау* (сослов. у.).

15-го января 1816 г. — *Шаумбургъ-Липпе* (тоже).

19-го апрѣля 1816 г. — *Вальдекъ* (тоже).

5-го мая 1816 г. — *Саксенъ-Веймаръ* (парл. устр., улучш. въ 1850 и 1852 гг.).

19-го марта 1818 г. — *Гильбургаузенъ* (сосл. у.).

26-го мая 1818 г. — *Баварія* (парлам. у., улучш. въ 1848 и 1850 гг.).

22-го августа 1818 г. — *Баденъ* (парл. у.).

9-го ноября 1818 г. — *Лихтенштейнъ* (сосл. у.).

25-го сентября 1819 г. — *Виртембергъ* (тоже).

7-го декабря 1819 г. — *Ганноверъ* (сосл. у.).

25-го апрѣля 1820 г. — *Брауншвейгъ* (тоже).

17-го декабря 1820 г. — *Гессенъ-Дармштадтъ* (парл. у.).

29-го іюня 1821 г. — *Кургессенъ* (сосл. у.).

8-го августа 1821 г. — *С. Кобургъ* (пред. у.).

4-го сентября 1824 г. — С. *Мейнингенъ* (тоже).

23-го августа 1829 г. — Общій основной законъ для соединенныхъ въ 1826 г. *С. Мейнингена* и *Гильбургаузена*.

5-го января 1831 г. — *Кургессенъ* (пред. у. Эта конст. изм. въ 1849 г. и отмѣнена сеймомъ въ 1852 г. Конфликтъ не разрѣшился вполнѣ до присоединенія Кургессена къ Пруссіи).

29-го апрѣля 1831 г. — *С. Альтенбургъ* (пред. у.).

4-го сентября 1831 г. — *Кор. Саксонія* (пред. у.; до того времени старинныя сосл. учр., не обновленныя въ XIX ст.).

12-го октября 1832 г. — *Брауншвейгъ* (тоже).

26-го сентября 1833 г. — *Ганноверъ* (тоже, отм. въ 1837 г. кор. Эрнстомъ-Августомъ).

15-го мая 1834 г. — *Шлезвигъ-Гольштейнъ* (сосл. мѣстное предст.).

6-го іюля 1836 г. — *Липпе-Детмольдъ* (пред. у. Нов. избират. зак. 1849 г. Отм. правит. въ 1853 г. Конституція 1836 г. возстановлена).

12-го октября 1841 г. — *Люксембургъ* (до того онъ пользовался учрежденіями нидерланд. конст. 1815 г. въ 1841 г., получ. отдѣльное устройство, видоизмѣненное конституціею 1848 года и затѣмъ, конституціею 27-го ноября 1856 года.

Въ этомъ отношеніи должно различать государства ближайшія къ Франціи отъ державъ центральной и восточной Германіи. Юго-западныя государства, коренные и главные члены бывшаго Рейнскаго союза, были поставлены въ особенныя условія. Они, подъ покровительствомъ Франціи, обезпечили и развили полную свою независимость отъ имперіи, которую потомъ ревниво охраняли и противъ плановъ Пруссіи на вѣнскомъ конгрессѣ. Эта „мѣстная независимость" воплотилась въ полновластіи монарховъ, которые успѣли уничтожить въ своихъ владѣніяхъ всѣ остатки средневѣковыхъ земскихъ членовъ. На вѣнскомъ конгрессѣ они протестовали противъ обязательнаго введенія народнаго представительства въ отдѣльныхъ державахъ. Виртембергское правительство не участвовало даже въ совѣщаніяхъ; баварскій уполномоченный вышелъ послѣ 6-го засѣданія. Подобнымъ же образомъ велъ себя Баденъ. Между тѣмъ эти три государства, вмѣстѣ съ Гессенъ-Дармштадтомъ первыя получили обновленное народное представительство. Этотъ фактъ объясняется различно. Вопервыхъ, государи этихъ странъ протестовали противъ общеобязательнаго введенія представительства, главнымъ образомъ, во имя своего мѣстнаго самодержавія, но вовсе не изъ вражды къ конституціоннымъ учрежденіямъ. Баденъ издавна сдѣлался центромъ либеральныхъ идей; короля Виртембергскаго Вильгельма величали при вѣнскомъ дворѣ коронованнымъ якобинцемъ. Независимо, отъ этого новое представительство, основанное на октроированной хартіи, привлекало ихъ гораздо

29-го октября 1848 г. — *Ангальтъ-Дессау* (парл., изм. въ 1850 г.).

5-го декабря 1848 г. — *Пруссія* (изм. и обнародовано въ новомъ видѣ 31-го января 1850 г.).

14-го декабря 1848 г. — *Ангальтъ-Бернбургъ* (пред. у., изм. въ 1850 г. Общая конст. для двухъ Ангальтовъ 1859 г.).

5-го сентября 1848 г. — *Ганноверъ* (пред. устр. пріостановлено въ 1851 г. и отм. въ 1855 г. замѣн. октроир. конст.).

Кромѣ того, въ 1848 г. произошли видоизмѣненія въ конституціяхъ разныхъ германскихъ государствъ, имѣвшихъ уже представ. устройство, напримѣръ, въ Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ, Кургессенѣ и т. д.

17-го марта 1849 г. — *Австрія* (пред. у. от. въ 1851 г.).

26-го марта 1849 г. — *С. Гота* (тоже, въ 1852 г. мая 3-го изд. общая конст. для Сакс.-Готы и Кобурга).

18-го февраля 1849 г. — *Ольденбургъ* (тоже, изм. въ 1852 т. ноября 22-го).

12-го декабря 1849 г. — *Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ* (тоже, изм. 1852, 1854 1856 и 1857 гг.).

23-го мая 1849 г. — *Вальдекъ* (тоже, изм. 1852 г.).

... января 1850 г. — *Гамбургъ* (отм. 1852 г.).

больше, чѣмъ основанное на историческихъ привиллегіяхъ сословное представительство, борьба котораго (особенно въ Виртембергѣ) съ королевскою властью была еще памятна и чувствовалась живо. Можно было ожидать, что новое представительство, дарованное милостью короля, меньше стѣснитъ его власть, чѣмъ строптивые полу-феодальные чины (что̀ дѣйствительно и случилось). Не безъ вліянія было и то обстоятельство, что новыя государственныя формы могли выдѣлить юго-западную Германію изъ массы государствъ реакціоннаго сѣверо-востока, придать имъ особенное значеніе въ глазахъ націи и на долго задержать унитарныя стремленія въ подданныхъ. Вводя у себя новыя учрежденія, юго-западныя государства рисковали весьма немногимъ, а относительно своего значенія въ Германіи выигрывали много. Виртембергъ, Баварія, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ составили теперь особую систему государствъ, съ особыми политическими интересами и особою ролью въ союзѣ.

Сѣверо-восточная Германія въ массѣ подчинилась политикѣ австрійскаго двора. Реакція восторжествовала вездѣ, хотя не вездѣ приняла одинаковыя формы. Въ Ганноверѣ она упрочила могущество землевладѣльческой аристократіи, съ потребностями которой сообразовалось государственное устройство 1819 года. Подобный же характеръ приняла она и въ Мекленбургѣ, который и донынѣ является хранителемъ средневѣковой старины. Въ Кургессенѣ курфюрстъ тщательно возстановилъ свои старыя прерогативы, объявивъ все, совершившееся съ 1806 по 1814 годъ, не совершившимся. Дѣло дошло тамъ до „востановленія“ косъ и пудры. Въ Саксоніи король Фридрихъ-Августъ I, прозванный Справедливымъ, поддержалъ учрежденія, къ которымъ онъ привыкъ въ теченіе 59-лѣтняго царствованія своего (1768—1827). Двѣ главныя державы востока и всей Германіи, Австрія и Пруссія, не допустили общегосударственнаго представительства даже въ сословной его формѣ. Обѣщанная королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ 1815 году конституція не была дана; реформы ограничились введеніемъ областнаго представительства (Provinzialstände, 1823 г.). Австрія ограничилась тѣмъ же [1]). Даже три вольныхъ города, Бременъ, Любекъ и Гамбургъ возстановили у себя средневѣковыя муниципальныя учрежденія, тогда какъ Франкфуртъ преобразовалъ свое устройство.

[1]) Эти провинціальныя собранія были введены въ различныхъ земляхъ австрійской короны (нѣмецко-славянскихъ) съ 1816 года.

Событія двадцатыхъ годовъ положили конецъ движенію политической жизни въ Германіи. Идеи возстановителей стараго порядка — Галлера, Генца и друг. были въ полномъ ходу. Только изъ Бадена, съ его болѣе демократическимъ государственнымъ устройствомъ и сравнительною свободою преподаванія, исходило нѣкоторое противодѣйствіе реакціоннымъ стремленіямъ. Оппозиція въ нижней палатѣ Баденскаго великаго герцогства и литературная дѣятельность профессоровъ Роттека и Велькера являлись слабымъ, конечно, противовѣсомъ идеямъ противуположнымъ. Сигналъ новому политическому движенію былъ поданъ изъ Франціи. Іюльская революція 1830 года подала поводъ къ волненіямъ одновременно въ различныхъ частяхъ Германіи.

Первоначально политическое броженіе въ Германіи привело къ осязательнымъ результатамъ. Успѣхъ его былъ обезпеченъ явною несостоятельностію разныхъ существовавшихъ учрежденій и плохими свойствами отдѣльныхъ правителей. Въ Кургессенѣ курфюрстъ Вильгельмъ II [1]) навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе крайнею своею расточительностію и неблаговидными отношеніями къ графинѣ Рейхенбахъ, ради которой онъ оставилъ всѣми любимую и уважаемую жену свою, сестру Прусскаго короля [2]). Курфюрстъ и его наложница дѣлали всякое правильное государственное управленіе невозможнымъ. 16-го сентября вспыхнулъ мятежъ, курфюрстъ долженъ былъ уступить и подписать конституціонный актъ (1-го января 1831 года). Вслѣдъ затѣмъ онъ навсегда оставилъ свое государство и передалъ управленіе въ руки своего сына.—Въ *Брауншвейгѣ* управленіе, послѣ смерти герцога Фридриха-Вильгельма, находилось въ рукахъ короля англійскаго и ганноверскаго Георга IV, назначеннаго опекуномъ двухъ малолѣтнихъ сыновей герцога—Карла и Вильгельма (съ 1815 г.). Графъ Мюнстеръ, ганноверскій министръ, управлявшій отъ имени Георга IV Брауншвейгомъ, ввелъ сюда сословное представительство, а правительственную власть ввѣрилъ особому тайному совѣту. Между тѣмъ Карлъ доканчивалъ свое воспитаніе, которое сдѣлало изъ него весьма поверхностнаго, расточительнаго и своевольнаго юношу. Въ 1823 году онъ вступилъ въ управленіе. Тайный совѣтъ былъ имъ отмѣненъ;

[1]) Сынъ курфюрста Вильгельма I, род. въ 1777, ум. въ 1847 г. Наслѣдовалъ престолъ отъ отца своего въ 1821 году.

[2]) Курфюрстъ былъ женатъ на сестрѣ Фридриха-Вильгельма III Прусскаго— Августѣ († въ 1841). Она уступила мѣсто г-жѣ Эмиліи Ортлёнъ, возведенной въ званіе графини Рейхенбахъ († въ 1843).

конституція 1820 года—также, на томъ основаніи, что Карлъ признавалъ ее аристократическою, но объ новой не было и рѣчи. Расточительность и произволъ въ управленіи достигли крайнихъ размѣровъ. Въ сентябрѣ 1830 года началось формальное возстаніе. Карлъ бѣжалъ изъ государства; его братъ Вильгельмъ былъ призванъ на его мѣсто (25-го апрѣля 1831 года) и издалъ новую конституцію (12-го октября 1832 года).—Въ *Саксоніи* король пользовался общимъ уваженіемъ. Но правительственная система, въ которой вліяніе іезуитовъ чувствовалось весьма сильно и тяжко, средневѣковое устройство народнаго представительства, вполнѣ безполезное и обременительное—вызывали всеобщее неудовольствіе. Возстаніе началось съ уличныхъ безпорядковъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ и, мало по малу, вынудило короля дать народу конституцію (4-го сентября 1831 г.). Подобныя же обстоятельства вызвали возстаніе и въ Ганноверѣ, гдѣ аристократическая реакція привела къ учрежденію олигархическаго представительства 1819 года. Новыя требованія не вызвали особеннаго сопротивленія въ королѣ ганноверскомъ и англійскомъ Вильгельмѣ IV (26-го іюня 1830—20-го іюня 1837 гг.). Прямодушный и смѣлый морякъ, онъ содѣйствовалъ осуществленію знаменитой парламентской реформы въ Англіи (1832 года). Требованія Ганноверцевъ также были удовлетворены изданіемъ конституціи 1833 года.

Но эти частные успѣхи казались разнымъ политическимъ мечтателямъ предвѣстіемъ всеобщей и болѣе радикальной германской революціи. Они рѣшились на поступки, вызвавшіе общегерманскую реакцію. Именно 24-го мая 1832 года къ развалинамъ Гамбахскаго замка стеклась толпа, въ 30.000 человѣкъ, для устройства общенаціональнаго праздника. Трудно представить, сколько несообразностей было здѣсь сдѣлано и сказано! Здѣсь была, между прочимъ, высказана мысль объ учрежденіи республиканскихъ соединенныхъ штатовъ изъ всей Европы, раздавались крики о низверженіи всѣхъ монарховъ и т. д. Во Франкфуртѣ, 3-го апрѣля 1833 года, горсть заговорщиковъ рѣшилась ниспровергнуть весь существующій порядокъ силою, полагая, что къ ней присоединятся единомышленники изъ всѣхъ странъ Европы. Дѣло кончилось, однако, неудачнымъ нападеніемъ на двѣ франкфуртскія гауптвахты, причемъ нѣсколько человѣкъ было убито.

Оба эти событія, высказавшія безсиліе и даже нелѣпость „всеобщей революціонной партіи", вооружили бдительнаго князя Меттерниха сильными доказательствами въ пользу своей системы. Подъ его вліяніемъ снова начались министерскія конференціи, результатъ которыхъ

былъ сходенъ съ послѣдствіями карлсбадскихъ конференцій 1819 г. Во Франкфуртѣ была учреждена центральная сыскная коммиссія для преслѣдованія демагогическихъ происковъ; цензурныя строгости были усилены; даже въ Баденѣ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовала свобода печати, сеймъ заставилъ ввести цензурный уставъ. Фрейбургскій университетъ былъ закрытъ, Роттекъ и Велькеръ лишены мѣстъ. Права народнаго представительства, гдѣ оно существовало, были стѣснены тѣмъ, что, вопервыхъ, отказъ въ утвержденіи бюджета приравненъ къ мятежу противъ правительства, вовторыхъ, тѣмъ, что обнародованіе преній обставлено ограничительными условіями.

Въ отдѣльныхъ государствахъ реакція привела къ самымъ печальнымъ результатамъ. Въ *Баваріи* король Людвигъ I (1825—1848 гг.), прежде либерально настроенный, щедрый покровитель наукъ и художествъ [1]), теперь, опираясь на олигархическую и клерикальную партію, сдѣлался орудіемъ реакціонныхъ мѣръ, приведенныхъ въ систему знаменитымъ министерствомъ Абеля (1837—1847). Въ *Ганноверѣ* только что пріобрѣтенныя учрежденія были утрачены безъ особеннаго сопротивленія. Въ 1837 году скончался бездѣтный король Англіи и Ганновера Вильгельмъ IV. Отнынѣ два государства, до тѣхъ поръ соединенныя [2]), должны были раздѣлиться. Порядокъ престолонаслѣдія въ Англіи и Ганноверѣ былъ различенъ. Англійскіе законы признаютъ преимущество лицъ мужескаго пола предъ лицами женскаго только въ одной и той же линіи; но женщина, принадлежащая къ старшей линіи, имѣетъ право заступленія и потому исключаетъ агнатовъ младшихъ линій. На этомъ основаніи юная Викторія наслѣдовала своему дядѣ, Вильгельму IV [3]). Напротивъ ганноверскій поря-

[1]) Ему Баварія вообще и Мюнхенъ въ особенности обязаны такими учрежденіями, какъ Пинокотека, знаменитая библіотека и т. п. Онъ содѣйствовалъ также процвѣтанію Мюнхенскаго университета.

[2]) Съ призваніемъ ганноверской династіи на англійскій престолъ (1714 -1837). Изъ этого времени должно вычесть періодъ чужеземнаго занятія (1801—1813).

[3]) Слѣдующая таблица лучше всего уяснитъ дѣло:

Георгъ III.
(1760—1820 гг.).

Георгъ IV. (бездѣт.) † 1830 г.	Вильгельмъ IV. (бездѣт.) † 1837 г.	Эдуардъ, герцогъ Кентскій.	Эрнстъ-Августъ, герцогъ Кумберландскій.
		Викторія.	Георгъ.

Такимъ образомъ Викторія заступила мѣсто отца своего, герцога Эдуарда Кент-

докъ совершенно устранялъ женщинъ отъ престола; герцогъ Кумберландскій, дядя Викторіи, сдѣлался королемъ [1]). Если Ганноверцы и радовались, что отнынѣ ихъ небольшое королевство будетъ „вполнѣ независимо", то ихъ кратковременная радость вскорѣ обратилась въ печаль. Изъ всѣхъ сыновей Георга III, Эрнстъ-Августъ наиболѣе напоминалъ старшаго своего брата, бывшаго короля Георга IV, который еще при жизни отца отличался разгульнымъ образомъ жизни, приводилъ въ ужасъ своихъ кредиторовъ и потомъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе неблаговиднымъ процессомъ противъ своей жены [2]). Эрнстъ-Августъ, покидая Англію въ качествѣ новаго ганноверскаго короля, оставилъ по себѣ неблагопріятныя воспоминанія; какъ членъ верхней палаты, онъ принадлежалъ къ ультра-торійской партіи; какъ сотоварищъ своего старшаго брата, онъ оставилъ въ прежнемъ отечествѣ страшную цифру долговъ. Маленькое королевство, престолъ котораго отнынѣ принадлежалъ ему, казалось достаточнымъ источникомъ для покрытія грѣховъ первыхъ 66 лѣтъ его жизни. Между тѣмъ въ новомъ своемъ отечествѣ онъ нашелъ конституцію, значительно ограничивавшую прерогативу короля. Первымъ его актомъ было непризнаніе конституціи 1833 года, подъ тѣмъ предлогомъ, что она была дана безъ его согласія. Благодаря этому дѣйствію обширныя имущества короны, объявленныя по конституціи государственною собственностію, перешли снова въ личное распоряженіе короля, который и могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ ими. Произвольная отмѣна конституціи обошлась безъ особеннаго сопротивленія. Государственные чины обратились къ сейму, но сеймъ принялъ сторону короля. Только семь профессоровъ Гёттингенскаго университета признали невозможнымъ согласить присягу, данную ими конституціи, съ вѣрностью королю, отмѣнившему ее; они обнародовали свой протестъ и были уволены. Это были: Альбрехтъ, Веберъ, Гервинусъ, Вильгельмъ и Яковъ Гриммы, Дальманъ и Эвальдъ [3]). За-

скаго, умершаго еще при жизни Георга IV (23-го января 1820 года) и исключила дядю своего герцога Кумберландскаго и его сына Георга (род. въ Англіи 27-го мая 1819 года, въ 1851 году сдѣлался Ганноверскимъ королемъ подъ именемъ Георга V).

[1]) Эрнстъ-Августъ Кумберландскій род. въ 1771 году, † въ 1851 году.

[2]) Каролина-Амалія-Елисавета род. въ 1768 году, ум. въ 1821 году.

[3]) Приводимъ нѣкоторыя подробности объ этихъ профессорахъ, знаменитыхъ въ ученомъ мірѣ:

1) *Альбрехтъ* (Вильг. Эд.) род. въ 1800 году; съ 1830 года профессоръ юридическаго факультета въ Гёттингенскомъ университетѣ. Послѣ изгнанія изъ

тѣмъ Эрнстъ-Августъ односторонне далъ новое устройство 1840 г., принятое вновь созванными сословными чинами.

Среди этихъ безпрерывныхъ колебаній, мало двигавшихъ дѣло впередъ, рѣзко выдѣлялась политика государства, которому суждено было подготовить и осуществить единство Германіи. Успѣхи Пруссіи коренились въ историческихъ условіяхъ этой страны съ 1815 по 1866 годъ. Основательное изученіе исторіи должно привести и приводитъ къ тому убѣжденію, что во всемірной исторіи нѣтъ, такъ сказать, *незаслуженныхъ* и случайныхъ успѣховъ, если имѣть въ виду успѣхи прочные. Военная диктатура, основанная во Франціи Наполеономъ I, не была „случайнымъ и незаслуженнымъ успѣхомъ". Армія французской республики, отстоявшая независимость отечества, чистая отъ неистовства партій 1793 года, отъ позора, какимъ покрыла себя директорія (1795 — 1799 гг.), была не только физическою, но и нравственною силою, которая должна была обрушиться на глубоко

Ганновера принятъ былъ въ Лейпцигскій университетъ и въ 1849 году участвовалъ, какъ увидимъ ниже, въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ.

2) *Веберъ* (Вильг. Эд.) род. въ 1804 году. Извѣстный физикъ и естествоиспытатель. Вмѣстѣ съ Э. Г. Веберомъ разработалъ теорію свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ. Знаменитъ своими сочиненіями о магнетизмѣ и электричествѣ.

3) *Гервинусъ*, Георгъ-Готфридъ (1805—1861). Знаменитый авторъ «Исторіи XIX вѣка» (1855—1866), «Исторіи нѣмецкой національной литературы» (1835—1842), изслѣдованія о Шекспирѣ (1849), и мног. друг. Послѣ катастрофы 1837 года перешелъ, въ 1844 году, въ Гейдельбергъ, гдѣ и умеръ.

4) *Яковъ Гриммъ* (1785—1863). Знаменитый лингвистъ, авторъ исторіи нѣмецкаго языка, нѣмецкой граматики, нѣмецкой миѳологіи, нѣмецкихъ юридическихъ древностей и т. д. Изгнанный ганноверскимъ правительствомъ, онъ былъ призванъ прусскимъ въ Берлинъ (1841).

5) *Вильгельмъ Гриммъ* (1786—1859), братъ предыдущаго, раздѣлявшій съ нимъ труды по изданію нѣмецкихъ былинъ и т. п. Онъ и самостоятельно издалъ много произведеній національной литературы. Прусское правительство призвало его въ Берлинъ одновременно съ его братомъ.

6) *Фр. Христ. Дальманъ* (1785—1860). Извѣстный историкъ и публицистъ, еще до катастрофы 1838 года получившій громкую извѣстность своими трудами: «Forschungen auf dem Gebiete der deutschen Geschichte (1822—1823), Quellenkunde der deutsch. Gesch. (1830), Politik (1835) и друг. Имъ же была составлена конституція 1833 года. Въ 1842 году онъ былъ призванъ въ Боннъ. Мы встрѣтимся съ нимъ еще въ 1848 году.

7) *Эвальдъ* (Георгъ-Генрихъ Ф.) род. въ 1803 году. Ученый оріенталистъ, извѣстный своими сочиненіями: «Исторія еврейскаго народа»; «Учебникъ еврейскаго языка»; «Первыя три Евангелія» и друг. Въ 1838 году онъ былъ приглашенъ въ Тюбингенъ; въ 1848 году возвратился въ свой родной Гёттингенъ.

деморализированное общество Франціи. Роль Пруссіи въ Германіи, разъединенной, слабой, деморализированной политикою австрійскаго двора, терявшей уваженіе къ власти въ лицѣ государей, какъ курфюрстъ Гессенскій, герцогъ Брауншвейгскій и Эрнстъ-Августъ Гановерскій, значительно напоминала роль французской арміи въ 1799 году и арміи „святыхъ“, упрочившей могущество Кромвеля.

Пруссія послѣ 1815 года сохранила свой типъ абсолютной монархіи. Но эту монархію никакъ нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ прочими абсолютными монархіями Германіи, реставрированными въ 1815 году. Реставрація принесла однимъ государствамъ ненавистныя всѣмъ средневѣковыя учрежденія, бережно сохраненныя до разгрома 1801—1814 гг.; въ другихъ явились конституціонныя учрежденія, быстро выродившіяся въ прозрачный конституціонализмъ, особенно тяжело дѣйствовавшій на людей опредѣленныхъ и твердыхъ убѣжденій. Въ Пруссіи издавна начался процессъ глубокаго и разумнаго государственнаго развитія, который былъ прерванъ событіями 1791—1807 гг., возобновился подъ твердою рукою Штейновъ и Гарденберговъ и не останавливался до нашихъ дней. Для прусскаго народа „реставрація“ далеко не имѣла того значенія, какъ для другихъ народовъ Германіи. Она не означала здѣсь возстановленія дикихъ феодальныхъ привиллегій, тягостныхъ повинностей, отжившихъ корпорацій, даже косъ и пудры. Идея новаго государства, выясненная Фридрихомъ II, неуклонно шла къ своему торжеству. Реформы Штейна улучшили положеніе низшихъ классовъ и положили начало мѣстному самоуправленію; всеобщая воинская повинность, организованная *Шарнгорстомъ* [1]), всеобщее обязательное обученіе воспитывали совершенно новое общество. Монархическая власть не была солидарна съ нѣкоторыми сословіями и не становилась орудіемъ ихъ интересовъ; она *возвышалась* надъ ними wie ein Rocher de bronze [2]), въ качествѣ представительницы новой государственной идеи и опиралось на свою собственную силу. Независимость и сила королевской власти дозво-

[1]) Гергардъ-Давидъ ф. Шарнгорстъ род. въ 1756 году; въ 1801 году онъ поступилъ въ прусскую службу; съ 1807 г. по 1810 г. управлялъ всею военною частью; † въ 1813 году.

[2]) Извѣстное выраженіе прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I (1713—1740): «Ich stabilire die Souvereneté wie ein Rocher de bronce». Эта смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ объясняется обычаями берлинскаго двора и завоеваніями, сдѣланными французскимъ языкомъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ во всѣхъ государствахъ Европы.

ляли ей производить коренныя общественныя реформы, двигать впередъ законодательство не только безъ малѣйшаго ущерба своему авторитету, но къ явному его возвеличенію. Этой силѣ королевской власти содѣйствовали и личныя качества ея представителей, лучше сказать, традиціонныя свойства знаменитой династіи Гогенцолерновъ.

Нельзя было не питать уваженія къ этой вполнѣ національной, бережливой и трудолюбивой династіи. Члены ея ничѣмъ не напоминали такихъ государей Германіи, какъ курфюрстъ Карлъ Брауншвейгскій, или Эрнстъ Августъ Ганноверскій. Они не видѣли въ абсолютной власти средства неограниченно пользоваться государственными имуществами для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей. Вѣруя въ силу и божественное происхожденіе королевской власти, они были проникнуты сознаніемъ ея высокаго назначенія. Девизъ великаго курфюрста [1]) гласилъ: pro Deo et populo; Фридрихъ II высказалъ мысль, что le monarque est le premier domestique de l'état. Этотъ достойный крестникъ нашего Великаго Петра, который съ такимъ же правомъ могъ примѣнить къ себѣ поговорку крестника, остался вѣренъ своему девизу. По мѣрѣ силъ и способностей, задача, указанная Фридрихомъ, осуществлялась и его преемниками. Спокойные обладатели наслѣдственной и сильной власти, они не должны были прибѣгать для ея поддержанія къ тѣмъ мѣрамъ, какія были въ ходу въ Вѣнѣ. Скептическій князь Меттернихъ, въ глубинѣ души не вѣрившій въ проповѣдуемыя имъ теоріи, слишкомъ поверхностный для серьезнаго чувства долга, сталъ на сторожѣ новыхъ идей, торжество которыхъ онъ предвидѣлъ, и предотвращалъ его безпощадными полицейскими мѣрами и искаженіемъ системы образованія. Глубоко вѣрующіе и сознающіе свою силу Гогенцолерны смѣло шли на встрѣчу общественнымъ требованіямъ и удовлетворяли ихъ, по скольку это не было сопряжено съ ущербомъ королевской прерогативы.

При такихъ условіяхъ неудовольствіе, порожденное реакціею во всей Германіи, въ Пруссіи было низведено до minimum'а. Неудовлетвореннымъ оставалось здѣсь, главнымъ образомъ, требованіе новой формы правленія. Но это требованіе, безъ связи съ другими реальными общественными стремленіями, по возможности удовлетворявшимися, было слишкомъ отвлеченно, непонятно для массы и во всѣхъ отношеніяхъ преждевременно. Прусскіе короли могли назвать самихъ

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный великимъ курфюрстомъ, основатель прусскаго могущества, царствовалъ съ 1640 по 1688 годъ.

себя весьма хорошими конституціями, во всякомъ случаѣ лучшими, чѣмъ призрачная конституція Баваріи, съ ея клерикалами и іезуитами.

Конечно, Пруссія, въ періодъ времени отъ 1815 до 1848 года, далеко не свободна отъ упрековъ въ различныхъ, весьма печальныхъ заблужденіяхъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ III (1797—1840 гг.) во многихъ отношеніяхъ подпалъ вліянію австрійской политики. Послѣ событій, вызвавшихъ карлсбадскую конференцію, онъ отказался отъ услугъ такихъ людей, какъ В. Гумбольдтъ, Гарденбергъ, Бейме и друг.; мѣсто ихъ заняли Витгенштейнъ, Камцъ и т. п. Началось преслѣдованіе отдѣльныхъ лицъ, указанныхъ изъ Вѣны, въ качествѣ опасныхъ. Такъ пострадали патріоты Арндтъ [1]), Янъ [2]), Гёрресъ [3]) и друг. Цензурныя строгости доходили иногда до странности. Такъ, цензурѣ велѣно было не пропускать выраженія „протестантъ" и „протестантское вѣроисповѣданіе", замѣняя его выраженіемъ „евангелическій".

Бюрократическая опека часто заслуживала упрековъ, дѣлаемыхъ ей Штейномъ. Во время событій 1832 и 1834 гг. Пруссія слишкомъ усердно осуществляла на сеймѣ идеи Вѣнскаго кабинета.

Но всѣ эти мѣры имѣли, такъ сказать, спорадическій, отрывочный характеръ. Они не были плодомъ общей, глубоко усвоенной си-

[1]) Эрнстъ Морицъ *Арндтъ* (1769—1860). Извѣстный германскій историкъ, поэтъ и горячій патріотъ. Въ горькій для Пруссіи періодъ 1807—1814 гг. поддерживалъ народный духъ и былъ ревностнымъ подвижникомъ Штейна, съ которымъ и раздѣлялъ его изгнаніе. Въ 1815 году поступилъ въ прусскую службу и въ 1817 году занялъ каѳедру исторіи въ Боннѣ. Въ качествѣ «опаснаго демагога», смѣщенъ въ 1819 и возвращенъ къ своему мѣсту только Фридрихомъ Вильгельмомъ IV въ 1840 году. Его историческіе труды, мемуары, стихотворенія и т. д., весьма многочисленны. Онъ участвовалъ и въ національномъ собраніи 1848 года. Умеръ на 91 году!

[2]) Фридр. Людв. *Янъ* (Jahn) род. въ 1768, ум. въ 1852 году. Его зовутъ отцомъ гимнастическихъ обществъ (Turn Vater). Горячій патріотъ, онъ сдѣлалъ изъ гимнастическихъ обществъ и гимнастическихъ союзовъ (Turnvereine) средство сближенія германской молодежи разныхъ странъ и орудіе проповѣди единой Германіи. Съ 1819 года онъ жилъ то въ тюрьмѣ, то подъ строгимъ надзоромъ. Въ 1848 году былъ депутатомъ въ національномъ собраніи. Фр. Людв. Яна не должно смѣшивать съ извѣстнымъ филологомъ Отто Яномъ (1831—1869), который также принималъ участіе въ событіяхъ 1848 года.

[3]) Іосифъ Гёрресъ (1776—1848 гг.) ученый богословъ и публицистъ. Въ 1820 году бѣжалъ отъ преслѣдованія во Францію и съ 1827 года сдѣлался профессоромъ въ Мюнхенѣ, гдѣ совершенно измѣнилъ свой прежній образъ мыслей.

стемы, какъ въ Австріи. Ни одно истинно уважающее себя и вѣрящее въ свою силу правительство (а такимъ было правительство Гогенцолерновъ) не рѣшится возвести застой въ принципъ политики и не ограничитъ своей дѣятельности мѣрами отрицательными. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ царствованіе Фридриха Вильгельма III. Къ этому времени относятся реформы, видоизмѣнившія общественный и административный бытъ Пруссіи.

Хотя Штейна и Гарденберга не было уже въ администраціи, но все, совершенное ими, сохранилось. Право пріобрѣтенія поземельной собственности всѣхъ видовъ, одинаково открытое для всѣхъ [1]), уничтоженіе поземельной зависимости [2]), крѣпостнаго права [3]), утвержденіе права собственности за крестьянами, поселенными на коронныхъ земляхъ въ восточной и западной Пруссіи, также въ Бранденбургѣ [4]), городовое положеніе [5]), законъ о свободѣ промышленности [6]),—всѣ эти реформы, долженствовавшія обновить Пруссію, остались неприкосновенными. Но творческая сила Прусскаго государства проявляла себя и послѣ реставраціи. Вопервыхъ, всеобщая воинская повинность, организованная Шарнгорстомъ въ видѣ временной мѣры, была возведена 3-го сентября 1814 года на степень общаго закона. Это примѣненіе принципа равноправности къ отправленію одной изъ самыхъ тягостныхъ повинностей показало, какъ мало общаго имѣла Пруссія съ феодальными государствами остальнаго сѣвера Германіи. Затѣмъ царствованіе Фридриха Вильгельма III было плодотворно относительно организаціи народнаго образованія.

Здѣсь мы должны упомянуть о дѣятельности человѣка, память котораго, конечно, не изгладится въ Пруссіи, именно о министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *Альтенштейнъ* [7]). Другъ и любимецъ Гарденберга, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей славной плеяды государственныхъ людей временъ Штейна и Гумбольдта. Положеніе его среди Витгенштейновъ, Камцевъ, Штоль-

[1]) Эдиктъ 9-го октября 1807 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Кабинетскій указъ 28-го октября 1807 года, обязательный для всѣхъ прусскихъ провинцій.

[4]) Эдиктъ 27-го іюня 1808 года. Имъ было надѣлено 125.000 крестьянскихъ семействъ.

[5]) 19-го ноября 1808 года.

[6]) Законъ 28-го октября 1810 года (въ министерство Гарденберга).

[7]) Karl Freiherr Stein zum Altenstein, 1770—1840 гг. Къ сожалѣнію, полной и подробной біографіи Альтенштейна не существуетъ.

цевъ и т. п., было чрезвычайно трудно. Кромѣ того, реакціонныя мѣры союза, направленныя противъ университетовъ и гимназій, значительно стѣсняли осуществленіе его плановъ. Не смотря на это онъ успѣлъ удержать за собою должность въ теченіе 23-хъ лѣтъ (1817 — 1840) и сдѣлать чрезвычайно много. Ему принадлежитъ, вопервыхъ, новая организація элементарнаго обученія, то-есть, народныхъ школъ. Конечно, въ этомъ отношеніи ему не пришлось бороться противъ принциповъ, враждебныхъ образованію народной массы. Еще общее земское уложеніе Пруссіи [1]) признало элементарное образованіе не только полезнымъ, но и *обязательнымъ*. Оставалось только распространить дѣйствіе этого начала на тѣ мѣстности, гдѣ не дѣйствовало земское уложеніе; это было сдѣлано указомъ 14-го мая 1825 г. Но примѣненіе этого благотворнаго принципа встрѣчало затрудненіе въ матерьяльныхъ средствахъ страны, раззоренной войною и тяжкими контрибуціями. И здѣсь обнаружилось все искусство Альтенштейна. Организованная имъ школьная система, по количеству и качеству заведеній, считалась образцовою [2]). Точно также была организована система гимназическаго образованія. Альтенштейнъ увеличилъ количество этихъ заведеній, принялъ мѣры къ подготовкѣ учителей (въ которыхъ сначала чувствовался недостатокъ) чрезъ учрежденіе особыхъ семинарій въ Боннѣ, Кёнигсбергѣ и Галле. Средства гимназій были увеличены устройствомъ библіотекъ, естественно-историческихъ коллекцій, физическихъ кабинетовъ въ каждой изъ нихъ. Планъ преподаванія былъ тщательно обработанъ. Наконецъ, университеты нашли въ Альтенштейнѣ дѣятельнаго и доброжелательнаго покровителя. Еще въ 1809 году, въ качествѣ министра финансовъ,

[1]) Система начальныхъ училищъ была организована въ Пруссіи еще въ царствованіе Фридриха Вильгельма I. Новый общій уставъ для школъ изданъ Фридрихомъ II. Въ этомъ уставѣ уже проводится начало обязательнаго обученія. Общее земское уложеніе 1794 приняло это начало, предписавъ каждому обывателю, не имѣющему средствъ доставить своимъ дѣтямъ домашнее образованіе, посылать ихъ въ школу. Посѣщеніе школы должно было продолжаться до надлежащаго удостовѣренія, что дитя пріобрѣло необходимыя свѣдѣнія (die einem Jeden vernunftigen Menschen seines Standes nothwendigen Kenntnisse erworben hat). Ср. *Rönne*, Staatsrecht der Pr. Mon., т. I, § 202. Конечно, точное исполненіе этого требованія было трудно при феодальной и даже крѣпостной зависимости массы крестьянъ. Но съ 1807 года это препятствіе было устранено.

[2]) Въ Пруссіи уже въ 1822 г., при народонаселеніи въ 11.664.133 д. числилось народныхъ училищъ 20.440, обязательно посѣщаемыхъ 1.427.045 уч. Ср. *Окольскій*, «Объ отношеніи государства къ народному образованію», стр. 570.

онъ содѣйствовалъ учрежденію Берлинскаго университета, куда предполагалось привлечь лучшія научныя силы Германіи. Затѣмъ онъ вліялъ на учрежденіе другаго университета — въ Боннѣ. Средства прусскихъ университетовъ—Берлинскаго, Кёнигсбергскаго, Бреславльскаго и друг., — постоянно увеличивались. Умный министръ бережно охранялъ свободу преподаванія, на сколько это дозволяли усилія реакціи. Онъ пріютилъ въ Берлинскомъ университетѣ Гегеля, философія котораго имѣла такое преобладающее значеніе въ Европѣ. Кромѣ того, Альтенштейнъ, какъ начальникъ медицинской части, содѣйствовалъ ея успѣхамъ, въ размѣрахъ, не виданныхъ въ Пруссіи.

Не менѣе успѣховъ представляла область государственнаго хозяйства, поставленнаго подъ руководство фонъ Матца (Matz) и Маассена (Maassen). Здѣсь задача администраціи была еще труднѣе, чѣмъ въ области народнаго образованія. Пруссія вышла изъ войны за освобожденіе со славою, но обремененная долгами и ослабленная въ экономическомъ отношеніи. Раззоренные города и селенія, пріостановленныя въ своемъ развитіи земледѣліе, промышленность и торговля требовали содѣйствія государства, которое, кромѣ того, должно было озаботиться восполненіемъ своихъ собственныхъ средствъ. Къ 1820 году государственный долгъ представлялъ цифру въ 218 мил. талеровъ. Отъ финансоваго управленія требовалась величайшая бережливость и находчивость. Король началъ сокращеніе расходовъ съ своего собственнаго двора. На поощреніе производительныхъ силъ страны было обращено особенное вниманіе. Внутреннія таможни, затруднявшія торговлю, были уничтожены. Тарифъ былъ пересмотрѣнъ и законъ 1818 года положилъ въ основу его принципъ бо̀льшей свободы торговли. Усиліями финансовой администраціи государственный долгъ былъ пониженъ къ 1848 году до $137^1/_2$ мил.

Наконецъ, самый механизмъ администраціи былъ значительно улучшенъ. Сюда относятся улучшенія, сдѣланныя въ порядкѣ провинціальнаго и окружнаго управленія. (Распоряженія 1815 и 1818 гг.).

При этихъ условіяхъ Пруссія могла спокойно выслушивать упреки, дѣлаемыя ей за отсутствіе конституціонныхъ учрежденій. Упреки эти, впрочемъ, имѣли болѣе формальный характеръ. Въ дѣйствительности же надежды патріотовъ обращались къ этому сильному государству, способному, какъ они справедливо полагали, стать во главѣ будущаго общегерманскаго движенія. Пруссія сама подготовляла его. Конечно, правительство Фридриха Вильгельма III было далеко отъ рѣшительной политики новѣйшей Пруссіи. Обаяніе вѣнской дипломатической

системы при берлинскомъ дворѣ было слишкомъ велико и патріоты часто жаловались, что Пруссія ведетъ себя какъ вассальное государство Австріи. Потребность мира, во чтобы то ни стало, заглушала традиціонное чувство соперничества съ старымъ врагомъ Гогенцолерновъ; настоятельныя внутреннія преобразованія поглощали вниманіе возрождавшагося государства и оно предоставляло во внѣшней политикѣ полную свободу дипломатическому искусству вѣнскаго правительства, не думавшаго о внутреннихъ реформахъ. Если Пруссія и выступала въ это время на дипломатическомъ поприщѣ, то въ качествѣ вѣрнаго союзника Австріи, которая и пользовалась значеніемъ ея для своихъ цѣлей. Такъ было на знаменитыхъ министерскихъ конференціяхъ 1834 года.

Но былъ одинъ вопросъ внѣшней политики, вопросъ до такой степени тѣсно связанный съ экономическими интересами Пруссіи, что самостоятельная политика, свободная отъ указаній Австріи, одна могла разрѣшить его. Это — вопросъ *таможенный*.

Раздробленіе Германіи на множество независимыхъ государствъ вредно отразилось на интересахъ внутренней и транзитной торговли союза. Каждое государство было обнесено таможенною границею, неудобства которой увеличивались значительнымъ количествомъ внутреннихъ заставъ, издавна существовавшихъ между отдѣльными провинціями и даже округами каждаго государства. Трудно сосчитать, сколько таможенныхъ линій долженъ былъ пройдти товаръ, направлявшійся, напримѣръ, изъ Бадена въ восточную Пруссію; сколько различныхъ пошлинъ, основанныхъ на самыхъ разнообразныхъ тарифахъ, нужно было уплатить за него; сколько затрудненій представляли различные административные обычаи каждой таможенной линіи. Къ этимъ общимъ неудобствамъ присоединялись нѣкоторыя спеціальныя для каждаго отдѣльнаго государства. Территорія многихъ изъ нихъ не была закругленнымъ и законченнымъ цѣлымъ; трактаты Вѣнскаго конгресса не устранили сильной черезполосицы. Нѣкоторыя провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями чужаго государства; съ другой стороны, въ территоріи отдѣльныхъ государствъ вмѣщались области другихъ. Особенно тяжко отзывались эти условія на интересахъ Пруссіи. Ея прирейнскія провинціи были отдѣлены отъ главной территоріи владѣніями Ганновера, Кургессена, Гессенъ-Дармштадта и Франкфурта на Майнѣ; внутри ея территоріи помѣщались чужія владѣнія, напримѣръ, Ольденбурга, Ангальтскихъ герцогствъ и

друг.; нѣкоторые, принадлежавшіе ей, участки лежали при южныхъ границахъ Виртемберга.

Между тѣмъ, необходимость улучшить условія торговли, а слѣдовательно и промышленности, сознавалась всѣми. Германія, раззоренная событіями послѣднихъ лѣтъ, не могла соперничать съ промышленностью французскою и англійскою. Неравномѣрность условій экономическаго соперничества чувствовалась съ каждымъ годомъ сильнѣе. Лучшіе умы пришли къ сознанію необходимости обезпечить свободу торговли между отдѣльными государствами союза и установить, по возможности, единообразныя торговыя отношенія Германіи къ прочимъ европейскимъ государствамъ. Но средства къ разрѣшенію задачи не соотвѣтствовали, на первый разъ, высотѣ стремленій.

XIX статья союзнаго акта обѣщала, правда, что союзныя правительства обсудятъ этотъ вопросъ; но скоро для всѣхъ стало ясно, что сеймъ не въ силахъ разрѣшить его. Онъ могъ быть разрѣшенъ только частнымъ соглашеніемъ между отдѣльными правительствами.

Первый толчекъ данъ былъ Пруссіею. Законъ 26-го мая 1818 года уничтожилъ, какъ мы видѣли, внутреннія таможни и установилъ условія новаго тарифа, приноровленнаго къ началамъ свободы торговли. Вслѣдъ за этимъ прусское правительство обратилось съ декларацією къ другимъ государствамъ, въ которой изъясняло свои намѣренія относительно внѣшней торговли и излагало условія, на которыхъ оно было согласно заключить съ ними торговые договоры. Но это предложеніе было встрѣчено на первый разъ холодно. Германскія правительства съ неудовольствіемъ взглянули на попытку Пруссіи сдѣлать *свой* законъ, противорѣчившій преданіямъ покровительственной системы. Этимъ обстоятельствомъ поспѣшно воспользовалась Австрія, видѣвшая въ попыткахъ Пруссіи не только экономическія, но и политическія цѣли.

Нерѣшимость и соперничество правительствъ тяжко отзывались на интересахъ общества. Въ 1819 году, во время франкфуртской ярмарки, значительное количество торговыхъ людей рѣшилось обратиться къ правительствамъ съ просьбою облегчить условія внутренней торговли. Органомъ этихъ лицъ явился знаменитый и талантливый экономистъ *Фридрихъ Листъ* [1]. Онъ не только составилъ прошеніе,

[1]) *Фр. Листъ* (List) род. въ 1789 г., умеръ въ 1846 г. Смерть его приписываютъ самоубійству. Трудно найдти жизнь, болѣе исполненную волненіями всякаго рода, какъ жизнь Листа. Впрочемъ, его характеръ, страстный, прямой, вполнѣ соотвѣтствовалъ событіямъ жизни. Замѣченный въ 1816 году либераль-

но содѣйствовалъ учрежденію особой ассоціаціи фабрикантовъ и негоціантовъ для воздѣйствія на общественное мнѣніе и на правительство.

Конгрессы слѣдовали одинъ за другимъ [1]). Но безуспѣшность ихъ долгое время приводила въ отчаяніе торговый міръ. Только съ 1827 г. стали обнаруживаться серьезные результаты долгихъ правительственныхъ переговоровъ и общественной пропаганды. 17-го апрѣля 1827 г. между Баваріею и Виртембергомъ былъ заключенъ торговый трактатъ, въ 1828 году—таможенный союзъ. Пруссія, съ своей стороны, привлекла къ себѣ нѣкоторыя государства (между прочимъ, великое герцогство Гессенское). Третья группа государствъ—Ганноверъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, заключили самостоятельный союзъ, получившій въ послѣдствіи названіе Steuerverein'а. Эти три ассоціаціи были установлены въ 1828 году. Вопросъ заключался теперь въ томъ, которая изъ нихъ сдѣлается центромъ общегерманскаго союза? Ганноверскій союзъ, поддерживаемый австрійскимъ кабинетомъ, думалъ, ради противодѣйствія Пруссіи, устроить союзъ изъ сѣверныхъ и центральныхъ государствъ. Но этотъ проектъ не состоялся. Въ 1831 году къ прусскому союзу присоединился Кургессенъ, чрезвычайно важный для торговыхъ цѣлей этого государства. События, слѣдовавшія за францууз-

нымъ виртембергскимъ министромъ *Вагенгеймомъ*, онъ былъ приглашенъ на каѳедру политической экономіи въ Тюбингенъ. Въ 1819 году онъ явился во Франкфуртъ для извѣстной намъ цѣли. Затѣмъ, какъ либеральный членъ палаты депутатовъ, онъ, по предложенію министерства (смѣнившаго министерство Вагенгейма) былъ исключенъ изъ палаты, преданъ суду, осужденъ и бѣжалъ во Францію. Отсюда онъ съ Лафайетомъ уѣхалъ въ Америку (1825), гдѣ организовалъ обширное общество разработки каменноугольныхъ копей и скоро составилъ себѣ громкое имя и большое состояніе. Въ концѣ 1830 года онъ явился въ Парижъ и отсюда опять уѣхалъ въ Америку (1831). Въ слѣдующемъ году онъ явился, однако, въ Германію, со званіемъ американскаго консула въ Лейпцигѣ. Съ 1833 года начинается его обширная литературная дѣятельность, имѣвшая на этотъ разъ цѣлью подвинуть вопросъ о сооруженіи германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ это же время были обдуманы имъ начала его политической экономіи, представляющей оригинальное явленіе. Листъ, защищая свободу торговли между германскими державами, въ вопросахъ внѣшней торговли держался покровительственной теоріи, которую выводилъ изъ требованія національныхъ интересовъ. Его сочиненіе озаглавлено: Національная система политической экономіи (Das Nationale-System der. Pol, Oek.), Оно вышло въ 1841 году. Затѣмъ идеи его развивались имъ въ газетѣ—Zollvereinsblatt. Остальныя года его жизни сопровождались непріятностями, имущественными лишеніями, семейными несчастіями. Сочиненія его изданы въ 1850 году профессоромъ Гейссеромъ въ 2-хъ томахъ.

[1]) Конференціи въ Вѣнѣ, Дармштадтѣ, наконецъ, въ Штутгардтѣ, 1825 года.

скою революціею 1830 года, дали новый толчекъ переговорамъ и содѣйствовали сближенію сѣвера съ югомъ. Нѣсколько лѣтъ опыта доказали уже выгоды союза съ Пруссіею. Вопервыхъ, она сама по себѣ представляла выгодный рынокъ; вовторыхъ, она приняла за правило удѣлять членамъ своего союза бо̀льшую долю таможенныхъ сборовъ, чѣмъ, въ сущности, слѣдовало. Именно, въ прусскомъ союзѣ таможенные сборы дѣлились не пропорціально ввозу и потребленію, а поголовно, отчего небольшія государства были въ большомъ выигрышѣ.

При этихъ условіяхъ Пруссія успѣла достигнуть учрежденія знаменитаго *таможеннаго союза* въ 1833 года (Zollverein). Основанія его были слѣдующія:

Въ составъ союза вошли Пруссія, Баварія, Виртембергъ, два Гессена, королевство Саксонія, Саксонскія герцогства, два Ангальта и нѣкоторыя другія. По учрежденіи союза, къ нему присоединились Гессенъ-Гомбургъ, Баденъ и Нассау (1835 г.), Франкфуртъ (1836 г.) и Люксембургъ [1]). Союзный трактатъ долженъ былъ вступить въ силу съ 1-го января 1834 года и сохраняться до 1842 (первый періодъ Zollverein'а). Затѣмъ онъ долженъ былъ возобновляться на двѣнадцатилѣтній срокъ. Государства, желавшія измѣненія трактата, имѣли заявлять объ этомъ за два года; если ни одно изъ нихъ не сдѣлало подобнаго заявленія, трактатъ ipso jure возобновлялся на новый срокъ [2]).

Союзныя государства подчинялись единообразнымъ правиламъ касательно ввоза, вывоза и транзита товаровъ. Основаніемъ союзнаго законодательства принятъ *прусскій* законъ 1818 года, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Торговля между союзными государствами объявлена свободною (за нѣкоторыми исключеніями). Ввозныя пошлины собираются и распредѣляются союзными правительствами сообща. Организація общей таможенной администраціи, порядокъ взаимнаго контроля и т. д. опредѣлялись особыми правилами, общія начала которыхъ изложены въ трактатѣ. Трактатъ призналъ полное равенство всѣхъ членовъ союза. Высшее управленіе и законодательство таможеннаго союза были ввѣрены собранію уполномоченныхъ союзныхъ

[1]) Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ и Шаумбургъ-Липпе остались въ своемъ Steuerverein'ѣ, независимомъ отъ Zollverein'а. Ганноверъ присоединился къ нему только въ 1851 году (договоръ 7-го сентября), при обстоятельствахъ, которыя мы укажемъ ниже.

[2]) Трактатъ 1833 года былъ возобновленъ въ 1841 году, срокомъ по 1853 годъ.

правительствъ. Они должны были собираться каждый годъ въ іюнѣ, въ одномъ изъ городовъ союза (первое собраніе происходило въ Мюнхенѣ). Уполномоченные сами выбирали своего предсѣдателя.

Послѣдствія таможеннаго союза были необыкновенно благопріятны. Не говоримъ уже о выгодахъ общей администраціи, сдѣлавшейся дешевле и удобнѣе. Таможенные сборы быстро возвысились; съ 1835 по 1845 годъ цифра ихъ увеличилась на 60%. Благодаря разчетливой уступчивости Пруссіи, таможенные доходы отдѣльныхъ членовъ союза увеличились въ 1½, или 2 раза. Быстрое развитіе промышленности и внутренней торговли было естественнымъ результатомъ свободнаго обмѣна между союзными государствами и возможностью пользоваться водными и сухопутными путями сообщенія каждаго государства безъ прежнихъ препятствій. Богатый таможенный союзъ могъ теперь лучше обезпечить условія и внѣшней торговли. Въ періодъ времени съ 1840 по 1847 годъ онъ заключилъ нѣсколько выгодныхъ торговыхъ трактатовъ съ Турціею, Англіею, Бельгіею, Сардиніею и нѣкоторыми другими государствами. Наконепъ, и условія *политическаго* единства были подготовлены этимъ практическимъ союзомъ и притомъ подготовлены въ смыслѣ, самомъ благопріятномъ для Пруссіи.

Оставивъ австрійскому кабинету полную свободу руководить политическими отношеніями союза, Пруссія разрѣшила своими средствами одинъ изъ существенныхъ вопросовъ внутренней жизни Германіи. На этомъ полѣ она устранила соперничество Австріи. Послѣдняя, съ своимъ отсталымъ экономическимъ законодательствомъ, не могла даже приступить къ таможенному союзу, принявшему въ основаніе своей политики болѣе раціональную прусскую систему. Богатая, просвѣщенная и сильная Пруссія заняла фактически первенствующее положеніе въ Германіи. Вліяніе Австріи держалось еще преданіемъ; но истинное соотношеніе двухъ соперницъ должно было обнаружиться при первомъ серьезномъ кризисѣ въ Германіи.

Конечно, этотъ будущій кризисъ не долженъ бы былъ застать Пруссію въ расплохъ. Между тѣмъ, и въ этомъ состояло великое горе Германіи, буря 1848 года застала Прусское государство безъ надлежащей подготовки. Правительство, поглощенное своею трудною и полезною работою внутренняго перерожденія страны, занятое экономическими вопросами, въ разрѣшеніи которыхъ оно не имѣло соперниковъ, совершенно уклонилось отъ вопросовъ политическихъ. Между тѣмъ, наставало время, когда и въ этой сферѣ нужно было выйдти изъ роли учениковъ вѣнскаго кабинета. Трудные политиче-

скіе вопросы, требовавшіе самостоятельной политики, рождались для Пруссіи съ двухъ сторонъ—извнутри и извнѣ. Внутри стремленія къ политической свободѣ росли съ каждымъ годомъ. Они не были результатомъ какихъ-либо легкомысленныхъ увлеченій нѣсколькихъ горячихъ головъ, но естественнымъ результатомъ непрерывнаго роста общества въ отношеніи экономическомъ и умственномъ. Нельзя было увеличивать богатство страны, распространять просвѣщеніе и не ожидать естественныхъ результатовъ богатства и просвѣщенія — требованія политическихъ реформъ. Съ другой стороны, нельзя было занять первое мѣсто въ Германіи, сдѣлаться центромъ ея единенія по самому жизненному вопросу, стать надеждою и опорою всѣхъ промышленныхъ классовъ Германіи, и не предвидѣть, что въ случаѣ передѣлки союзнаго устройства, вся страна будетъ ждать помощи и совѣта изъ Берлина, а не изъ Вѣны. Между тѣмъ, и то, и другое случилось. Пруссія была совершенно не подготовлена къ событіямъ 1848 года и это имѣло неотразимое вліяніе на ихъ исходъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1848 годъ.

Условія, вызвавшія движеніе 1848 года. — Отношеніе правительствъ къ союзнымъ учрежденіямъ. — Политическое движеніе въ Пруссіи. — Соединенный ландтагъ и рѣчь короля. — Результаты ея. — Сигналъ поданъ.—Предложеніе Бассермана.—Заявленіе Гагерна.—Планъ реформы. — Революціонное движеніе въ Баденѣ и во второстепенныхъ государствахъ.—Уступчивость сейма.—Сходка 51 въ Гейдельбергѣ. — Предварительный парламентъ. — Развитіе революціоннаго движенія.—Революціи въ Австріи и Пруссіи.—Открытіе франкфуртскаго національнаго собранія.—Его задачи. — Какъ оно взялось за нихъ. — Обсужденіе «основныхъ правъ германскаго народа».—Учрежденіе временной исполнительной власти. — Датскій вопросъ. — Національное собраніе приступаетъ къ обсужденію конституціи. — Столкновеніе съ Австріею. — Реакція въ Австріи; князь Шварценбергъ. — Расколъ въ собраніи. — Планъ Безелера. — Реакція въ Пруссіи: министерство Бранденбургъ-Мантейфеля.—Планъ малогерманской партіи въ собраніи. — Новое имперское министерство. — Работа собранія заканчивается при неблагопріятныхъ условіяхъ.—Дѣятельность императора. — Взглядъ Фридриха-Вильгельма на новую конституцію. — Онъ отказывается отъ императорской короны. — Послѣдніе дни собранія. — Заключеніе.

Революціонное движеніе 1848 года въ Германіи не было *послѣдствіемъ* толчка, даннаго изъ Франціи. Конечно, французская революція была сигналомъ всеобщаго движенія. Но оно было подготовлено давно. Рѣдкая эпоха была для него плодотворнѣе. Общество съ

жаромъ бросилось въ область метафизики, теоретической политики, политической экономіи, исторіи, поэзіи. Идеалы, не осуществлявшіеся въ дѣйствительности, переносились въ область „чистаго мышленія" и здѣсь возводились въ принципы жизни. Возведенные на высоту „безусловныхъ требованій разума", они становились основою для критики всего существующаго. Идея „единой Германіи", офиціально признававшаяся вымысломъ нѣсколькихъ демагоговъ, была въ наукѣ и поэзіи живою дѣйствительностію О ней твердили многотомныя ученыя сочиненія, идеализировавшія старую имперію, юристы, настаивавшіе на существованіи общегерманскаго права, поэты, заставлявшіе дѣйствовать героевъ „общаго отечества". Ее провозглашали въ видѣ ѣдкой насмѣшки надъ „шутомъ, одѣтымъ въ арлекинскій кафтанъ изъ 35-ти лоскутковъ", какъ это дѣлалъ Гейне. Къ этому присоединялось неотразимое вліяніе французскихъ идей. Южныя государства, особенно Баденъ, были посредствующимъ звеномъ между Франціею и остальною Германіей. Демократическія идеи, принявшія по ту сторону Рейна столь характерную форму, дали новое направленіе и германскимъ политическимъ стремленіямъ. Южныя государства, къ концу сороковыхъ годовъ, насчитывали уже многихъ, такъ-называемыхъ, соціальныхъ демократовъ, каковы Гекеръ, Струве, Цитцъ и друг. Соціалистическія идеи сдѣлались предметомъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, каково, напримѣръ, знаменитое сочиненіе Л. Штейна „Socialismus und Communismus in Frankreich" [1]). Развитіе обществъ, не смотря на всѣ стѣсненія, не прекращалось. Каждое изъ нихъ жило надеждами на преобразованіе политическаго быта Германіи. Чѣмъ возвышеннѣе, можно сказать, недосягаемѣе становились идеалы, выработанные мыслью, не сдержанною политическимъ знакомствомъ съ практическими условіями (чего и быть не могло при отсутствіи политической жизни), тѣмъ сильнѣе чувствовались недостатки дѣйствительности. Тогдашнее положеніе Германіи казалось рѣшительною невозможностью для огромнаго большинства общества.

Сами правительства сознавали, что политическое устройство Германіи требовало серьезныхъ улучшеній. Уже въ ноябрѣ 1847 года, въ прусскомъ мемуарѣ были изложены горькія жалобы на безсиліе и безполезность союза. „На вопросъ", говорилось въ мемуарѣ, „что̀ сдѣлалъ союзъ въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ своего существованія,

[1]) Вышло въ 1844 году. Штейнъ жилъ въ то время въ Килѣ (Kiel).

во время почти безпримѣрнаго мира, для усиленія и содѣйствія Германіи,—трудно дать отвѣтъ. Вредныя послѣдствія этого неисчислимы. Можно даже оставить въ сторонѣ матеріальный ущербъ, какъ онъ ни чувствителенъ; но нравственный вредъ, вліяніе на настроеніе и мнѣніе націи — чрезмѣренъ".

Въ Пруссіи требованія политическихъ реформъ не заявлялись до кончины Фридриха-Вильгельма III, безпредѣльное уваженіе къ которому заставляло молчать всѣ партіи. Но при наслѣдникѣ его, Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV (1840—1861), они начались при самомъ вступленіи его на престолъ и не прекращались болѣе. По своимъ личнымъ качествамъ новый король былъ меньше всего способенъ устранить эти требованія крутыми мѣрами. Его отличное образованіе, мягкій характеръ способны были сдѣлать изъ него скорѣе примирителя партій, чѣмъ защитника исключительныхъ мѣръ. Притомъ политическій вопросъ, какъ кажется, не былъ серьезно поставленъ въ офиціальныхъ сферахъ Пруссіи. Видоизмѣнить ея вѣковое устройство казалось посягательствомъ на всѣ ея преданія; новое политическое устройство, какъ говорили, должно было разорвать тѣсную нравственную связь между королемъ и народомъ, связь соединявшую ихъ въ горькія минуты бѣдствій и въ моменты народнаго торжества. Дать конституцію значило—отнять короля у народа и народъ у короля. Другое дѣло — допустить совѣщаніе короля съ выборными отъ народа. Дѣйствительно, въ 1842 году были призваны въ Берлинъ выборные отъ провинціальныхъ чиновъ (die ständischen Ausschüsse). На нѣсколько времени вопросъ о народномъ представительствѣ былъ отложенъ, и прусская политика съ 1844 года приняла реакціонный оттѣнокъ, выразившійся, между прочимъ, въ дѣятельности министра Эйхгорна [1]). Подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій, король рѣшился наконецъ созвать Соединенный Ландтагъ (Vereinigte Landtag), 3-го апрѣля 1847 года. Составъ и компетенція ландтага были опредѣлены примѣнительно къ устройству провинціальныхъ чиновъ, то-есть, согласно съ ихъ сословнымъ и совѣщательнымъ характеромъ. Съ самаго начала королевскій патентъ подвергся всестороннему обсужденію. Между оппозиціонными брошюрами появился памфлетъ молодаго юриста Симона (1805—1860). По общему убѣжденію, „соединенный ландтагъ“ былъ только

[1]) Joh. Albr. Friedr. Eichhorn (1779—1856) занялъ мѣсто Альтенштейна въ 1840 году. Его не должно смѣшивать съ знаменитымъ юристомъ-историкомъ Карломъ-Фридрихомъ Эйхгорномъ (1781 — 1854), который былъ, между прочимъ, наставникомъ Фридриха-Вильгельма IV.

предвѣстіемъ парламента, какъ Собраніе нотаблей 1788 года было предвѣстіемъ національнаго собранія. 11-го апрѣля засѣданія его были открыты королемъ, тронная рѣчь котораго ясно показала все различіе его коренныхъ убѣжденій со взглядами прусскихъ либераловъ „Никакой власти въ мірѣ", говорилъ король, „не удастся принудить меня превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ *договорное*, конституціонное; и я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ и этою страной втерся *писанный листъ* въ качествѣ втораго Провидѣнія, чтобы замѣнить старую святую вѣрность"..... „Корона можетъ и имѣетъ право управлять по законамъ Божіимъ и страны и собственному свободному изволенію, но не по волѣ большинства (der Majoritäten). Пруссія не можетъ вынести такого состоянія. Бросьте взглядъ на карту Европы, на положеніе нашей страны и, прежде всего, на нашу исторію!". Таковъ былъ голосъ государя, искренность и прямота убѣжденій котораго проявлялись въ каждомъ звукѣ его рѣчи. Это не былъ голосъ своекорыстнаго человѣка, который и не сталъ бы высказывать своего послѣдняго слова; онъ ограничился бы развѣ двусмысленными фразами, въ родѣ необходимости „сочетанія порядка и свободы". Прямодушный король ясно указалъ, что онъ твердо стоитъ на почвѣ историческаго и притомъ *прошлаго* Пруссіи. Оппозиція поспѣшила высказать свои желанія съ трибуны ландтага въ газетахъ и памфлетахъ. Но всѣ ея усилія были безплодны. Въ іюнѣ 1847 года ландтагъ былъ закрытъ, оставивъ во всѣхъ умахъ сильнѣйшее раздраженіе. Таково послѣдствіе всѣхъ полумѣръ; они возбуждаютъ общественное мнѣніе больше, чѣмъ рѣшительная политика, хотя бы ея мѣры не были согласны съ общимъ настроеніемъ.

Политическое движеніе не замедлило обнаружиться, только, на первый разъ, въ другомъ концѣ Германіи. 12-го февраля 1848 года оппозиціонный депутатъ *Баденской* палаты депутатовъ *Бассерманъ*[1]) внесъ въ палату проектъ, предлагавшій „создать чрезъ представительство Германскаго народа при союзномъ сеймѣ вѣрное средство для осуществленія общаго законодательства и общихъ національныхъ учрежденій". Предложеніе Бассермана дало сильный толчекъ общественному мнѣнію, не только потому, что оно затрогивало общее неудовольствіе противъ сейма, но и потому, что оно указало ближайшую задачу и средство реформы. Всѣ были убѣждены, что

[1]) Фридрихъ-Даніилъ Бассерманъ род. въ 1811, застрѣлился въ 1855 году.

сеймъ, какъ конгрессъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ правительствъ, ничего не можетъ создать. Потребовать дополнительнаго и могущественнаго учрежденія, въ видѣ общенаціональнаго представительства, значило указать на одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ союзнаго устройства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на надежное средство реформы. Поэтому мысль Бассермана (который выражалъ, впрочемъ, общее убѣжденіе) не умерла, не смотря на неудачу движенія 1848 года; она осуществилась въ нынѣшней конституціи Германіи.

Общественное мнѣніе приняло предложеніе съ восторгомъ. Чрезъ 12 дней вспыхнула французская революція и вѣсть о ней быстро долетѣла до Германіи. 27-го февраля Генрихъ *Гагернъ*[1]) внесъ въ *Гессенскую* палату предложеніе, тождественное съ Бассермановскимъ, но значительно его восполнявшее и развивавшее. Онъ требовалъ уже сосредоточенія права внѣшнихъ сношеній и воинской власти въ рукахъ центральнаго правительства, общаго законодательства по нѣкоторымъ вопросамъ и избранія общаго главы союза.

Конечно, эти планы предполагалось первоначально осуществить путемъ конституціоннымъ, то-есть, путемъ соглашенія правительствъ и народныхъ представителей. Но событія сложились иначе. Рядомъ съ преобразовательными стремленіями началось въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи *революціонное* движеніе, котораго планы и требованія были гораздо радикальнѣе и которое подчинило себѣ вождей конституціонной оппозиціи. Уже 27-го февраля въ Баденѣ обнаружились сильные симптомы этого движенія, подъ предводительствомъ Геккера и Струве[2]). Съ точки зрѣнія корифеевъ революціонной теоріи, новое

[1]) Генрихъ Гагернъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Ганса Г., род. въ 1799 г. Молодымъ человѣкомъ сражался подъ Ватерлоо; въ 1832 году былъ членомъ нижней палаты въ Гессенѣ; въ 1847 году вступилъ въ нее снова и игралъ видную роль въ событіяхъ 1848 года (см. ниже). Послѣ разныхъ перемѣнъ, онъ былъ въ 1864—1870 года Гессенскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

[2]) *Геккеръ* (Фридрихъ-Карлъ-Францъ) род. въ 1811 году въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ. Сначала былъ адвокатомъ, затѣмъ членомъ нижней палаты (съ 1842 года). Крайній республиканецъ, онъ сталъ во главѣ революціоннаго движенія и принужденъ былъ бѣжать въ Америку. Здѣсь онъ участвовалъ, между прочимъ, въ войнѣ за освобожденіе негровъ. *Струве* (Густавъ), адвокатъ и писатель, родомъ изъ Мюнхена (1805—1870). Послѣ событій 1848 года бѣжалъ сначала въ Англію, потомъ въ Америку. Въ 1863 году возвратился въ Германію, гдѣ жилъ въ разныхъ мѣстахъ. Умеръ въ Вѣнѣ. Извѣстенъ многими сочиненіями, между прочимъ: «Основаніе государственныхъ наукъ» (4 тома); «Всемірная исторія» (6 томовъ, она выдержала 7 изданій); «Публичное право Германскаго Союза» (2 тома), и многія другія.

устройство Германіи долженствовало быть создано актомъ народной воли и основано на принципѣ народнаго верховенства. Слѣдовательно, его должно было обсудить собраніе, поставленное внѣ правительствъ и выше ихъ, въ качествѣ представителя общенароднаго полновластія. Въ этомъ духѣ и началось преобразовательное движеніе; этимъ же обусловливалось первое затрудненіе для людей, взявшихся за преобразованіе Германіи. Избранный путь представлялъ большія опасности.

Союзъ, хотя и наружный, съ революціонными стремленіями, набрасывалъ невыгодную, въ глазахъ правительствъ, тѣнь на самое дѣло. При такихъ условіяхъ, необходимо было кончать дѣло скорѣе, пока увлеченіе не остыло и не началась неизбѣжная реакція. Будущее національное собраніе наживало себѣ непримиримыхъ, хотя сначала тайныхъ, враговъ во всѣхъ правительствахъ, само становилось въ зависимость отъ указаній вожаковъ революціи и рисковало ничего не сдѣлать, если оно не воспользуется всегда кратковременнымъ увлеченіемъ, — что̀ дѣйствительно и случилось. Конечно, повторяемъ, для полнаго объясненія дѣйствій національнаго собранія нужно принять въ разчетъ, что уже много лѣтъ реформа союза задумывалась и не осуществлялась; что смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій казался единственнымъ способомъ достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. Но это не видоизмѣнило исхода предпріятія.

На первый разъ все, повидимому, благопріятствовало успѣху плана. Народное движеніе побудило Баденское правительство даровать свободу печати, ввести судъ присяжныхъ, учредить національную гвардію и согласиться на общегерманскій парламентъ. Подобныя же движенія произошли въ другихъ мелкихъ государствахъ и привели къ аналогическимъ результатамъ; реакціонныя министерства были смѣщены и составленіе новыхъ поручено оппозиціоннымъ депутатамъ—*Дёмеру* въ Виртембергѣ [1]), *Эбергарди* и *Випперману* въ Кургессенѣ [2]), *Стюве* въ Ганноверѣ [3]) и Генриху *Гагерну* въ Гессенѣ [4]). Затѣмъ революціонныя движенія подготовлялись въ двухъ главныхъ державахъ Германіи и, наконецъ, разразились въ Вѣнѣ 13-го марта и въ Пруссіи

[1]) Фридрихъ-Дёмеръ (1794 — 1864) сдѣланъ министромъ юстиціи въ маѣ 1848 года.

[2]) Мартъ, 1848 года.

[3]) Карлъ Бертрамъ Стюве (1798—1872) призванъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ мартѣ 1848 года.

[4]) Въ мартѣ 1848 года.

17-го марта 1848 года. Въ Баваріи исходъ дѣла былъ наиболѣе плачевенъ. Старый король увлекся до самозабвенія извѣстною танцовщицею Лолою-Монтесъ, которая пріобрѣла рѣшительное вліяніе не только на особу короля, но даже на государственное управленіе. Какъ ни уступчиво было министерство Абеля, но и его терпѣніе истощилось. Послѣ непродолжительной борьбы съ Лолою, ставшею теперь графинею Ландсфельдъ, оно было удалено и пріобрѣло неожиданную популярность. [1]) Новое министерство вооружило противъ себя всѣхъ. Открытый мятежъ заставилъ графиню бѣжать, а 20-го марта 1848 года король отказался отъ престола. Такимъ образомъ, будущее національное собраніе пока могло дѣйствовать свободно. Каждому отдѣльному государству было брошено на руки революціонное движеніе, которое въ главномъ центрѣ реакціонной политики, въ Австріи, принимало грозные размѣры. Конечно, не въ слабомъ сеймѣ могло оно ожидать оппозиціи. Еще 1-го марта перепуганный сеймъ издалъ прокламацію, преисполненную самоосужденія, съ одной, и пышныхъ обѣщаній—съ другой стороны. Постановленіемъ 3-го марта 1848 года „разрѣшено" было союзнымъ правительствамъ отмѣнить цензуру, провозглашена необходимость общенаціональныхъ герба и цвѣтовъ, и признана настоятельность *ревизіи* союзной конституціи на дѣйствительно своевременныхъ и національныхъ основахъ. 10-го марта къ правительствамъ отправлено приглашеніе прислать 17 [2]) довѣренныхъ лицъ (Vertrauensmänner) для составленія проекта новыхъ учрежденій.

Таково было положеніе вещей, когда 5-го марта въ Гейдельбергѣ сошлись (въ числѣ 51) оппозиціонные члены разныхъ палатъ для обсужденія способовъ преобразованія конституціи волею германскаго народа. Было принято рѣшеніе созвать довѣренныхъ людей отъ всѣхъ германскихъ племенъ для предварительнаго совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія было возложено на комитетъ изъ семи лицъ. Комитетъ разослалъ приглашеніе къ бывшимъ и дѣйствительнымъ членамъ палатъ и земскихъ чиновъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, занимавшимъ общественныя должности; въ то же время Максъ Гагернъ съ графомъ Лербахомъ начали объѣздъ германскихъ дворовъ, съ цѣлью привести ихъ къ соглашенію относительно будущаго парламента и федеративнаго устройства. Въ однихъ мѣстахъ Гагернъ получилъ согласіе, въ другихъ не встрѣтилъ сопротивленія.

[1]) Февраль 1847 года.

[2]) По числу голосовъ въ тѣсномъ совѣтѣ.

31-го марта во Франкфуртѣ, въ церкви св. Павла, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго криминалиста *Миттермайера* [1]), открылись засѣданія этого *предварительнаго парламента* (Vorparlament). Съ юридической точки зрѣнія положеніе его было весьма неопредѣленно. Онъ не могъ считаться представителемъ германскаго народа, потому что его члены не имѣли избирательныхъ полномочій; еще менѣе былъ онъ органомъ правительственнымъ. Но въ эту минуту, конечно, менѣе всего думали и можно было думать о юридическихъ формулахъ. При неограниченной слабости правительствъ, предварительный парламентъ былъ единственною фактическою силою, составлявшею надежду всей Германіи. Онъ кончилъ свое дѣло изумительно быстро. Къ 4-му апрѣля онъ опредѣлилъ порядокъ составленія и задачу будущаго національнаго собранія. Національное собраніе имѣло состоять изъ депутатовъ, избранныхъ *всеобщею* подачею голосовъ [2]), причемъ на 50,000 жителей полагался 1 депутатъ. Національное собраніе одно (einzig und allein) должно было рѣшить вопросъ объ устройствѣ Германіи и дать ей соотвѣтствующую конституцію. Оно должно было собраться къ 1-му мая. Для наблюденія за исполненіемъ этихъ постановленій и веденія текущихъ дѣлъ, оставленъ, впредь до открытія національнаго собранія, комитетъ изъ 50 лицъ (Fünfzigerausschuss). Этотъ комитетъ фактически сдѣлался на 6 недѣль не только законодательною, но и правительственною властью союза. Сеймъ, издавъ нѣсколько либеральныхъ прокламацій, не подавалъ болѣе признаковъ жизни. „Довѣренные люди" кончили свой проектъ союзнаго устройства (26-го апрѣля), но это не имѣло никакихъ послѣдствій.

Положеніе дѣлъ усложнялось съ каждымъ днемъ. Скорѣйшее собраніе Германскаго парламента было необходимо, потому что иначе онъ рисковалъ столкнуться еще съ бо̀льшими затрудненіями. Собраніе, опирающееся на революціонный принципъ, вынуждено пользоваться, такъ сказать, медовымъ мѣсяцемъ движенія, когда требованія исключительныхъ сторонниковъ революціоннаго начала не дошли до крайности и слишкомъ продолжительная анархія не вызываетъ неизбѣжной реакціи. Между тѣмъ, сборы парламента были слишкомъ про-

[1]) Родился въ 1787, умеръ въ 1867 году. Миттермайеръ пріобрѣлъ всемірную извѣстность, какъ профессоръ уголовнаго права въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Онъ прославился горячею проповѣдью противъ смертной казни. Достоинство его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ извѣстно всѣмъ.

[2]) Безъ всякаго стѣсненія цензомъ и условіями вѣроисповѣданія.

должительны. Вмѣсто того, чтобы собраться 1-го мая, какъ было назначено, онъ собрался, и то не въ полномъ числѣ, лишь къ 18-му мая.

Въ теченіе этого времени успѣли обнаружиться многіе симптомы угрожающаго свойства. Радикальная партія, находя постановленія предварительнаго парламента слишкомъ умѣренными и настаивая на необходимости немедленнаго провозглашенія „соціально-демократической“ республики, возбудила мятежъ въ Баденскомъ Оберландѣ. Геккеръ и Струве сформировали вольные отряды, къ которымъ присоединились нѣмецкіе рабочіе, бѣжавшіе изъ Франціи. Союзныя войска должны были подавить мятежъ силою. Битвы при Кондернѣ и Доссенбахѣ разсѣяли мятежниковъ и на время подавили революціонныя силы [1]). Двѣ главныя Германскія державы были, правда, слишкомъ заняты своими внутренними смутами, но эти движенія грозили перейдти въ полную и продолжительную анархію.

Въ Австріи революціонное движеніе началось 13-го марта. Столичная учащаяся молодежь и толпа народа шумно потребовали различныхъ конституціонныхъ гарантій. Руководители движенія вошли въ сношеніе съ извѣстнымъ венгерскимъ патріотомъ Кошутомъ, который, организовавъ революціонное движеніе въ Венгріи, 15-го марта прибылъ въ Вѣну. Меттернихъ бѣжалъ въ Англію. Министерство [2]), не желая созывать требуемаго учредительнаго собранія, присовѣтовало императору издать отъ себя императорскую конституцію (25-го апрѣля). Въ то же время оно сообщило сейму свой рѣшительный отказъ на устройство германской федераціи, приступить къ которой „не дозволяли разнообразные интересы земель Австрійской монархіи“ (21-го апрѣля). Для поддержанія порядка оно прибѣгнуло къ репрессивнымъ мѣрамъ, вызвавшимъ новое возстаніе, заявившее рѣшительныя демократическія требованія (15-го мая). Императоръ бѣжалъ 17-го мая въ Инспрукъ. Это обстоятельство смутило общественное мнѣніе; уступая общественному желанію, императоръ возвратился въ столицу. Но примиреніе продолжалось не долго. Вспыхнуло новое возстаніе (26-го мая), послѣ котораго мирное разрѣшеніе вопроса, особенно подъ вліяніемъ венгерскаго возстанія, сдѣлалось невозможно.

[1]) Въ битвѣ при Кондернѣ былъ убитъ Фридрихъ-Гагернъ, братъ Генриха, командовавшій правительственными войсками.

[2]) Новое министерство было составлено, 17-го марта, слѣдующимъ образомъ: Графъ *Коловратъ*—президентъ совѣта министровъ; Графъ *Фикельмонъ*—минист. иностранныхъ дѣлъ; *Пиллерсдорфъ* (душа кабинета) минист. внутреннихъ дѣлъ; баронъ *Кюбекъ* — минист. финансовъ; графъ *Таафе* — минист. юстиціи.

Анархія продолжалась до грозныхъ октябрьскихъ дней 1848 года, когда князь Виндишгрецъ взялъ Вѣну приступомъ.

Пруссія также не избѣжала кровавыхъ дней. Мы видѣли, въ какомъ расположеніи духа король распустилъ „Соединенный ландтагъ" и какое раздраженіе овладѣло всѣми умами. Происшествія во Франціи и въ южной Германіи дали сигналъ къ новымъ смутамъ. 6-го марта начались уже сборища и частныя столкновенія народа съ войсками. Вѣсть о революціи въ Вѣнѣ произвела панику въ оффиціальныхъ сферахъ. 17-го марта были снова заявлены правительству просьбы объ отмѣнѣ цензуры, объ улучшеніи прусскаго государственнаго устройства и организаціи германской федераціи. Король на этотъ разъ изъявилъ полное свое согласіе. 18-го толпы народа собрались къ дворцу привѣтствовать монарха и благодарить его. Дворецъ былъ окруженъ войскомъ. Изъ толпы раздались требованія объ удаленіи полковъ. Тогда войска двинулись на народъ и въ толпу было пущено два выстрѣла. Мгновенно въ толпѣ раздались крики: „измѣна!, къ оружію"! и сотни баррикадъ запрудили улицы Берлина. Кровопролитіе продолжалось 18-го и цѣлую ночь на 19-е марта. Конечно, не такой монархъ, какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, могъ желать продолженія кровавыхъ сценъ. Изъ окна своего дворца онъ скомандовалъ свое знаменитое Halt! и остановилъ кровопролитіе. Войска были удалены изъ Берлина и народу обѣщано удовлетвореніе всѣхъ его желаній. Разъ рѣшившись уступить, король не хотѣлъ дѣйствовать подобно двоедушнымъ политикамъ, разрушающимъ одною рукою то, что̀ другая создала. 21-го марта издалъ онъ прокламацію къ „Германскому народу", въ которой объявлялось, что отнынѣ *Пруссія* принадлежитъ *Германіи* и король станетъ во главѣ общаго отечества для его спасенія: восклицаніе, которое Австрія не могла простить своему сопернику! Для преобразованія прусскаго государственнаго устройства было созвано учредительное собраніе, открывшее свои засѣданія 22-го мая. Но этотъ моментъ долженъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи описываемаго движенія. Учредительное собраніе и народонаселеніе Берлина, фактически сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ власть, не разрѣшили великаго государственнаго вопроса. Первое чрезвычайно медленно обсуждало проектъ конституціи и было занято раздорами партій, запросами министерству, составъ котораго безпрерывно мѣнялся, больше, чѣмъ прямою своею задачей. Второе, освободившись отъ строгой административной опеки, не привыкшее къ правильной политической жизни, предава-

лось теперь революціоннымъ безчинствамъ, производило незаконный гнетъ на учредительное собраніе и подготовляло реакцію.

Германское національное собраніе сошлось, наконецъ, хотя не въ полномъ числѣ [1]), 18-го мая. Торжественною процессіею направилось оно въ церковь св. Павла и объявило свои засѣданія открытыми. Предсѣдателемъ его былъ избранъ Генрихъ Гагернъ. По внѣшности, это было самое величественное конституціонное собраніе, когда-либо собиравшееся на германской почвѣ. Здѣсь сошлись старые ветераны политическихъ движеній, лучшія силы германской науки, передовые вожди всѣхъ партій, начиная отъ консервативной до крайней республиканской. Глубокая ученость Дальмана, Велькера, Моля, Гервинуса, Дункера [2]), Дройзена [3]) встрѣтились здѣсь съ пламеннымъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ князя Лихновскаго [4]), Брентано [5]), Бассермана, Г. Симона и друг. Общее настроеніе его могло внушить довѣріе и уваженіе какъ народа, такъ и правительствъ. Большинство принадлежало къ умѣренно - либеральной партіи. Старые бойцы за единство Германіи, заподозрѣнные прежде въ демагогическихъ стремленіяхъ, какъ старикъ Арндтъ, пристали теперь къ правому центру. Все въ этомъ собраніи ручалось за основательность и безпристрастіе въ рѣшеніи конституціонныхъ вопросовъ.

Но общее положеніе дѣлъ превратило это знаменитое собраніе въ безсильное учрежденіе, которое, пройдя всѣ степени униженія, приняло, наконецъ, смерть отъ одного изъ чадъ своихъ, либеральнаго министра Рёмера. Мѣсто не позволяетъ намъ изложить исторію на-

[1]) Въ числѣ 320. Всѣхъ членовъ національнаго собранія было 566. Изъ нихъ 104 принадлежали къ ученому сословію, 100—къ судейскому, 95—къ адвокатамъ и докторамъ правъ, 124—къ чиновничеству; остальные принадлежали къ числу писателей, духовныхъ, врачей и т. д. Землевладѣльцевъ, купцевъ и фабрикантовъ было всего 72. Замѣчательное явленіе, сравнительно, напримѣръ, съ составомъ англійскаго парламента!

[2]) Максимиліанъ Вольфгангъ Дункеръ, извѣстный историкъ, род. въ 1811 г.

[3]) Іог. Гусиг. Дройзенъ (род. въ 1808 г.), знаменитый профессоръ Берлинскаго университета, извѣстный своими трудами по древней и новой исторіи. Для новой исторіи замѣчателенъ его огромный трудъ «Исторія прусской политики» (нач. печат. въ 1855 г.).

[4]) Князь Филиппъ Лихновскій, род. въ 1814 г., убитъ революціонерами во Франкфуртѣ въ 1848 г. Членъ правой стороны.

[5]) Лоренцъ Брентано, сынъ извѣстнаго поэта романической школы Клементія Брентано, род. въ 1810 г., умеръ въ Америкѣ въ 1853 г. Въ палатѣ принадлежалъ къ демократической партіи.

ціональнаго собранія во всѣхъ ея подробностяхъ, мы остановимся исключительно на главныхъ ея моментахъ.

Задача національнаго собранія, въ томъ видѣ, какъ она была опредѣлена предварительнымъ парламентомъ, состояла, главнымъ образомъ, въ реформѣ германской союзной конституціи. Но было бы ошибкою думать, что собраніе было призвано къ мирной и спокойной роли законодательнаго установленія. Ему предстояло не только дать конституцію Германскому союзному государству, но создать *самое* государство, выполнить то, противъ чего нѣкогда протестовало виртембергское правительство, какъ противъ задачи „невозможной"—составить изъ Виртембергцевъ, Баварцевъ, Пруссаковъ и т. д., so zu sagen, одну націю. Организуя союзное государство съ сильною центральною властью, собраніе должно было прійдти въ столкновеніе съ правами отдѣльныхъ правительствъ, независимость которыхъ обезпечивалась союзнымъ устройствомъ. Поэтому, собраніе должно было немедленно создать свою *исполнительную* власть, которая бы дѣйствовала впредь до окончательнаго установленія новаго устройства. Это было необходимо, вопервыхъ, для правильнаго сношенія съ отдѣльными правительствами, вовторыхъ, для руководства дѣлами внѣшней и внутренней политики, по скольку они касались интересовъ общаго отечества.

Съ первыхъ дней своего существованія (24-го мая) собраніе приступило къ изготовленію проекта конституціи и назначило для этого особый комитетъ изъ 30-ти членовъ. 27-го мая оно опредѣлило и степень этой обязательной силы будущей конституціи для отдѣльныхъ государствъ, а именно это постановленіе гласило: „Нѣмецкое національное собраніе, какъ органъ, изшедшій изъ воли и выборовъ нѣмецкаго народа для основанія единства и политической свободы Германіи, объявляетъ, что всѣ постановленія отдѣльныхъ нѣмецкихъ конституцій, не согласныя съ имѣющею быть изданною общею конституціею, дѣйствительны только въ предѣлахъ, указанныхъ послѣднею" [1]). Эти слова имѣли, конечно, тотъ практическій смыслъ, что учредительныя собранія, начавшія свои работы въ двухъ главныхъ государствахъ Германіи, должны были видѣть въ идеяхъ національнаго собранія камертонъ для своихъ дѣйствій. Такой результатъ,

[1]) Конечно, этимъ не отмѣнялась обязательная сила отдѣльныхъ конституцій до изданія общей; такой смыслъ имѣла оговорка, помѣщенная въ концѣ постановленія—«ihrer bis dahin bestandenen Wirksammkeit». Означенное постановленіе, во всемъ его составѣ, издано по предложенію депутата *Вернера*.

конечно, былъ желателенъ, въ томъ однако предположеніи, что національное собраніе покончитъ, по крайней мѣрѣ, главные конституціонные вопросы съ возможною быстротой и не задержитъ мучительную и трудную работу государственнаго перерожденія въ отдѣльныхъ государствахъ, не доведетъ преобразовательнаго движенія до анархіи и не откроетъ широкую дорогу реакціи.

Но съ первыхъ же шаговъ обнаружилась практическая слабость національнаго собранія. Депутаты, съѣхавшіеся изъ разныхъ концевъ Германіи, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ партіямъ, не знали другъ друга и не согласились еще относительно коренныхъ вопросовъ будущаго государственнаго устройства [1]). Поэтому, комитетъ 30-ти рѣшился предложить на обсужденіе собранія, прежде всего, вопросъ болѣе легкій и менѣе способный задѣть интересы партій — именно вопросъ объ *основныхъ правахъ нѣмецкихъ граждань* (Grundrechte des deutschen Volkes). Дальману, Молю и Мюльфельду поручено было составить проектъ этихъ основныхъ правъ и затѣмъ онъ

[1]) Не безполезно будетъ привести здѣсь краткій обзоръ главныхъ партій, на которыя распадалось національное собраніе, съ ихъ различными оттѣнками.

Правая сторона составляла довольно плотную массу; къ ней принадлежали, между прочимъ, князь Лихновскій, Радовицъ (см. 5-ю главу) и друг. Сборнымъ мѣстомъ ея былъ «Каменный домъ». *Лѣвая* сторона, не смотря на свою немногочисленность, представляла нѣсколько оттѣнковъ. Отдѣльныя фракціи ея собирались въ «Нюренбергскомъ подворьѣ», Westendhall'ѣ, «Нѣмецкомъ подворьѣ» и «Доннерсбергѣ». Послѣдній клубъ состоялъ изъ крайнихъ радикаловъ. Главными представителями лѣвой стороны были демократы: Р. Блумъ, Фрёбель Іорданъ, Цитцъ, Руге, Брентано и друг.

Центры правый и лѣвый представляли также довольно много оттѣнковъ. Большинство принадлежало, впрочемъ, къ *правому* центру, а между всѣми его оттѣнками главное мѣсто занимала такъ-называемая партія *Гагерна*, сборнымъ мѣстомъ которой былъ «Казино». Она признавала верховенство національнаго собранія, какъ представителя народной воли, но не отрицала необходимости соглашенія съ отдѣльными правительствами. Всѣ ея члены были защитниками конституціонной монархіи. Сюда принадлежали: Бассерманъ, Арндтъ, Безелеръ, Дальманъ, Гервинусъ, Яковъ Гриммъ и друг. Впослѣдствіи отъ нея отдѣлились двѣ фракціи: во-первыхъ, фракція партикуляристовъ, сходившаяся въ «Ландсбергѣ»; во-вторыхъ, партія депутата Финке (см. ниже), примыкавшая къ правой сторонѣ. Это былъ клубъ «Milani». Наконецъ, лѣвый центръ, расходясь съ лѣвою стороною касательно взгляда на форму правленія, сходился съ нею относительно теоріи безусловнаго верховенства національнаго собранія и нѣкоторыхъ другихъ воззрѣній. Сюда принадлежали, между прочимъ, депутаты Ровó (Roveaut), извѣстный публицистъ и историкъ Фальмерейеръ, виртембергскій министръ Рёмеръ и друг. Сборнымъ мѣстомъ ея было «Виртембергское подворье».

(въ измѣненной редакціи) былъ предложенъ на обсужденіе собранія, чтобы, такъ сказать, *пріучить* его къ политическимъ преніямъ и дать время депутатамъ сойдтись поближе. Но то, что собраніе выигрывало внутри, оно проигрывало извнѣ. „Основныя права" для народа не были теперь такимъ существеннымъ вопросомъ; юридически или фактически почти вездѣ признана была свобода печати, совѣсти, неприкосновенность личная и т. д. Насущнымъ вопросомъ было именно учрежденіе союзнаго правительства, способнаго *обезпечить* эти права и сдѣлать многое другое. Разрѣшенія этого вопроса ожидали отъ собранія правительства и народы Германіи. Но депутаты, съ какою-то странною ревностью, предались обсужденію „основныхъ правъ". Къ концу іюля было обсуждено только *четыре* § и время проходило въ пустыхъ словопреніяхъ [1]).

Временной исполнительной власти долгое время не существовало. Чрезъ двѣ слишкомъ недѣли по открытіи засѣданія былъ назначенъ комитетъ для изготовленія проекта этого учрежденія, но и онъ работалъ болѣе двухъ недѣль. Наконецъ, 19-го іюля Дальманъ представилъ собранію отчетъ объ этихъ работахъ. Въ комитетѣ и въ самомъ собраніи мнѣнія раздѣлились между двумя различными началами. Одни исходили изъ того воззрѣнія, что національное собраніе есть представитель воли всего Германскаго народа, а потому оно должно само учредить исполнительную власть; другіе (въ томъ числѣ Дальманъ) доказывали, что пока союзное государство не существуетъ, временная исполнительная власть должна быть учреждена изъ делегатовъ отъ правительствъ, по соглашенію съ собраніемъ. Понятно само собою, что при такомъ коренномъ разногласіи, пренія въ собраніи должны были принять ожесточенный характеръ. Шесть дней продолжались бурныя засѣданія — предвѣстія еще болѣе бурныхъ. Умѣренные депутаты рѣзко нападали на противниковъ, мечтавшихъ превратить національное собраніе въ конвентъ 1793 года. Въ такомъ смыслѣ говорилъ *Велькеръ* [2]). „Вы", говорилъ онъ, „не имѣете ни

[1]) «Основныя права» были обнародованы Блюстителемъ имперіи (см. ниже) 27-го декабря 1848 г., въ качествѣ «рождественскаго подарка» Германскому народу. Но подарокъ пришелъ тогда, когда реакція подготовляла націи другіе дары.

[2]) Извѣстный публицистъ, имя котораго встрѣчалось намъ уже нѣсколько разъ, род. въ 1790, умеръ въ 1869 г. Изъ ученыхъ предпріятій его извѣстенъ, главнымъ образомъ, изданный имъ съ профессоромъ Роттекомъ (1775 — 1840) «Государственный лексиконъ» (Staatslexikon) въ 12-ти томахъ (1-е изд. 1834 г.,

казны, ни правительства, ни арміи, ни исполнительныхъ чиновъ,—все это находится въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, слѣдовательно, въ городахъ, гдѣ живутъ не только короли, но и народонаселеніе... Не обманывайтесь силою словъ „мы желаемъ и повелѣваемъ именемъ самодержавнаго народа". Наконецъ, президентъ собранія, Генрихъ Гагернъ, рѣшился разрубить узелъ. Въ рѣчи своей онъ доказывалъ, что временная исполнительная власть должна быть связана съ собраніемъ и учреждена имъ же. „Я сожалѣлъ бы", сказалъ онъ, „еслибы въ *принципѣ* было установлено, что правительства не имѣютъ права высказаться по этому вопросу. Но, съ точки зрѣнія *цѣлесообразности*, мое воззрѣніе отличается отъ мнѣнія большинства комитета. Господа, я дѣлаю *смѣлый шагъ* (einen kühnen Griff) и говорю вамъ: *мы* должны создать временную центральную власть". И практически, и съ точки зрѣнія принциповъ, шагъ Гагерна былъ дѣйствительно смѣлъ. Національное собраніе ставило себя не только въ качествѣ законодательно-учредительной власти, но и въ качествѣ правительства, выше и внѣ отдѣльныхъ государствъ. Но этотъ смѣлый шагъ логически велъ за собою необходимость другихъ „смѣлыхъ шаговъ", на которые собраніе никогда не рѣшилось.

Еще нѣсколько дней прошло въ бурныхъ преніяхъ относительно выбора главы исполнительной власти, его прерогативъ, титула и т. д. Наконецъ, собраніе рѣшилось избрать безотвѣтственнаго главу исполнительной власти съ титуломъ Блюстителя Имперіи (Reichsverweser). Онъ долженъ былъ править чрезъ министерство, отвѣтственное предъ собраніемъ. Блюстителемъ имперіи не былъ избранъ ни одинъ изъ монарховъ Германіи. Выборъ палъ на эрцгерцога Іоанна Австрійскаго [1]), причемъ Гагернъ, предлагая его, повторилъ избитую остроту

3-е—1855—1866). Этого *Карла* Велькера не должно смѣшивать съ его братомъ, *Фридрихомъ*, извѣстнымъ изслѣдователемъ классической древности (1784—1868).

[1]) Іоаннъ, эрцгерцогъ Австрійскій (1782—1859, сынъ императора Герм. Леопольда II и испанской инфанты Маріи-Луизы), чрезвычайно любимый народомъ за свои личныя качества и образъ мыслей, въ жизни общественной зналъ лишь неудачи. Въ несчастную войну 1801 года онъ еще юношей командовалъ австрійскими войсками и былъ разбитъ при Гогенлинденѣ и Зальцбургѣ. Тоже случилось въ 1809 году. Затѣмъ онъ жилъ уединенно, вдали отъ двора, преимущественно въ восхитительномъ, по своему мѣстоположенію, Грацѣ. Женившись на бѣдной дѣвушкѣ, онъ былъ счастливъ своимъ положеніемъ частнаго человѣка. Революція 1848 года вызвала его изъ уединенія. Перепуганный вѣнскій дворъ, спасаясь бѣгствомъ, назначилъ его намѣстникомъ въ Вѣну, гдѣ онъ и успѣлъ сдѣлать кое-что для умиротворенія столицы. Затѣмъ онъ принялъ выборъ національнаго собранія.

Дюпена [1])—„nicht weil er, sondern obgleich er ein Fürst ist". Эрцгерцогъ, конечно, имѣлъ всѣ права на общественное уваженіе и популярность. Но онъ сразу былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе. Австрія имѣла нѣкоторое основаніе быть довольною, что Блюстителемъ имперіи (не существовавшей еще) былъ избранъ членъ ея царствующаго дома; въ Пруссіи это избраніе произвело неудовольствіе. Всѣ главныя правительства подозрительно смотрѣли на новую власть, избранную во имя „народнаго самодержавія" и поставленную выше старыхъ династій. Сила новаго правительства зависѣла, конечно, отъ силы самого національнаго собранія.

Избраніе Блюстителя имперіи имѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, то чрезвычайно важное послѣдствіе, что этимъ актомъ *устранялась власть сейма*, который, по прибытіи эрцгерцога (12-го іюля), и сложилъ свои полномочія [2]), ко всеобщей радости народонаселенія. Слѣдовательно, веденіе союзныхъ дѣлъ возлагалось теперь на новую исполнительную власть. Еслибы она желала и могла ограничиться ролью стараго сейма, задача ея была бы не особенно затруднительна. Но она должна была стать на высоту новаго призванія, быть не пассивнымъ уполномоченнымъ правительствъ, а самостоятельною и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, верховною властью. Она должна была, отъ имени всей Германской націи, подавать свой рѣшительный голосъ по важнѣйшимъ дѣламъ внѣшней и внутренней политики. И все это въ то время, когда союзнаго государства еще не существовало! Первая же серьезная задача должна была обнаружить слабость средствъ центральной власти.

Эрцгерцогъ, тотчасъ по пріѣздѣ, назначилъ министерство, составленное изъ различныхъ элементовъ, но способное, однако, внушить довѣріе большинству, по основнымъ своимъ убѣжденіямъ [3]). Теперь

[1]) Дюпенъ (1783—1865) въ рѣчи, обращенной къ королю Людовику-Филиппу (1830 г.), замѣтилъ, между прочимъ, что онъ избранъ на престолъ «не *потому*, что онъ Бурбонъ, но *хотя* онъ Бурбонъ».

[2]) Постановленіе о закрытіи сейма было принято собраніемъ одновременно съ постановленіями объ исполнительной власти, большинствомъ 510 противъ 35 голосовъ.

[3]) Первое министерство было составлено слѣдующимъ образомъ (мы имѣемъ въ виду полный его составъ съ 9-го августа): 1) Князь *Лейнингенъ* (1804—1856) изъ южной Германіи, президентъ министерства. 2) *Бекератъ* (1801—1870) изъ Рейнской Пруссіи, членъ либеральной партіи, министръ финансовъ. 3) *Гекшеръ* (1797—1865) изъ Гамбурга, либеральный членъ велико-германской партіи (см. ниже), министръ юстиціи, а потомъ (съ 9-го августа) — иностранныхъ дѣлъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

все было готово для дѣйствія; народная воля имѣла своихъ представителей въ блестящемъ парламентѣ, во главѣ исполнительной власти и въ министерствѣ. Но эти представители не имѣли орудій, въ томъ числѣ орудія, вполнѣ необходимаго во времена тревожныя — арміи. Имперское министерство издало приказъ, въ силу котораго всѣ союзныя войска должны были присягнуть Блюстителю имперіи къ 6-му августа. Но этотъ приказъ былъ исполненъ въ немногихъ мѣстахъ. Отдѣльныя правительства большихъ и среднихъ государствъ не обнаруживали наклонности повиноваться „Франкфуртскому правительству"! Эрнстъ-Августъ Ганноверскій сразу обнаружилъ свое неудовольствіе и вызвалъ рѣзкій отвѣтъ національнаго собранія. Фридрихъ Вильгельмъ IV, встрѣтившись съ эрцгерцогомъ и нѣкоторыми членами парламента на Кельнскомъ праздникѣ (половина августа), не безъ ироніи сказалъ Гагерну: „не забывайте, что въ Германіи есть еще государи и что я одинъ изъ нихъ".

При такихъ условіяхъ, первая неудача центральнаго правительства должна была внести въ самоувѣренный до тѣхъ поръ парламентъ страшную деморализацію. Такую неудачу правительство потерпѣло по знаменитому *датскому* вопросу. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ столкновеніи.

Неудовольствія между датскимъ правительствомъ, съ одной, и германскимъ союзомъ, съ другой стороны, начались давно. Предметомъ неудовольствій было положеніе Шлезвигъ-Гольштейнскихъ герцогствъ, соединенныхъ съ датскою короною. Нѣтъ возможности опредѣлить на чьей сторонѣ, въ данномъ случаѣ, было право. Масса нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій, памфлетовъ, газетъ громко говорили о тяжкихъ страданіяхъ, испытываемыхъ будто бы жителями Шлезвигъ-Голштейна отъ грубаго народа матросовъ (Matrosenvolk). Но, конечно, этимъ увѣреніямъ нельзя давать безусловной вѣры. Нѣмцы часто говорятъ объ *униженіи* своей національности тогда, когда ей не даютъ *преобладанія*. Такъ теперь еще Р. Моль [1]) говоритъ объ *уни-*

4) *Дуквицъ* (род. въ 1802 г.) изъ Бремена, министръ торговли. 5) Р. ф. *Моль*, знаменитый государствовѣдъ (род. въ 1799 г.) изъ Виртемберга, министръ юстиціи. 6) *Пейкеръ* (Peucker, род. въ 1791 г.) прусскій генералъ, одинъ изъ отцевъ «игольчатыхъ ружей», военный министръ. 7) *Шмерлингъ* (род. въ 1805 г.) изъ Австріи, дѣятельный членъ велико-германской партіи, извѣстный въ послѣдствіи своими преобразовательными попытками въ Австріи (1860—1865 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ и душа всего кабинета.

[1]) См. его послѣднее сочиненіе «Das Deutsche Reichs Staatsrecht» (1873 г.), стр. 13. Сожалѣя о томъ, что Австрія не вошла въ составъ имперіи, Моль ука-

женіи нѣмецкаго племени въ Австріи (!) на томъ основаніи, что нѣмецкое меньшинство, на выборахъ и т. д., тонетъ будто бы въ славянскомъ большинствѣ. Положеніе Нѣмцевъ въ Даніи было не хуже положенія ихъ въ Кургессенѣ, Ганноверѣ, а тѣмъ паче въ Австріи. Мы подробно разсмотримъ сущность датскаго вопроса ниже (гл. V, II). Теперь достаточно сказать, что въ данную минуту Гольштейнскій вопросъ потому такъ занималъ печать, что онъ былъ единственнымъ вопросомъ, по поводу котораго можно было безнаказанно, во время торжества реакціи въ Германіи, высказать нѣсколько либеральныхъ мыслей. Во всякомъ случаѣ, усердная и многолѣтняя пропаганда чрезвычайно возбудила общественное мнѣніе въ пользу голштейнскихъ бюргеровъ и бароновъ, стонавшихъ подъ датскимъ владычествомъ. При первомъ предлогѣ германская нація должна была всею силою опрокинуться на маленькое датское королевство.

Предлогъ этотъ скоро представился. Герцогства, соединенныя съ Даніей издавна и укрѣпленныя за нею вѣнскими трактатами, могли отпасть отъ нея вслѣдствіе законовъ о престолонаслѣдіи, различныхъ въ Даніи и герцогствахъ. Датская система допускала къ престолонаслѣдію женщинъ, за прекращеніемъ мужескаго поколѣнія; въ герцогствахъ же господствовала строгая агнатическая система. Королю Христіану VIII (1839—1848) представлялась уже печальная картина распаденія его королевства; ни у него, ни у его сына, будущаго короля Фридриха VII (1848—1863), не было мужескаго потомства. Король рѣшился соединить всѣ части своей монархіи общимъ закономъ о престолонаслѣдіи и общею конституціею. Съ этою цѣлью онъ, 8-го іюля 1846 года, изложилъ свои намѣренія въ знаменитомъ „циркулярномъ письмѣ (Offener Brief). Оно тогда уже произвело большую тревогу въ Германіи. Сынъ его приступилъ къ формальной инкорпораціи герцогствъ къ Даніи (сначала Шлезвига) и думалъ унять сопротивленіе изданіемъ либеральной конституціи для цѣлой монархіи. Но областные чины герцогствъ обратились съ жалобою во Франк-

зываетъ на выгоды подобнаго соединенія. «Es wären über diess *wackere* deutsche Stämme von *Unterdrückung* (!) durch slavische örtliche Mehrheiten befreit worden; bei der Reichsregierung hätten sie kräftigen Schutz gefunden (еще бы!). Скоро, кажется, германскіе ученые дойдутъ (если не дошли уже) до требованія, чтобы wackere deutsche Stämme, были избавлены отъ «чисто» мѣстнаго большинства въ Россіи. Съ точки зрѣнія этихъ удивительныхъ философовъ, только германское есть *общее*, а все остальное *мѣстное*, а потому обреченное на подчиненіе *общему*. Пріятная перспектива для другихъ народовъ!

фуртъ. Здѣсь они нашли всеобщее сочувствіе и предварительный парламентъ, вмѣстѣ съ сеймомъ, поручили „союзную экзекуцію“ Пруссіи (4-го апрѣля 1848 года). Конечно, сухопутная война была ведена (фельдмаршаломъ Врангелемъ) съ большимъ успѣхомъ. Но „народъ матросовъ“, пользуясь своимъ флотомъ, котораго не было у его враговъ, наносилъ порядочный ущербъ германской и особенно прусской торговлѣ. Кромѣ того, датскій вопросъ былъ не только внутреннимъ германскимъ, но и международнымъ европейскимъ вопросомъ. Державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, имѣли полное основаніе вмѣшаться въ эту распрю. Въ виду этихъ соображеній, Пруссія рѣшилась заключить съ Даніею перемиріе въ Мальмё на условіяхъ, выгодныхъ для датскаго правительства [1]). Вѣсть объ этомъ пришла во Франкфуртъ въ началѣ сентября. Она сразу возбудила всѣ партіи. Не говоря уже о томъ, что „бѣдствія“ Шлезвигъ-Голштейнцевъ сдѣлались издавна общимъ мѣстомъ, вопросъ имѣлъ особенное значеніе для національнаго собранія. Это былъ первый важный вопросъ внѣшней политики, представлявшійся собранію, и первый случай показать свое значеніе въ Европѣ и Германіи. Для радикальной партіи перемиріе въ Мальмё было доказательствомъ своекорыстной политики правительствъ и поводомъ возбудить революціонныя страсти. Имперское министерство готовилось къ строгому запросу и бурному засѣданію. Запросъ былъ сдѣланъ стариннымъ защитникомъ правъ герцогствъ — Дальманомъ. 4-го сентября министерство отвѣчало, что Блюститель имперіи уполномочилъ прусское правительство къ заключенію перемирія, но вовсе не на означенныхъ условіяхъ. Немедленно составленъ былъ комитетъ, которому поручено было въ 24 часа изготовить проектъ парламентскаго постановленія. 5-го сентября Дальманъ, отъ имени большинства комитета, предложилъ пріостановить приведеніе въ исполненіе перемирія и обсудить затѣмъ вопросъ о принятіи или непринятіи самаго перемирія. Сильное меньшинство комитета доказывало, что прежде должно условиться относительно перемирія, и затѣмъ уже пріостанавливать или не пріостанавливать его. Послѣ бурныхъ преній, гдѣ Дальманъ горячо взывалъ къ патріо-

[1]) На основаніи этого договора, военныя дѣйствія не должны были возобновляться до 1-го апрѣля 1849 года; всѣ акты временнаго правительства, учрежденнаго въ герцогствахъ, по занятіи ихъ германскими войсками, объявлены ничтожными; новое правительство составлено изъ лицъ, назначенныхъ на половину Пруссіей, на половину Россіей, и войска Шлезвига отдѣлены отъ войскъ Голштейна.

тизму собранія и доказывалъ, что данный вопросъ есть пробный камень его собственной силы, предложеніе его было принято. Министерство, клонившееся на сторону меньшинства, подало въ отставку. Составленіе новаго кабинета было поручено Дальману. Но послѣдній не могъ положиться на „свое" большинство, тѣмъ болѣе, что палата, рѣшившись на новый „смѣлый шагъ", 5-го сентября, съ ужасомъ думала о другомъ такомъ же шагѣ, а именно о совершенномъ непринятіи перемирія. Она ужасалась не принять его, потому что за этимъ слѣдовалъ неминуемый разрывъ съ Пруссіей; ужасалась принять, потому что радикальная партія съ ея полчищами грозила мятежемъ. Десять дней важный вопросъ откладывался и въ этотъ промежутокъ палата занималась невинными преніями объ „основныхъ правахъ".

Съ 14-го по 16-е сентября длились пренія о перемиріи. Настроеніе большинства теперь измѣнилось; перемиріе было принято большинствомъ 258 противъ 237. Въ самомъ собраніи такой явный признакъ непослѣдовательности и слабости вызвалъ сильные протесты Многіе депутаты, въ томъ числѣ Финке [1]), доказывали, что нравственное значеніе собранія подорвано навсегда. Внѣ собранія, радикальные депутаты (Цитцъ, Шлёффель) подняли народныя сборища и революціонные клубы. 17-е сентября прошло въ шумныхъ сходкахъ; 18-го толпы народа хотѣли ворваться въ церковь св. Павла, но правительство загородило входы войсками. Волненіе принимало сильные размѣры и сопровождалось всѣми признаками революціонныхъ движеній; толпа убила двухъ депутатовъ—князя Лихновскаго и генерала Ауэрсвальда. Мятежъ пришлось подавить военною силою. Съ этихъ поръ начинается паденіе собранія; нравственная его сила была подорвана и въ тотъ моментъ, когда началось обсужденіе прямой его задачи — конституціи имперіи, оказалось, что его силы изсякли.

Проектъ имперской конституціи былъ предложенъ на обсужденіе собранія 19-го октября 1848 г. Первыя же статьи его должны были возбудить сильную борьбу въ собраніи, которая затѣмъ произвела расколъ между его членами. Проектъ конституціи начинался съ опре-

[1]) Баронъ Эрнстъ фонъ-Финке (род. въ 1811 г.)—одинъ изъ представителей конституціонной либеральной партіи въ собраніи и противникъ республиканцевъ. Впослѣдствіи одинъ изъ вождей либеральной оппозиціи въ прусскомъ парламентѣ. См. ниже.

дѣленія объема имперской территоріи и отношеній отдѣльныхъ государствъ къ цѣлому. Предполагалось, что имперская территорія будетъ обнимать *всѣ* земли, входившія въ составъ германскаго союза. Но затѣмъ постановлялось, что „никакая часть германской имперіи не можетъ быть соединена съ не-нѣмецкими землями въ одно государство. Буде нѣмецкая и не-нѣмецкая земли подчинены одной верховной власти, ихъ отношенія должны быть опредѣлены по началамъ чисто *личнаго соединенія* (Personalunion)“. Нельзя сказать, чтобы проектъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно послѣдовательно. Первая непослѣдовательность состояла въ томъ, что еще предварительный парламентъ постановилъ включить въ составъ германской территоріи не нѣмецкую землю — великое герцогство Познанское [1]). Въ виду такого факта не было уже особеннаго основанія не простирать своихъ видовъ на другія „не нѣмецкія“ земли. Вторая непослѣдовательность состояла въ томъ, что, принявъ за основаніе территоріальнаго объема имперіи строгое начало народности, нечего уже было упорно надѣяться на согласіе Австріи отдать свои не-нѣмецкія земли въ распоряженіе имперіи и допустить очевидное разчлененіе государства. Особенно трудно было питать такія надежды именно въ ту минуту, когда въ Австріи были въ ходу централизаторскіе планы, когда правительство, первоначально ослабленное революціею, теперь пріобрѣтало новую силу. Что̀ могла дать имперіи централизованная Австрія? Она могла согласиться на нѣсколько преобразованный *союзъ государствъ* и даже желала его, въ виду возможности сохранить старое вліяніе свое въ Германіи. Но согласиться на государство съ сильною центральною властью она не хотѣла и не могла, даже въ томъ предположеніи, что императорская корона будетъ предоставлена Австрійскому дому. За это никакъ нельзя порицать политику австрійскаго кабинета.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ требовалось отъ государства, поставленнаго во главѣ германской имперіи? Полнаго отреченія отъ своего особаго, самостоятельнаго положенія въ европейскомъ международномъ союзѣ и безусловнаго сліянія съ общимъ составомъ федераціи. Когда прусскій король, 21-го марта 1848 года, собирался стать во главѣ національнаго движенія, онъ провозгласилъ: „*Preussen* geht fort an in *Deutschland* auf“. Австрійскій императоръ не могъ произнести такой фразы; это значило бы обречь многочисленныя славянскія племена, итальян-

[1]) По возстановленіи союза и сейма снова исключенное изъ состава германскихъ земель.

скія области и Венгрію на служебную роль въ строго - германскомъ государствѣ. Австрійскій кабинетъ не хотѣлъ, не имѣлъ ни права, ни возможности сдѣлать этого. Всѣ эти соображенія, конечно, давали австрійскому кабинету полное основаніе *не приступать* къ будущей федераціи. Если бы только этимъ ограничился его протестъ, задача національнаго собранія не усложнилась бы до такихъ размѣровъ, какъ это случилось послѣ. Но австрійское правительство, не желая приступать къ федераціи, не хотѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, *выйдти* изъ состава Германіи, гдѣ оно до сихъ поръ играло такую видную роль. Присутствіе же Австріи въ союзѣ дѣлало невозможными всякія серьезныя улучшенія въ его устройствѣ. Изъ такого заколдованнаго круга трудно было выйдти самому рѣшительному политику.

До ноября австрійскій дворъ не имѣлъ возможности высказаться опредѣленно. Онъ былъ слишкомъ занятъ внутренними событіями. Франкфуртскій мятежъ 18-го сентября отозвался въ Вѣнѣ. Венгерскія дѣла принимали грозный оборотъ; не лучше было положеніе Австрійцевъ и въ Италіи. Вѣсть о новомъ возстаніи въ Вѣнѣ привела въ волненіе лѣвую сторону національнаго собранія. Собраніе рѣшилось послать въ Вѣну двухъ коммиссаровъ для посредничества между правительствомъ и народомъ. Лѣвая сторона, кромѣ того, отправила туда двухъ депутатовъ, Фрёбеля [1]) и Роберта Блума для поддержки вѣнской демократіи. Тогда правительство рѣшилось разрѣшить всѣ вопросы вооруженною силой. Двѣ арміи направились къ Вѣнѣ: армія хорватскаго бана Іеллачича [2]) и армія князя Виндишгреца, находившагося до тѣхъ поръ въ Прагѣ [3]). 31-го октября Вѣна пала и объявлена въ осадномъ положеніи. Началась кровавая расправа, отъ которой не увернулся и Блумъ, не смотря на свое званіе депутата національнаго собранія. Новое министерство князя Шварценберга [4])

[1]) Fröbel, Julius (род. въ 1805 г.). Извѣстенъ какъ публицистъ. Главныя сочиненія его: System der Socialen Politik (1847 г.) и Theorie der Politik (1861—1864 гг.).

[2]) Іосифъ графъ Іеллачичъ (1801—1859) — стойкій противникъ венгерскаго движенія, въ которомъ онъ видѣлъ опасность для самостоятельности славянскихъ племенъ.

[3]) Князь Альфредъ Виндишгрецъ (1787—1862) въ событіяхъ 1848 г. извѣстенъ, вопервыхъ, подавленіемъ возстанія въ Прагѣ, за что получилъ благодарность франкфуртскаго собранія, признававшаго право на независимость и единство только за нѣмецкими племенами; затѣмъ усмирилъ Вѣну.

[4]) Князь Феликсъ-Людвигъ Шварценбергъ (1800—1852) - одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ реакціонномъ движеніи 1849 и слѣдующихъ годовъ.

открыто высказалось противъ всякихъ попытокъ разъединенія Австріи и умаленія ея самостоятельности. Этотъ поворотъ былъ, впрочемъ, предугаданъ во Франкфуртѣ.

Немедленно послѣ событій 31-го октября въ національномъ собраніи была высказана мысль о возможности образовать союзное государство не только безъ славяно-венгро-итальянскихъ земель Австріи, но даже безъ нѣмецкихъ ея владѣній. Отношенія Австріи къ имперіи предполагалось опредѣлить особымъ договоромъ. Эта мысль была высказана депутатомъ Безелеромъ [1]). Гагернъ сталъ на сторону предложенія. Конечно, оно произвело расколъ между депутатами и, такимъ образомъ, къ этому времени относится зарожденіе двухъ большихъ партій: *велико-германской* и *мало-германской* (Grossdeutsche und kleindeutsche Parteien).

Но планъ мало-германской партіи очевидно не могъ осуществиться безъ согласія того государства, которое одно могло теперь сдѣлаться центромъ единства — Пруссіи. Внутреннее ея состояніе не обѣщало тогда ничего утѣшительнаго для плановъ объединенія. Трудъ учредительнаго собранія, созваннаго королемъ для составленія конституціи, не подвигался впередъ. Время проходило, съ одной стороны, въ пререканіяхъ собранія съ министерствомъ, составъ котораго безпрерывно измѣнялся, съ другой — въ уличныхъ безпорядкахъ. Крутыя мѣры реакціонной партіи въ Вѣнѣ не остались безъ вліянія въ Берлинѣ. 2-го ноября король поручилъ составить новое министерство графу Бранденбургу [2]), члену феодальной партіи. Душою новаго кабинета былъ умный и ловкій политикъ, баронъ Мантейфель [3]). Одною изъ первыхъ мѣръ кабинета была отсрочка собранія до 27-го ноября. Затѣмъ засѣданія его должны были возобновиться не въ Берлинѣ, а въ Бранденбургѣ [4]), подъ тѣмъ предлогомъ, что здѣсь

[1]) Карлъ-Георгъ Безелеръ (род. въ 1809 г.), извѣстный юристъ и профессоръ Берлинскаго университета. Главныя сочиненія его: Lehre von den Erbverträgen, въ трехъ томахъ (1835 — 1838) и «System des gemeinen deutschen Privatrechts».

[2]) Графъ Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургъ (1792—1850) сынъ короля Фридриха-Вильгельма II отъ графини Денгофъ (Dönhoff), съ которою онъ состоялъ въ морганатическомъ бракѣ. Онъ умеръ, пораженный жестокими ударами, нанесенными Пруссіи интригами Австріи. См. ниже.

[3]) Баронъ Оттонъ Мантейфель (род. въ 1805) держалъ въ своихъ рукахъ прусскую политику десять лѣтъ (1848—1858 г.). Нынѣшній императоръ-король уволилъ его, сдѣлавшись, по болѣзни Фридриха-Вильгельма IV, регентомъ. См. ниже.

[4]) Небольшой городокъ въ Потсдамскомъ округѣ.

оно будетъ свободно отъ давленія толпы. Собраніе рѣшилось не исполнять приказа объ отсрочкѣ. Министерство прибѣгло къ военной силѣ. 15-го ноября собраніе рѣшилось разойдтись, но объявило, что отнынѣ министерство не въ правѣ собирать подати. Этимъ оно думало вызвать поддержку со стороны народныхъ массъ, но не нашло ее. 27-го ноября собраніе сошлось въ Бранденбургѣ, чтобы выслушать декретъ о распущеніи своемъ. 5-го декабря, король собственною властью издалъ конституцію, подъ тѣмъ условіемъ, что она будетъ разсмотрѣна палатами, созванными въ силу новаго акта. Попытка франкфуртскаго парламента оказать поддержку либеральной партіи и Блюстителя имперіи—сдѣлаться посредникомъ между прусскимъ правительствомъ и народомъ не имѣли успѣха.

Не смотря на неожиданный поворотъ прусской политики 2-го ноября, собраніе надѣялось однако получить согласіе прусскаго правительства на „имперію безъ Австріи". Но для этого нужны были личные переговоры съ королемъ. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Берлинъ Гагернъ. Король принялъ его, 27-го ноября, очень милостиво, но объявилъ, что Германія безъ Австріи не мыслима [1]). Въ это же время австрійскій кабинетъ принялъ рѣшительный и угрожающій тонъ. Правительство перевело вѣнское „учредительное собраніе" въ небольшой городокъ Кремзиръ (Kremsier) и здѣсь предложило ему программу кореннаго преобразованія Австріи въ смыслѣ сильной централизаціи. Франкфуртскому правительству было сообщено, что Австрія приступила къ своему обновленію и, до выполненія этой задачи, будетъ свято исполнять свои обязанности по отношенію къ союзу [2]). Имперское министерство, руководимое Австрійцемъ Шмерлингомъ, готовилось защищать интересы своей страны. Но рѣшительная оппозиція въ палатѣ принудила его подать въ отставку и уступить мѣсто кабинету Гагерна (16-го декабря).

Переворотъ 16-го декабря упрочивалъ повидимому успѣхъ малогерманской партіи. Программа Гагерна была благопріятна плану строго

[1]) «Das Haus Habsburg steht voran, und ich bin persönnlich nicht geeignet, bin kein Friedrich I noch ein Friedrich II. Wenn Oesterreich ausschiede, so würde Deutschland ein getheiltes und gemindertes sein, und ich mag nicht nach Herstellung des Kaiserthums der erste Kaiser sein, der eine verstümmelte Krone trüge».

[2]) *Клюпфель* (Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen, I, 84) справедливо замѣчаетъ: «Der Sinn dieser Erklärung war wohl der: Deutschland solle mit dem Abschluss seiner Verfassung hübsch warten, bis Oesterreich mit seiner Wiedergeburt fertig sei».

національнаго государства [1]). Новый президентъ собранія, профессоръ *Симсонъ* [2]), былъ Пруссакъ. Но условія времени были таковы, что собранію, болѣе чѣмъ когда нибудь, нужно было дѣйствовать быстро и рѣшительно. Между тѣмъ оно не пришло еще къ соглашенію даже относительно *формы* правленія въ будущемъ государствѣ. Плановъ было множество. Предлагалось сосредоточить исполнительную власть въ рукахъ директоріи изъ трехъ государствъ (Австріи, Пруссіи и Баваріи), или установить очередное президентство (Turnus) между Австріею и Пруссіею и т. д. Спорили о томъ долженъ ли глава государства быть наслѣдственъ, или избираться пожизненно, или на шесть лѣтъ. Слышались возгласы и о германской республикѣ.

При такихъ условіяхъ начался 1849-й годъ. Январь мѣсяцъ былъ посвященъ преніямъ о формѣ правленія. Большинство рѣшилось предоставить власть выборному главѣ государства съ титуломъ *императора*. Онъ долженствовалъ быть выбранъ изъ числа государей Германіи. Но вопросъ объ отношеніяхъ къ Австріи все еще не былъ рѣшенъ. Не извѣстно было даже, какъ отнесутся, послѣ событій послѣднихъ мѣсяцевъ 1848 года, прочія германскія правительства къ планамъ собранія.

Первымъ высказалось прусское правительство. Въ январѣ 1849 г. оно отправило ко всѣмъ дворамъ и къ франкфуртскому правительству, циркулярную ноту, въ которой высказало свои воззрѣнія. Они сходились съ планомъ Гагерна въ томъ отношеніи, что прусскій кабинетъ предполагалъ возможнымъ организовать союзное государство, безъ включенія въ его составъ Австріи. Именно предполагалось, *не разрушая* союза и не исключая Австріи изъ состава Германіи, организовать въ средѣ этого союза союзное государство (einen Bundesstaat innerhalb des Bundes). Но существенное требованіе прусской ноты состояло въ томъ, что конституція имперіи должна была получить силу не иначе, какъ съ согласія *всѣхъ* правительствъ Германіи. Для этого предлагалось сообщить имъ проектъ конституціи прежде втораго чтенія его въ собраніи.

[1]) Основная мысль этой программы состояла въ слѣдующемъ: вопросъ о союзной конституціи для Германіи, въ собственномъ смыслѣ, долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса объ отношеніи будущаго государства къ Австріи. Послѣднее можетъ быть опредѣлено особымъ договоромъ; первое нуждается въ скорѣйшемъ окончаніи.

[2]) Мартинъ Эдуардъ Симсонъ (род. въ 1810 г.), въ наше время извѣстный предсѣдатель второй прусской палаты и имперскаго сейма.

Австрія, гдѣ теперь вмѣсто отрекшагося отъ престола Фердинанда I, царствовалъ Францъ-Іосифъ [1]), высказалась, конечно, въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ противъ идеи союзнаго государства; ея примѣру послѣдовали значительнѣйшія государства, видѣвшія въ проектѣ гибель своей независимости [2]). Отнынѣ собранію оставалось одно—доканчивать на удачу свое дѣло, въ надеждѣ, что *можетъ быть* прусскій король возьметъ на себя роль объединителя Германіи, по волѣ собранія.

Но и эта неблагодарная работа была затруднительна для парламента. Въ виду рѣшительнаго сопротивленія Австріи, Баваріи и Ганновера, всѣ австрійскіе члены и партикуляристы были противъ федеративной монархической формы союза. Надо еще удивляться, какъ въ виду этой пестрой смѣси партикуляристовъ, клерикаловъ, феодаловъ и республиканцевъ, дружно сплотившихся, могло состояться какое-нибудь противное имъ большинство. Конечно, это большинство не могло довести своихъ плановъ до конца. Исключеніе Австріи, формально предложенное Велькеромъ [3]), было отвергнуто и, такимъ образомъ, заранѣе были связаны руки каждому, кто рѣшился бы принять императорскую корону. Министерство Гагерна подало въ отставку (21-го марта). Тѣмъ не менѣе, до 27-го марта конституція была вотирована, а 27-го марта собраніе приступило къ выбору императора, на этотъ разъ наслѣдственнаго [4]). Въ собраніи присутствовало 568

[1]) Францъ-Іосифъ (род. въ 1830 г.), сынъ эрцгерцога Франца-Карла и племянникъ императора Фердинанда I. Вступилъ на престолъ 2-го декабря 1848 г.

[2]) Въ Австріи въ это время уже была октроирована такъ-называемая Ольмюцская конституція (4-го марта). Рѣшительный отказъ со стороны Австріи послѣдовалъ 4-го февраля. 9-го марта она объявила, что національное собраніе должно придумать такую форму союзнаго устройства, которая давала бы возможность Австріи принять его. 13-го она потребовала исключенія изъ проекта конституціи палаты представителей.

[3]) Предложеніе Велькера было формулировано слѣдующимъ образомъ. Конституція должна быть принята собраніемъ въ настоящемъ своемъ видѣ, съ тѣмъ, чтобы будущіе парламенты могли дѣлать въ ней необходимыя измѣненія. Императорское достоинство предоставляется его величеству королю прусскому. Всѣ германскіе государи приглашаются патріотически и великодушно согласиться на это постановленіе и содѣйствовать его осуществленію. Его величество императоръ австрійскій, какъ государь нѣмецко-австрійскихъ земель, и всѣ обитающія тамъ родственныя племена приглашаются во всякое время вступить въ германское союзное государство.

[4]) Въ январѣ большинство подало голосъ за императора.

членовъ. Изъ нихъ 247 (Австрійцы, Баварцы, ультрамонтаны и вся лѣвая сторона) воздержалась отъ подачи голосовъ. Изъ остальныхъ членовъ 290 подали голосъ за Фридриха-Вильгельма IV.

Конституція, принятая собраніемъ, была обработана весьма тщательно, но заключала въ себѣ много такого, что̀ не могло быть принято королемъ [1]). Союзная власть должна была состоять изъ императора, управляющаго чрезъ отвѣтственное министерство, и сейма. Сеймъ предполагалось составить изъ двухъ палатъ: палаты государствъ (Staaten Haus) и народной палаты (Volks Haus). Въ первой палатѣ засѣдали бы уполномоченные отъ правительствъ (первая половина) и выборные отъ мѣстныхъ палатъ (вторая половина). Члены народной палаты избирались бы всеобщею подачей голосовъ по одному на 100.000 жителей. Кромѣ того, ради охраненія конституціи и юридическаго порядка во всей Германіи, учреждался имперскій судъ. Въ рукахъ союзнаго правительства сосредоточивалось право внѣшнихъ сношеній, завѣдываніе арміею и флотомъ, главными путями сообщенія, таможеннымъ и монетнымъ дѣломъ и т. д. Отдѣльныя правительства сохраняли за собою только права, спеціально не предоставленныя имперской власти. Наконецъ, существенную часть конституціи составляли такъ называемыя „основныя права“.

Два постановленія новаго устройства въ особенности неблагопріятно подѣйствовали на короля. Будущему императору давалось только задерживающее veto (veto suspensivum) — уступка, сдѣланная республиканской партіи. Вовторыхъ, король съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на избирательный законъ, основанный на началѣ всеобщей подачи голосовъ. Но нечего говорить о частностяхъ, когда все зданіе будущей конституціи, съ самаго фундамента, противорѣчило кореннымъ убѣжденіямъ Фридриха-Вильгельма. Проникнутый благоговѣніемъ къ преданіямъ старинной Имперіи, устройство которой представлялось ему въ какомъ-то романтическомъ свѣтѣ, онъ былъ непріятно изумленъ этою конституціею, составленною по самоновѣйшимъ началамъ и образцамъ. Вмѣсто князей, рыцарства и гражданства,

[1]) Имперская конституція состояла изъ 197 §§ и семи отдѣловъ. Кромѣ конституціоннаго закона, національное собраніе издало нѣсколько спеціальныхъ узаконеній, именно: 1) избирательный законъ; 2) законъ о германскихъ флагахъ; 3) законъ объ отвѣтственности членовъ собранія; 4) объ охраненіи національнаго собранія; 5) вексельный уставъ, сохранившій свое значеніе и впослѣдствіи; 6) нѣсколько финансовыхъ законовъ.

вѣнчавшихъ Фридриха Барбароссу и Рудольфа Габсбургскаго, онъ долженъ былъ принять корону отъ „учредительнаго собранія“, составленнаго во вкусѣ началъ 1789 года. Не было-ли это нарушеніемъ всѣхъ преданій? Въ національномъ собраніи была проведена рѣзкая черта между партіею законной реформы (огромное большинство) и революціонною демократіею (меньшинство). Но это было, такъ сказать, домашнее ихъ различіе. Въ глазахъ Фридриха-Вильгельма *все* собраніе, стоявшее внѣ правительствъ и выше ихъ воли, было представителемъ одного и того-же революціоннаго начала. Онъ не дѣлалъ никакого различія между Гагерномъ, Дальманомъ, Велькеромъ, Симсономъ — съ одной. и Струве, Цитцомъ, Брентано—съ другой стороны. Онъ ясно высказалъ эти воззрѣнія въ письмѣ къ своему другу Арндту, за нѣсколько времени до того, какъ собраніе рѣшилось предложить ему императорскую корону [1]. Къ этимъ субъективнымъ препятствіямъ

[1]) Письмо короля Фридриха-Вильгельма къ Арндту до такой степени интересно и такъ хорошо уясняетъ все міросозерцаніе его царственнаго автора, что мы не можемъ не привести его здѣсь, хотя въ извлеченіи.

«Великое собраніе», писалъ онъ, «называющее себя нѣмецкимъ національнымъ и имперскимъ собраніемъ и бо̀льшая часть котораго (von der ein *erfreulich* grosser Theil) принадлежитъ къ лучшимъ людямъ великаго отечества, не можетъ ни давать, ни предлагать короны. Оно должно составить *проектъ* конституціи и затѣмъ вступить въ переговоры съ признанными всею Европою царствующими государями и (вольными) городами Германіи. Гдѣ полномочіе, дающее имъ право поставить короля или императора надъ законными властями, которымъ они присягали? Гдѣ совѣтъ королей и князей Германіи, избирающій, по тысячелѣтнему обычаю Священной имперіи, своего короля и предлагающій свой выборъ на утвержденіе народа? Ваше собраніе постоянно противилось образованію этого совѣта, представительству германскихъ властей въ новомъ центрѣ націи. Это ужасная ошибка,—ее можно назвать грѣхомъ. Теперь обнаруживаются послѣдствія этого грѣха; теперь каждый во Франкфуртѣ—даже тотъ, кому неясны причина и послѣдствіе, чувствуетъ, что собраніе, при такихъ заслугахъ, такомъ рвеніи и отчасти чистыхъ намѣреніяхъ, работаетъ надъ совершенною *невозможностію*. Думаете-ли вы, что потрясающія сцены, слова и постановленія парламента могутъ сдѣлать невозможное возможнымъ? Предполагая, дорогой мой Арндтъ, что грѣха не произошло, или что онъ заглаженъ, что истинный и законно собранный совѣтъ князей и народа произвелъ выборы въ старомъ мѣстѣ избранія (Wahlstadt) и предложилъ мнѣ старую, истинную, законную, тысячелѣтнюю корону германскаго народа,—тогда возможно было-бы говорить о принятіи и отказѣ, — я *отвѣтилъ бы*, какъ долженъ отвѣчать человѣкъ, которому предлагается высочайшая честь въ мірѣ. Но увы, этого нѣтъ! На предложеніе, какимъ мнѣ угрожаютъ изъ Франкфурта, мнѣ приличествуетъ молчать. Я не могу и не буду отвѣчать, чтобы не оскорбить людей, которыхъ я люблю, ува-

присоединялась масса внѣшнихъ. Что станетъ дѣлать государь, принявшій корону безъ согласія правительствъ, теперь окрѣпшихъ послѣ революціоннаго потрясенія? Не долженъ ли онъ будетъ начать междоусобную войну, съ цѣлью подчиненія ихъ своей волѣ? Какъ устранить противодѣйствіе Австріи? Какъ обойдти трактаты 1815 года, все еще считавшіеся основаніемъ европейскаго международнаго права?

Въ виду этихъ соображеній, нельзя было сомнѣваться въ отвѣтѣ короля; само собраніе врядъ-ли было увѣрено въ успѣхѣ. Но послѣ избранія 28-го марта, оно должно было сдѣлать послѣднюю попытку. 2-го апрѣля прибыла въ Берлинъ депутація изъ 34 членовъ собранія, между которыми находились Симсонъ, Арндтъ, Дальманъ, Миттермайеръ, Раумеръ [1]) и Цахаріэ [2]). На другой день она была принята королемъ.

жаю, на которыхъ я взираю съ гордостью и благодарностію. Что мнѣ предлагается? Есть ли это порожденіе страшнаго круговорота 1848 года—корона? Вещь, о которой мы говоримъ, не носитъ знаменія святаго креста, не полагаетъ на чело печати «Божіею милостію», не есть корона. Это желѣзный ошейникъ рабства, чрезъ который потомокъ болѣе 24 правителей, курфирстовъ и королей, глава 16 мильоновъ, господинъ вѣрнѣйшаго и храбрѣйшаго войска въ мірѣ, сдѣлался бы крѣпостнымъ революціи. Да не будетъ этого! Цѣною клейнода было бы нарушеніе слова, даннаго мною ландтагу 26-го февраля: «стараться о соглашеніи съ нѣмецкимъ національнымъ собраніемъ, относительно будущаго устройства великаго отечества, вмѣстѣ со всѣми германскими государями». Я не нарушу ни этого, ни другаго даннаго мною слова. Мнѣ почти кажется, дорогой мой Арндтъ, что въ васъ господствуетъ заблужденіе, конечно раздѣляемое вами со многими другими, что вы видите революцію, противъ которой должно бороться, только въ такъ называемой красной демократіи и въ коммунистахъ,— такое заблужденіе было бы худо. Эти люди ада и смерти могутъ дѣйствовать только на живой почвѣ революціи. Революція есть уничтоженіе божественнаго порядка, попраніе, устраненіе законнаго порядка; она живетъ и дышетъ своимъ дыханіемъ смерти, пока низъ не будетъ верхомъ, а верхъ низомъ. Пока, слѣдовательно, нѣмецкія власти не имѣютъ мѣста во Франкфуртскомъ центрѣ, не засѣдаютъ въ совѣтѣ, призванномъ дать будущее Германіи, пока этотъ центръ находится подъ вліяніемъ революціоннаго потока и несется съ нимъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ предлагать ничего такого, къ чему могутъ прикоснуться только чистыя руки. Какъ Нѣмецъ и Государь, котораго «да» — твердо, котораго «нѣтъ» — обдуманно, я не пойду ни на что, способное уменьшить мое прекрасное отечество, предать его справедливому осмѣянію сосѣдей и осужденію исторіи, я не пріиму ничего, что не однородно съ моими прирожденными обязанностями, или можетъ противорѣчить имъ. Dixi et salvavi animam meam».

[1]) Фридрихъ Раумеръ (родился въ 1781 году), знаменитый авторъ «Исторіи Гогенштауфеновъ» и множества другихъ трудовъ.

[2]) Генрихъ Цахаріэ (родился въ 1806 году), Извѣстный юристъ, авторъ

Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ депутацію съ выраженіями благодарности и сочувствія, но объявилъ, что онъ не можетъ принять предложенія безъ согласія прочихъ правительствъ. „Я готовъ“, говорилъ онъ, доказать фактами, что члены собранія не ошиблись, возлагая свое упованіе на мою преданность, вѣрность и любовь къ общему отечеству. Но, господа, я не соотвѣтствовалъ бы духу германскаго народа, я не установилъ бы единства Германіи, принявъ рѣшеніе, долженствующее имѣть важныя послѣдствія для всѣхъ ея частей, съ нарушеніемъ всѣхъ священныхъ правъ и моихъ прежнихъ опредѣлительныхъ и торжественныхъ заявленій, безъ свободнаго соглашенія коронованныхъ главъ и вольныхъ городовъ Германіи“.

Депутація уѣхала изъ Берлина ни съ чѣмъ. Послѣдняя попытка сдѣлать для отечества что-нибудь кончилась печальною неудачей. Но поднятый вопросъ не былъ разрѣшенъ отказомъ Фридриха-Вильгельма; онъ не былъ разрѣшенъ для самого прусскаго правительства. Отказъ короля не былъ *безусловенъ*, какимъ, въ сущности, онъ долженствовалъ быть, согласно воззрѣнію, высказанному имъ въ письмѣ къ Арндту. Король отрицалъ за собраніемъ право предлагать корону, такъ какъ его единственною задачею было изготовленіе проекта конституціи; слѣдовательно, онъ не долженъ былъ принимать депутаціи вовсе, или принявъ, отвѣчать ей рѣшительнымъ отказомъ. Между тѣмъ, онъ прямо сказалъ, что выборъ 28-го марта даетъ ему *право* (Anrecht) на корону, но что онъ не можетъ воспользоваться этимъ правомъ безъ согласія прочихъ правительствъ. Послѣдствія такого отвѣта легко было предвидѣть. Для лицъ, желавшихъ германскаго единства, а къ числу ихъ принадлежало и прусское правительство, необходимо было добиться согласія отдѣльныхъ государствъ. Этого можно было достигнуть двоякимъ путемъ. Вопервыхъ, путемъ дипломатическихъ сношеній съ правительствами, вовторыхъ, путемъ вліянія на нихъ народныхъ массъ и мѣстныхъ палатъ. И тѣ, и другія средства были пущены въ дѣло.

На другой же день послѣ пріема депутаціи, прусскій кабинетъ отправилъ ко всѣмъ дворамъ ноту, въ которой заявлялъ, что его величество король, сознавая историческое призваніе Пруссіи и потребности общаго отечества, готовъ стать во главѣ союзнаго государства, если

«Учебника нѣмецкаго уголовнаго процесса» и «Нѣмецкаго государственнаго и союзнаго права». Въ настоящее время онъ—пожизненный членъ прусской палаты господъ.

на то воспослѣдуетъ согласіе государей и вольныхъ городовъ. Затѣмъ объемъ и *форма* этого союза будутъ зависѣть отъ того, какое количество государствъ рѣшится къ нему приступить. Эта нота заключаетъ въ себѣ двѣ идеи, изъ которыхъ одна имѣла большое значеніе для національнаго собранія, а другая—для будущаго Германіи. Провозглашая, что *форма* союза будетъ зависѣть отъ количества государствъ, желающихъ къ нему приступить, прусская нота объявляла ничтожною всю конституціонную работу собранія. Затѣмъ она, на первый разъ робко, высказала мысль, что *единство Германіи должно быть дѣломъ Пруссіи*. Эта мысль не умерла ни въ прусскомъ кабинетѣ, ни въ Германіи.

Національное собраніе рѣшилось отстаивать свое дѣло. 11-го апрѣля оно постановило торжественно объявить о своемъ намѣреніи твердо держаться принятой имъ конституціи. Теперь все зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ правительства подчинятся этому заявленію. Благодаря вліянію всѣми уважаемаго Гагерна, 28 второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ объявили, что они признаютъ конституцію, выборъ императора и требуютъ, чтобы прусскій король, для блага родины, принялъ на себя новыя обязанности. Но не такъ пошло дѣло въ главныхъ государствахъ. Вторая палата въ Пруссіи рѣшилась настаивать предъ правительствомъ на принятіи имперской конституціи. Она была распущена (27-го апрѣля). Въ Виртембергѣ король уступилъ только послѣ долгой борьбы съ палатами (24-го апрѣля). Короли Баварскій и Саксонскій высказались рѣшительно и противъ конституціи и противъ главенства прусскаго короля. Тоже произошло и въ Ганноверѣ (23-го, 26-го и 28-го апрѣля).

Въ виду этого противодѣйствія, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился безусловно отказаться отъ предложенной ему короны. Въ прокламаціи, изданной 27-го апрѣля, объявлялось, что главныя государства Германіи не желаютъ принять конституціи, предложенной собраніемъ; что, съ своей стороны, прусское правительство не согласно съ ея основаніями (veto suspensivum, всеобщая подача голосовъ) и что затѣмъ собранію предстоитъ выработать проектъ государственнаго устройства, согласный съ видами всѣхъ правительствъ.

Собраніе рѣшилось на послѣднюю отчаянную мѣру. Постановленіемъ 3-го мая [1]) оно пригласило весь германскій народъ, всѣ пра-

[1]) Оно было принято весьма незначительнымъ большинствомъ.

вительства и общины привести въ исполненіе изданную имъ конституцію. Новый рейхстагъ долженъ собраться къ 22-му августа. Если Пруссія не согласится принять на себя главенство въ Имперіи, эти права будутъ предоставлены главному изъ государей, признавшихъ конституцію, съ званіемъ имперскаго намѣстника (Reishsstaathalter). Если бы это воззваніе исходило отъ сильнаго собранія, въ родѣ англійскаго парламента 1641 года, оно породило бы междоусобную войну; изданное безсильною горстью людей, оно равнялось воззванію къ мятежу, котораго послушались лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Самъ парламентъ, который, по точному смыслу прокламаціи 3-го мая, долженъ былъ разойдтись, по неволѣ остался пассивнымъ зрителемъ жалкой революціонной драмы и собственнаго разложенія.

Возстаніе вспыхнуло въ Баденѣ, Саксоніи, прирейнской Баваріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи. Вездѣ оно было подавлено вооруженною силою, причемъ прусскія войска играли главную роль. Положеніе самого собранія было особенно невыгодно потому, что его мѣра призвала къ дѣятельности именно тѣ силы, противъ которыхъ оно боролось и въ своей средѣ, извнѣ, силы, едва не уничтожившія его 18-го сентября 1848 года. Зигели, Мѣрославскіе, Бакунины и т. д. взялись за „приведеніе въ дѣйствіе конституціи", которую они ненавидѣли, можетъ быть, больше чѣмъ Мантейфель и Эрнстъ-Августъ. Разложеніе собранія шло быстро. Главныя правительства, прежде всего Австрія, признавая, что задача собранія исчерпана, отозвали своихъ депутатовъ. Большинство повиновалось этому призыву. Другіе депутаты сами убѣдились, что путь мирной и законной реформы теперь невозможенъ, что реакція и революція снова противустоятъ другъ другу, какъ въ худшія времена священнаго союза, и сложили свои полномочія. Таковы были, между прочимъ, Симсонъ, Дункеръ, Дройзенъ, Арндтъ, Велькеръ, Дальманъ и Гагернъ (21-го мая).

Большинство оставшихся членовъ собранія принадлежало къ лѣвой сторонѣ. Но оно мало выиграло отъ того, что не захотѣло разойдтись. Количество депутатовъ уменьшилось до такой степени, что собранію пришлось уменьшить законное число присутствующихъ депутатовъ до 100. Скоро затѣмъ послѣдовалъ разрывъ собранія съ Блюстителемъ имперіи и бѣгство перваго въ Штутгартъ, въ виду приближенія къ Франкфурту прусскихъ войскъ [1]). Въ Штутгартѣ оста-

[1]) Столкновеніе между Блюстителемъ имперіи и собраніемъ началось еще 17-го мая.

токъ парламента думалъ быть въ безопасности, такъ какъ Виртембергъ и Баденъ были центрами революціонной агитаціи. Но надежды его не осуществились. Виртембергскій министръ Рёмеръ, бывшій депутатъ въ собраніи [1]), запретилъ ему собираться и поддержалъ свой запретъ военною силой (18-го — 21-го іюня). Собраніе рѣшилось перевести свое мѣстопребываніе въ Карлсруэ, но этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробной оцѣнкѣ значенія этого знаменитаго и несчастнаго собранія. Нѣсколько замѣчаній, однако необходимы для уясненія связи его дѣятельности съ событіями позднѣйшихъ лѣтъ. Исторія національнаго собранія обыкновенно излагалась съ отрицательной точки зрѣнія; всѣ на перерывъ старались указать на его ошибки и объяснить причины его полной неудачи. Такое отношеніе къ дѣятельности собранія, 15 мѣсяцевъ державшаго Германію въ страшномъ напряженіи, объясняется тѣмъ, что писатели, составлявшіе его исторію, жили въ тяжелую для Германіи эпоху 1850—1866 г., когда дѣло національнаго единства казалось проиграннымъ на долго и проиграннымъ именно по винѣ собранія. Событія 1848—1849 гг. казались плодомъ великодушнаго, но непрактичнаго движенія лучшей части германскаго общества. Теперь мы можемъ разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія фактовъ, совершившихся съ 1866 по 1870 годъ. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать, что движеніе 1848 года и національное собраніе, какъ главный и лучшій его органъ, занимаютъ видное мѣсто въ ряду событій и условій, подготовившихъ единство Германіи.

Событія 1848 года и труды національнаго собранія придали смутнымъ до тѣхъ поръ стремленіямъ германскаго общества опредѣленныя формы и выразили ихъ въ цѣломъ рядѣ практическихъ требованій. *Ни одна* изъ главныхъ идей, воодушевлявшихъ собраніе, не пропала даромъ; большинство ихъ было утилизировано, въ той или другой формѣ, политическими дѣятелями нашего времени. Мысль о необходимости народнаго представительства рядомъ съ учрежденіемъ, составленнымъ изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, принята и осуществлена. Избирательный законъ, казавшійся опаснымъ Фридриху-Вильгельму, усвоенъ княземъ Бисмаркомъ. Задачи и границы центральной союзной власти опредѣлены по началамъ имперской кон-

[1]) Онъ сложилъ съ себя званіе депутата 8-го іюня.

ституціи. Дѣятели нашего времени воспользовались зачатками имперскаго законодательства по вопросамъ частнаго права. Таково значеніе общегерманскаго вексельнаго устава, обнародованнаго въ 1848 г. Блюстителемъ имперіи. Какъ ни слабы были средства „временной исполнительной власти", но она показала хорошій примѣръ союзнымъ правительствамъ, положивъ начало флоту, которымъ они не съумѣли воспользоваться.

Вовторыхъ, событія 1848 года, съ одной стороны, сблизили всѣ элементы общества, дружественныя идеѣ германскаго единства, а съ другой—уяснили ихъ отношеніе къ элементамъ враждебнымъ. Съ 1848 года въ германскомъ обществѣ организовались партіи съ ясною и опредѣленною программою. Затѣмъ отношеніе собственно германскихъ государствъ къ Австріи уяснилось какъ нельзя лучше. Отнынѣ Австрія все болѣе и болѣе теряла почву въ германскомъ обществѣ. Всѣ мечты о „священной римской имперіи" пали. Огромное большинство патріотовъ пришло къ тому убѣжденію, что союзное государство можетъ быть составлено *только безъ Австріи*. Главные политическіе дѣятели поняли, что ея присутствіе въ Германіи поддерживало разъединеніе и слабость страны.

Всѣ упреки, дѣлаемые національному собранію, сводятся въ сущности къ одному—оно не умѣло осуществить своихъ плановъ въ 1848 году. Мы видѣли, отъ какихъ причинъ зависѣло это обстоятельство. Справедливость требуетъ замѣтить, что ошибки и неопытность собранія—только *одна* изъ этихъ причинъ. Собраніе дѣйствовало медленно и неудачно въ 1848 г.; но событія 1848 г. врядъ ли могутъ быть поставлены ему въ вину. Съ изданіемъ конституціи и избраніемъ императора его задача была исчерпана. Дальнѣйшій успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ того, найдется ли въ Германіи правительство, готовое привести въ исполненіе вотированную конституцію. Его не нашлось. Но если бы тогдашнее правительство Пруссіи находилось въ рукахъ человѣка, подходящаго къ типу короля Фридриха II или Штейна, національное собраніе считалось бы истиннымъ основателемъ германскаго единства.

Фридрихъ-Вильгельмъ, монархъ рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, отступалъ, однако, предъ каждымъ рѣшительнымъ шагомъ; онъ обсуждалъ каждый вопросъ съ такихъ точекъ зрѣнія, какія врядъ ли могутъ имѣть мѣсто въ государственныхъ дѣлахъ и препятствуютъ рѣшительному образу дѣйствій. Онъ искренно желалъ единства Гер-

маніи и сознавалъ историческое призваніе Пруссіи, но ему казалось, что желанная цѣль легче будетъ достигнута безъ собранія, „вышедшаго изъ революціи“. Событія 1850 года показали, что болѣе всѣхъ потерялъ отъ паденія собранія онъ самъ. Въ собраніи онъ имѣлъ твердую точку опоры для борьбы съ Австріею; въ немъ сосредоточилось много бдительныхъ поклонниковъ его, готовыхъ раскрыть каждую интригу, направленную противъ прусскаго правительства. Событія послѣ 1849 года оказались особенно неблагопріятными для короля Фридриха-Вильгельма IV.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Реакція. — (1849 — 1858 гг.)

I.

Положеніе Германскихъ государствъ послѣ распущенія національнаго собранія. — Планы прусскаго кабинета. — Радовицъ и его проектъ. — «Союзъ трехъ королей». — Готская партія. — Колебанія Фридриха-Вильгельма. — Теоріи реакціонной партіи. — Распоряженіе о выборѣ депутатовъ въ народную палату. — Политика Австрійскаго кабинета. — Ея ближайшія цѣли и средства. — Interim. — Союзъ трехъ королей начинаетъ распадаться. — Унія и Эрфуртскій парламентъ. — Берлинскій конгрессъ и его послѣдствія. — Австрія созываетъ чрезвычайное собраніе Plenum’a. — Гольштинскій и Кургессенскій вопросы. — Сеймъ желаетъ вмѣшательства. — Протестъ Пруссіи и воинственныя заявленія Радовица. — Демонстрація въ Брегенцѣ. — Война готова вспыхнуть. — Варшавское свиданіе. — Отставка Радовица. — Мантейфель — министръ иностранныхъ дѣлъ. — Паденіе Уніи. — Свиданіе въ Ольмюцѣ. — Дрезденская конференція. — Возстановленіе союза и сейма. — Г. Бисмаркъ назначенъ прусскимъ уполномоченнымъ.

Послѣ того, какъ національное собраніе сказало во Франкфуртѣ свое заключительное слово, германскія государства остались, такъ сказать, въ „естественномъ“ состояніи. Между ними не существовало даже той слабой федеративной связи, какая была дана имъ союзнымъ устройствомъ. Теперь отдѣльнымъ правительствамъ представлялся широкій просторъ; отъ нихъ зависѣло дать „общему отечеству“ ту форму, какая наиболѣе соотвѣтствовала ихъ интересамъ. Но эти интересы были, какъ и всегда, различны.

Стремленія Пруссіи и Австріи были діаметрально противоположны; виды второстепенныхъ правительствъ расходились со взглядами

какъ Австріи, такъ и Пруссіи. На первое время Пруссіи была предоставлена нѣкоторая свобода дѣйствій. Ея главный соперникъ — Вѣнскій кабинетъ былъ еще связанъ итальянскимъ движеніемъ и грознымъ возстаніемъ въ Венгріи. Саксонскій дворъ былъ обязанъ прусскимъ войскамъ подавленіемъ Дрезденской революціи; Ганноверское правительство нуждалось въ помощи Прусскаго короля. Въ такомъ же положеніи находились Кургессенъ и Баденъ. При нѣкоторой рѣшительности, Прусскій король успѣлъ бы образовать „союзное государство въ союзѣ", но, какъ и всегда, онъ отступилъ предъ крутыми мѣрами.

Сначала прусскій дворъ заявилъ рѣшительное намѣреніе не отступать отъ своихъ плановъ. Въ прокламаціи 15-го мая 1849 года онъ высказалъ слѣдующія мысли. Правительство его величества короля должно прервать всякія сношенія съ національнымъ собраніемъ, явно вступившимъ на путь революціи. Но этотъ разрывъ не измѣняетъ его намѣренія провести, съ согласія прочихъ правительствъ, союзное устройство, удовлетворяющее потребностямъ Германскаго народа. Основными условіями этого союзнаго устройства должны быть единство Германіи, представляемое сильною центральною властью, и свобода, обезпечиваемая народнымъ представительствомъ. Затѣмъ прокламація заявляла, что въ основаніе будущей конституціи будутъ положены начала, выработанныя Франкфуртскимъ парламентомъ, съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями.

Для осуществленія этой мысли король обратился не къ министерству Мантейфеля, явно враждебному всѣмъ новымъ идеямъ, а къ своему другу, генералу *Радовицу* (1797 — 1853). Радовицъ былъ человѣкъ, наиболѣе способный взять въ свои руки общегерманское дѣло въ эту трудную минуту. Искренно преданный идеѣ національнаго единства, онъ, однако, не могъ внушать ужаса и консерваторамъ. Въ національномъ собраніи онъ принадлежалъ къ крайней правой сторонѣ; когда оно приступило къ выбору императора, онъ, съ 15-ю товарищами, протестовалъ противъ этого акта, доказывая, что собраніе переступаетъ за предѣлы своихъ полномочій. Вмѣстѣ съ королемъ онъ находилъ, что многія начала Франкфуртской конституціи нуждаются въ коренныхъ измѣненіяхъ. Въ этомъ духѣ и былъ имъ составленъ новый проектъ. Прежде всего нужно было польстить самолюбію отдѣльныхъ государствъ. Для этой цѣли предполагалось раздѣлить власть главы союза между прусскимъ королемъ

и коллегiею князей (Fürstencollegiun), имѣвшею 6 голосовъ.[1]). Самый титулъ императора былъ устраненъ; его предполагалось замѣнить титуломъ имперскаго правителя (Reichsvorstand). Это званiе должно было принадлежать Фридриху-Вильгельму, но вопросъ о наслѣдственности былъ оставленъ открытымъ. Франкфуртская конституцiя давала имперскому правительству самостоятельные доходы, составлявшiеся какъ изъ таможенныхъ сборовъ, такъ и изъ другихъ налоговъ. Проектъ Радовица устранялъ это право. Вовторыхъ, новый проектъ устранялъ изъ конституцiи начала, признанныя республиканскими и революцiонными. Именно, согласно желанiю короля, устранено было всеобщее избирательное право и избирательный законъ примѣненъ къ началамъ прусской трехъ-классной системы. Затѣмъ правителю имперiи предоставлялось безусловное veto.

При такихъ условiяхъ прусское правительство надѣялось привлечь на свою сторону большинство германскихъ правительствъ. Первыми приступили къ новому союзу Ганноверъ и Саксонiя (26-го мая). Онъ получилъ названiе „Союза трехъ королей“ (Dreikönigsbündniss). Но союзъ трехъ королей далеко не былъ искрененъ. Кабинеты Саксонскiй и Ганноверскiй уступили желанiю Фридриха-Вильгельма какъ будто на время и съ разными оговорками. Саксонскiй министръ, баронъ *Бейстъ*[2]), оговорилъ вступленiе Саксонiи въ союзъ тѣмъ условiемъ, чтобы Баварiя также приступила къ нему. Ганноверскiй уполномоченный сдѣлалъ нѣсколько оговорокъ; всѣ онѣ имѣли тотъ смыслъ, что обѣ державы отпадутъ отъ союза при первой возможности. Не смотря однако на это, союзъ имѣлъ большую будущность, въ виду безусловнаго согласiя другихъ государствъ. Въ теченiе лѣта къ союзу приступили Баденъ, Кургессенъ, Нассау, Брауншвейгъ, Гес-

[1]) Эти шесть голосовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Пруссiя и Баварiя получали *по одному*, Ганноверъ, Саксонiя и Виртембергъ съ сосѣдними имъ второстепенными государствами—*три*, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ и прочiя мелкiя государства—*одинъ*.

[2]) Баронъ (впослѣдствiи графъ) Фридрихъ-Фердинандъ Бейстъ родился въ 1809 году и рано вступилъ въ дипломатическую службу. Въ 1849 году онъ занялъ мѣсто саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Ему принадлежитъ одна изъ видныхъ ролей въ реакцiонномъ движенiи того времени. Послѣ событiй 1866 года онъ вступилъ въ австрiйскiй кабинетъ, гдѣ сначала занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ—перваго министра; въ 1867 году сдѣланъ имперскимъ канцлеромъ.

сенъ-Дармштадтъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксонскія герцогства, Ольденбургъ и вольные города Бременъ и Гамбургъ.

Для того, чтобы составить могущественное ядро будущаго союза, согласія этихъ государствъ было вполнѣ достаточно. Затѣмъ Пруссія, по договору 26-го мая, получила одно чрезвычайно важное право. Въ силу этого договора предположено было учредить для веденія текущихъ дѣлъ правительственный совѣтъ (Verwaltungsrath), составленный изъ уполномоченныхъ всѣхъ союзныхъ державъ. Высшая исполнительная власть была предоставлена на годъ Пруссіи. 18-го іюня этотъ совѣтъ уже собрался и Пруссія могла дѣйствовать вполнѣ свободно.[1]). Конечно, самою настоятельною необходимостію въ данную минуту представлялось созваніе новаго *сейма*, который долженъ былъ обсудить проектъ конституціи. Заранѣе можно было надѣяться на сочувствіе значительной части нѣмецкаго общества, а слѣдовательно, и на удовлетворительные выборы депутатовъ сейма. Въ концѣ іюня, въ Готѣ, собралось до 150 членовъ прежняго центра Франкфуртскаго парламента. Здѣсь были и прежніе предводители этой партіи — Гагернъ и Дальманъ. Собраніе постановило составить и объявить резолюцію, въ силу которой германское общество призывалось всѣми силами содѣйствовать осуществленію прусскаго проекта. Правда, такая резолюція шла въ разрѣзъ съ постановленіемъ Франкфуртскаго парламента 3-го мая 1849 года, возвѣщавшимъ о рѣшимости національнаго собранія поддерживать проектъ имперской конституціи. Но „Готская партія", какъ ее немедленно прозвали, громко высказывала то убѣжденіе, что не время держаться за *формы*, когда должно спасти самое дѣло и сущность Германскаго единства. Подобное рѣшеніе имѣло большой вѣсъ, особенно въ виду того, что вліятельные и даровитые представители знаменитаго „центра" усердно поддерживали и распространяли свою идею всѣми зависящими отъ нихъ способами.

Но всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій было мало для того, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма къ энергичному образу дѣйствій. Нерѣшительный и уступчивый, король никогда не отдавался ни идеѣ, ни человѣку настолько, чтобы въ самыя рѣшительныя минуты не слушать голоса другихъ партій. А въ людяхъ, явно враждебныхъ проекту Радовица, не было недостатка. Противъ него была

[1]) Кромѣ правительственнаго совѣта, былъ открытъ союзный судъ въ Эрфуртѣ.

могущественная партія, впослѣдствіи получившая названіе „юнкерской". Для ознакомленія съ ея идеями лучше всего выслушать талантливѣйшаго изъ ея ораторовъ, всецѣло служившаго тогда ея интересамъ, именно г. *фонъ-Бисмарка*, будущаго князя и канцлера Германской имперіи. Вотъ его слова:

„По моему мнѣнію, природа движущихъ принциповъ 1848 года была болѣе *соціальная*, нежели *національная*. Національное движеніе ограничилось бы тѣсными сферами немногихъ, но выдающихся людей, если-бы почва не была потрясена подъ нашими ногами чрезъ внесеніе въ это движеніе соціальнаго элемента; если-бы зависть небогатыхъ къ богатымъ не была подстрекаема (aufgestachelt) ложными представленіями и жадностью неимущихъ къ чужому добру,—и эти страсти распространились тѣмъ легче, что питаемое сверху свободомысліе уничтожило всякій элементъ сопротивленія въ человѣческомъ сердцѣ. Я не думаю, чтобы это зло могло быть уничтожено демократическими уступками и проектами Германскаго единства; корень болѣзни глубже. Но я оспариваю то, чтобы въ Прусскомъ народѣ существовала потребность національнаго возрожденія по образцу Франкфуртскихъ теорій. Здѣсь часто упоминаютъ о политикѣ Фридриха II, отождествляя ее съ проектомъ Уніи [1]). Я думаю скорѣе, что Фридрихъ II обратился бы къ наиболѣе выдающимся особенностямъ прусской народности, къ воинскому ея элементу и (сдѣлалъ бы это) не безъ успѣха. Онъ зналъ бы, что еще теперь, какъ во времена нашихъ отцовъ, звукъ трубъ, призывающій подъ знамена государя, не потерялъ своей прелести для прусскаго уха,—идетъ ли дѣло о защитѣ нашихъ границъ, или о славѣ и величіи Пруссіи. Онъ, по выбору своему, послѣ разрыва съ Франкфуртомъ, или присоединился бы къ старой военной союзницѣ (?) — Австріи, чтобы принять на себя блестящую роль, разыгранную русскимъ императоромъ [2])—подавленія въ союзѣ съ Австріею общаго врага революціи; или, онъ могъ бы, съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ завоевалъ Силезію, послѣ отказа отъ франкфуртской короны, повелѣть Нѣмцамъ, какова бы ни была затѣмъ ихъ конституція, въ виду опасности, бросить мечъ на вѣсы. Это была бы національная прусская политика! Она дала бы Пруссіи вмѣстѣ съ Австріей, или ей одной, правильное положеніе,

[1]) То-есть, съ проектомъ Радовица.

[2]) Рѣчь была произнесена Бисмаркомъ 6-го сентября 1849 года, слѣдовательно, послѣ подавленія венгерскаго возстанія.

для доставленія Германіи силы, подобающей ей въ Европѣ. Проектъ уніи уничтожаетъ das specifische Preussenthum".

Эта знаменитая рѣчь, кромѣ одного ея мѣста, превосходно выражала все настроеніе прусской консервативной партіи. Въ ея глазахъ идеи національнаго собранія отождествлялись съ самыми опасными соціально-демократическими идеями; проектъ Радовица былъ вредною уступкою этимъ стремленіямъ. Онъ отдавалъ Пруссію на жертву отвлеченному общегерманскому идеалу, уничтожалъ das specifische Preussenthum и дѣлалъ ея богобоязненное, легитимистическое правительство слугою революціи. Мѣсто Пруссіи — въ ряду другихъ германскихъ государей и особенно подлѣ Австріи, ради подавленія опасныхъ стремленій. Такія цѣли осуществляются не призывомъ депутатовъ и палатскими разсужденіями, а военною силою. Рѣшительная и оригинальная натура Бисмарка высказалась, впрочемъ, и тогда. Его Фридрихъ II могъ, между прочимъ, „бросить мечъ на вѣсы судьбы", чтобы создать для Пруссіи и Германіи приличное положеніе въ Европѣ, но, конечно, не большинство прусской консервативной партіи и не самъ король были согласны на такой шагъ. Придворная партія горѣла сочувствіемъ и состраданіемъ къ Австріи. Она дѣйствовала на короля не указаніями на „воинственный элементъ" прусской народности, а сентиментальными разсужденіями о долгѣ прусскаго правительства по отношенію къ его союзнику. Благородно ли приступать къ рѣшительной организаціи „союзнаго государства въ союзѣ" въ ту минуту, когда Австрія, подавленная возстаніемъ въ Венгріи и Италіи, не можетъ сказать ничего ни за, ни противъ? Когда короли Саксонскій, Баварскій и Виртембергскій также еще не оправились отъ революціоннаго разгрома? И король рѣшился ждать. Только 19-го октября 1849 года правительственный совѣтъ издалъ предписаніе о выборѣ въ союзныхъ государствахъ депутатовъ въ народную палату (Volkshaus). Но теперь время было пропущено.

Австрія, фактически не существовавшая лѣтомъ 1849 года, теперь была возстановлена. Русское оружіе подавило возстаніе Венгровъ; 11-го августа Гёргей сдался на капитуляцію. 24-го августа Венеція, до тѣхъ поръ поддерживаемая ея героическимъ диктаторомъ Маниномъ (1804—1857), сдѣлала тоже. Слѣдя за этою работою австрійскаго кабинета, мы должны сойдти съ почвы реальныхъ силъ и вступить въ область юридическихъ тонкостей, изъ которыхъ опытная рука князя Шварценберга выковала себѣ могущественное оружіе.

Мы должны припомнить, что прусское правительство не объявляло

германскій союзъ невозможностію. Оно задумало создать новое учрежденіе *въ союзѣ*, привлекло къ себѣ нѣсколько германскихъ государствъ и теперь рѣчь шла о разсмотрѣніи проекта конституціи этого „тѣснѣйшаго союза“. Эти обстоятельства ясно опредѣляли задачу австрійскаго кабинета. Ему предстояло, съ одной стороны, добиться фактическаго признанія, что „обширный“ союзъ еще существуетъ; съ другой стороны, ему необходимо было отвлечь отъ союза „трехъ королей“ наибольшее количество государствъ. Затѣмъ ему уже легко было возстановить in integrum старый союзъ съ его сеймомъ. Все это было выполнено въ точности.

Дѣло началось съ возстановленія союзной власти. Правда, сеймъ, съ 12-го іюля 1848 года, уже не существовалъ и пока не могъ быть созванъ. Но центральная союзная власть еще оставалась въ рукахъ эрцгерцога Іоанна, который, конечно, не зналъ, что̀ ему дѣлать съ этимъ залогомъ. Австрія рѣшилась воспользоваться имъ. Она предложила Пруссіи совмѣстно временное союзное правительство (ad interim), которому эрцгерцогъ и передалъ бы свои права. Прусскій кабинетъ обѣщалъ свое согласіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы австрійское правительство, съ своей стороны, согласилось на учрежденіе „тѣснѣйшаго союза“, проектированнаго Пруссіею. Условіе это не было принято и прусскій кабинетъ рѣшился приступить къ учрежденію „временнаго правительства“ и безъ него. 30-го сентября между двумя дворами былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго обѣ державы обязывались взять въ свои руки временную власть, во имя всѣхъ союзныхъ правительствъ.

Конечно, оба двора не торопились приводить въ исполненіе заключенный договоръ; эрцгерцогъ передалъ свои права австро-прусскимъ коммиссарамъ только 20-го декабря [1]). Но для Австріи необычайно важенъ былъ самый актъ признанія правъ союза въ принципѣ. Теперь положеніе ея было опредѣленно и выгодно сравнительно съ положеніемъ Пруссіи. Австрійскій кабинетъ, въ глазахъ всей Европы и отдѣльныхъ правительствъ Германіи, представлялъ интересы общаго и законнаго государственнаго устройства, утвержденнаго трактатами Вѣнскаго конгресса; прусскій—ратовалъ за какое-то новое государство, еще нуждавшееся въ признаніи и вызывавшее сомнѣніе въ самихъ участникахъ его. Благодаря договору 30-го сентября, Австрія

[1]) Этими коммиссарами были: со стороны Австріи—генералъ Шёнгальсъ (Schönhals), со стороны Пруссіи—Радовицъ.

получила возможность обсуждать всѣ мѣры прусскаго правительства по устройству „тѣснѣйшаго союза", съ точки зрѣнія правъ германскаго союза и обязанностей его членовъ; она могла призвать къ тому же другія правительства и не замедлила это сдѣлать.

Послѣдствія уступчивости прусскаго кабинета скоро обнаружились. Не успѣлъ „правительственный совѣтъ" издать предписанія о выборахъ депутатовъ въ народную палату, какъ на другой же день (20-го октября) уполномоченные Саксоніи и Ганновера протестовали противъ этого акта и объявили о своемъ выходѣ изъ совѣта. Пруссія рѣшилась, однако, дѣйствовать и безъ „двухъ королей". Она опиралась еще на согласіе Бадена, двухъ Гессенскихъ дворовъ, Саксонскихъ герцогствъ, двухъ Шварцбурговъ, Рейссовъ, Нассау, Брауншвейга, Ольденбурга, двухъ Мекленбурговъ и трехъ вольныхъ городовъ. Ихъ уполномоченные засѣдали еще въ правительственномъ совѣтѣ и послѣдній, 17-го ноября, предписалъ произвести выборы депутатовъ къ 31-му января 1850 года. Мѣстопребываніемъ народной палаты назначался Эрфуртъ.

Австрія немедленно (28-го ноября) протестовала противъ этого распоряженія, какъ не согласнаго съ началами союзнаго устройства. Саксонія и Ганноверъ не допустили производства выборовъ въ своихъ земляхъ и скоро вовсе отказались отъ исполненія договора 26-го мая. Выборы были произведены во всѣхъ означенныхъ выше государствахъ и дали результатъ, чрезвычайно благопріятный для Пруссіи. Но послѣдняя долго медлила созваніемъ депутатовъ. Уступая внѣшнему давленію, совѣтъ видоизмѣнилъ первоначальный проектъ конституціи имперскаго союза, который долженъ былъ теперь называться *уніею* (2С-го февраля). Еще мѣсяцъ прошелъ въ непонятныхъ ожиданіяхъ. Въ теченіе этого времени дѣятельная пропаганда противъ уніи сдѣлала большіе успѣхи. 27-го февраля кабинеты баварскій, саксонскій, виртембергскій и ганноверскій подписали противу-проектъ союзнаго устройства, извѣстный подъ названіемъ *Мюнхенскаго* [1]). Онъ напоминалъ одинъ изъ многихъ проектовъ, возникавшихъ въ 1814—1815 гг. и, очевидно, не могъ удовлетворить никого [2]). Но, какъ

[1]) Подробный разборъ Мюнхенскаго проекта см. у Цёпфля, назв. соч. т. I, стр. 513 — 526 пятаго изданія. Авторъ относится къ проекту довольно благосклонно.

[2]) Основанія проекта слѣдующія: союзъ обнимаетъ всѣ земли, входившія до сихъ поръ въ его составъ и организуется на началахъ конфедераціи. Союзная

средство агитаціи и раздора, онъ представлялъ большія выгоды. Затѣмъ, короли Баварскій и Виртембергскій громко высказались въ своихъ тронныхъ рѣчахъ противъ уніи.

При такихъ условіяхъ, 20-го марта были, наконецъ, открыты засѣданія эрфуртскаго парламента. Президентъ его — Радовицъ произнесъ пламенную рѣчь. При общемъ настроеніи собранія трудно было ожидать продолжительныхъ преній; всѣ боялись безъ того великой потери времени. Парламентъ рѣшился принять проектъ конституціи безъ измѣненій и вотировалъ его къ 29-му апрѣля. На этотъ разъ прусскій кабинетъ не имѣлъ основанія жаловаться на медленность и строптивость собранія; болѣе покорной палаты еще не встрѣчалось. Но камень преткновенія былъ въ самомъ прусскомъ дворѣ. Для посторонняго наблюдателя вопросъ объ уніи представлялся конченнымъ. Конституція, составленная по соглашенію со всѣми союзными правительствами, была принята парламентомъ. Но Фридрихъ-Вильгельмъ остановился предъ оппозиціею Австріи и четырехъ королевствъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился на шагъ, окончательно погубившій унію. Всѣ ея члены были приглашены въ Берлинъ для совѣщанія о способахъ приведенія въ дѣйствіе союзнаго устройства. Совѣщаніе открылось рѣчью короля, которая собственно была *вопросомъ*, обращеннымъ къ его царственнымъ гостямъ — желаютъ ли они, въ виду современныхъ обстоятельствъ, остаться въ уніи? Итакъ вопросъ, уже рѣшенный, повидимому, въ подробностяхъ, признанъ не рѣшеннымъ въ принципѣ. Чрезъ нѣсколько дней (16-го мая), берлинскій конгрессъ разошелся, постановивъ, что унія должна остаться пока при временномъ правительствѣ.

Въ то время, какъ Фридрихъ - Вильгельмъ отсрочивалъ рѣшеніе жизненнаго для него вопроса, Австрія успѣшно работала надъ возстановленіемъ союза въ старой его формѣ, хотя и увѣряла, что ея

власть предоставлялась семи членамъ: Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Ганноверу, Кургессену и Гессенъ-Дармштадту. Они представляли въ правительствѣ не только свои интересы, но и интересы прочихъ государствъ, которымъ предоставлялось, по добровольному соглашенію, пристать къ тому или другому самостоятельному государству. Рядомъ съ союзнымъ правительствомъ учреждалось народное представительство изъ 300 депутатовъ—100 отъ Австріи, 100 отъ Пруссіи и 100 отъ прочихъ государствъ. Депутаты должны были избираться народными представительствами отдѣльныхъ государствъ. Союзная палата участвовала въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ и разсматривала бюджетъ. Наконецъ, проектъ предлагалъ учрежденіе и союзнаго суда.

цѣль—обновленіе Германіи чрезъ *новое* союзное устройство. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ Эрфуртскій парламентъ кончилъ свою работу (26-го апрѣля), князь Шварценбергъ послалъ ко всѣмъ членамъ прежняго Германскаго союза приглашеніе на чрезвычайное засѣданіе сейма in pleno. Уполномоченные должны были собраться 11-го мая во Франкфуртѣ. Прусскій кабинетъ отвѣтилъ, что онъ готовъ послать своего уполномоченнаго, но во-1-хъ, не можетъ признать въ предполагаемомъ Франкфуртскомъ съѣздѣ plenum'а стараго сейма; во-2-хъ, онъ требовалъ, чтобы его уполномоченный былъ признанъ представителемъ „уніи" и дѣйствовалъ въ этомъ качествѣ; въ 3-хъ, прусская нота устраняла предсѣдательство Австріи на съѣздѣ.

Но австрійская нота достигла своей цѣли. Она соединила всѣ элементы, дружественные политикѣ австрійскаго двора и внесла разъединеніе въ „унію". Курфирстъ Гессенскій, замышлявшій уже свой „государственный переворотъ", не замедлилъ воспользоваться свободою дѣйствій, предоставленною членамъ уніи постановленіемъ Берлинскаго конгресса, и сталъ на сторону австрійскаго предложенія. Нечего говорить, что Данія, надѣявшаяся на покровительство Австріи, поспѣшила прислать своего уполномоченнаго за Гольштейнъ. Такимъ образомъ, Австріи удалось собрать во Франкфуртъ уполномоченныхъ отъ Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Кургессена, Гессенъ-Дармштадта [1]), Лимбурга, Лихтенштейна и Гамбурга. Чрезвычайное засѣданіе сейма было открыто.

Въ Германіи было теперь два союза и двѣ союзныя власти. Вопросъ о томъ, кто возьметъ верхъ—старый союзъ или унія, сводился на вопросъ объ относительной силѣ двухъ державъ, стоявшихъ во главѣ того и другаго союза—Австріи и Пруссіи. Первая, съ самаго начала франкфуртскихъ засѣданій, не скрывала уже своего плана—возстановить старый союзъ in integrum. Въ теченіе лѣта 1850 года, между Франкфуртомъ и Берлиномъ происходилъ оживленный обмѣнъ нотъ, причемъ прусское правительство рѣшительно протестовало противъ замысловъ Австріи. Но, по мнѣнію франкфуртскихъ уполномоченныхъ, сеймъ не только фактически былъ возстановленъ, но даже *не прекращалъ* своего существованія. События 1848 года только временно пріостановили его дѣятельность. Поэтому сеймъ, созванный теперь во Франкфуртѣ, имѣлъ право принять къ своему разсмотрѣ-

[1]) Гессенъ-Дармштадтъ присоединился къ Австріи уже послѣ открытія plenum'а.

нію общегерманскія дѣла; а такими дѣлами, на первый случай, представлялись *голштинскій вопросъ и курѣссенское столкновеніе.* Такимъ образомъ, споръ между Австріею, какъ представительницею союза, и Пруссіею, какъ главою уніи, изъ области отвлеченныхъ принциповъ переходилъ на почву практическую.

Разрѣшеніе гольштинскаго вопроса было пріостановлено перемиріемъ въ Мальмё. Срокъ перемирія истекалъ въ апрѣлѣ 1849 года. Съ двухъ или, лучше сказать, съ трехъ сторонъ дѣлались приготовленія къ упорной борьбѣ. Нечего говорить, что слабая Данія напрягла на этотъ разъ всѣ свои силы. Франкфуртское правительство назначило въ герцогствѣ намѣстничество (Staathalterschaft), состоявшее изъ двухъ лицъ [1]), и ввело туда союзную армію, состоявшую изъ контингентовъ Пруссіи, Баваріи, Виртемберга и Ганновера. Наконецъ, сами герцогства составили армію въ 14.000 человѣкъ, начальство надъ которою было поручено прусскому генералу Бонину [2]). Результаты этого новаго похода были, однако, неудачны. Мы не говоримъ о военныхъ успѣхахъ, которые, конечно, были на сторонѣ преобладающей силы нѣмецкихъ войскъ. Но эти успѣхи остались безъ послѣдствій. Дипломатическое вмѣшательство Англіи и Россіи напомнило германскимъ правительствамъ, что датская территорія обезпечена трактатами вѣнскаго конгресса. Главнокомандующій союзными войсками, прусскій генералъ Притвицъ [3]), не обнаруживалъ особенной энергіи. 10-го іюля Пруссія заключила новое перемиріе, кончившееся Берлинскимъ миромъ 2-го іюля 1850 года. Въ силу мирнаго договора, Шлезвигъ отданъ былъ въ распоряженіе Даніи и отдѣленъ отъ Гольштейна. Датскій король обязывался дать Шлезвигу особое устройство, но герцогство признано было составною частью датской монархіи (Данія до Эйдера.). Гольштейнъ былъ пока предоставленъ собственной судьбѣ; нѣмецкія войска не защищали его болѣе. Намѣстничество не признало Берлинскаго мира и рѣшилось продолжать сопротивленіе своими силами. Нѣтъ ничего удивительнаго, если впослѣдствіи борьба Гольштинцевъ была приравнена къ мятежу противъ правительства.

[1]) Графа Ревентловъ-Преца и Вильгельма Безелера, брата извѣстнаго намъ депутата.

[2]) Эдуардъ Бонинъ (1793—1865), съ 1859 г. прусскій военный министръ.

[3]) Карлъ Эрнстъ Притвицъ (1790 — 1871), ветеранъ войны за освобожденіе 1813-го и слѣдующихъ годовъ.

Таковъ былъ первый вопросъ, оставшійся неразрѣшеннымъ въ то время, какъ Австрія подготовляла возстановленіе союза. Второй вопросъ, не менѣе важный, былъ возбужденъ кургессенскимъ столкновеніемъ. Извѣстно, что курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ I [1]) присталъ къ уніи вовсе не отъ чистаго сердца. Союзъ съ Пруссіею былъ союзомъ, вынужденнымъ внѣшними обстоятельствами; съ 1848 г. курфирстъ находился подъ давленіемъ либеральнаго движенія, заставившаго его согласиться на разныя видоизмѣненія въ конституціи 1832 года и учрежденіе новаго министерства. До тѣхъ поръ, Вильгельмъ I, во многомъ напоминавшій своего предшественника, правилъ страною чрезъ ненавидимое всѣми министерство Гассенпфлуга и его преемниковъ. При первой возможности выйдти изъ подъ непривычной зависимости и законности, курфирстъ 22-го февраля 1850 г. поспѣшилъ призвать Гассенпфлуга, проживавшаго тогда въ Пруссіи. Одно имя этого человѣка возбудило всеобщее негодованіе. Затѣмъ, рѣшительный разрывъ между курфирстомъ и палатами послѣдовалъ послѣ того, какъ первый сталъ на сторону Австріи и отдѣлился отъ уніи. Не однѣ палаты были противъ политики новаго министерства; — чиновничество и даже армія были на сторонѣ уніи. Взаимное неудовольствіе и отдѣльныя столкновенія разрѣшились, наконецъ, отказомъ въ податяхъ (31-го августа). Кюрфирстъ немедленно объявилъ страну на военномъ положеніи, началъ преслѣдовать военно-суднымъ порядкомъ депутатовъ, чиновниковъ и военныхъ, оставшихся вѣрными конституціи. Палаты были распущены и министерство получило полномочіе собирать подати собственною властью. Но сопротивленіе народа было не менѣе сильно. Кюрфирстъ бѣжалъ въ Франкфуртъ, чтобы ходатайствовать о союзной помощи (21-го сентября).

Сеймъ въ это время былъ уже въ сборѣ. Еще 14-го августа Австрія отправила ко всѣмъ государствамъ приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ къ 1-му сентября. На этотъ разъ прямо заявлялось, что сеймъ есть единственная законная власть союза, что уполномоченные имѣютъ составить какъ plenum, такъ и „тѣсный совѣтъ" стараго сейма. Пруссія, отъ имени уніи, отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Но затѣмъ государства, участвовавшія въ plenum'ѣ 11-го

[1]) Сынъ и наслѣдникъ извѣстнаго намъ курфирста Вильгельма II, род. въ 1802 году. Съ 1831 г. сдѣлался, по случаю бѣгства отца, регентомъ; съ 1847 г.— курфирстомъ. По нравамъ напоминалъ своего предшественника. Онъ женился на разведенной женѣ прусскаго поручика Лемана — Гертрудѣ, пожалованной титуломъ княгини Гонау. Въ настоящее время живетъ въ Богеміи.

мая, поспѣшили воспользоваться приглашеніемъ. Уполномоченные застали во Франкфуртѣ ходатайство Даніи о вмѣшательствѣ союза въ гольштинскія дѣла. Вскорѣ съ подобною же просьбою обратился къ нимъ и курфирстъ Гессенскій. Австріи представлялся превосходный случай ослабить значеніе Пруссіи въ той части Германіи, гдѣ она думала имѣть преобладающее значеніе. Возстановить Данію въ прежнемъ ея объемѣ, значило—создать почтенный противовѣсъ прусскимъ стремленіямъ къ „нѣмецкому морю"; возстановить авторитетъ курфирста въ Гессенѣ, значило—пріобрѣсти Австріи вѣрнаго и благодарнаго союзника. И то, и другое вмѣстѣ имѣло еще одно немаловажное значеніе. Подавляя сопротивленіе Гольштинцевъ и Кургессенцевъ, Австрія могла разыграть роль защитницы законнаго порядка и бросить Пруссіи обвиненіе въ союзѣ съ революціею. Такое обвиненіе было тѣмъ удобнѣе, что, выставляя его, Австрія могла разсчитывать на поддержку русскаго кабинета и консервативныхъ элементовъ какъ во всѣхъ союзныхъ государствахъ, такъ и въ Пруссіи.

Но рѣшительный образъ дѣйствій былъ пока неудобенъ. Партія уніи сдѣлала въ Пруссіи рѣшительное усиліе. Она нашла себѣ, на этотъ разъ, поддержку въ кронпринцѣ, будущемъ королѣ Вильгельмѣ I [1]). Принцъ въ 1848 г. былъ рѣшительнымъ врагомъ народнаго движенія. На время онъ долженъ былъ даже уѣхать въ Англію (мартъ — іюнь 1848 года). Затѣмъ, ему поручено было усмиреніе возстанія въ Баденѣ и Пфальцѣ. Но въ данную минуту онъ ясно видѣлъ, что честь Пруссіи не позволяетъ ей безъ боя отказаться отъ разъ заявленныхъ намѣреній, и что тѣмъ менѣе возможна эта уступка въ виду плановъ князя Шварценберга, проповѣдывавшаго крестовый походъ противъ Пруссіи. Уступая этому движенію, король назначилъ Радовица министромъ иностранныхъ дѣлъ (27-го сентября). Генералъ громко заявлялъ о своемъ твердомъ намѣреніи не уступать противнику безъ борьбы.

Князь Шварценбергъ увидѣлъ въ назначеніи новаго министра иностранныхъ дѣлъ демонстрацію противъ Австріи и рѣшился сдѣлать своему врагу демонстрацію въ противоположномъ смыслѣ. 11-го и 12-го октября было устроено пышное свиданіе императора австрійскаго, королей Баварскаго и Виртембергскаго въ Брегенцѣ [2]). Результатомъ этого

[1]) Братъ короля Фридриха-Вильгельма IV; род. 1797 г.

[2]) Главный городъ Форальберга въ Тиролѣ, на берегу Боденскаго озера; менѣе 4.000 жителей. Римскій Brigontium.

свиданія былъ союзъ, заключенный тремя монархами, которые обязались выставить, въ случаѣ необходимости, 200.000 войска. Ближайшею цѣлью союза объявлено усмиреніе Кургессена. Затѣмъ, 25-го октября состоялось постановленіе сейма о союзной экзекуціи въ непокорной странѣ. Австро-баварскія войска вступили въ курфиршество.

Прусскій кабинетъ протестовалъ противъ этой мѣры, вопервыхъ, потому, что онъ не признавалъ существованія сейма; вовторыхъ, потому, что австрійскій походъ былъ явно направленъ противъ уніи и Пруссіи. Для поддержанія своего протеста, прусское правительство предписало мобилизацію части своихъ войскъ и заняло нѣкоторыя мѣста въ Кургессенѣ. Эти мѣры, повидимому, предвѣщали общую войну уніи съ Австріею и ея союзниками Но мысль о такомъ шагѣ испугала нерѣшительнаго Фридриха-Вильгельма. Вліянію кронпринца и Радовица противодѣйствовало вліяніе реакціонной партіи и опасенія, внушаемыя политикою русскаго двора, принявшаго подъ свою защиту австрійскіе интересы. Король рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству русскаго правительства. Австрія изъявила свое согласіе на эту мѣру и 26-го октября открылась конференція въ Варшавѣ. Уполномоченнымъ отъ Пруссіи былъ посланъ графъ Бранденбургъ. Онъ явился въ Варшаву съ предложеніемъ различныхъ уступокъ; но послѣднія не были приняты, и графъ, раздраженный неудачею, возвратился въ Берлинъ, гдѣ и умеръ въ тяжкихъ страданіяхъ, сопровождавшихся бредомъ о мщеніи врагу (6-го ноября).

Вѣсть о неудачѣ Варшавской конференціи привела въ смятеніе прусское правительство. 2-го ноября былъ созванъ совѣтъ министровъ, гдѣ Радовицъ, поддерживаемый кронпринцемъ, умолялъ короля не уступать безъ боя своего положенія въ Германіи. Но противная партія, увѣренная въ успѣхѣ, настойчиво и грубо отвергла это предложеніе. Разказываютъ слѣдующій анекдотъ, характеризующій упомянутую партію. Радовицъ, увлекшись однажды своимъ краснорѣчіемъ, убѣждалъ короля „перейдти Рубиконъ, подобно Цезарю“ На это генералъ Раухъ возразилъ слѣдующее: „Я не знаю молодца (Kerl), именующагося Цезаремъ, ни молодца, называющагося Рубикономъ; но человѣкъ, дающій такой совѣтъ, не можетъ быть истиннымъ Пруссакомъ!“

Засѣданіе 2-го ноября было послѣднимъ усиліемъ партіи Радовица. Онъ подалъ въ отставку и получилъ ее. Мѣсто его занялъ

извѣстный намъ Мантейфель. Новое министерство немедленно употребило всѣ средства для примиренія съ Австріею. Но князь Шварценбергъ заявилъ такія требованія, что честь Пруссіи не позволяла принять ихъ. Политика ея, въ ноябрѣ 1850 года, представляла странное зрѣлище. Съ одной стороны, заносчивое поведеніе князя Шварценберга снова подало надежду партіи войны, поддерживаемой наслѣднымъ принцемъ. 6-го ноября король издалъ повелѣніе о мобилизаціи арміи. Съ другой стороны, Мантейфель не отступалъ отъ своего плана „мира, во чтобы то ни стало" и подъ рукою заявлялъ князю Шварценбергу, что мобилизація предписана только ради успокоенія и отвлеченія общественнаго мнѣнія, и что она нисколько не помѣшаетъ соглашенію двухъ государствъ. Командующему прусскими войсками въ Кургессенѣ, генералу Грёбену, посланъ былъ приказъ бездѣйствовать. Въ то время какъ Пруссаки, вслѣдствіе декрета 6-го ноября, усердно шли къ оружію, Мантейфель униженно просилъ своего счастливаго соперника о мирѣ. Замѣчательно, что въ палатѣ поведеніе Мантейфеля находило горячаго защитника въ Бисмаркѣ, который, вмѣстѣ съ первымъ министромъ, видѣлъ въ „уніи" революціонную затѣю.

Князь Шварценбергъ отказался вступить въ переговоры, пока существуетъ прусская унія; на этотъ разъ онъ потребовалъ формальнаго ея уничтоженія. Прусское правительство уступило. 15-го ноября была созвана „коллегія государей" и прусскій уполномоченный заявилъ, что его правительство оставляетъ унію и предоставляетъ прочимъ ея членамъ сдѣлать то же. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній они послѣдовали ея примѣру (23-го ноября).

Теперь Мантейфель думалъ добиться согласія Австріи на мирное и согласное съ интересами Пруссіи рѣшеніе важнѣйшихъ общегерманскихъ вопросовъ. Пруссія все еще не отказывалась отъ мысли, что германскій союзъ, въ прежнемъ его видѣ, не можетъ быть возстановленъ и что организація общаго союза, построеннаго на началахъ конфедеративныхъ, не исключаетъ возможности образованія въ предѣлахъ его тѣснѣйшаго союза. Затѣмъ, по мнѣнію прусскаго кабинета, разрѣшеніе гольштинскаго и кургессенскаго вопросовъ не могло быть предоставлено собранію, называвшему себя франкфуртскимъ сеймомъ и въ которомъ Австрія имѣла рѣшительное преобладаніе. Въ виду этихъ соображеній, Мантейфель обратился къ Шварценбергу съ слѣдующимъ предложеніемъ. Представители обѣихъ дер-

жавъ имѣютъ съѣхаться для свиданія и соглашенія въ Ольмюцѣ [1]). При будущемъ соглашеніи предполагалось имѣть въ виду слѣдующія условія: 1) устройство союза должно быть обсуждено на особыхъ конференціяхъ; 2) всѣмъ германскимъ государствамъ должно предоставить право тѣснѣйшаго соединенія между собою въ предѣлахъ союза; 3) Кургессенъ долженъ быть занятъ совмѣстно войсками Австріи и Пруссіи; 4) гольштинскій вопросъ долженъ быть обсужденъ на особыхъ конференціяхъ. Такова была инструкція, данная Мантейфелю, при отправленіи его въ Ольмюцъ.

Свиданіе состоялось 28-го ноября. 28-е и 29-е прошли въ совѣщаніяхъ, результатъ которыхъ былъ крайне неблагопріятенъ для Пруссіи. Кургессенскій вопросъ былъ переданъ на обсужденіе союзному правительству, а впредь до образованія его, Пруссія обязалась не препятствовать австро-баварской экзекуціи, возстановлявшей курфирста. Въ Гольштинію положено отправить австрійскаго и прусскаго коммиссаровъ, которые должны были прекратить военныя дѣйствія подъ страхомъ экзекуціи. Единственный пунктъ, удостоившійся одобренія князя Шварценберга, касался созванія конференціи для обсужденія союзной конституціи.

Конференція собралась въ Дрезденѣ 23-го декабря 1850 года и продолжала свои работы до 12-го мая 1851 года. Врядъ ли слѣдуетъ останавливаться на ея исторіи. Всѣ совѣщанія, споры, проекты, противупроекты, поправки и т. д., привели къ тому, что правительства согласились возстановить старый союзъ, съ прежнимъ его устройствомъ. 14-го мая прусскій уполномоченный, генералъ Роховъ, занялъ свое мѣсто во Франкфуртѣ. Съ нимъ пріѣхалъ, въ качествѣ перваго секретаря посольства, г. фонъ-Бисмаркъ. Разказываютъ, что когда онъ явился къ послу первенствующей державы, графу Туну, послѣдній принялъ его сидя, продолжалъ важно курить сигару, и даже не пригласилъ гостя сѣсть. Бисмаркъ спокойно вынулъ сигару и сказалъ графу: „Darf ich um Feuer bitten, Excellenz!“ Графъ смутился, подалъ огня и началъ разговоръ съ гостемъ.

Таковъ, если вѣрить біографу, былъ первый шагъ молодаго дипломата въ мѣстѣ, гдѣ онъ ближе всего могъ узнать истинныя пружины австрійской политики и ея отношенія къ Пруссіи. Эта школа была въ высшей степени поучительна, тѣмъ болѣе, что она продолжалась

[1]) Окружной городъ въ Моравіи, крѣпость.

долго. Чрезъ три мѣсяца послѣ своего назначенія, Бисмаркъ смѣнилъ Рохова въ качествѣ посла и сохранилъ это званіе до событій 1859 года.

II.

Разрѣшеніе датскаго вопроса. — Его сущность. — Политика сейма относительно положенія герцогствъ въ Даніи. — Лондонскій протоколъ. — Кургессенское столкновеніе.—Союзная экзекуція.—«Политическій комитетъ» и его дѣятельность. — Отмѣна Австрійской конституціи и централизаціонная политика Шварценберга и Баха.—Таможенный вопросъ.—Намѣренія Австріи и причины несогласія Пруссіи.—Австрійская агитація между союзными государствами.—Конференціи и ихъ неудачи. — Торговый трактатъ 19-го февраля 1853 г. и его значеніе. — Заключеніе.— Признаки новаго времени.— Крымская война.

Два года нужно было князю Шварценбергу и его союзникамъ для подавленія остатковъ движенія 1848 года. Въ маѣ 1849 года Франкфуртское собраніе превратилось въ „охвостье“ (Rumpfparlament), докончившее свое жалкое существованіе въ Штутгардѣ только въ маѣ 1851 года. Сеймъ снова вступилъ въ свои права. Съ тѣмъ большею ревностію приступилъ теперь сеймъ къ разрѣшенію внутреннихъ и частныхъ вопросовъ въ смыслѣ общихъ началъ политики Шварценберга. На очереди стояли вопросы Гольштинскій и Кургессенскій.

Гольштинскій вопросъ, какъ мы видѣли, представлялся наиболѣе сложнымъ. Его нельзя было признать *только* внутреннимъ вопросомъ Германскаго союза. Европейскія державы, опредѣлившія нѣкогда *территоріальный объемъ* Датской монархіи, имѣли право требовать, чтобы онъ не видоизмѣнялся безъ ихъ согласія. Это требованіе опиралось на начала международнаго права, выразившіяся въ трактатахъ вѣнскаго конгресса. Слѣдовательно, опредѣленіе принадлежности или отдѣленіе герцогства отъ Даніи не подлежало компетенціи сейма. Но трагическая сторона Датскаго вопроса,—сторона, ярко выступившая въ 1848 году,—состояла въ томъ, что начала стараго международнаго права, освященныя вѣнскимъ конгрессомъ, столкнулись съ новыми требованіями, которыя не только не были приняты въ разчетъ дипломатами 1851 года, но считались продуктомъ революціонныхъ измышленій. Система, созданная трактатами вѣнскаго конгресса, носитъ названіе системы *политическаго равновѣсія* Этимъ терминомъ прикрывается начало, прямо противуположное началу *народности*, какъ нормальной основѣ государства, которое, по идеѣ своей, есть не что иное, какъ внѣшняя организація опредѣленной національности. Дипломаты вѣнскаго конгресса, увлекаясь невозможною цѣлью

установить механическое равновѣсіе между главными, по крайней мѣрѣ, державами Европы, для предотвращенія гегемоніи одной изъ нихъ, создали систему *искусственныхъ* государствъ, нисколько не соображаясь съ естественными стремленіями народностей. Вѣнскій конгрессъ размежевывалъ разныя земли, вовсе забывая о томъ, что съ *землею* размежевывались люди, имѣвшіе свои преданія, свои симпатіи и антипатіи. Эта ошибка дала себя почувствовать въ 1848 году, когда народы заявляли или о своемъ *различіи*, какъ въ Австріи, или о своемъ *единствѣ*, какъ въ Италіи. Въ такомъ же положеніи находились и герцогства. Но здѣсь, какъ мы видѣли выше, столкновеніе національнаго принципа съ старыми преданіями явилось въ довольно оригинальной формѣ. Германскій союзъ ничего не имѣлъ противъ внѣшняго соединенія герцогствъ съ Датскою короною, лишь бы *внутреннее* ихъ устройство было согласно съ мѣстными привилегіями. Соединеніе это могло бы продолжаться вѣчно, если бы датское правительство рѣшилось бережно охранять полуфеодальныя привилегіи Шлезвигъ-Гольштейна и, вовторыхъ, еслибы существенное различіе въ законахъ о престолонаслѣдіи не влекло за собою сложный территоріальный вопросъ. Но демократическій духъ датскаго народонаселенія, характеръ Фридриха VII, согласный съ характеромъ его народа, шли въ разрѣзъ съ строго-аристократическими учрежденіями и убѣжденіями герцогствъ. Затѣмъ, какая судьба ожидала герцогства въ ту минуту, когда бездѣтный представитель царствовавшаго дома, Фридрихъ VII, сойдетъ въ могилу? Если законы о престолонаслѣдіи останутся неизмѣненными, — Даніи грозило распаденіе. Поэтому, со стороны датскаго правительства было понятно стремленіе ввести герцогства въ общій составъ датской монархіи. Но этотъ результатъ противорѣчилъ интересамъ Германіи. Допустить инкорпорацію герцогствъ, значило отказаться на всегда отъ очень важной части германской территоріи. Но какъ предупредить подобный исходъ, въ виду возможнаго вмѣшательства прочихъ европейскихъ державъ? Этотъ вопросъ остался не разрѣшеннымъ до событій 1851 года, когда онъ разрѣшился не въ пользу Германіи.

На первый разъ сеймъ, руководимый Австріей, вознамѣрился покончить съ *внутренними* отношеніями Гольштейна къ Даніи. Союзнымъ коммиссарамъ поручено было, такъ сказать, усмирить Гольштейнъ и водворить въ немъ повиновеніе законному правительству. Они прибыли сюда еще въ январѣ 1851 года. Въ теченіе года они возстановили старый порядокъ и 18-го января 1852 года передали управ-

леніе въ руки датскаго правительства. Предрѣшеніе же дальнѣйшей судьбы Даніи сдѣлалось предметомъ совѣщанія и соглашенія первенствующихъ европейскихъ державъ. 8-го мая 1852 года уполномоченные Австріи, Англіи, Франціи, Россіи и Швеціи подписали въ Лондонѣ трактатъ [1]), въ силу котораго герцогства признавались неразрывно связанными съ датскою короною. На случай бездѣтной кончины короля Фридриха VII, наслѣдованіе переносилось на принца Христіана Глюксбургскаго [2]) и его мужское потомство. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и прусскій уполномоченный подписалъ этотъ трактатъ. Такимъ образомъ, сеймъ даже не былъ спрошенъ по вопросу, конечно, касавшемуся общихъ германскихъ интересовъ. Ниже мы увидимъ, какое употребленіе сдѣлалъ Бисмаркъ изъ этого обстоятельства.

Въ Кургессенѣ сеймъ поспѣшилъ сдѣлать употребленіе изъ ст. 26 и 56 В. З. А. [3]). Отказъ въ податяхъ былъ приравненъ къ мятежу и союзная экзекуція должна была возстановить порядокъ. Въ заключеніе сеймъ принялъ къ своему разсмотрѣнію конституціонные законы курфиршества, причемъ подвергъ пересмотру не только законы, изданные въ 1848 и 1849 годахъ, но и признанную всѣми конституцію 1831 года. Вся совокупность этихъ законовъ была признана несогласною съ монархическимъ принципомъ; союзнымъ постановленіемъ конституція 1831 года, со всѣми послѣдовавшими къ ней дополненіями, отмѣнена (27-го марта 1872 года) и курфирсту дано на волю издать новую, болѣе приличную обстоятельствамъ и духу союзнаго устройства.

Не ограничиваясь этими частными мѣрами, сеймъ рѣшился подвергнуть пересмотру всѣ условія политическаго быта въ Германіи. Слѣдственныя коммиссіи, временъ Меттерниха, служили въ этомъ отношеніи образцомъ. Въ средѣ сейма былъ образованъ особый „политическій комитетъ“, которому поручено было привлечь, такъ сказать, къ суду и слѣдствію все, что произошло въ Германіи съ 1848 года. Комитету представлялась большая жатва, такъ какъ 1848 годъ оставилъ ему обильный посѣвъ. Въ каждомъ Германскомъ государствѣ онъ произвелъ болѣе или менѣе существенныя измѣне-

[1]) Извѣстный подъ именемъ *Лондонскаго протокола*.

[2]) Принцъ Христіанъ (1818), сынъ герцога Фридриха-Вильгельма Гольштейнъ-Глюксбургскаго, женился на принцессѣ *Луизѣ*, дочери ландграфа Вильгельма Гессенскаго и жены его Луизы-Шарлоты, рожденной принцессы Датской, дочери короля Христіана VIII, т. е., сестры Фридриха VII.

[3]) См. выше, глава вторая, II.

нія. Вопервыхъ, чтобы начать съ общихъ вопросовъ, франкфуртское собраніе оставило въ наслѣдство всему Германскому народу его „основныя права". Нѣкоторыя государства признали силу этого законодательнаго акта. По предложенію политическаго комитета, сеймъ отмѣнилъ его обязательную силу (23-го августа 1851 года). Въ тотъ же день сеймъ принялъ другое предложеніе, въ силу котораго союзныя правительства приглашались къ тщательному пересмотру всѣхъ измѣненій, послѣдовавшихъ, въ 1848 году, въ государственномъ законодательствѣ, и къ отмѣнѣ ихъ, если они не согласны съ „общимъ духомъ" союзнаго устройства. Весьма многія правительства отвѣчали на этотъ призывъ полнымъ согласіемъ. Одни произвели соотвѣтствующія измѣненія своею силою, другія — при помощи сейма.

Но самая радикальная перемѣна была осуществлена австрійскимъ правительствомъ. Постановленіе сейма облегчало его задачу — покончить со всѣми остатками недавняго движенія. Такимъ „остаткомъ" была конституція Австрійской имперіи, октроированная Францомъ-Іосифомъ въ 1849 году. Кабинетъ князя Шварценберга поспѣшилъ исполнить приглашеніе сейма и конституція была отмѣнена (31-го декабря 1851 года). Мы видѣли, что она была результатомъ такъ называемой Кремзирской программы, общею цѣлью которой было признано уничтоженіе мѣстной самостоятельности областей. Нарушеніе правъ отдѣльныхъ народностей въ 1849 году было прикрыто либеральными формами, конечно, не способными замѣнить для націи ея самобытность. Теперь и это было отнято у народовъ Австрійской имперіи. Началомъ правительственной программы провозглашена была строгая централизація. Дѣятельными проводниками этихъ началъ сдѣлались князь Шварценбергъ, умершій въ 1852 году, и Бахъ [1]). Дѣятельность послѣдняго наполняетъ періодъ времени съ 1852 по 1859 годъ, когда внѣшнія обстоятельства принудили Австрію усвоить другую политическую систему.

Такимъ образомъ, Австрія была реставрирована въ полномъ смыслѣ слова. Внутри она возвратилась къ политическимъ формамъ, завѣщаннымъ княземъ Меттернихомъ; она сдѣлала даже шагъ впередъ сравнительно съ системою 1815—1848 гг. Революціонное движеніе принесло реакціи великую пользу въ томъ смыслѣ, что теперь она могла сбросить послѣднюю задержку абсолютизма — мѣстныя

[1]) Бахъ (род. въ 1813 году) сдѣланъ министромъ внутр. дѣлъ въ 1849 году; вышелъ въ отставку въ 1859 году.

особенности, признававшіяся еще, хотя въ видѣ мертвой буквы. Реакціонное движеніе выдвинуло вполнѣ идею централизованнаго государства. Опираясь на свою преобразованную силу, австрійскій кабинетъ снова могъ получить преобладающее значеніе въ Германіи вообще и во Франкфуртскомъ сеймѣ въ особенности. Подъ его вліяніемъ сеймъ продолжалъ работу, начатую въ 1851 году. Преслѣдованіе всякаго движенія въ національномъ смыслѣ сдѣлалось главною его задачею. Особенною рѣшительностью отличались мѣры сейма противъ печати и ассоціацій.

Сильная внутри и вліятельная извнѣ, Австрія могла теперь попытаться одержать побѣду надъ своею соперницею въ такой области, гдѣ послѣдняя до сихъ поръ имѣла верхъ. Именно, еще въ 1849 г. австрійскій кабинетъ задумалъ ввести свое государство въ составъ Германскаго *таможеннаго союза*. Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали этому намѣренію. Министерство торговли было ввѣрено одному изъ способнѣйшихъ государственныхъ людей, какіе когда либо занимали мѣсто въ австрійской администраціи, именно—барону *Бруку*. Личные таланты и обширное образованіе дали ему возможность обновить финансовую администрацію Австріи началами, соотвѣтствующими духу и потребностямъ времени. Онъ могъ устранить, и во многихъ отношеніяхъ устранилъ, важное препятствіе къ вступленію Австріи въ составъ таможеннаго союза—отсталость ея торговаго законодательства. Присоединеніе Австріи къ союзу, разсматриваемое съ чисто коммерческой точки зрѣнія, представляло теперь многія выгоды для всей Германіи. Обширная и богатая страна являлась сама по себѣ выгоднымъ рынкомъ. Кромѣ того, она обладала выгодными гаванями, открывавшими широкій доступъ ко всемірной торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Но смыслъ, приданный Австріею этому намѣренію, и весь образъ ея дѣйствій, не зависѣвшій, разумѣется, отъ Брука, сразу возбудилъ недовѣріе Пруссіи.

Срокъ двѣнадцатилѣтняго періода таможеннаго союза истекалъ въ 1853 г. Къ этому времени австрійское правительство думало подготовить новую его организацію, построенную на совершенно иныхъ началахъ. Мы видѣли выше, что Цолльферейнъ былъ дѣйствительно „тѣснѣйшимъ союзомъ въ союзѣ“, — союзомъ организованнымъ, правда, въ виду *одной* практической цѣли, но выдѣлявшимся изъ прочихъ учрежденій общаго союза. Онъ былъ основанъ на частномъ соглашеніи германскихъ правительствъ, добровольно присоединившихся къ прусской таможенной системѣ. Онъ былъ единственною

областью, гдѣ Пруссія занимала первенствующее положеніе, уступая Австріи первенство въ общесоюзныхъ дѣлахъ. Мало того. Таможенный союзъ, полный жизни и надеждъ, являлся въ глазахъ Пруссіи надежнымъ основаніемъ и поводомъ къ дальнѣйшей организаціи „союза въ союзѣ“, какъ это и доказала недавняя исторія уніи, при учрежденіи которой Пруссія очевидно руководилась примѣромъ Цолльферейна. Сдѣлать изъ него учрежденіе общесоюзное, придаточное установленіе къ сейму, очевидно, было не въ интересахъ Пруссіи. Хлопотать о преобразованіи и улучшеніи стараго союза и сейма, на который она послала своего уполномоченнаго не особенно охотно, не входило теперь въ ея планы. Мы увидимъ ниже, что Пруссія держалась въ сторонѣ отъ всѣхъ плановъ преобразованія союза, потому что видѣла несостоятельность самыхъ его началъ. Ея политика сдѣлалась элементомъ *разложенія* союзнаго устройства, которое въ теченіе пятидесятыхъ годовъ доставило ей столько горя. Могла ли она отдать сейму самое дорогое чадо своей политики? Между тѣмъ австрійскій кабинетъ рѣшился преобразовать таможенный союзъ именно въ послѣднемъ смыслѣ. Въ 1850 г. онъ обратился съ своимъ предложеніемъ не къ таможенному правительству, а къ *сейму*, приглашая его исполнить требованіе извѣстной намъ XIX-й статьи Союзнаго акта. Пруссія, очевидно, должна была отнестись къ этому предложенію враждебно. Во первыхъ, въ 1850 г. сеймъ еще не имѣлъ легальнаго существованія; во Франкфуртѣ засѣдалъ чрезвычайный plenum, не признанный Пруссіею. Поэтому австрійская нота имѣла характеръ агитаціи между правительствами, и безъ того враждебно расположенными къ берлинскому двору. Поэтому, въ теченіе 1850 г. всѣ попытки сблизиться съ прусскимъ правительствомъ остались тщетными. Оба правительства приготовлялись къ борьбѣ. Австрія старалась устранить указанныя Пруссіею препятствія ко вступленію ея въ таможенный союзъ и поддерживать между германскими правительствами сильное раздраженіе противъ своего врага. Прусскій кабинетъ смотрѣлъ однако на эту агитацію довольно спокойно. Какъ ни сильно было неудовольствіе, вызванное его политикою въ 1849 г., но экономическіе интересы, связывавшіе его съ членами союза, были слишкомъ крѣпки, чтобы послѣдніе рѣшились порвать ихъ ради отвлеченныхъ политическихъ цѣлей.

Ходатайство Австріи повело, однако, къ тому, что южногерманскія государства рѣшились настаивать на вступленіи ея въ союзъ (7-го іюня 1851 г.). Тогда прусскій кабинетъ прибѣгнулъ къ рѣши-

тельной мѣрѣ. Мы видѣли, что нѣкоторыя сѣверогерманскія государства (Ганноверъ, Ольденбургъ и т. д.) составили особый отъ Цолльферейна союзъ, извѣстный подъ именемъ Steuerverein'а. Привлечь эту группу государствъ къ таможенному союзу было не менѣе выгодно и важно, чѣмъ включить въ его составъ области Австрійской имперіи. 7-го сентября 1851 г. Пруссія заключила съ ними договоръ, составленный на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, и затѣмъ объявила членамъ союза, что она готова возобновить таможенный договоръ на новый срокъ подъ условіемъ включенія въ составъ союза названныхъ государствъ.

На первый разъ эта мѣра доставила новое оружіе австрійскому кабинету. Договоръ 7-го сентября былъ заключенъ безъ предварительнаго соглашенія съ членами Цолльферейна—явное доказательство прусскаго самовластія! Какое право имѣетъ берлинскій дворъ принимать однихъ, исключать другихъ, и притомъ первенствующихъ членовъ союза? Германскимъ государствамъ было поставлено на видъ, что Австрія сдѣлала все, что нужно для экономическихъ выгодъ Германіи. Новый, болѣе либеральный тарифъ обнародованъ (25-го ноября); таможенная линія между австрійскими землями и Венгріею уничтожена. Въ началѣ 1852 г. члены Цолльферейна получили приглашеніе прислать уполномоченныхъ въ Вѣну для включенія Австріи въ составъ союза. Пруссія и на этотъ разъ отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она готова была выслушать предложенія Австріи, но не прежде, чѣмъ таможенный союзъ организуется на новый срокъ, со включеніемъ Steuerverein'а. Съ своей стороны, она пригласила членовъ союза на конференцію въ Берлинъ.

Они явились съ предложеніями, доказывавшими, что ихъ намѣренія не измѣнились. Нѣкоторыя государства (Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Гамбургъ), на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Дармштадтѣ и Бамбергѣ, рѣшились поддерживать требованія Австріи. Они доказывали въ Берлинѣ, что рѣчь идетъ теперь не о *возобновленіи* таможеннаго договора на новый срокъ, а объ учрежденіи *новаго* союза. Сама Пруссія, говорили они, подала поводъ къ такой постановкѣ вопроса, самовольно заключивъ договоръ 7-го сентября. Пруссія прервала дальнѣйшія совѣщанія, отсрочивъ ихъ до августа (апрѣль 1852 г.). Въ теченіе этого времени тонъ австрійской политики нѣсколько измѣнился. Князь Шварценбергъ умеръ 5-го апрѣля 1852 года; съ нимъ исчезло безу-

словно враждебное настроеніе противъ Пруссіи, выразившееся въ извѣстной его фразѣ: „il faut avilir la Prusse et après la démolir“. Кромѣ того интересы торговли страдали отъ всеобщей неизвѣстности относительно судьбы таможеннаго союза. Какъ ни сильно были раздражены политическія страсти разныхъ кабинетовъ, они должны были уступить экономическимъ нуждамъ народовъ. Августовскія конференціи членовъ союза открылись при лучшихъ условіяхъ. Теперь никто не возбуждалъ рѣчи о „новомъ Цолльферейнѣ“. Защитники австрійскихъ интересовъ говорили только о желательности *особаго* торговаго трактата съ Австріею, выгоднаго для обѣихъ сторонъ. Трудно предположить, чтобы прусскій кабинетъ въ глубинѣ души былъ противъ такого компромисса. Эта сдѣлка сохраняла таможенный союзъ въ прежнемъ его видѣ и смыслѣ; Австрія заключала торговый трактатъ въ качествѣ посторонней союзу державы и не видоизмѣняла, поэтому, первенствующаго положенія Пруссіи въ Цолльферейнѣ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, она согласилась на подобный исходъ таможеннаго кризиса. Но въ данную минуту она не могла принять предложенія союзныхъ державъ, въ виду невыгодной для нея постановки вопроса. Договоръ съ Австріею могъ быть принятъ ею въ качествѣ добровольной, но не вынужденной подъ давленіемъ нѣсколькихъ державъ, уступки. Конференціи и на этотъ разъ кончились безуспѣшно. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ безпрерывныхъ колебаніяхъ, вызвавшихъ страшные кризисы въ торговомъ мірѣ. Наконецъ Австрія рѣшилась избрать единственно возможный для нея путь, а именно, путь непосредственныхъ сношеній съ прусскимъ дворомъ. Брукъ началъ дѣятельные переговоры и подготовилъ свиданіе двухъ монарховъ, Франца-Іосифа и Фридриха-Вильгельма, которое и состоялось въ Берлинѣ (февраль 1853 г.). Результатомъ этого свиданія былъ торговый договоръ между Австріею и Пруссіею 19-го февраля 1853 года. Теперь ничто не препятствовало прочимъ державамъ возобновить таможенный союзъ. Одинъ кабинетъ за другимъ заявлялъ Пруссіи о своемъ согласіи и союзъ былъ возобновленъ на новыя 12 лѣтъ, то-есть, до 1865 года.

Договоръ 19-го февраля былъ дѣйствительнымъ компромиссомъ между двумя соперниками. Въ немъ нельзя видѣть ни особеннаго успѣха Пруссіи, ни торжества Австріи. Пруссія устранила невыгодную для нея *постановку* вопроса и несогласную съ ея интересами *форму* возобновленія таможеннаго союза. Но такъ или иначе, она при-

соединила Австрію къ области этого союза. По формѣ своей, договоръ 19-го февраля былъ трактатомъ между двумя посторонними государствами; но по содержанію онъ соотвѣтствовалъ началамъ условій, на которыхъ держался Цолльферейнъ. Одна изъ статей его (25-я) предвѣщала даже возможность органическаго слiянія Австріи съ таможеннымъ союзомъ. Съ другой стороны, Австрія не достигала своей цѣли — сдѣлать изъ Цолльферейна органическое установленіе при сеймѣ и лишить Пруссію разъ занятаго ею положенія. Въ этомъ отношеніи политика князя Шварценберга потерпѣла полное крушеніе. Но договоръ 1853 года доставилъ ей болѣе выгодное положеніе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда она вовсе была отстранена отъ экономическаго общенія съ Германіею. Въ результатѣ можно сказать, что, въ политическомъ отношеніи, Пруссія, заключая договоръ 1853 года, только ничего не проигрывала, тогда какъ Австрія пріобрѣтала извѣстныя выгоды, которыя она могла въ послѣдствіи развить и увеличить.

Въ общемъ итогѣ поле битвы осталось пока за Австріею. Народныя движенія внутри имперіи были подавлены, казалось, на долго. Въ Германіи сеймъ былъ послушнымъ орудіемъ ея политики. Внѣшнія сношенія были вполнѣ удовлетворительны. Первенствующій кабинетъ па востокѣ Европы, русскій кабинетъ, видѣлъ въ Австріи главную основу европейскаго мира и порядка. Какъ воспользуется она своимъ первенствомъ и сколько времени продолжится оно?

Политическая исторія второй половины XIX столѣтія шла быстро. Система „равновѣсія“ явно отживала свой вѣкъ и новыя требованія, заявляемыя новыми силами, явились на свѣтъ. На французскомъ престолѣ сидѣлъ человѣкъ, громко заявившій о своей „ненависти“ къ трактатамъ 1815 года и вынужденный самымъ своимъ положеніемъ призвать себѣ на помощь начало, наружно побѣжденное въ 1849 году— начало народности. Національное движеніе въ Италіи далеко не прекратилось послѣ побѣдъ Радецкаго и репрессивныхъ мѣръ Фердинанда Неаполитанскаго. Агитація дѣятельно продолжалась, и въ 1850 году нашла себѣ новый и прочный центръ. Въ этомъ году молодой Сардинскій король, Викторъ Эммануилъ, призвалъ въ свой кабинетъ графа Кавура, который скоро показалъ, какъ государственный человѣкъ долженъ пользоваться здравыми общественными движеніями. Скоро между нимъ и главными двигателями національнаго единства— Манином̂ъ, Ла-Фариною, Паллавичини и друг., установились постоян-

ныя сношенія. Наконецъ, возникалъ снова восточный вопросъ — это вѣчное пугало западно-европейскихъ государствъ. При такихъ обстоятельствахъ, нельзя было ограничиваться тѣми отрицательно-дипломатическими мѣрами, которыя составляли отличительный признакъ политики Меттерниха.

Не успѣлъ австрійскій кабинетъ кончить важный для него таможенный вопросъ, какъ вниманіе не только его, но и всѣхъ европейскихъ дворовъ должно было обратиться на востокъ. Лѣтомъ 1853 года началась война между Россіею и Турціею, перешедшая затѣмъ въ европейскую войну. Здѣсь не мѣсто слѣдить за всѣми фазисами этой несчастной, но не безславной для насъ борьбы. Цѣль этого труда заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Германіи къ событіямъ 1853—1856 гг. Державою, наиболѣе заинтересованною въ исходѣ восточнаго вопроса, была, конечно, Австрія. Остальная Германія, не смотря на возгласы многихъ ея публицистовъ о необходимости „униженія“ Россіи, врядъ ли была близко заинтересована судьбою „больнаго человѣка“. Изъ всѣхъ германскихъ государствъ наименѣе, въ данномъ случаѣ, затрогивались интересы Пруссіи.

Такимъ образомъ, по самому положенію вещей, Австрія одна должна была принять участіе въ великой борьбѣ. Въ виду ея географическаго положенія, даже нельзя было отрицать ея *права* на это участіе. Все зависѣло, однако, отъ его *формы*. Австрійскій кабинетъ могъ вступить въ непосредственныя сношенія съ русскимъ правительствомъ, заботиться о своихъ интересахъ, затронутыхъ войною и занятіемъ Дунайскихъ княжествъ, и стремиться къ совмѣстному и согласному съ выгодами обоихъ государствъ разрѣшенію вопроса. Но австрійскій кабинетъ счелъ за лучшее поставить вопросъ иначе. Изъ своихъ пограничныхъ интересовъ онъ сдѣлалъ общегерманское дѣло, но германскія правительства отозвались на этотъ призывъ не особенно сочувственно. Второстепенныя государства обнаруживали чувства, вовсе не враждебныя Россіи. Австрія добилась только временнаго союза съ Пруссіею, который, однако, прекратился послѣ того, какъ русскія войска очистили Дунайскія княжества (августъ 1854 г.). Послѣ того Австрія была совершенно изолирована въ Германіи и въ Европѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Министерство новой эры".

I.

Перемѣна правленія въ Пруссіи.—Болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV и назначеніе регенства.—Личныя качества и политическія мнѣнія принца-регента.—Составъ новаго министерства.—Рѣчь принца.—Отношеніе Пруссіи къ германскимъ государствамъ.—Они выясняются во время итальянской кампаніи.—Австрія хочетъ сдѣлать защиту своихъ итальянскихъ интересовъ союзною обязанностью германскихъ государствъ. — Второстепенныя государства раздѣляютъ этотъ взглядъ.— Въ прусскомъ обществѣ высказываются другія воззрѣнія.— Письмо Бисмарка къ Шлейницу.—Прусское правительство отвергаетъ мысль о «союзной обязанности» и желаетъ сохранить свободу дѣйствій.—Условія, предъявленныя сейму и Австріи. — Планы посредничества. — Мобилизація. — Предостереженіе Бисмарка.—Значеніе попытки прусскаго вмѣшательства.

Въ этой и слѣдующей главахъ будетъ идти рѣчь о длинной и сложной драмѣ, которая перешла, наконецъ, въ Шлезвигъ-Гольштейнскую трагедію, — прологъ ко всѣмъ другимъ трагедіямъ нашего времени. Трудно перечислить всѣ условія, всѣ внѣшнія и внутреннія событія, вліявшія на развитіе германскаго вопроса въ небольшой періодъ времени отъ 1858 до 1865 годовъ. Національное движеніе въ Италіи, быстрое развитіе политическихъ ассоціацій въ Германіи, борьба партій въ Пруссіи, видоизмѣнившіяся отношенія европейскихъ державъ, личныя качества государственныхъ людей,—все это должно быть принято въ соображеніе и выяснено, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ.

Прежде всего, необходимо остановиться, конечно, на положеніи страны, завоевавшей себѣ первенствующую роль въ Германіи и Европѣ, — на положеніи Пруссіи.

Вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира, въ Пруссіи произошла важная перемѣна. Состояніе здоровья короля Фридриха-Вильгельма до такой степени ухудшилось, что еще въ 1857 г. онъ долженъ былъ поручить управленіе государствомъ своему брату—наслѣдному принцу; въ 1858 году принцъ, силою закона, былъ возведенъ въ званіе регента. Въ Пруссіи фактически началось новое царствованіе. Въ лицѣ принца-регента страна пріобрѣтала правителя, съ личными качествами и убѣжденіями котораго она была давно знакома. Самъ принцъ не былъ въ томъ возрастѣ, когда убѣжденія еще составляются и видоизмѣ-

няются. Ему было 60 лѣтъ. Онъ прошелъ долгую карьеру въ прусскомъ войскѣ, начиная съ войны за освобожденіе 1813—1815 гг.

Личныя его убѣжденія вполнѣ соотвѣтствовали сферѣ, въ которой онъ выросъ и дожилъ до старости. Онъ не любилъ „общаго отечества" тою нѣсколько романтическою любовью, какою отличался его братъ. Его не увлекали ни воспоминанія о „священной Римской имперіи", ни пѣсни Арндта, ни „древности" Гримма. Прежде всего, онъ былъ Пруссакъ, хотя сознавалъ обязанности Пруссіи по отношенію къ Германіи. Но это сознаніе не приводило его къ убѣжденію въ необходимости пожертвовать Пруссіею общему отечеству. Его постоянно занимала мысль, *какое мѣсто* займетъ Пруссія въ единой Германіи? И всѣ преданія подсказывали ему готовый отвѣтъ—положеніе это должно быть первенствующее. Занять и охранять это первенствующее положеніе казалось необходимымъ и для пользы Пруссіи, и для блага Германіи. Для достиженія этой цѣли ему казалось необходимымъ опереться на элементъ, который, какъ гласили преданія, создалъ Пруссію—элементъ военный. Преобразованіе и усиленіе арміи,—вотъ первая задача прусскаго правительства, и эту задачу онъ ясно выставилъ съ самаго вступленія своего въ управленіе.

Прочіе вопросы внутренней политики также были давно рѣшены въ области его убѣжденій. Можетъ быть, онъ не согласился бы на уступки, сдѣланныя его братомъ въ 1848 году. Но конституція была дана; онъ ей присягнулъ. Этимъ фактомъ опредѣлялась роль законнаго короля. Согласно съ своими убѣжденіями, онъ долженъ былъ стойко охранять и поддерживать конституціонныя прерогативы короны, не допуская новыхъ захватовъ со стороны палатъ. Но, съ другой стороны, необходимость требовала признать и права этихъ палатъ. Принцъ долженъ былъ выйдти изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ находился, въ послѣднее время, его братъ, — признавать конституціонныя учрежденія и управлять страной чрезъ ультрареакціонное министерство.

Первою мѣрою принца была отставка министерства Мантейфеля. Новый кабинетъ былъ составленъ изъ лицъ, способныхъ внушить довѣріе странѣ и палатамъ. Его называли министерствомъ новой эры. Мѣсто перваго министра занялъ бывшій владѣтельный князь Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій [1]). Министерство иностранныхъ дѣлъ

[1]) Изъ *Швабской*, до 1849 г. владѣтельной, линіи Гогенцоллерновъ. Въ этомъ году Гогенцоллерны, по фамильному договору, уступили свои владѣнія прусскому

было ввѣрено Шлейницу, внутреннихъ дѣлъ—графу Шверину, которые оба принадлежали къ либеральному лагерю [1]). Прочіе члены кабинета также пользовались общимъ уваженіемъ [2]). Первое засѣданіе совѣта министровъ было открыто рѣчью, въ которой принцъ выяснилъ свою программу, вполнѣ согласную съ его убѣжденіями. Онъ указывалъ на необходимость воинской реформы; армія одна можетъ поддержать достоинство Пруссіи въ рѣшительный моментъ. Въ иностранной политикѣ Пруссія должна сохранять дружбу со всѣми государствами, но дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ постороннихъ вліяній. Въ Германіи она должна „дѣлать нравственныя завоеванія, чрезъ мудрое законодательство у себя, чрезъ возвышеніе всѣхъ нравственныхъ элементовъ и пользованіе всѣми элементами *единства*, каковъ таможенный союзъ, нуждающійся, впрочемъ, въ реформѣ. Міръ долженъ знать, что Пруссія готова вездѣ защищать право. Твердый, послѣдовательный и, если нужно, рѣшительный образъ дѣйствій въ политикѣ, сопровождаемый благоразуміемъ и умѣренностію, должны доставить Пруссіи политическое уваженіе и могущество, которыхъ она не можетъ достигнуть одними своими матеріальными средствами".

Эта рѣчь, конечно, не заключала съ себѣ всей правительственной программы, но достаточно ясно указывала на характеръ новой политики. Принцъ не обнаруживалъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ, но заявилъ о намѣреніи не дѣлать и уступокъ тамъ, гдѣ было затронуто право Пруссіи. Это скоро обнаружилось въ небольшомъ столкновеніи съ Австріею по поводу Раштадта [3]).

дому. Князь Антонъ (род. 1811 г.) извѣстенъ былъ своимъ либеральнымъ направленіемъ.

[1]) Баронъ Шлейницъ (род. въ 1807 г.) и графъ Максимиліанъ Шверинъ (1804—1872) оба принадлежали къ такъ называемой старо-либеральной партіи (въ отличіе ея отъ позднѣе образовавшейся «партіи прогресса»). Графъ Шверинъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ членовъ оппозиціи противъ Бисмарка. Ему принадлежитъ знаменитое выраженіе, что по началамъ бисмарковской политики «сила идетъ впереди права», Macht geht vor Recht.

[2]) Остальными членами министерства были: военный министръ—извѣстный намъ *Бонинъ*, народнаго просвѣщенія — знаменитый юристъ *Бетманнъ-Гольвегъ*, министръ финансовъ—*Патовъ*. Въ помощь князю Гогенцоллерну назначенъ былъ испытанный и знаменитый на службѣ и какъ депутатъ Рудольфъ Ауэрсвальдъ (1795—1866).

[3]) По закону занятіе этой союзной крѣпости было предоставлено Австріи и Пруссіи. Но съ 1850 г. Австрія фактически занимала ее одна, а затѣмъ стре-

Регентъ сказалъ нѣсколько опредѣленныхъ словъ о необходимости пользоваться „элементами единства“ и дѣлать извѣстныя „нравственныя“ завоеванія въ Германіи, но не выразилъ яснаго намѣренія преобразовать Германскій союзъ въ виду требованій національнаго единства. Мы увидимъ ниже, что Пруссія, до знаменитаго дня 14-го іюня 1866 года, постоянно держалась въ сторонѣ отъ преобразовательныхъ плановъ, усердно предлагавшихся другими государствами. Причину этого факта понять не трудно. Правительство, ставившее исходною точкою и цѣлью своей политики собственные интересы, не могло не понять, что союзныя учрежденія не даютъ странѣ никакихъ выгодъ, что такъ называемыя союзныя обязанности, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, могутъ сдѣлаться тяжкимъ бременемъ, безъ всякаго вознагражденія, достойнаго великой державы. Какъ бы ни было преобразовано союзное устройство, оно не могло удовлетворить Пруссію, если начала его не дозволяли совмѣстить политики союзной съ ея собственными интересами, какъ великой европейской державы. О подчиненіи какой-то отвлеченной „центральной власти“, съ этой точки зрѣнія, не могло быть и рѣчи. Не могло быть рѣчи и *о принятіи* союзной власти *отъ Германіи*, въ качествѣ дара, налагавшаго тяжкія обязанности. Оставаясь на почвѣ *своей* государственной политики, Пруссія могла только *создать* союзъ, на своихъ условіяхъ, какъ нѣкогда былъ созданъ Цолльферейнъ. Вотъ почему Пруссія сохраняла молчаніе или отвѣчала отказомъ въ то время, когда проекты слѣдовали за проектами, сходки за сходками, манифесты за манифестами. Въ данный часъ она вышла изъ своего затворничества во всеоружіи и шумъ рѣчей замѣнила громомъ пушекъ.

Отношенія Пруссіи къ союзу рельефно опредѣлились скоро послѣ того, какъ принцъ принялъ на себя обязанности регента, именно по поводу итальянской войны 1859 года. Война застала Австрію въ невыгодномъ положеніи. Она имѣла предъ собою арміи двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одна считалась непобѣдимою. Русскій кабинетъ сохранилъ нейтралитетъ, неблагопріятный теперь для австрійскихъ интересовъ. Итальянскія правительства, состоявшія подъ опекой Австріи, не могли подняться противъ Піемонта; народное движеніе готово было унести эти престолы, которымъ такъ долго приносилось въ жертву единство Италіи. При такихъ условіяхъ, Австріи

милась къ тому, чтобы сеймъ призналъ за нею исключительное право. Но Пруссія настояла на своемъ правѣ.

болѣе, чѣмъ когда нибудь, нужна была поддержка Германіи. Австрійскій кабинетъ, при первыхъ же признакахъ войны, постарался сдѣлать все, что нужно для отождествленія своихъ интересовъ съ интересами союза. Подручная журналистика проповѣдывала, а дипломаты писали, что посягательство на любую часть австрійской территоріи есть посягательство на безопасность и честь всего германскаго отечества. Часть Германіи легкомысленно и съ непонятнымъ шовинизмомъ приняла эти увѣренія за чистую монету. Въ Баваріи, Виртембергѣ, Нассау, даже въ Ганноверѣ, поднялся всеобщій вопль о необходимости противупоставить франко-итальянской силѣ силу всего союза. Каждый, кто не сочувствовалъ австрійской политикѣ въ Италіи, объявлялся измѣнникомъ „общему отечеству". Органомъ подобныхъ стремленій явились не только газеты, въ родѣ „Allgemeine Zeitung", но и палаты разныхъ государствъ.

При такой постановкѣ вопроса, положеніе Пруссіи дѣлалось серьезно и затруднительно. Если защита Австріи въ Италіи объявлялась *союзною обязанностью*, Пруссія должна была покорно выставить свой контингентъ, лить кровь и тратить свое достояніе, какъ и гдѣ это будетъ указано другими. Мало того, каждому, сколько нибудь дальновидному, политику было ясно, что при первомъ выстрѣлѣ союзныхъ войскъ на Рейнѣ итальянская война отступитъ на задній планъ и вся тяжесть военныхъ дѣйствій обрушится на Германію, и въ Германіи — на Пруссію, потому что Австрія, какъ это показалъ опытъ ея исторіи, всегда умѣла оставлять своихъ союзниковъ и разчитываться съ побѣдоноснымъ врагомъ средствами сосѣдей. Неудивительно, что прусское правительство и общество отнеслись къ союзной агитаціи скептически и недружелюбно. Замѣчательнѣйшіе умы разныхъ партій поняли одинаково ея ложь и одинаково взглянули на практическія задачи Пруссіи.

Въ этомъ отношеніи сошлись между собою Фердинандъ Лассаль и Бисмаркъ. Лассаль, въ своей брошюрѣ „Der italienishe Krieg und die Aufgabe Preussens", доказывалъ, съ свойственною ему энергіей, что задача Пруссіи состоитъ не въ подавленіи національнаго движенія въ Италіи, а въ признаніи начала народностей, опираясь на которое, она можетъ совершить свое призваніе въ Германіи. Пусть карта Европы передѣлывается, во имя національнаго принципа, на югѣ; это ослабитъ Австрію и дастъ возможность Пруссіи передѣлать сѣверъ Европы. Бисмаркъ, хорошо изучившій роль Австріи въ союзѣ и смыслъ самаго союза, открыто высказывалъ

свои симпатіи къ Италіи во Франкфуртѣ, гдѣ онъ былъ посломъ. Осторожный берлинскій кабинетъ перевелъ его въ Петербургъ (мартъ 1859 г.). Отсюда онъ написалъ, 12-го мая 1859 года, къ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ Шлейницу знаменитое письмо (оно было опубликовано въ 1866 г.), въ которомъ настойчиво указывалъ на необходимость для Пруссіи воспользоваться современными обстоятельствами и разомъ измѣнить свое положеніе въ союзѣ.

Приведемъ здѣсь важнѣйшія его мѣста.

„Изъ восьмилѣтней службы во Франкфуртѣ я вынесъ, какъ результатъ моего опыта, убѣжденіе, что союзныя учрежденія составляютъ для Пруссіи обременительныя, а въ критическія времена опасныя оковы, не доставляющія намъ никакого эквивалента, какой Австрія, при несравненно большей свободѣ дѣйствій, извлекаетъ изъ нихъ. Обѣ великія державы измѣряются государями и правительствами меньшихъ государствъ не равною мѣрою; истолкованіе цѣлей и законовъ союза видоизмѣняется согласно потребностямъ австрійской политики..." Затѣмъ, напоминая о поведеніи союза по важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики съ 1850 г., Бисмаркъ продолжаетъ: „мы постоянно имѣли противъ себя то же компактное большинство, то же притязаніе на уступчивость Пруссіи... Развитіе союзныхъ отношеній съ австрійскимъ главенствомъ составляетъ естественную цѣль нѣмецкихъ государей и ихъ министровъ; оно можетъ быть осуществлено въ ихъ духѣ только на счетъ Пруссіи и по необходимости направлено противъ нея, какъ скоро Пруссія не хочетъ ограничиваться выгодною задачею доставлять своимъ равноправнымъ сочленамъ гарантіи противъ чрезмѣрнаго преобладанія Австріи и, повинуясь желаніямъ большинства, сносить несоотвѣтствіе своихъ правъ и обязанностей съ неутомимою услужливостію. Это направленіе политики второстепенныхъ государствъ будетъ выступать послѣ каждаго преходящаго колебанія съ постоянствомъ магнитной стрѣлки, потому что оно не есть случайный продуктъ отдѣльныхъ условій или лицъ, но составляетъ естественный и необходимый результатъ союзныхъ отношеній для меньшихъ государствъ. *Мы не имѣемъ средствъ раздѣлаться съ нею прочно и удовлетворительно въ предѣлахъ существующихъ союзныхъ договоровъ*".

Затѣмъ авторъ письма высказываетъ мысль, что современныя политическія условія представляютъ случай, какого, можетъ быть, никогда не представится, разрѣшить всѣ затрудненія въ пользу Пруссіи, и жалѣетъ объ уклончивости правительства.

„Я захожу“, продолжаетъ онъ „можетъ быть, слишкомъ далеко, выражая взглядъ, что мы должны бы пользоваться каждымъ законнымъ случаемъ, чтобы добиться такой перемѣны нашихъ взаимныхъ отношеній, въ какой нуждается Пруссія, дабы имѣть возможность жить съ меньшими государствами въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Я думаю, мы должны поднять добровольно перчатку и считать не несчастьемъ, но успѣхомъ кризиза, если большинство во Франкфуртѣ сдѣлаетъ постановленіе, въ которомъ мы найдемъ превышеніе его компетенціи, произвольное измѣненіе союзной цѣли и нарушеніе союзныхъ договоровъ. *Чѣмъ несомнѣннѣе обнаружится нарушеніе, тѣмъ лучше.* Мы не легко найдемъ опять въ Австріи, Франціи и Россіи болѣе благопріятныя условія для улучшенія нашего положенія въ Германіи, и наши сочлены по союзу сами готовы дать намъ законный къ тому предлогъ, если даже мы и не будемъ пособлять ихъ кичливости....

„Я боюсь, что вы, по поводу этого письменнаго набѣга въ область моей прежней дѣятельности, мысленно возгласите ne sator ultra crepidam [1]); но я и не хотѣлъ дѣлать должностнаго доклада, а желалъ только представить показаніе свѣдущаго человѣка противъ союза. Я вижу въ нашихъ союзныхъ отношеніяхъ болѣзнь Пруссіи, которую мы должны будемъ, рано или поздно, лечить ferro et igni, если не предпримемъ своевременнаго леченія въ благопріятную часть года. *Если бы союзъ въ настоящее время былъ только отмѣненъ*, то думаю я, что даже на основаніи этого отрицательнаго успѣха могли бы установиться болѣе благопріятныя отношенія Пруссіи къ ея сосѣдямъ, чѣмъ настоящія“.

Но подобные голоса были еще преждевременны для прусскаго правительства. Были только нѣкоторыя начала, отъ которыхъ оно рѣшилось не отступать. Оно готово было помочь Австріи даже путемъ вооруженнаго вмѣшательства; личные и письменные переговоры относительно условій этого вмѣшательства дѣятельно велись съ весны 1859 года. Но правительство не хотѣло признать такую помощь союзною обязанностью; оно не желало выставлять своего контингента, какъ часть союзныхъ войскъ, и отдаватъ его подъ начальство главнокомандующему, назначенному не имъ. Вмѣшательство Пруссіи долженствовало быть вмѣшательствомъ великой и независимой европейской державы, вполнѣ свободной въ своихъ дѣйствіяхъ.

[1]) Поговорка, смыслъ которой соотвѣтствуетъ нашему: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ».

Такое направленіе правительства было поддержано и палатой. Министерство внесло предложеніе о чрезвычайномъ кредитѣ въ 40 мил. талѐровъ на случай вооруженнаго вмѣшательства (5-го мая 1859 года). Докладчикъ коммиссіи, разсматривавшей этотъ вопросъ, Бюргерсъ, высказалъ тотъ взглядъ, что участіе Пруссіи въ итальянской войнѣ было бы гибельно для ея интересовъ, особенно въ виду положенія, принятаго Россіею и Англіею; но она обязана сказать свое слово, если война приметъ оборотъ, неблагопріятный интересамъ Германіи. Симсонъ заявилъ, что Пруссія обязана защищать цѣлость и безопасность Германіи, но что онъ и его друзья протестуютъ противъ ея участія въ итальянской войнѣ подъ предводительствомъ Австріи. Кредитъ былъ утвержденъ единогласно. Пруссія заявляла о своей готовности защищать Германію, но съ тѣмъ, чтобы германскія войска были отданы въ ея распоряженіе. Въ началѣ мая министерство начало одновременно переговоры съ германскими государствами и съ Австріею. Первымъ сообщалось о готовности Пруссіи стать на сторонѣ германскихъ интересовъ; второй внушалось, что прусское правительство готово будетъ оказать ей содѣйствіе, если она измѣнитъ свою реакціонную политику какъ въ итальянскомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ. И тамъ, и здѣсь Пруссія встрѣтила противодѣйствіе. Второстепенныя государства высказались противъ прусскаго руководства и устами главнаго органа своего, Бейста, ратовали за самостоятельность своей политики. Австрійскій кабинетъ на отрѣзъ отказался отъ какихъ бы то ни было уступокъ и выразилъ подозрѣніе относительно стремленій Пруссіи къ преобладанію.

При такихъ условіяхъ самое „вмѣшательство" Пруссіи должно было превратиться въ безплодную демонстрацію. Между тѣмъ Пруссія, по принципу, не отступила отъ попытокъ этого рода. Въ іюнѣ успѣхи франко-итальянскаго оружія приняли угрожающіе размѣры. Миланъ былъ взятъ и принялъ торжественно союзниковъ. Австрійскій кабинетъ обнаружилъ нѣкоторую уступчивость относительно своей итальянской политики. Прусское правительство издало предписаніе о мобилизаціи шести корпусовъ, заявило дворамъ петербургскому и лондонскому о необходимости посредничества и обратилось къ сейму съ предложеніемъ поставить на военную ногу весь союзный контингентъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ подъ главное начальство Пруссіи. Но эта демонстрація не имѣла успѣха, благодаря новому упорству Австріи. Англія и Россія отклонили отъ себя предложеніе. Австрія увидѣла въ требованіи главнаго начальства надъ союзными войсками новое посягательство прусскаго двора и отвѣтила рѣзкою нотой, гдѣ

доказывалось, что Пруссія обязана, въ качествѣ члена союза, гарантировать Австріи цѣлость ея итальянскихъ владѣній. Съ этого момента „посредничество" теряло всякій смыслъ. Пруссія, очевидно, не знала, что̀ ей дѣлать съ мобилизированными корпусами. Это весьма хорошо понялъ Бисмаркъ, написавшій къ одному дипломату слѣдующее письмо, отъ 1-го іюля 1859 года:

....„Наша политика до настоящаго времени была правильна (korrekt), но я съ опасеніемъ смотрю на будущее: мы вооружились слишкомъ скоро и слишкомъ сильно и тяжесть принятаго нами бремени влечетъ насъ внизъ по наклонной плоскости. Мы начнемъ наконецъ войну, чтобы занять ландверъ, потому что мы стѣсняемся просто отослать его домой. Мы будемъ тогда не только австрійскимъ резервомъ,— мы пожертвуемъ собою за Австрію, возьмемъ отъ нея войну. Съ первымъ выстрѣломъ на Рейнѣ, нѣмецкая война сдѣлается главнымъ предметомъ, такъ какъ она грозитъ Парижу. Австрія выйдетъ на волю и воспользуется ли она своею свободой, чтобъ содѣйствовать блеску нашей роли? Не будетъ ли она скорѣе стремиться къ тому, чтобъ урѣзать мѣру и направленіе нашихъ успѣховъ, согласно спеціально австрійскимъ интересамъ? Въ случаѣ же неудачи, союзныя государства отпадутъ отъ насъ, какъ увядшія сливы отъ вѣтру, и каждый, въ чьей столицѣ будетъ французскій постой, станетъ спасаться на паро̀мѣ новаго рейнскаго союза"....

Но опасенія „наклонной плоскости" не оправдались. Упрямство Австріи спасло Пруссію отъ европейской войны. Новые переговоры, начатые въ іюлѣ, не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Австрія уступила Ломбардію и поспѣшила заключить миръ, осыпая упреками своекорыстіе Пруссіи.

Вмѣшательство Пруссіи не было, конечно, мастерскимъ дипломатическимъ актомъ. Оно было построено цѣликомъ на ложныхъ основаніяхъ. Оно исходило изъ весьма проблематической солидарности австрійскихъ интересовъ въ Италіи съ интересами Германіи. Псевдо-патріотическіе крики германской печати, странное настроеніе германскихъ государствъ, поддерживаемое Австріею, заставило Пруссію взяться за исполненіе какого-то патріотическаго долга, смыслъ котораго оставался неяснъ для дѣйствительныхъ патріотовъ. Вся Германія попала въ весьма ложное положеніе. Ложь этого положенія отразилась и на Пруссіи. Но въ данномъ случаѣ нельзя не замѣтить рѣзкой черты различія между политикою новаго и прежняго правительства. Во всѣхъ переговорахъ и дѣйствіяхъ его видно

рѣшительное намѣреніе обсуждать всѣ вопросы внѣшней политики съ точки зрѣнія прусскихъ интересовъ. Правительство берется за общегерманское дѣло съ тѣмъ, чтобы за Пруссіею была сохранена полная свобода дѣйствій, чтобы ея первенство было признано всѣми другими союзными державами. Она не хочетъ знать „союзныхъ обязанностей“, которыми фактически обезпечивались только интересы ея соперницы. Это направленіе новой политики опредѣлило навсегда взаимныя отношенія Пруссіи къ союзу. Нуженъ былъ только энергическій толчекъ и сильная воля, чтобы вывести изъ этихъ данныхъ надлежащія послѣдствія.

Послѣ заключенія мира, въ пражской офиціальной газетѣ была напечатана корреспонденція изъ Вѣны, гдѣ говорилось, между прочимъ: „Послѣ протеста Пруссіи на наше предложеніе передать ей начальствованіе союзною арміею *союзнымъ* постановленіемъ, невозможно уже было обманываться относительно прусской политики. Этотъ протестъ представлялъ ясное доказательство, что Пруссія стремится къ гегемоніи въ союзѣ, слѣдовательно, къ исключенію Австріи изъ Германіи. Такъ какъ вѣроломная Ломбардія значитъ для насъ безконечно меньше, чѣмъ утвержденіе нашего положенія въ Германіи и поддержаніе союза, то мы уступили ее, чтобы добиться мира, сдѣлавшагося для насъ, вслѣдствіе поведенія Пруссіи, настоятельною необходимостію“.

II.

Послѣдствія итальянской войны для Германіи. — Общественное движеніе. — «Народный союзъ».—Мысли о преобразованіи таможеннаго союза. — Съѣздъ юристовъ. — Проекты союзной реформы исходятъ отъ второстепенныхъ государствъ.—Причины и значеніе этого движенія. — Положеніе Пруссіи относительно этихъ событій. — Нѣкоторые рѣшительные шаги въ области союзныхъ дѣлъ.—Уклончивость относительно плановъ общаго преобразованія союза. — Внутренняя политика прусскаго правительства. — Планы воинской реформы и причины, ее вызвавшія. — Содержаніе проекта. — Ландтагъ отвергаетъ проектъ.—Компромиссъ.—Новые успѣхи оппозиціи. - Принцъ-регентъ дѣлается королемъ; новыя надежды и требованія.—Ландтагъ 1861 года.—Новый и послѣдній компромиссъ.—«Партія прогресса» и ея программа.—Протестъ феодальной партіи.—Заявленіе короля во время праздниковъ коронаціи. — Ландтагъ 1862 года.—Вопросъ о воинской реформѣ переходитъ въ бюджетный вопросъ.—Начало разрыва между палатой и правительствомъ.—Распущеніе палаты и новое министерство.—Новая палата дѣйствуетъ въ прежнемъ духѣ.—Бисмаркъ назначенъ первымъ министромъ. — Разборъ постановленій прусской конституціи относительно бюджета и отвѣтственности министровъ.

Итальянская война оставила народы и правительства Германіи въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Не военные успѣхи франко-итальян-

скаго оружія ослѣпили ихъ. Результаты этихъ успѣховъ были не особенно велики. Уступка Ломбардіи и двусмысленный Виллафранкскій миръ, за которымъ виднѣлся безсильный „итальянскій союзъ", съ явнымъ преобладаніемъ Австріи, — вотъ все, что пожаловалъ Италіи ея великодушный союзникъ. Такіе успѣхи заставили графа Кавура подать въ отставку. Если чрезъ нѣсколько времени онъ снова сталъ во главѣ управленія, то это объясняется тѣмъ, что итальянское движеніе не было пріостановлено мирнымъ договоромъ и неудержимо шло впередъ. Бывшія королевства, герцогства и княжества присоединялись къ Пьемонту. Успѣхъ этихъ патріотическихъ союзовъ, этой società nationale, не остался безъ вліянія на Германію. Вскорѣ послѣ окончанія итальянской войны, члены разныхъ оттѣнковъ либеральной ея партіи образовали такъ называемый народный союзъ, National-Verein. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ собраній въ разныхъ мѣстахъ, союзъ окончательно организовался на съѣздѣ во Франкфуртѣ, 16-го сентября 1859 года. Программа его, очевидно, находилась въ связи съ идеями 1848 года. Образованіе сильной союзной власти, общегерманскаго представительства, основаннаго на прямой и всеобщей подачѣ голосовъ, были главными его требованіями. Средствами для достиженія этой цѣли союзъ полагалъ устную и печатную пропаганду общегерманской идеи для воздѣйствія на правительственныя и общественныя сферы. Кромѣ постоянныхъ съѣздовъ и сходокъ, предположено было издавать постоянный органъ союза. Такими органами явились Wochenschrift и Flugblätter. Для веденія текущихъ дѣлъ избранъ особый комитетъ, предсѣдателемъ котораго, до 1867 года, былъ Рудольфъ ф. Бенингсенъ [1]). Въ цвѣтущее время союзъ насчитывалъ до 20,000 членовъ.

Вліяніе этого союза на популяризацію идеи германскаго единства несомнѣнно. Каждое подобное общество важно въ томъ отношеніи, что собираетъ и организуетъ единомыслящія силы, возбуждаетъ въ остальной массѣ если не опредѣленныя представленія, то извѣстные инстинкты, которые могутъ быть утилизированы въ благопріятное время. Но несомнѣнно также, что союзъ, имѣвшій вліяніе на развитіе извѣстныхъ общихъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ, стремленій, былъ слабъ именно тамъ, гдѣ сильны были итальянскіе союзы — на

[1]) Глава оппозиціонной партіи въ Ганноверѣ. Род. въ 1824 году. Съ 1868 года второй вице-президентъ союзнаго сейма.

почвѣ практики. Союзъ выставлялъ требованіе сильной центральной власти. Но кому должна принадлежать эта власть? Патріоты 1859 года ушли, конечно, дальше политиковъ 1848 года, полагавшихъ, что такая власть можетъ быть „создана“ творческимъ актомъ народной воли, и что сознаніе патріотическаго долга побудитъ всѣ правительства подчиниться этому центральному установленію. Большинство членовъ союза сознавало необходимость возложить всѣ надежды на Пруссію, какъ на дѣйствительную силу, способную къ борьбѣ и дѣйствію. Но одна часть союза боялась оскорбить своихъ южногерманскихъ сочленовъ, не хотѣвшихъ слышать о главенствѣ Пруссіи. Поэтому вопросъ о реальномъ центрѣ единенія остался открытымъ. Затѣмъ программа союза, даже въ общей и неопредѣленной ея формѣ, вызвала протестъ со стороны партикуляристовъ, стоявшихъ за неприкосновенность федеративнаго начала. Они возлагали свою надежду единственно на Австрію. Выраженіемъ этихъ стремленій явился другой союзъ, извѣстный подъ именемъ Reformverein'а. Онъ образовался въ моментъ сильной союзной агитаціи, именно 28-го октября 1862 года.

Кромѣ этихъ союзовъ, общественное движеніе проявлялось въ другихъ формахъ. Вопервыхъ, въ сферѣ экономической. Какъ ни благодѣтельно было учрежденіе таможеннаго союза, но форма его управленія, организованная по образцу германскаго сейма, не удовлетворяла уже общественнымъ потребностямъ. Торговые классы и ассоціаціи стали громко заявлять о необходимости народнаго представительства при таможенно-союзномъ управленіи, т. е., таможеннаго парламента (1861 года). Торговый съѣздъ представилъ объ этомъ всѣмъ германскимъ правительствамъ. Почти одновременно состоялся съѣздъ юристовъ въ Дрезденѣ, заявившій о необходимости общегерманскаго законодательства по гражданскому, торговому праву и процессу. Развитію національной идеи содѣйствовали гимнастическія общества, общества стрѣлковъ и т. д.

Въ правительственныхъ сферахъ эти симптомы общественнаго движенія произвели неблагопріятное впечатлѣніе. Нѣкоторыя заявленія оставлялись безъ вниманія, другія вызвали репрессивныя мѣры. Особеннымъ преслѣдованіямъ подвергся народный союзъ. Правительства возбудили преслѣдованія противъ отдѣльныхъ его членовъ и настояли на запрещеніи собираться его съѣздамъ и засѣдать его комитету во Франкфуртѣ. Только герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій далъ

ему пріютъ, и Кобургъ надолго сдѣлался центромъ національной агитаціи [1]).

Но преслѣдуя революціонныя стремленія, подъ именемъ которыхъ разумѣлись стремленія національныя, правительства не могли уже успокоиться на простыхъ запретительныхъ мѣрахъ, какъ дѣлали это правительства временъ священнаго союза. Силою вещей они теперь должны были выступить на путь преобразованій. По крайней мѣрѣ нужно было сдѣлать видъ, что преобразованіе союза, приноровленное къ требованіямъ времени, готовится. Австрія и второстепенныя государства нуждались, если не въ дѣйствительной реформѣ союза, то въ *проектѣ* такой реформы. Австріи это было необходимо для того, чтобы спасти свое убывающее вліяніе въ Германіи; второстепеннымъ государствамъ для того, чтобы спасти принципъ федерализма нѣкоторыми уступками унитарному движенію. Къ этому присоединялось стремленіе второстепенныхъ государствъ занять независимое положеніе относительно двухъ великихъ державъ, взять въ свои руки политику Германіи. Эта идея нашла себѣ энергическаго представителя въ лицѣ саксонскаго министра Бейста. Онъ издавна радѣлъ объ эманципаціи второстепенныхъ государствъ и въ союзѣ ихъ видѣлъ оплотъ противъ гегемоніи двухъ державъ. Никогда еще министерство иностранныхъ дѣлъ маленькаго саксонскаго королевства не разражалось такими энергическими, вызывающими нотами, какъ во время управленія г. Бейста. Ему удалось устроить соглашеніе трехъ правительствъ: саксонскаго, баварскаго и гессенъ-дармштадтскаго.

Бейстъ, ф. д. Пфордтенъ и Дальвигъ дѣятельно агитировали въ пользу союзной реформы, иниціатива которой принадлежала бы второстепеннымъ государствамъ. Дѣйствительно, начиная съ 1859 года, не прекращались слухи о проектахъ союзной реформы. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежалъ Саксоніи и былъ предложенъ сейму 15-го октября 1861 года. Какъ проектъ, такъ и объяснительная къ нему записка были направлены къ сохраненію мѣстной автономіи. Объяснительная записка доказывала полную невозможность „союзнаго государства“ съ сильною и единою центральною властью. Не удов-

[1]) Эрнстъ IV, нынѣ царствующій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, род. въ 1818 г., вступ. на прест. въ 1844 г. Отличался всегда либеральными и національными стремленіями. Извѣстенъ, кромѣ того, какъ музыкантъ и покровитель наукъ.

летворивъ никого, проектъ былъ отвергнутъ, подобно многимъ другимъ.

Положенie Пруссiи во время этого всеобщаго движенiя было своеобразно. По внѣшности оно напоминало изолированное положенiе Австрiи въ 1848—1849 гг. Всѣ ждали отъ нея рѣшительнаго слова, котораго она не давала и не хотѣла дать; всѣ сознавали, что союзная реформа не мыслима безъ ея согласiя, но она постоянно уклонялась отъ разсмотрѣнiя проектовъ или отвергала ихъ. Но сходство было только наружное. Изолированность Австрiи въ 1848 г. зависѣла отъ неудовлетворительности ея внутренняго состоянiя, отъ явнаго противорѣчiя ея правительственной системы съ идеями, усвоенными германскимъ обществомъ. Пруссiя, по строю своей правительственной системы, по своему государственному хозяйству и экономической политикѣ, опередила не одну европейскую державу. Ее не испугалъ бы теперь самый либеральный проектъ союзной реформы. Ея уклончивость и обособленiе въ данную минуту зависѣли отъ другихъ причинъ. Сознанiе своихъ практическихъ интересовъ препятствовало ей принести себя въ жертву идеальной единой Германiи съ идеальною союзною властью. Съ другой стороны, всѣ проекты, предлагавшiеся союзными государствами, исходили изъ началъ, не ладившихъ съ идеями, усвоенными Пруссiею въ 1848 году. Первые были построены на федеративныхъ началахъ; послѣднiе клонились къ дѣйствительному объединенiю. Это ясно видно изъ возраженiй, сдѣланныхъ въ свое время Пруссiею на разные проекты. Еще въ концѣ 1859 г., когда съѣздъ уполномоченныхъ отъ второстепенныхъ державъ въ Вюрцбургѣ возвѣстилъ о предстоящей реформѣ союза, Пруссiя отвергла его предложенiя, за исключечiемъ одного—преобразованiя союзнаго войска. Событiя 1859 года ясно показали безсилiе и полную „номинальность“ этого учрежденiя. Пруссiя настаивала на необходимости коренной его реформы, главнымъ образомъ, на сосредоточенiи коммандованiя войскомъ въ рукахъ двухъ первенствующихъ державъ. Но предъ этимъ предложенiемъ отступили всѣ горячiе сторонники союзной реформы. Затѣмъ, при обсужденiи знаменитаго саксонскаго проекта 1861 года, прусское правительство, опровергая его, высказало идеи, сходныя съ началами, положенными въ основанiе извѣстной намъ унiи 1850 года. По мнѣнiю прусскаго кабинета, единственнымъ выходомъ изъ союзныхъ затрудненiй представлялось образованiе „тѣснѣйшаго союза“ въ общемъ союзѣ, путемъ свободнаго соглашенiя отдѣльныхъ государствъ.

Эта мысль, конечно, привела въ большое волненіе и негодованіе второстепенныя государства.

Заявляя подобныя воззрѣнія, Пруссія должна была или явно вступить въ борьбу съ своими сочленами по союзу, или держаться въ сторонѣ. Явный разрывъ съ союзомъ, а тѣмъ болѣе планы насильственнаго объединенія, были далеки отъ мыслей Вильгельма I. Богобоязненный и державшійся строгой законности король былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ правамъ другихъ государей.

Но въ теченіе короткаго промежутка времени отъ конца итальянской войны до министерства графа Бисмарка, прусское правительство успѣло обнаружить свою стойкость по двумъ важнымъ вопросамъ германской политики. Вопервыхъ, оно настояло въ сеймѣ на необходимости принудить курфирста гессенскаго возвратить своимъ подданнымъ отнятую у нихъ конституцію 1831 г., съ измѣненіями 1849 г. Союзное постановленіе было поддержано вооруженнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи. Вовторыхъ, прусскій кабинетъ умѣлъ провести въ таможенномъ союзѣ торговый трактатъ съ Франціею, не смотря на сопротивленіе Австріи, одно время поддержанной второстепенными государствами. Вообще же Пруссія, при всякомъ удобномъ случаѣ, старалась заявлять о своемъ миролюбіи. Изолированное и таинственное ея положеніе невольно подавало поводъ къ самымъ тревожнымъ предположеніямъ на ея счетъ. Говорили о какихъ-то воинственныхъ ея замыслахъ, грозящихъ независимости среднихъ государствъ. Дѣло дошло до того, что ганноверскій министръ, графъ *Боррисъ*, торжественно заявилъ въ палатѣ, что второстепеннымъ государствамъ придется спасать свою независимость въ союзѣ съ иностранными государствами (конечно съ Франціею). Это заявленіе въ свое время произвело большой скандалъ и сильно компрометировало партикуляристовъ [1]). Говорили также о прусско-франко-русскомъ союзѣ, имѣвшемъ будто бы цѣлію обезпечить главенство Пруссіи въ Германіи.

Вильгельмъ I пошелъ на встрѣчу этимъ подозрѣніямъ. Въ Баденѣ было устроено свиданіе французскаго императора и принца-регента, сопровождавшееся съѣздомъ германскихъ государей. Результаты съѣзда были успокоительнаго характера. Не менѣе успокоительное впечатлѣніе произвело свиданіе Вильгельма I съ императоромъ австрійскимъ

[1]) Графъ Фридрихъ Боррисъ (Borries), въ настоящее время членъ прусской палаты господъ, род. въ 1802 году.

въ Теплицѣ, гдѣ, какъ говорятъ, принцъ-регентъ обѣщалъ Францу-Іосифу обезпеченіе его венеціанской области.

Но главный интересъ не только прусской, но и германской исторіи сосредоточивался на внутреннихъ событіяхъ въ Пруссіи. Здѣсь начиналась борьба, къ разрѣшенію которой призванъ былъ человѣкъ, полный непреклонной энергіи.

Съ самаго своего вступленія въ управленіе, принцъ-регентъ заявилъ о необходимости преобразовать войско, какъ основу прусскаго могущества, какъ условіе, при которомъ возможно внѣшнее вліяніе и самостоятельная политика. Событія 1859 года еще болѣе утвердили его въ этомъ убѣжденіи. Въ концѣ означеннаго года, министерство внесло на обсужденіе палатъ проектъ воинской реформы, выработанный новымъ военнымъ министромъ *Ф. Рòономъ* [1]). Для ясности послѣдующаго разказа необходимо изложить сущность плановъ правительства.

Военная организація Пруссіи, созданная закономъ 1814 г., была разчитана на оборонительную, а не наступательную войну. Всеобщая воинская повинность предполагала сокращеніе срока дѣйствительной службы и, пропорціонально, незначительный объемъ дѣйствующей арміи. Главное достоинство системы 1814 г. заключалось въ томъ, что правительство могло, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, располагать массой лицъ, прошедшихъ уже воинскую школу въ дѣйствующей арміи и находящихся внѣ службы, именно могло разчитывать на *ландверъ*. Но призваніе ландвера предполагало крайнюю осмотрительность со стороны правительства. Ландверъ состоялъ изъ людей, уже посвятившихъ себя какому-нибудь занятію, семейныхъ, связанныхъ извѣстными отношеніями и обязанностями. Призваніе ландвера было сопряжено съ разстройствомъ и ущербомъ многихъ интересовъ,—это обстоятельство связывало руки правительству въ случаѣ продолжительной и отдаленной войны.

Правительство принца-регента имѣло въ виду именно увеличеніе дѣйствующей арміи чрезъ увеличеніе срока службы и самаго числа армейскихъ полковъ. По плану г. Роона, число лѣтъ обязательной службы предполагалось увеличить съ 7 на 8, а время нахожденія на дѣйствительной службѣ съ 2 на 3 года. Затѣмъ, численность арміи пред-

[1]) Графъ Альбрехтъ Роонъ (Roon), род. въ 1803 г., военный министръ Пруссіи (временно, въ 1873 г., былъ министромъ—президентомъ), извѣстенъ и какъ писатель по военнымъ наукамъ, особенно по части военной статистики.

полагалось увеличить слѣдующимъ образомъ. Число пѣхотныхъ баталіоновъ должно было возрасти съ 135 до 253, а общее количество кавалерійскихъ полковъ увеличиться 18 новыми. Конечно, эта реформа требовала и увеличенія денежныхъ средствъ.

Проектъ закона, представленный въ такомъ видѣ ландтагу, произвелъ въ нижней палатѣ неудовольствіе. Для уразумѣнія его причинъ должно принять въ разчетъ много условій. Вопервыхъ, нельзя не вспомнить, что перемѣна царствованія въ Пруссіи возбудила сильныя надежды либеральной и національной партіи. Многія реформы стояли на очереди. Всѣ желали лучшаго устройства общиннаго и окружнаго управленія (Kreisordnung), расширенія правъ народнаго представительства, болѣе дѣятельнаго участія Пруссіи въ дѣлѣ союзной реформы. Между тѣмъ первая реформа, предложенная правительствомъ, направлена была къ увеличенію военныхъ силъ, которыми оно могло бы располагать свободно. Для чего, спрашивала оппозиція, нужны эти силы правительству? Оно не обнаруживаетъ стремленій стать во главѣ общаго отечества; стало-быть, армія нужна ему не для тѣхъ цѣлей, какія дѣйствительно способны вызвать самопожертвованіе. Затѣмъ реформа несомнѣнно увеличитъ тяжесть бюджета, и притомъ круглою цифрою 10 мил. талеровъ, до 5 мил. единовременно.

На первый разъ, впрочемъ, столкновеніе между правительствомъ и палатой высказалось не особенно рѣзко. Палата была наполнена либералами старой школы; они же занимали главныя мѣста въ министерствѣ „новой эры.“ Палата рѣшилась на компромиссъ: отвергнувъ, почти единогласно, проектъ новаго закона, она вотировала однако „довѣріе“ къ министерству, а вмѣстѣ съ довѣріемъ — чрезвычайный кредитъ на военныя издержки. Послѣдствія этого компромисса не замедлили обнаружиться. Правительство воспользовалось чрезвычайнымъ кредитомъ для сформированія новыхъ баталіоновъ и полковъ; они стали совершившимся фактомъ, устранить который было уже не легко. По крайней мѣрѣ г. Бисмаркъ впослѣдствіи ссылался на этотъ фактъ, какъ на серьезный аргументъ противъ палаты [1]).

Оппозиція росла съ каждымъ днемъ. Возможности компромиссовъ предвидѣлся скорый конецъ, потому что составъ палаты, до сихъ поръ слагавшейся изъ членовъ умѣренно-либеральной партіи, готовъ

[1]) Ср. Die Reden des Grafen von Bismarck-Schönhausen, I, стр. 20—21 втораго изданія.

былъ видоизмѣниться при новыхъ выборахъ. Даже требованія умѣренно-либеральной партіи возрасли со смертью Фридриха-Вильгельма IV (2-го января 1861 г.), Но Вильгельмъ I ни въ манифестѣ своемъ, ни въ тронной рѣчи, которою открыта была сессія палатъ (14 января 1861 г), не высказалъ обѣщаній ни относительно внутреннихъ, ни внѣшнихъ реформъ. Только проектъ воинской реформы по прежнему поставленъ былъ на очередь. Палата депутатовъ, въ адресѣ своемъ, заявила о неудовлетворительномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее тронною рѣчью. Уклончивый отвѣтъ правительства раздражилъ палату. Взаимныя отношенія ихъ сдѣлались таковы, что проектъ воинской реформы, вновь предложенный на обсужденіе ландтага, не могъ надѣяться на успѣхъ. Онъ былъ отвергнутъ. Правительство добилось только прошлогодняго результата: именно, палата утвердила и на 1861 г. добавочный кредитъ въ 7 съ небольшимъ милліоновъ талеровъ на увеличеніе арміи [1]).

Подъ вліяніемъ возраставшаго недовольства, въ Пруссіи образовалась новая партія, готовившаяся занять мѣсто старой либеральной. Она усвоила себѣ названіе партіи прогресса, Fortschrittspartei. Значеніе ея въ данную минуту было особенно важно по той причинѣ, что въ странѣ начиналась всеобщая агитація по поводу новыхъ выборовъ.

Въ іюнѣ избирательный комитетъ этой партіи издалъ воззваніе къ избирателямъ, въ которомъ заключалась ея программа. Существенныя ея черты состояли въ слѣдующемъ: во внѣшней политикѣ признавалось необходимымъ стремиться къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи и къ образованію общегерманскаго народнаго представительства. Во внутренней политикѣ предполагалось необходимымъ достигнуть бо̀льшаго развитія общественной свободы и правъ народнаго представительства посредствомъ закона объ отвѣтственности министровъ, преобразованія палаты господъ, органовъ мѣстнаго управленія, утвержденія равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій, отдѣленія церкви отъ государства и введенія обязательнаго гражданскаго брака.

Конечно, такая программа должна была возбудить неудовольствіе и даже страхъ въ партіяхъ противуположнаго характера. Предводители юнкерской партіи издали другой манифестъ, въ которомъ осуж-

[1]) Правительство требовало 8.151,000 тал. Палаты утвердили это требованіе, убавивъ его на 750,000 тал.

дались всѣ начала партіи прогресса. Единство Германіи должно быть достигнуто не „огнемъ и мечомъ“, подобно итальянскому единству, а свободнымъ соглашеніемъ государей и народовъ. Во внутренней политикѣ слѣдуетъ строго держаться началъ, выработанныхъ преданіемъ. Права короны должны быть сохраняемы: а съ ними не согласна отвѣтственность министровъ предъ палатами. Школа должна быть основана на началахъ христіанской религіи, безъ всякаго разрыва между государствами и церковью.

Король, съ своей стороны, воспользовался случаемъ заявить свои взгляды на отношенія короны къ палатамъ. Въ октябрѣ 1861 года было назначено торжество коронаціи въ Кёнигсбергѣ. Принимая депутацію палатъ, онъ сдѣлалъ заявленіе, во многихъ отношеніяхъ тождественное съ программою консервативной партіи [1].

Всѣ элементы политической жизни стояли теперь въ явномъ и и едва ли примиримомъ противорѣчіи между собою. Столкновеніе не замедлило обнаружиться. 14-го января 1862 года палаты были созваны. Большинство палаты депутатовъ состояло изъ членовъ партіи прогресса, рѣшившейся энергически поддерживать свои идеи. Тронная рѣчь произвела неудовлетворительное впечатлѣніе, особенно та ея часть, гдѣ говорилось объ отношеніи прусскаго правительства къ союзной реформѣ. Палата представила министерству заявленіе о необходимости болѣе энергической политики въ союзныхъ дѣлахъ; отвѣтъ правительства имѣлъ цѣлію отклонить заявленныя требованія.

Теперь вопросъ о воинской реформѣ и даже о цѣломъ бюджетѣ принялъ другой оборотъ. Что проектъ воинской реформы не пройдетъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Но правительство желало, по крайней мѣрѣ, спасти „фактъ“, созданный уже предшествующею палатой, то-есть, фактическое увеличеніе арміи посредствомъ чрезвычайнаго кредита, дважды утвержденнаго. Поэтому означенныя сверхсмѣтныя издержки были просто внесены въ годовую роспись на 1862 годъ, а самый проектъ воинской реформы былъ переданъ первоначально на обсужденіе палаты господъ, гдѣ правительство надѣялось имѣть полный успѣхъ. Такимъ образомъ, споръ о законѣ военномъ перешелъ и разросся въ бюджетный вопросъ, вслѣдствіе чего были затронуты самые основные конституціонные вопросы.

Палатѣ трудно было устранить проектъ государственной росписи. Она обсуждала и утверждала роспись не спеціально,по статьямъ, а

[1]) Ср. Клюпфель, наз. соч. I, 231—238.

потому не имѣла возможности вывести наружу прибавку, назначенную на содержаніе арміи. Она рѣшилась постановить, что на будущее время роспись должна быть обсуждаема по статьямъ, прибавивъ, что это правило должно дѣйствовать съ будущаго года. Но депутатъ *Гагенъ* предложилъ прибавку, составленную въ томъ смыслѣ, что постановленіе палаты должно быть примѣнено и къ разсмотрѣнію росписи на 1862 годъ. Не смотря на возраженіе министерства, предложеніе это было принято, а затѣмъ имѣлось въ виду исключеніе чрезвычайнаго кредита на военное вѣдомство. Министерство подало въ отставку (8-го марта), и тотчасъ же (11-го марта) палата депутатовъ была распущена.

Король принялъ отставку министровъ. Въ числѣ ихъ было много членовъ либеральной партіи, которые, какъ онъ полагалъ, не способны къ борьбѣ, въ неизбѣжности которой никто не сомнѣвался. Новое министерство было составлено 18-го марта. Уже въ это время говорили о предстоящемъ назначеніи министромъ-президентомъ г. Бисмарка, который въ это время былъ посломъ въ Петербургѣ. Но пока (не надолго) назначеніе это было отложено и Бисмаркъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Въ составъ новаго министерства вошли нѣкоторые члены прежняго, удовлетворявшіе условіямъ предстоящей борьбы: таковы военный министръ Роонъ и министръ финансовъ Гейдтъ. Министромъ юстиціи былъ назначенъ графъ Липпе, внутреннихъ дѣлъ — Яговъ, земледѣлія — Ицентлицъ, народнаго просвѣщенія — Мюллеръ, первымъ министромъ — бывшій предсѣдатель палаты господъ князь Гогенлоэ-Ингельфингенъ.

Новые выборы не создали, однако, болѣе уступчивую палату, не смотря на то, что правительство упрекали въ прямомъ и косвенномъ вліяніи на выборы. Она состояла почти исключительно изъ оппозиціонныхъ органовъ. Всѣ правительственныя предложенія, касавшіяся увеличенія средствъ на содержаніе арміи и учрежденіе флота, были отвергнуты (23-го сентября). Распущеніе палаты представлялось теперь неудобнымъ. Правительству представлялся тревожный въ конституціонномъ государствѣ вопросъ: „что будетъ, если палата не утвердитъ бюджета?“ Министерство, наскоро сложившееся 18-го марта, съ ужасомъ отступило предъ этою дѣйствительно мудреною загадкой. Но король обратился къ человѣку, который быстро и по своему отвѣтилъ на это „что́ будетъ?“ 24-го сентября г. Бисмаркъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ.

Разсмотримъ здѣсь кстати сущность бюджетнаго вопроса, согласно началамъ *прусской* конституціи.

Исключительное право разсмотрѣнія и утвержденія бюджета издавна составляетъ силу палаты общинъ въ Англіи. Благодаря этому условію, дѣйствительная власть управленія принадлежитъ коммонерамъ. Министерство можетъ существовать только подъ тѣмъ условіемъ, если оно располагаетъ большинствомъ въ нижней палатѣ. Хотя корона de jure имѣетъ право избирать своихъ совѣтниковъ совершенно свободно, de facto кабинетъ составляется изъ членовъ даннаго „большинства". Оно—дѣйствительный повелитель страны, отъ одобренія или неодобренія котораго зависитъ сила каждой правительственной мѣры и даже существованіе министерства Зависимость послѣдняго отъ своего дѣйствительнаго владыки увеличивается точными и строгими законами объ отвѣтственности. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ изъ Англіи страну не только представительнаго, но парламентарнаго управленія, то-есть, отдаетъ правительственную власть въ руки большинства палатъ [1]).

Понятно само собою, что устройство и прерогативы англійской палаты общинъ служатъ идеаломъ для каждой „нижней палаты", думающей обезпечить свое политическое значеніе. Въ борьбѣ, начинавшейся теперь въ Пруссіи, типъ англійскаго парламентаризма имѣлъ огромное вліяніе на умы. Одни къ нему стремились, другіе стра-

[1]) Конечно, здѣсь мы говоримъ о фактическихъ, лучше сказать, обычныхъ отношеніяхъ, установившихся между палатами. По закону, палата лордовъ имѣетъ право по крайней мѣрѣ *отвергать* финансовые законы, принятые нижнею палатою (иниціатива этихъ законовъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ нижней палатѣ). Палата лордовъ еще въ 1860 году воспользовалась своимъ правомъ и отвергла билль объ отмѣнѣ пошлины съ бумаги. Нижняя палата, привыкшая съ давнихъ поръ къ другимъ обычаямъ, назначила коммиссію для изслѣдованія вопроса. Она нашла въ парламентскихъ архивахъ много старыхъ прецедентовъ, говорившихъ въ пользу палаты лордовъ, но другія преданія и прецеденты говорили противъ, и нижняя палата, по предложенію Пальмерстона, приняла слѣдующія резолюціи: 1) что право ассигновать деньги для короны принадлежитъ *исключительно* коммонерамъ; 2) что хотя лорды иногда отвергали различные билли, но нижняя палата постоянно смотрѣла на это, какъ на посягательство на право коммонеровъ ассигновать суммы и заботиться о средствахъ и способахъ (ways and means) удовлетворенія государственныхъ потребностей; 3) что эта палата сама имѣетъ власть улучшать и составлять законы о налогахъ и освобождать отъ податей, и что право коммонеровъ самостоятельно утверждать все, что̀ касается свойствъ, размѣра и настоятельности налоговъ, — должно оставаться неприкосновеннымъ.

шились. Но и тѣ, и другіе должны были видѣть, что духъ и буква прусской конституціи, преимущественно же ея постановленія относительно бюджета, имѣютъ мало общаго съ началами англійскаго права.

Порядокъ разсмотрѣнія государственной росписи опредѣляется 99-ю ст., редактированною слѣдующимъ образомъ: „всѣ государственные доходы и расходы должны быть опредѣлены заранѣе на каждый годъ и внесены въ государственную роспись. Послѣдняя ежегодно утверждается *закономъ*". Слѣдовательно, 99-я ст. предписываетъ разсмотрѣніе росписи законодательнымъ порядкомъ. Порядокъ этотъ указываетъ 62-я ст., гдѣ говорится: „законодательная власть отправляется совмѣстно королемъ и двумя палатами Соглашеніе короля и двухъ палатъ необходимо для каждаго закона. Финансовые проекты и государственныя росписи предлагаются первоначально второй палатѣ; послѣднія (то-есть, государственныя росписи) принимаются или отвергаются первою палатою въ цѣломъ своемъ составѣ (im Ganzen)".

Изъ этого видно, что 62-я ст. дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія въ порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ законовъ и государственныхъ росписей, но исключенія эти нисколько не увеличиваютъ *власти* нижней палаты. Что даетъ ей 62-я ст.? Проекты общихъ законовъ могутъ быть предлагаемы на *первоначальное* обсужденіе какъ верхней, такъ и нижней палатъ безразлично; государственныя росписи должны быть предлагаемы первоначально непремѣнно нижней палатѣ. Ей принадлежитъ подробное ихъ разсмотрѣніе. Палата господъ можетъ принять или отвергнуть роспись только въ цѣломъ ея составѣ, не позволяя себѣ никакихъ поправокъ и измѣненій въ частностяхъ. Но затѣмъ общій принципъ законодательнаго порядка остается неизмѣненъ. Для утвержденія государственной росписи, какъ и всякаго закона, необходимо соглашеніе трехъ элементовъ законодательной власти—короля и двухъ палатъ.

Но какія средства даетъ конституція для разрѣшенія того случая, когда такого „соглашенія" не послѣдуетъ? Какой изъ элементовъ законодательной власти долженъ уступить? Вопросъ этотъ кажется нѣсколько банальнымъ. Можно смѣло сказать, что на него не отвѣтитъ *ни одна* изъ европейскихъ конституцій, не исключая и англійской. И въ Англіи бюджетъ разсматривается и утверждается *одною* нижнею палатою только фактически. Юридически (оставляя даже въ сторонѣ безсильную палату лордовъ) финансовые билли, по разсмотрѣніи ихъ въ палатѣ, утверждаются королевою. Когда спикеръ нижней палаты подаетъ королевѣ финансовый билль, клеркъ возглашаетъ отъ ея имени:

„la reine remercie ses loyals subjects, accepte leur benevolence, *et aussi* le veult“. Стало быть, и здѣсь предполагается „соглашеніе“, а потому и возможность несоглашенія. Что же послѣдуетъ изъ несоглашенія, то-есть, изъ того обстоятельства, что правительство останется безъ бюджета, слѣдовательно, безъ законной возможности собирать доходы и расходовать ихъ на государственныя потребности? Для каждаго не предубѣжденнаго (и даже предубѣжденнаго) ума ясно, что въ данномъ случаѣ всѣ юридическія и конституціонныя соображенія умолкаютъ. Они не разрѣшаютъ и не могутъ разрѣшить ничего. Когда между элементами государственной власти не состоялось „соглашеніе“ по такому предмету, отъ котораго зависятъ всѣ годовыя средства *существованія* государственной машины, ясно, что эти элементы стоятъ между собою въ непримиримомъ противорѣчіи, что между ними начинается серьезная борьба. Въ такой моментъ ищутъ средствъ не для „разрѣшенія“ вопроса, а средствъ для борьбы съ противникомъ. Въ такой моментъ считаютъ не права, а количество оружія и отъ него зависитъ весь исходъ столкновенія. Въ Англіи шансы для такой борьбы оказались бы противъ правительства. За нижнюю палату (если общественное мнѣніе на ея сторонѣ) оказались бы: 1) установившійся съ давнихъ временъ принципъ, что каждая подать можетъ быть взимаема только въ силу парламентскаго акта, а этотъ принципъ привелъ бы къ тому, что правительство, не имѣющее росписи, осталось бы безъ доходовъ; 2) отсутствіе въ Англіи постоянной и не зависящей отъ парламента арміи, такъ какъ существованіе имѣющихся въ Англіи войскъ зависитъ отъ ежегодно утверждаемаго парламентскаго акта; 3) общіе конституціонные обычаи, сдѣлавшіеся второю природой англійскаго общества. На сторонѣ правительства было бы одно средство: распущеніе несговорчивой палаты, съ цѣлью наполнить новую (если общественное мнѣніе настроено въ пользу правительства) депутатами, болѣе согласными съ видами министерства.

Въ прусской конституціи шансы расположены иначе. Пересмотримъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Во-первыхъ, предъ нами 100-я ст. конституціи: „налоги и подати могутъ быть взимаемы въ государственное казначейство лишь тогда, когда они внесены въ государственную роспись, или установлены особыми законами“. Повидимому, эта статья говоритъ въ пользу того, что „безбюджетное“ правительство должно остаться безъ доходовъ. Но она имѣла бы этотъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы ея редакція заканчивалась словами: „въ государственную роспись“. Но 100-я ст. говоритъ о правѣ взимать

подати еще на основаніи нѣкоторыхъ „особыхъ законовъ". Смыслъ этихъ словъ раскрывается изъ 109-й ст., гдѣ говорится: „*существующіе налоги и подати будутъ взиматься* (werden forterhoben) и всѣ постановленія существующихъ сборниковъ законовъ, отдѣльныхъ законовъ и распоряженій, не противорѣчащія настоящей конституціи, остаются въ силѣ, пока они не будутъ видоизмѣнены закономъ". Вотъ одинъ изъ прямыхъ отвѣтовъ на вопросъ „что́ будетъ", если по государственной росписи не состоится соглашенія. Налоги все-таки *будутъ взиматься* [1]).

Правительство не останется безъ денегъ; но будетъ ли оно имѣть право *расходовать* ихъ? Конституція отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; уполномочивая взиманіе податей, она нигдѣ не разрѣшаетъ расходованіе ихъ, безъ утвержденной росписи [2]). Но какія же средства даетъ прусская конституція воспрепятствовать министерству расходовать собираемые налоги?

Съ юридической стороны этотъ вопросъ разрѣшался постановленіями объ *отвѣтственности* министровъ. Мы должны оговориться. Здѣсь рѣчь идетъ не о той широкой отвѣтственности предъ палатами, какая установилась въ Англіи, — отвѣтственности не только юридической, въ силу которой становятся неприкосновенны конституція и законы страны, но и политической, обезпечивающей согласіе министерства съ направленіемъ палатъ. Въ Англіи министръ отвѣтствуетъ не только въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ преданъ суду за нарушеніе закона и злоупотребленіе власти, но и въ томъ, что онъ, вслѣдствіе не ловкой политической мѣры, лишится довѣрія палатъ, останется безъ большинства и долженъ будетъ подать въ отставку. Другими словами, въ Англіи министерства не только *предаются суду* (случай рѣдкій, издавна не слыханный), но *падаютъ*, вслѣдствіе пораженія въ палатѣ.

Въ Пруссіи не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности послѣдняго рода. Конституція сосредоточиваетъ всю исполнительную власть въ рукахъ короля (ст. 45-я). Онъ назначаетъ и увольняетъ министровъ, по своему усмотрѣнію, не только de jure, но и de facto. Общія и частныя измѣненія въ министерствѣ совершаются независимо отъ соображенія съ настроеніемъ большинства палатъ. Графъ

[1]) Этого права «взиманія», на основаніи 109-й ст., не отрицаетъ и лучшій знатокъ прусскаго государственнаго права—Рённе. I, § 65.

[2]) Ср. Рённе, тамъ же.

Бисмаркъ справедливо говорилъ нижней палатѣ: „мы не *ваши* министры; мы министры его величества короля“. Поэтому прусскіе министры и не связаны солидарностью взглядовъ и отвѣтственности, какъ въ Англіи. Министерство можетъ быть составлено изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Каждый занимаетъ свой постъ, пока пользуется личнымъ довѣріемъ короля.

Но и юридическая отвѣтственность поставлена здѣсь въ весьма неопредѣленныя условія. Вотъ относящіяся сюда постановленія: 44-я ст. говоритъ, что „министры короля отвѣтственны“; 61-я ст. постановляетъ: „министры могутъ быть обвинены приговоромъ одной изъ палатъ за нарушеніе конституціи, подкупъ (Bestechung) и измѣну. По этому обвиненію произносится рѣшеніе высшимъ судомъ монархіи въ соединенныхъ палатахъ. *Ближайшее опредѣленіе случаевъ отвѣтственности, порядка процесса и наказаній предоставляется особому закону*“.

Ясно само собою, что практическое значеніе 44-й и 61-й статей поставлено въ зависимость отъ словъ, отмѣченныхъ курсивомъ, то-есть, отъ того, будетъ или не будетъ изданъ „особый законъ“, опредѣляющій „ближайшимъ образомъ“ отвѣтственность министровъ. Но такого закона не издано до настоящаго времени. Проектъ его былъ составленъ въ свое время, но отвергнутъ палатою господъ.

Ко всѣмъ этимъ условіямъ должно присоединить еще одно и весьма важное. Прусская конституція признала существованіе постоянной, зависящей отъ одного короля, арміи (ст. 34—36, 46, 47) и постановила, что армія не присягаетъ въ вѣрности конституціи (108).

Таковы были шансы двухъ сторонъ, когда начался конфликтъ, къ разрѣшенію котораго былъ призванъ графъ Бисмаркъ. Лучше сказать, таковы были шансы одной изъ сторонъ, потому что существованіе „шансовъ“ у другой было весьма сомнительно. Палата могла утѣшать себя только тѣмъ, что *расходованіе* собираемыхъ налоговъ и податей безъ утвержденной росписи было дѣйствительно противно конституціи. Но она тщетно стала бы искать въ конституціи средствъ устранить это обстоятельство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Министерство г. Бисмарка.

I.

Отношеніе г. Бисмарка къ парламентскому столкновенію. — Мнѣніе г. Гиллебранда. — Его характеристика нѣмецкаго общества и прусской палаты. — Отношенія г. Бисмарка къ консерваторамъ. — Критика ихъ программы. — Что значитъ «плыть по вѣтру?» — Г. Бисмаркъ и либеральная оппозиція. — Планы г. Бисмарка по отношенію ихъ къ идеямъ національно-либеральной партіи. — Отвѣтъ г. Бисмарка депутату Шульце. — Рѣчь 29-го сентября 1862 года. — Blut und Eisenpolitik. — Взглядъ на значеніе печати и народнаго представительства. — Заключеніе.

Приступая къ изложенію борьбы г. Бисмарка съ народнымъ представительствомъ и держась преимущественно фактической стороны дѣла, мы не намѣрены брать на себя роль судьи между министромъ-президентомъ и палатой депутатовъ. Но для объясненія самихъ фактовъ, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, рисующихъ взаимное положеніе двухъ сторонъ.

Какъ относился г. Бисмаркъ къ возникшему столкновенію правительства съ палатою? Во имя чего рѣшился онъ на образъ дѣйствій, подрывавшихъ—въ этомъ нельзя не сознаться—основы конституціоннаго устройства? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, конечно, предстоитъ будущему, когда и количество матеріаловъ увеличится, и явится возможность болѣе безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Попытка оправданія гр. Бисмарка обнаружилась еще въ 1867 году во *французской* литературѣ. Мы говоримъ объ извѣстной книгѣ г. Гиллебранда, „La Prusse contemporaine“. Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выдержекъ изъ этого произведенія, написаннаго, во всякомъ случаѣ, остроумнымъ перомъ наблюдательнаго человѣка, и если выдержки выйдутъ нѣсколько длинны, то причиною этого—значительный интересъ упомянутой брошюры. Авторъ проводитъ параллель между Кавуромъ, умершимъ со словомъ „свобода“ на устахъ, и гр. Бисмаркомъ, безцеремонно обращавшимся съ палатами. Параллель клонится къ явной выгодѣ итальянскаго государственнаго человѣка. Но затѣмъ г. Гиллебрандъ продолжаетъ: „Конечно, не стану отрицать, что задача была гораздо труднѣе для гр. Бисмарка, нежели для Кавура и если бы

преимущества людей измѣрялись количествомъ побѣжденныхъ препятствій, то прусскій государственный человѣкъ былъ бы, можетъ быть, выше основателя Итальянскаго королевства. Гр. Бисмаркъ, дѣйствительно, не имѣлъ для своей поддержки, ни короля Виктора-Эммануила, ни итальянскаго народа. Итальянскій народъ обладаетъ высокими политическими инстинктами: онъ не разсуждаетъ до безконечности о каждомъ вопросѣ; не старается установить критическаго приговора о каждомъ лицѣ; умѣетъ подчинить себя общему интересу; чуетъ цѣль, къ которой его ведутъ; налету схватываетъ „подразумѣваемое", котораго ему не нужно подчеркивать. Съ меньшимъ количествомъ основныхъ добродѣтелей, Итальянецъ имѣетъ гораздо больше общественныхъ качествъ, чѣмъ Нѣмецъ. Послѣдній—резонёръ и спорщикъ; ему нужно время, чтобы составить себѣ мнѣніе о каждой вещи; притомъ, у каждаго Нѣмца свое мнѣніе, отъ котораго онъ не откажется за цѣлое царство: индивидуализмъ сдѣлался у него болѣзнью, болѣе опасною чѣмъ болѣзнь противуположная, часто дѣлающая изъ французскаго народа то послушное стадо, то слѣпую и буйную массу. Нѣмецъ, говоря словами гр. Бисмарка, можетъ быть дисциплинированъ только въ военномъ мундирѣ. Прибавьте къ этому недовѣрчивое любопытство, безпрерывно мучащее его, упрямство, принимаемое имъ за силу характера, вслѣдствіе чего онъ не охотно уступаетъ послѣднее слово другимъ,—и для васъ уяснятся безконечныя пренія, выводившія изъ терпѣнія гр. Бисмарка и заставлявшія его дѣлать ошибки въ парламентскомъ обращеніи".

Затѣмъ авторъ указываетъ на то важное обстоятельство, подтверждаемое и другими писателями, что прусское общество встрѣтило гр. Бисмарка съ недовѣріемъ и враждою, легко объясняемыми его политическимъ прошлымъ, когда онъ былъ горячимъ защитникомъ идей реакціоннаго министерства Мантейфеля. Нѣмецкое общественное мнѣніе не легко отказывается отъ разъ составленнаго сужденія. Гр. Бисмаркъ до самаго 1866 года не могъ побѣдить этого непримиримаго недовѣрія къ себѣ. Всѣ его планы, сходные часто съ планами національно-демократической партіи, встрѣчались классическимъ timeo Danaos. Для примѣра укажемъ на возбужденный имъ вопросъ о національномъ представительствѣ, основанномъ на прямой и всеобщей подачѣ голосовъ.

„Я далекъ", продолжаетъ авторъ, „извинять надменное обращеніе съ палатой, которое часто позволялъ себѣ гр. Бисмаркъ; но въ этомъ

напрасно усматривали спѣсь „копчика“ [1]) предъ собраніемъ „деревенщины“, ибо тутъ обнаруживалось только нетерпѣніе практическаго и скептическаго государственнаго человѣка относительно честныхъ идеологовъ и *непреклонныхъ служителей принципа*. Не извиняя этого пренебрежительнаго раздраженія, мы однако отчасти понимаемъ его, видя какъ самые прозрачные намеки проходили непонятыми; мы понимаемъ что̀ онъ долженъ былъ испытывать, выслушивая длинные доклады о преобразованіи войска, учено выработанные знаменитымъ историкомъ трихинозиса [2]), — конечно первоклассны̀мъ ораторомъ и однимъ изъ величайшихъ умовъ нашего поколѣнія, но котораго непогрѣшимую компетентность въ военныхъ вопросахъ можно отрицать съ полнымъ основаніемъ... Впрочемъ, выходки оппозиціи, иногда слишкомъ сильныя, проходили бы незамѣченными, если бы гр. Бисмаркъ, подобно Кавуру, былъ воспитанъ въ англійской школѣ“. Авторъ не одобряетъ также придирчиваго и часто мелочнаго преслѣдованія оппозиціонныхъ депутатовъ (какъ, напримѣръ, процессъ Твестена, о которомъ будетъ сказано ниже). „Во всякомъ случаѣ легко объяснить себѣ, до извѣстной степени, досаду государственнаго человѣка въ борьбѣ съ окружавшими его затрудненіями, усиленными еще тремя дѣйствіями нѣмецкой политической жизни: юриспруденціею, философіею и сантиментальностію, которыя самодовольно высказывались въ прусскомъ парламентѣ и сбивали съ толку всѣ умы до такой степени, что дѣлали ихъ неспособными къ разумѣнію самыхъ простыхъ понятій реальной политики. Для однихъ политическій вопросъ былъ дѣломъ чувства; для другихъ — безчисленныхъ юристовъ, долго стоявшихъ во главѣ судебъ Германіи, онъ былъ — какъ это показали Шлезвигъ-Гольштейнскія дѣла и парламентское столкновеніе, — чѣмъ-то въ родѣ юридической дедукціи изъ начала гражданскаго права: никто не подозрѣвалъ, повидимому, что политика есть преимущественно искусство хорошо видѣть послѣдствія извѣстнаго положенія вещей, сообразовать съ ними свой образъ дѣйствій и хотѣть только возможнаго“.

[1]) Hobereau; такъ называли во Франціи мелкопомѣстныхъ дворянъ.

[2]) Намекъ на знаменитаго патолога *Рудольфа Вирхова* (Virchow), (род. въ 1821 г.), основателя новѣйшей целлюлярной патологіи. Гиллебрандъ подразумѣваетъ извѣстное его сочиненіе «Die Lehre von der Trichinen». Вирховъ сдѣлался членомъ палаты депутатовъ въ 1861 году.

Къ этому, по указанію автора, присоединялось еще и то, что г. Бисмарку предстояло побѣдить много предубѣжденій въ высшихъ сферахъ, прежде чѣмъ корона рѣшилась дать свое согласіе на ту болѣе чѣмъ рѣшительную политику, какою наполнена исторія послѣднихъ лѣтъ [1]).

Оставляя въ сторонѣ сущность приведенныхъ нами сужденій автора, мы замѣтимъ только, что по поводу ихъ возникаютъ вопросы, которые необходимо здѣсь если не разрѣшить, то нѣсколько опредѣлить.

Вопервыхъ, дѣйствительно ли гр. Бисмаркъ, вступая въ новую должность, выработалъ уже тѣ громадные планы, какіе осуществились впослѣдствіи? Сдѣлался ли онъ министромъ *только* для того, чтобы побороть оппозицію, оградить корону, или парламентскій конфликтъ служилъ для него эпизодомъ, по разрѣшеніи коего должна была начаться политика другаго рода?

Вовторыхъ, если планы г. Бисмарка уже созрѣли въ 1862 году, то совпадали ли они съ тѣмъ стремленіемъ къ единству „общаго отечества", какое давно одушевляло Германію? Сказать, что гр. Бисмаркъ постоянно стремился къ этому единству — мало; къ нему стремились и многіе другіе. Если бы планы его совпадали съ таковыми же огромнаго большинства прусскаго общества, Nationalverein'а или „партіи прогресса", то чѣмъ объяснить упорство оппозиціи? Развѣ „партія прогресса" не настаивала на необходимости энергическаго почина прусскаго правительства въ дѣлѣ союзной реформы? Развѣ пререканіе по реорганизаціи войска не находилось въ зависимости отъ уклончиваго отношенія кабинета Гогенцоллернъ-Ауэрсвальда къ этому существенному вопросу? Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла о другихъ планахъ или, по крайней мѣрѣ, о другихъ *способахъ* ихъ осуществленія.

То обстоятельство, что у гр. Бисмарка созрѣлъ планъ полнаго преобразованія союза еще со временъ его посланничества во Франкфуртѣ, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію послѣ обнародованія извѣстнаго намъ письма его къ Шлейницу [2]). Затѣмъ, несомнѣнно так-

[1]) La Prusse contemporaine, стр. 34—42.

[2]) См. гл. VI, I.

же, что гр. Бисмаркъ принялъ мѣсто перваго министра вовсе не въ качествѣ представителя ультра-консервативной партіи, собирающагося подавить либеральную оппозицію, то-есть, въ качествѣ человѣка извѣстнаго принципа, вступившаго въ борьбу съ принципомъ противоположнымъ.

Будущій историкъ нашего времени вѣроятно замѣтитъ, что г. Бисмаркъ менѣе всего можетъ быть названъ человѣкомъ отвлеченныхъ принциповъ. Онъ преслѣдовалъ и преслѣдуетъ извѣстныя цѣли, выведенныя имъ изъ соображенія данныхъ условій того государства, во главѣ котораго поставила его судьба. „Единство Германіи" не было для него выводомъ изъ философскаго принципа народности, ни требованіемъ, вытекавшимъ изъ совокупности нравственныхъ стремленій германскаго общества, ни средствомъ пересоздать Германскій союзъ согласно принципамъ политической философіи. Въ соединеніи германскихъ государствъ онъ видѣлъ средство лучше организовать отношенія Пруссіи къ ея сочленамъ по союзу, уврачевать „недугъ", зависѣвшій отъ ея ненормальнаго положенія въ Германіи. Затѣмъ, осуществляя эту цѣль, онъ не думалъ связывать себя какимъ бы то ни было принципомъ. Это доказываютъ всѣ письма, рѣчи и дѣйствія знаменитаго государственнаго человѣка.

Въ 1861 году прусская консервативная партія издала извѣстный намъ манифестъ, направленный противъ программы „партіи прогресса". Чѣмъ же отвѣтилъ на него членъ феодальной партіи, гр. Бисмаркъ? 18-го сентября 1861 года онъ адресовалъ къ одному изъ своихъ друзей (раздѣлявшихъ его воззрѣніе) письмо, въ которомъ говорилъ, между прочимъ:

„Относительно консервативной программы я вполнѣ присоединяюсь къ вашимъ замѣчаніямъ. Исключительно *отрицательнаго* пониманія выставленныхъ положеній должно было бы избѣгать съ самаго начала. Простою, вялою обороной (Defensive) политическая партія не можетъ держаться, тѣмъ менѣе завоевывать почву и приверженцевъ... Между нашими лучшими друзьями есть множество *доктринеровъ*, требующихъ отъ Пруссіи такой же охраны (Rechtsschutz) относительно чужихъ государей и земель, какъ и относительно собственныхъ подданныхъ. *Эта система солидарности консервативныхъ интересовъ всѣхъ странъ есть опаснѣйшая фикція*, пока не установится полная и честная взаимность между всѣми землями и ихъ правителями.

Будучи преслѣдуема одною Пруссiею, она превращается въ донкихотство, только ослабляющее правительство въ исполненiи собственной задачи, возложенной на прусскую корону Богомъ—защищать Пруссiю отъ неправды внѣшней и внутренней. Мы приходимъ къ тому, что готовы признать любимымъ чадомъ прусской консервативной партiи совершенно неисторическое, безбожное и неправое стремленiе къ суверенитету (Souveränitätsschwindel) нѣмецкихъ государей, пользующихся нашими союзными отношенiями, какъ пьедесталомъ, съ котораго они разыгрываютъ роль европейскихъ монарховъ. Наше правительство безъ того уже слишкомъ держится принципа законности; *мы защищаемъ прерогативы чужихъ коронъ съ большею твердостiю, чѣмъ собственныя*; мы воспламеняемся за созданныя Наполеономъ (I) и освященныя Меттернихомъ суверенитеты мелкихъ государствъ до ослѣпленiя предъ всѣми опасностями, грозящими Пруссiи и независимости Германiи, пока существуетъ безсмыслiе *теперешняго* союзнаго устройства, которое есть ничто иное, какъ теплица и музей опасныхъ и революцiонныхъ партикуляристическихъ стремленiй. Я желалъ бы, чтобы въ программѣ, вмѣсто неопредѣленныхъ выходокъ противъ „нѣмецкой республики“, было открыто выставлено, что̀ именно мы желаемъ видѣть въ Германiи измѣненнымъ или возстановленнымъ... На насъ лежитъ двойная задача засвидѣтельствовать, что существующее устройство союза *не есть нашъ идеалъ*, что мы открыто стремимся къ необходимому его измѣненiю путемъ законнымъ, и не хотимъ переступать за границу необходимаго для безопасности и пользы. Мы нуждаемся въ болѣе твердой консолидацiи нѣмецкой *военной силы*, какъ въ насущномъ хлѣбѣ; нуждаемся въ новыхъ и удобныхъ правилахъ въ области *таможеннаго* управленiя, и въ совокупности общихъ учрежденiй для огражденiя матерiальныхъ интересовъ отъ невыгодъ, возникающихъ изъ неестественнаго очертанiя нѣмецкихъ внутреннихъ границъ... Затѣмъ я не вижу, почему мы такъ жеманно чураемся (zurückschrecken) *идеи народнаго представительства*, въ союзѣ ли, или въ таможенномъ парламентѣ? Съ учрежденiемъ, имѣющимъ законное значенiе въ каждомъ нѣмецкомъ государствѣ, безъ котораго мы, консерваторы, не можемъ обойтись даже въ Пруссiи, нельзя вести борьбу, какъ съ учрежденiемъ „революцiоннымъ!“ [1]).

[1]) *Hesekiel*, назв. соч., 138—139.

Въ этомъ письмѣ заключалось уже обѣщаніе, что планы переустройства Германіи будутъ осуществляться независимо отъ принциповъ, заимствованныхъ изъ консервативнаго, реакціоннаго, либеральнаго или демократическаго кодекса. Политика гр. Бисмарка была последовательна въ смыслѣ неуклоннаго стремленія къ разъ установленной цѣли; но она была непослѣдовательна, если подъ послѣдовательностію разумѣть строгое соотвѣтствіе съ принципами той или другой теоріи, съ извѣстными, предвзятыми убѣжденіями. Гр. Бисмаркъ не понималъ возможности такой „послѣдовательности". Это видно изъ отвѣта его Вирхову, упрекавшему министерство въ измѣнчивомъ образѣ дѣйствій. „На замѣчаніе о перемѣнчивости нашего образа дѣйствій", сказалъ онъ, „я возражу фразой, которую употребилъ нашъ противникъ. Онъ порицалъ насъ за то, что когда вѣтеръ перемѣнился, то и мы повернули руль. Что же, однако, нужно дѣлать, когда плывешь на кораблѣ, какъ не ставить руль по вѣтру?".

Эта постановка руля „по вѣтру" развязывала руки гр. Бисмарку: онъ готовъ былъ утилизировать каждый изъ принциповъ, если только онъ оказывался болѣе удобнымъ для его цѣли. Онъ не отступалъ съ ужасомъ и предъ демократическими идеями, приводившими въ трепетъ феодальный лагерь; онъ смѣло заявлялъ о необходимости общегерманскаго народнаго представительства, основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ, въ то время, какъ дворы вѣнскій, дрезденскій и мюнхенскій видѣли въ этомъ послѣднее слово революціи.

Для полной характеристики гр. Бисмарка съ этой стороны служитъ оригинальное столкновеніе его съ членами либеральной оппозиціи по слѣдующему поводу. Ткачи, работавшіе на фабрикѣ богатаго промышленника и либеральнаго депутата Рейхенгейма, отправили къ королю депутацію съ жалобами на ихъ горькое положеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ отказался представить депутацію королю. Гр. Бисмаркъ, выслушавъ ее, нашелъ, что жалобы ея „большею частью" неосновательны, по скольку онѣ касаются именно фабричной администраціи, а не *общаго* положенія рабочаго класса; но, въ виду затруднительнаго положенія названныхъ ткачей и нѣкоторыхъ справедливыхъ ихъ заявленій, представилъ уполномоченныхъ отъ нихъ королю. Король пожаловалъ имъ нѣсколько денегъ изъ собственныхъ средствъ для основанія ассоціаціи. Рейхенгеймъ поднялъ въ палатѣ цѣлую бурю, назвалъ заявленіе ткачей наглою ложью, а въ поведеніи гр. Бисмарка видѣлъ политическую продѣлку, упрекалъ его въ

томъ, что онъ злоупотребилъ довѣріемъ короля [1]). Все это было высказано въ отсутствіе гр. Бисмарка. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ счелъ нужнымъ возражать. Разобравъ по пунктамъ просьбу ткачей и опровергнувъ всѣ доводы Рейхенгейма, онъ сказалъ, въ заключеніе:

„Я не хочу прикрываться тѣмъ правиломъ, что показаніе и двухъ свидѣтелей считается достовѣрнымъ,—петиція же и полномочіе подписаны 200 рабочими. Охотно готовъ я согласиться, что бѣдность склонна къ преувеличеніямъ: это вижу я ясно изъ многихъ, ежедневно поступающихъ ко мнѣ прошеній. Каждый, ищущій помощи, склоненъ описывать свое положеніе въ возможно черномъ свѣтѣ, свои нужды по возможности рѣзко; но когда г. депутатъ Рейхенгеймъ клеймитъ съ этой трибуны вопль бѣдности эпитетомъ „ложь", то подобное выраженіе кажется мнѣ слишкомъ жесткимъ. Рабочіе заблуждаются относительно источника своихъ бѣдствій; они ищутъ его въ спеціальномъ устройствѣ фабрики, кругозоръ ихъ можетъ быть недостаточно обширенъ, чтобъ могли они понять, что ихъ бѣдствія суть скорѣе результатъ общественнаго положенія, въ которомъ находится вообще рабочій классъ,—и я охотно повторяю, что было уже мною высказано и затѣмъ повторено г. Рейхенгеймомъ, что рабочіе его содержатся не хуже, чѣмъ у большинства его собратьевъ по ремеслу. Но, спрашиваю, по какому праву преградилъ бы я этимъ людямъ доступъ къ трону? Изъ рѣчи г. депутата можно заключить, что корона какъ будто нуждается въ оправданіи, когда преклоняетъ ухо къ голосу бѣдныхъ. Прусскіе короли никогда не были исключительно королями богатыхъ; уже Фридрихъ Великій, будучи кронпринцемъ, сказалъ: „Quand je serai roi, je serai un vrai roi de gueux" [2]). Онъ взялъ на себя защиту бѣдности. Это начало осуществлялось нашими монархами и въ послѣдующее время. У ихъ трона всегда находило прибѣжище страданіе, вызываемое такими условіями, когда писанный законъ становится въ противорѣчіе съ естественнымъ правомъ человѣка. Наши государи отмѣнили крѣпостное право и создали цвѣтущее сословіе крестьянъ. Быть можетъ, имъ удастся — попытки этого уже на лице — улучшить нѣсколько и положеніе рабочихъ. Пре-

[1]) Рейхенгеймъ утверждалъ, между прочимъ, что король пожаловалъ ткачамъ значительную сумму 12.000 талер.

[2]) Когда я сдѣлаюсь королемъ, то буду истиннымъ королемъ бѣдняковъ.

граждать доступъ къ трону жалобамъ рабочихъ, по моему мнѣнію, несправедливо и я не имѣю къ тому призванія“ [1]).

Легко понять, что либеральная партія, по крайней мѣрѣ тотъ отдѣлъ ея, гдѣ засѣдалъ г. Рейхенгеймъ, неспособна была брать такія „ноты“, совершенно не приноровленныя къ ея голосу. Не слышалась ли, однако, въ этой рѣчи и фальшивая струна? Не польстилъ ли г. Бисмаркъ демократическимъ инстинктамъ только для пораженія буржуазно-либеральной оппозиціи? Трудно сказать, что руководило ораторомъ въ данномъ случаѣ; но безпристрастный историкъ отмѣтитъ въ г. Бисмаркѣ черту, свойственную всѣмъ великимъ государственнымъ людямъ, именно—умѣнье отдѣлить *реальный, а потому законный интересъ*, лежащій въ основаніи каждаго направленія, отъ тѣхъ отвлеченныхъ принциповъ и формулъ, въ которыхъ выражается это направленіе и которыя пугаютъ близорукихъ политиковъ, обсуждающихъ каждое явленіе съ точки зрѣнія отвлеченныхъ принциповъ. Государственный человѣкъ, обладающій этимъ умѣньемъ, смѣло пойдетъ на встрѣчу каждому явленію, какъ бы оно грозно ни казалось по своимъ „формуламъ и принципамъ“, не ограничиваясь безплоднымъ и вреднымъ отрицаніемъ всего, что не подходитъ подъ „принципы“ господствующаго направленія. Хорошимъ комментаріемъ къ сказанному можетъ быть депеша г. Бисмарка отъ 27-го мая 1866 года о проектѣ союзной реформы, предложенной Пруссіею. „Если бы мы“, говорилось въ депешѣ, „пришли къ великому кризису нынѣшняго союзнаго устройства, то полное революціонное потрясеніе въ Германіи было бы вѣроятнѣйшимъ послѣдствіемъ несостоятельности теперешняго положенія дѣлъ. Такую катастрофу можно предотвратить только своевременною реформою сверху. *Не совокупность неосновательныхъ требованій даетъ силу революціоннымъ движеніямъ, но обыкновенно ограниченная часть справедливыхъ требованій даетъ предлогъ къ революціи и сообщаетъ движенію устойчивую и опасную силу*“.

Такимъ образомъ въ широтѣ готовыхъ, если не плановъ, то цѣлей гр. Бисмарка нельзя сомнѣваться въ виду неопровержимыхъ фактовъ. Но въ какой степени они совпадали съ планами различныхъ партій, особенно той, которая требовала отъ правительства энергической инициативы въ дѣлѣ преобразованія союза?

[1]) Reden, I, 124—125.

Изъ предыдущаго очерка историческаго развитія идеи германскаго единства достаточно ясно, что національное движеніе было связано съ либеральными стремленіями, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Неудовлетворенные политическими учрежденіями отдѣльныхъ государствъ, нѣмецкіе патріоты переносили всѣ свои надежды на будущую союзную конституцію. Въ ней должны были осуществиться ихъ идеалы, и не только въ ней, но чрезъ нее и въ отдѣльныхъ государствахъ. Союзная конституція должна была обезпечить основныя гражданскія и политическія права всей германской націи. Если германскіе патріоты взывали къ первенству Пруссіи, то вовсе не ради увеличенія ея собственнаго могущества, а потому, что держава эта, по своей компактности и хорошей организаціи, могла быть наилучшимъ оплотомъ Германіи и, по своему чисто нѣмецкому характеру, могла отождествить себя съ „общимъ отечествомъ". Но для этого, по ихъ мнѣнію, нужно было, чтобы Пруссія дѣйствительно стала во главѣ Германіи во всѣхъ отношеніяхъ. Ея прогрессивная экономическая политика дала уже ей возможность организовать таможенный союзъ. Либеральныя политическія учрежденія сдѣлали бы ее центромъ Германіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. При этихъ условіяхъ она могла бы создать могущественную и свободную Германію, о какой мечтали Арндты, В. Гумбольдты, Штейны, Гагерны.

Г. Бисмаркъ стоялъ на другой почвѣ. Въ „общемъ отечествѣ", какимъ оно представлялось въ 1862 году, онъ не видѣлъ никакой твердой точки опоры; онъ видѣлъ предъ собою извѣстныя реальныя и разнородныя силы, между которыми нужно было сдѣлать выборъ. Спасеніе Германіи онъ полагалъ въ увеличеніи могущества Пруссіи и въ установленіи ея постояннаго преобладанія. Увеличивать силу Пруссіи значило, въ его глазахъ, служить дѣлу германскаго единства наиболѣе практическимъ образомъ Отвѣчая, во время Шлезвигъ-Гольштейнскаго столкновенія, депутату Шульце-Деличу, онъ сказалъ, между прочимъ:

„Ораторъ упрекнулъ насъ въ томъ, что *мы не хотимъ ничего знать о Германіи.* Должно быть, въ этомъ словѣ заключается особенное очарованіе. Мы видимъ, что каждый хочетъ усвоить его себѣ и каждый называетъ „нѣмецкимъ" то, что̀ ему полезно, что̀ выгодно съ точки зрѣнія его партіи и измѣняется съ нею, смотря по необходимости. Такъ случается, что въ иныя времена называютъ „нѣмецкимъ" сопротивленіе союзу, въ другія считается „нѣмецкою" поддержка союза,

сдѣлавшагося прогрессивнымъ [1]). Быть можетъ, насъ упрекнутъ и въ томъ, что мы ничего не хотимъ знать о Германіи изъ-за частныхъ интересовъ. Но я могу съ полнымъ правомъ возвратить этотъ упрекъ моимъ противникамъ: *вы не хотите ничего знать о Пруссіи*, потому что это не соотвѣтствуетъ интересу и точкѣ зрѣнія вашей партіи, потому что вамъ удобнѣе или вовсе игнорировать Пруссію или отстаивать ея существованіе лишь въ качествѣ домена „народнаго союза“ [2]).

Г. Бисмаркъ постоянно ратовалъ противъ теоріи, бывшей въ ходу въ 1848 г., что „Пруссія должна войдти въ Германію“. Онъ склонялся къ противоположной теоріи [3]). Но для этого Пруссія нуждалась, по его мнѣнію, прежде всего въ матеріальныхъ силахъ. Она долженствовала занять въ Германіи положеніе, подобающее ей по праву, не дожидаясь того момента, когда въ силу ея „нравственныхъ“ завоеваній, германскіе народы свободно признаютъ ея главенство. Военная реформа для нея нужнѣе либеральныхъ измѣненій въ конституціи, приличныхъ меньшимъ государствамъ, которымъ больше нечего дѣлать. Таково содержаніе его знаменитой рѣчи 29-го сентября 1862 г. „*Германія смотритъ не на либерализмъ*, *но на могущество Пруссіи*“, говорилъ онъ. „Пусть Баварія, Виртембергъ и Баденъ потворствуютъ либерализму; изъ-за этого никто не придастъ имъ роли Пруссіи. Пруссія должна беречь свою силу для благопріятной минуты, которая уже нѣсколько разъ приходила; границы Пруссіи невыгодны для здороваго государственнаго организма. Великіе вопросы нашего времени разрѣшаются не рѣчами и постановленіями большинства— въ этомъ состояла ошибка 1848 и 1849 годовъ, —но желѣзомъ и кровью“.

По глубокому убѣжденію гр. Бисмарка интересы Пруссіи были тождественны съ интересами *всей* Германіи, а интересы отдѣльныхъ

[1]) Рѣчь была сказана въ 1864 г., когда большинство на германскомъ сеймѣ открыто стало на сторону кандидатуры принца Августенбургскаго въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, слѣдовательно подчинилось требованіямъ либеральной партіи.

[2]) Reden, I, стр. 101.

[3]) Reden, I, стр. 106—107. Рѣчь сказана въ опроверженіе графа Шверина «Предыдущій ораторъ, говорилъ г. Бисмаркъ, выставилъ разные тезисы, которыхъ я не оспаривалъ, и оспаривалъ другіе, которыхъ я не выставлялъ.... Къ послѣднимъ принадлежитъ утвержденіе, что Пруссія должна быть отдѣлена отъ Германіи. Это даже географически невозможно, въ этомъ убѣждаетъ взглядъ на карту. Спрашивается только въ Германіи—*кто долженъ вести?*—или какъ выразился предыдущій ораторъ, кто долженъ войти въ другаго? (wer soll im Anderen aufgehen) и т. д.

государствъ, противорѣчившія интересамъ Пруссіи, тѣмъ самымъ противорѣчили и пользамъ общаго отечества. Г. Бисмаркъ осудилъ партикуляризмъ строже, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Полная независимость отдѣльныхъ государствъ была, въ его глазахъ, какъ бы постояннымъ оскорбленіемъ единственной представительницѣ германской идеи — Пруссіи; она прикрывала лишь ихъ эгоистическія цѣли. По его убѣжденію, Германія способна была только *принять* отъ Пруссіи благодѣянія единства, но не способна даже содѣйствовать ей въ исполненіи этой задачи. Когда въ 1865 году правительство требовало чрезвычайнаго кредита для организаціи прусскаго флота на Балтійскомъ морѣ, палата депутатовъ воспротивилась этому требованію, подъ тѣмъ, между прочимъ, предлогомъ, что организація флота есть дѣло общегерманское, а потому должно быть осуществлено совокупными силами всѣхъ правительствъ. „Этому противорѣчитъ", сказалъ гр. Бисмаркъ въ своей отвѣтной рѣчи, „то, что вообще въ Германіи частные интересы сильнѣе, чѣмъ сознаніе общности. Этому противорѣчитъ также и то, что вообще образъ жизни Ѳеакійцевъ покойнѣе жизни Спартанской [1]). *Всѣ охотно позволяютъ себя защищать, но неохотно платятъ* и менѣе всего жертвуютъ малѣйшимъ правомъ своей державности на общую пользу".

Отъ Германіи, „страны Ѳеакійцевъ", требовалось не содѣйствіе, но послушаніе, и то же самое требовалось отъ всѣхъ общественныхъ силъ. Гр. Бисмаркъ понималъ значеніе устнаго и печатнаго слова, собраній, ассоціацій, всего того, въ чемъ выражается жизнь общественная; но онъ видѣлъ въ нихъ добавочное средство къ правительственной политикѣ,—средство полезное лишь тогда, когда оно согласно съ этою политикою. Онъ относился къ „словамъ и рѣчамъ" съ чувствомъ худо скрываемаго презрѣнія, хотя иногда сознавалъ ихъ пользу. Въ 1864 году, при открытіи лондонской конференціи по датскому вопросу, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „настоящее положеніе таково, что мнѣ кажется цѣлесообразнымъ выпустить противъ

[1]) *Ѳеакійцы*, жители острова, описываемаго Гомеромъ въ Одиссеѣ. Для характеристики ихъ приводимъ слѣдующее мѣсто:

«Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;
Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе».

Ср. Одиссея, VIII, 246—249.

датчанства (Dänenthum) на конференціи *всѣхъ собакъ, желающихъ лаять* (простите мнѣ это охотничье сравненіе); совокупный лай стаи подѣйствуетъ на то, что подчиненіе герцогствъ Датскому королевству покажется иностранцамъ невозможнымъ“ [1]).

Но голосъ печати, способный оглушить Европу, производилъ на него мало впечатлѣнія. Всѣ его рѣчи, относящіяся ко времени конфликта, пропитаны убѣжденіемъ, что палаты не имѣютъ основательныхъ свѣдѣній въ области практической политики, а потому не могутъ руководить дѣйствіями правительства, даже сознательно контролировать ихъ [2]). На запросы онъ смотрѣлъ или какъ на плодъ празднаго любопытства [3]) или какъ на желаніе личнаго ему противодѣйствія [4]). И онъ не скрывалъ этихъ воззрѣній, въ самый разгаръ парламентской борьбы, предъ распущеніемъ палаты. 7-го октября 1862 года онъ писалъ своей супругѣ: „За министерскимъ столомъ, предъ ораторомъ на трибунѣ, говорящимъ мнѣ *глупости* (der mir Sottisen sagt), между высказаннымъ и еще имѣющимъ послѣдовать объясненіемъ, извѣщаю тебя о своемъ житьѣ-бытьѣ“ [5]).

Гр. Бисмаркъ выказалъ *безсиліе* прусскихъ палатъ, ихъ ничтожество предъ мощью королевской прерогативы, освященной вѣками и своею непреклонною волею. Онъ скоро понялъ, что палата депутатовъ, пытавшаяся разыграть роль долгаго парламента, въ сущности не большая политическая величина. Въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Вотъ почему его борьба съ палатой и не имѣла того трагическаго характера, какъ напримѣръ, борьба Карла I или Іакова II съ ихъ парламентами, и только недальновидные люди могли предрекать ему роль Страффорда. Въ 1863 году, при обсужденіи палатою депутатовъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, гр. Бисмаркъ энергически возражалъ противъ намековъ о томъ, будто бы правительство, съ цѣлью отвлечь вниманіе страны отъ внутреннихъ вопросовъ, намѣрено прибѣгнуть къ внѣшнимъ предпріятіямъ.

„Мы думаемъ“, говорилъ онъ, „разрѣшить внутренній вопросъ съ вами или вашими преемниками, безъ всякаго ущерба для внѣшняго

[1]) *Hesekiel*, 140.

[2]) См. Reden, I, 86 и слѣд. 91 и мног. друг.

[3]) Reden, I, 139 и друг.

[4]) Тамъ-же, 102 и мн. друг.

[5]) *Hesekiel*, 201. Это происходило въ томъ засѣданіи, въ которомъ палата отвергла всѣ предложенія министерства.

значенія Пруссіи. Если однако явится необходимость оградить честь и независимость страны, пока еще мы имѣемъ удовольствіе имѣть противъ себя васъ, а не вашихъ преемниковъ, то даже вы сами, господа, не въ состояніи будете отказать намъ въ тѣхъ средствахъ внѣшней обороны, въ недостаткѣ которыхъ вы хотите видѣть ослабленіе внѣшней политики правительства".

Весь смыслъ этой и другихъ подобныхъ рѣчей сводится къ тому, что, вопервыхъ, палата слишкомъ полагается на свое значеніе въ странѣ, гдѣ такъ крѣпки монархическія преданія и велики правительственныя средства; что раздоръ съ такою палатою не представляетъ существенной важности и не воспрепятствуетъ правительству идти своею дорогой, когда послѣднее будетъ защищать реальные интересы государства.

II.

Пререканіе въ полномъ разгарѣ.—Первыя дѣйствія гр. Бисмарка. — Разладъ между нижнею и верхнею палатами.— Голосованіе 7-го октября и декларація 12-го октября.— Отсрочка засѣданій ландтага.— Заявленіе министерства.— Сессія 1863 г.—Конституціонная теорія гр. Бисмарка; рѣчь 27-го января 1863 г.— Положеніе оппозиціи.—Рѣчь Лассаля.—Мнѣніе гр. Бисмарка. — Національное движеніе въ Германіи.—«Новый духъ» въ Австріи.—Министерство Шмерлинга.— Отношеніе его къ Пруссіи.—Проектъ союзной реформы.—Неудачное свиданіе въ Голштейнѣ.—Франкфуртскій съѣздъ.—Содержаніе и смыслъ проекта.—Онъ производитъ невыгодное впечатлѣніе.—Отвѣтъ прусскаго правительства.

Г. Бисмаркъ не создалъ, а наслѣдовалъ пререканія съ палатою отъ прежняго министерства. Благоразуміе требовало поэтому изыскать предварительно всѣ средства къ примиренію,—попытки такого рода были сдѣланы, но безъ успѣха, ибо въ основѣ столкновенія лежалъ вовсе не частный вопросъ; оно исходило изъ несогласія относительно самыхъ принциповъ конституціоннаго устройства.

Уже чрезъ пять дней послѣ своего вступленія въ министерство гр. Бисмаркъ счелъ нужнымъ взять назадъ предложенный правительствомъ проектъ государственной росписи, не упомянувъ, однако, о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ кабинета (29-го сентября). Палата депутатовъ объявила, что правительство не можетъ производить какіе бы то ни было расходы безъ утвержденной росписи (7-го октября); но палата господъ, въ противность 62-й ст. конституціи, отвергла измѣненія, сдѣланныя нижнею палатой въ проектѣ росписи, и приняла правительственный проектъ въ цѣломъ его составѣ. Этотъ образъ дѣйствій оскорбилъ палату депутатовъ; въ частномъ собраніи 12-го

октября, подъ предсѣдательствомъ графа Шверина, она объявила постановленіе палаты господъ противоконституціоннымъ, а потому не дѣйствительнымъ, и такимъ, которое не можетъ служить опорою для правительства. На другой день сессія была закрыта, причемъ г. Бисмаркъ офиціально заявилъ слѣдующее:

„Правительство вполнѣ сознаетъ отвѣтственность, возникающую для него изъ настоящаго печальнаго положенія; но оно также сознаетъ обязанности, лежащія на немъ по отношенію къ странѣ, и находитъ въ нихъ полномочіе, впредь до законнаго утвержденія росписи, производить расходы, необходимые для поддержанія существующихъ государственныхъ установленій и для содѣйствія благосостоянію страны, въ увѣренности, что они, въ свое время, получатъ утвержденіе ландтага“.

Ландтагъ не созывался больше до 1863 года; но нижняя палата не была распущена. Мѣра эта представлялась безполезною, такъ какъ на новыхъ выборахъ очевидно восторжествовала бы та же оппозиціонная партія. Министерство, кажется, хотѣло выиграть время и посмотрѣть какъ пойдетъ дѣло „безъ бюджета“. Кромѣ того, оно думало сломить оппозицію такими мѣрами, какъ преслѣдованіе депутатовъ, состоявшихъ на государственной службѣ и т. п. Наконецъ, умѣло оно вызвать въ преданной ему части общества многочисленныя заявленія противъ оппозиціи.

Но все это только усилило оппозиціонное настроеніе палаты. Новая сессія была открыта 10-го января 1863 года. Правительство возобновило свои прежнія предложенія. Но первымъ дѣломъ палаты было составленіе адреса, наполненнаго жалобами на несогласный съ существующими учрежденіями образъ дѣйствій министерства. При обсужденіи этого адреса, гр. Бисмаркъ, въ засѣданіи 27-го января, сказалъ рѣчь, имѣющую великое историческое значеніе, такъ какъ она заключала въ себѣ полное изложеніе его взгляда на смыслъ бюджетнаго права по прусской конституціи и на взаимное отношеніе нижней палаты и короны въ возникшемъ пререканіи. Мы остановимся на главныхъ идеяхъ этой рѣчи, такъ какъ мѣсто не позволяетъ намъ привести ее вполнѣ.

„Проектъ (адреса), предложенный вашею коммиссіею“, говорилъ онъ, „имѣетъ то неоспоримое достоинство, что онъ уясняетъ наши взаимныя отношенія. Менѣе чѣмъ годъ тому назадъ, если не ошибаюсь, при послѣднихъ выборахъ, мнѣніе, будто бы парламентъ и корона борятся въ Пруссіи за владычество надъ страною, было рѣши-

тельно отвергнуто. Если вы примете адресъ въ настоящемъ его видѣ, то утверждать это будетъ уже невозможно. Я считаю долгомъ обозначить практическое его значеніе въ немногихъ словахъ: онъ клонится къ тому, чтобы конституціонныя правительственныя права, принадлежащія дому Гогенцоллерновъ, передать большинству этой палаты“.

Затѣмъ ораторъ разбираетъ смыслъ извѣстныхъ уже намъ 99-й и 62-й ст. конституціи, требующихъ согласія трехъ факторовъ законодательной власти для утвержденія бюджета, и продолжаетъ: „Конституція твердо настаиваетъ на *равновѣсіи* трехъ законодательныхъ властей во всѣхъ вопросахъ, также и въ государственной росписи; ни одна изъ этихъ властей не можетъ принудить другую къ уступкѣ; поэтому конституція указываетъ на компромиссъ, какъ на путь къ соглашенію. Одинъ опытный въ подобныхъ вопросахъ государственный человѣкъ сказалъ, что конституціонная жизнь слагается постоянно изъ компромиссовъ. Если возможность компромисса устраняется тѣмъ, что одна изъ властей желаетъ провести свой взглядъ съ доктринерскимъ абсолютизмомъ, то этимъ самымъ порождаются конфликты, а такъ какъ теченіе государственной жизни не можетъ прекратиться, то конфликты становятся вопросами силы. Кто обладаетъ силою, тотъ идетъ впередъ по своему усмотрѣнію, ибо государственная жизнь не можетъ остановиться ни на одну минуту“.

Ораторъ припомнилъ, что правительство, уже при прежнемъ министерствѣ, сдѣлало нѣкоторыя уступки, именно сбавило 25% съ добавочныхъ требованій и допустило спеціализацію бюджета. Теперь же уступки невозможны; очередь компромисса не за короной, а за палатой. Безъ уступокъ съ ея стороны конфликтъ не прекратится. Конституція не даетъ отвѣта на вопросъ, что̀ будетъ, если три органа законодательной власти не согласятся относительно росписи. „Здѣсь возможны“, замѣтилъ гр. Бисмаркъ, „различныя теоріи, изъ коихъ нѣкоторыя благопріятны правительству, другія же нѣтъ; но я не намѣренъ ихъ разбирать. Для меня достаточно лишь необходимости, чтобы *государство существовало* [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія оратора, правительство не только могло, но должно было расходовать государственныя суммы безъ росписи, по праву государственной необходимости (Staatsnothrecht); онъ приравнялъ конфликтъ къ такимъ минутамъ общественной жизни, когда

[1]) Reden, I, 18—24.

всякая конституція вооружаетъ исполнительную власть чрезвычайными правами, даже правомъ пріостанавливать дѣйствіе законовъ. Оппозиція возражала противъ этого толкованія. Съ ея точки зрѣнія, право государственной необходимости подчинено извѣстнымъ условіямъ, опредѣленнымъ конституціею; данный случай не подходилъ ни подъ одно изъ нихъ. Мысль эта была развита, между прочимъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ публицистовъ и ораторовъ, Ласкеромъ [1]. Но все это нисколько не увеличивало средствъ парламентской оппозиціи. Палата, умѣвшая дѣлать логическіе выводы изъ „принциповъ" не обладала этою способностью, когда рѣчь шла объ осуществленіи *цѣлей*. Этимъ она отличалась отъ своего знаменитаго противника. Для всѣхъ было ясно, что за бюджетнымъ вопросомъ скрывалось стремленіе палаты расширить свои права. Но какъ же могла она достигнуть этой цѣли? Конституція давала ей для этого только одно средство: право не утверждать роспись—средство сильное лишь на первый разъ, да и то подъ условіемъ уступчивости кабинета. Во второй и въ третій разъ оно теряло свое значеніе, а подъ конецъ и всякій смыслъ. Это вѣрно было замѣчено радикаломъ Лассалемъ. Въ двухъ рѣчахъ своихъ о конфликтѣ, онъ доказывалъ, что въ Пруссіи „писанная" конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительному соотношенію общественныхъ и правительственныхъ силъ; палата не можетъ измѣнить такого соотношенія, ибо всѣ матеріальныя средства не въ ея рукахъ. Задача ея должна состоять лишь въ томъ, чтобъ указать на эту призрачность конституціи, а именно объявить, что она не считаетъ согласнымъ съ своимъ достоинствомъ сохранять лишь внѣшній видъ конституціоннаго порядка, а потому пріостановляетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, а именно до тѣхъ поръ, пока кабинетъ не представитъ доказательствъ, что онъ прекратилъ не утвержденные расходы. Кромѣ этого средства, говорилъ Лассаль, у палаты нѣтъ никакого. Очевидно, что было бы самою жалкою и нелѣпою иллюзіей думать, что палата можетъ восторжествовать надъ министерствомъ, продолжая засѣдать и отвергать хоть бы всѣ остальныя его требованія. Если министерство считаетъ несуществующимъ, игнорируетъ первый отказъ палаты, то возможно ли, чтобы второй, третій, четвертый ея отказы дѣйствовали сильнѣе? Напротивъ, оно только привыкнетъ считать недѣйствительными неудобныя для него

[1]) Эдуардъ Ласкеръ, род. въ 1829 г. См. Сборникъ его статей: «Zur Verfassungsgeschichte Preussens», стр. 299 и слѣд.

*

рѣшенія палаты, и такого рода отношеніе къ ней будетъ мало по малу, и съ полнымъ правомъ, усвоено и публикою.

Противъ этого можно лишь возразить, что и средство, предложенное Лассалемъ, могло оказаться недѣйствительнымъ. Но совершенно справедливо, что путь „отверженія", хотя-бы всѣхъ министерскихъ проектовъ, былъ путемъ наименѣе дѣйствительнымъ. Подъ конецъ онъ наглядно долженъ былъ доказать силу министерства, обходившагося безъ палаты, и безсиліе палаты, влачившей безцѣльное существованіе.

Нельзя не припомнить здѣсь словъ, сказанныхъ г. Бисмаркомъ въ палатѣ по поводу требованія сверхсмѣтнаго кредита на устройство флота. „Я не могу удержаться отъ болѣзненнаго ощущенія, когда вижу, что собраніе, считающееся въ Европѣ средоточіемъ прусской интеллигенціи и патріотизма, въ виду великаго національнаго вопроса, двадцать лѣтъ занимающаго общественное мнѣніе, не можетъ возвыситься ни до какого другаго отношенія къ этому вопросу, кромѣ *безсильнаго отрицанія* (einer impotenten Negative) Не такимъ средствомъ удастся вамъ сообщить нашимъ конституціоннымъ учрежденіямъ ту крѣпость и то дальнѣйшее развитіе, въ какихъ они нуждаются" [1]).

Министерство вносило разныя предложенія, палата ихъ отвергала, не имѣя возможности настоять на принятіи *своихъ* плановъ; она ежегодно не утверждала бюджетъ — министерство продолжало собирать и расходовать налоги, — вотъ, въ двухъ словахъ, исторія всей парламентской борьбы, измѣнившей свой драматическій характеръ въ комическій. Предсказаніе демагога Лассаля сбылось: „конфликтъ" сдѣлался обычнымъ и совершенно незамѣтнымъ явленіемъ государственной жизни.

Подобнаго результата не предвидѣли, однако, въ другихъ государствахъ Германіи. Парламентское пререканіе вызвало здѣсь двоякое движеніе. Патріоты, преимущественно члены „Народнаго Союза", сочли долгомъ высказать неодобреніе политикѣ прусскаго правительства; по мнѣнію ихъ, оно выступало на путь, на которомъ лишалось права быть центромъ національнаго движенія и стоять во главѣ общаго отечества. Въ различныхъ политическихъ центрахъ Германіи парламентскія затрудненія прусскаго правительства казались удоб-

[1]) Reden, I, 148.

нымъ предлогомъ преобразовать союзъ безъ его содѣйствія и къ собственной ихъ выгодѣ.

Такъ думалъ, между прочимъ, вѣнскій кабинетъ, во главѣ коего стоялъ теперь уже извѣстный намъ г. Шмерлингъ. Министерство его самою силою вещей призвано было къ либеральной политикѣ, по крайней мѣрѣ къ внѣшнему либерализму. События 1859 г. нанесли ударъ ультра-консервативной партіи, и Австрія усиливалась подняться въ общественномъ мнѣніи Германіи, въ поддержкѣ которой она нуждалась для своихъ венгерскихъ и венеціанскихъ дѣлъ. Съ 1861 г. эта страна вступила, хотя и робкими шагами, на путь конституціонализма, причемъ новыя учрежденія должны были служить и централизаторскимъ планамъ Шмерлинга. Прусскій конфликтъ доставилъ ей случай испытать свои силы и въ Германіи по вопросу о союзной реформѣ. Вскорѣ это сдѣлалось даже необходимо.

Въ началѣ 1863 года г. Бисмаркъ рѣшился, разъ навсегда, выяснить отношенія Пруссіи къ Австріи. Онъ попытался сдѣлать это въ формѣ личныхъ объясненій съ австрійскимъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, графомъ Кароли (Karolyi), и результаты этихъ объясненій были изложены имъ въ циркулярной нотѣ отъ 24-го января 1863 г. Смыслъ ея состоитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію г. Бисмарка, отношенія Австріи къ Пруссіи долженствовали улучшиться или ухудшиться, но не могли оставаться такими, какими были до сихъ поръ. Со времени князя Шварценберга Австрія разчитывала утилизировать союзныя учрежденія въ свою пользу и въ явный ущербъ Пруссіи; она стремилась производить постоянное давленіе на свою соперницу посредствомъ сеймоваго большинства. Пруссія не могла подчинить этому большинству своихъ интересовъ великой державы. Она призвана была раздѣлять съ Австріею первенство въ Германскомъ союзѣ и во всякомъ случаѣ не слѣдовало предлагать сейму никакой мѣры безъ предварительнаго соглашенія двухъ первенствующихъ державъ. Въ противоположномъ образѣ дѣйствій прусскій кабинетъ долженъ былъ видѣть нарушеніе союзной конституціи и предоставлялъ себѣ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Независимо отъ такаго заявленія, прусское правительство еще въ іюлѣ 1862 г. признало Итальянское королевство и показало этимъ, что оно вовсе не намѣрено поддерживать притязанія Австріи относительно Италіи, и не раздѣляетъ установившагося въ прочихъ германскихъ государствахъ мнѣнія объ „интересахъ“ Германіи на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Такія отважныя дѣйствія требовали смѣлаго отпора, особенно въ виду не разрѣшившагося еще вопроса о таможенномъ союзѣ [1]). Моментъ для отпора, повидимому, былъ благопріятенъ, ибо прусское правительство было въ значительной степени изолировано въ Германіи. Оно держалось въ сторонѣ отъ національнаго движенія, охватившаго всѣ классы общества, и отвергало проекты реформъ, исходившіе изъ правительственныхъ сферъ; оно вступило въ столкновеніе съ своею нижнею палатою, прибѣгало къ стѣсненіямъ печати,—и все это въ то время, когда прочія правительства наперерывъ дѣлали уступки либеральнымъ и даже демократическимъ требованіямъ. Еще не за долго предъ тѣмъ вынуждено было выдти въ отставку непопулярное министерство фонъ-деръ-Пфордтена; министерство же г. Бисмарка держалось, не смотря на такую оппозицію, о какой не было и помину въ мирной Баваріи.

Всякая попытка преобразовать союзное устройство, всякій шагъ на пути національнаго движенія должны были, повидимому, привлечь на сторону Австріи всю Германію, упрочить надолго ея поколебавшееся первенство и оттѣснить на второй планъ соперничество дома Гогенцоллерновъ.

Лѣто 1863 г. было особенно тяжко для прусскаго правительства. Въ маѣ сессія ландтага была закрыта при сильнѣйшемъ взаимномъ раздраженіи; въ послѣдующіе мѣсяцы былъ подготовленъ проектъ союзной реформы, при чемъ было рѣшено передать его на обсужденіе не сейма, а самихъ государей, долженствовавшихъ собраться во Франкфуртѣ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора.

Конечно, вѣнскій кабинетъ понималъ, что подобный съѣздъ и самый проектъ не могутъ имѣть успѣха безъ согласія Пруссіи. Король находился тогда въ Гаштейнѣ; 2-го августа императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ туда-же и въ личномъ свиданіи съ Вильгельмомъ I открылъ ему свои планы. Король, по совѣщаніи съ находившимся при немъ г. Бисмаркомъ, далъ уклончивый отвѣтъ, заключавшійся въ томъ, что, по его мнѣнію, проектъ нуждался въ предварительномъ обсужденіи его на министерскихъ конференціяхъ. Не смотря на это, императоръ разослалъ ко всѣмъ германскимъ государямъ формальное приглашеніе прибыть во Франкфуртъ. Прусское правительство осталось при прежнемъ мнѣніи и отвѣчало отказомъ, но всѣ остальные государи явились и блестящій этотъ конгрессъ былъ открытъ $^{5}/_{17}$ августа.

[1]) См. ниже.

Положеніе Берлинскаго кабинета, въ виду такого событія, было не особенно выгодно. Германія могла, повидимому, съ основаніемъ упрекать его, что онъ не хочетъ принять участія въ великомъ національномъ дѣлѣ, въ то время какъ всѣ государи идутъ на встрѣчу новымъ требованіямъ и откликаются на призывъ первенствующаго члена союза. Мемуаръ австрійскаго кабинета, заключавшій въ себѣ объясненіе проекта, довольно ядовито намекалъ на послѣдствія такого „воздержанія“ Берлинскаго двора. „Воля Пруссіи“, говорилось здѣсь, „можетъ, фактически и юридически воспрепятствовать реформѣ общегерманской конституціи... Но дѣла зашли въ Германіи такъ далеко, что абсолютный застой невозможенъ и правительства, признающія это, будутъ наконецъ вынуждены провести по частямъ предполагаемую реформу, и съ цѣлью дать возможно широкое примѣненіе своему праву, при сохраненіи союзныхъ отношеній, вступать между собою въ свободные союзы“.

Такимъ образомъ Австрія думала воспользоваться противъ Пруссіи ея же стариннымъ оружіемъ, то-есть, идеею „союза въ союзѣ“, причемъ Пруссія должна была теперь разыграть роль, нѣкогда предназначавшуюся ея соперницѣ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, она была спасена полною несостоятельностію самаго проекта, построеннаго на такихъ началахъ, которыя ни одна партія, кромѣ безсильнаго Revormverein'а, не могла назвать своими.

Австрійскій проектъ предполагалъ сохранить въ полной силѣ конфедеративное начало, съ нѣкоторыми лишь улучшеніями. Союзная власть ввѣрялась директоріи изъ пяти голосовъ — трехъ самостоятельныхъ и двухъ сложныхъ. Три самостоятельныхъ голоса принадлежали Австріи, Пруссіи и Баваріи; два остальныхъ предоставлялись Виртембергу, Саксоніи или Ганноверу, долженствовавшимъ служить представителями прочихъ государствъ. Директоріи принадлежало право войны и мира, распоряженіе войсками, попеченіе о внутреннемъ порядкѣ, правосудіи, финансовое управленіе, завѣдываніе таможенными и торговыми дѣлами; предсѣдательство въ директоріи оставлялось за Австріею; дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Рядомъ съ этою высшею исполнительною властью предполагалось сохранить „тѣсный совѣтъ“ (plenum уничтожался) съ весьма сокращенною компетенціею. Наконецъ, для участія въ законодательствѣ (весьма ограниченнаго), предполагалось устроить родъ палаты представителей изъ 300 членовъ; они долженствовали быть избираемы палатами каждаго отдѣльнаго государства; двѣ трети изъ нихъ—нижними, одна треть—

верхними палатами. За симъ половина этихъ 300 членовъ распредѣлялась между Австріею и Пруссіею, а другая половина между прочими государствами.

Проектъ вызвалъ неудовольствіе въ разныхъ слояхъ германскаго общества. Съѣздъ депутатовъ отъ палатъ многихъ государствъ, въ мнѣніи, редактированномъ ученымъ историкомъ Гейссеромъ, высказался въ томъ смыслѣ, что проектъ не отвѣчаетъ справедливымъ стремленіямъ германскаго народа къ единству, что стремленія эти могутъ быть удовлетворены лишь реформой, построенною на началахъ имперской конституціи 1849 г. Сами государи не вполнѣ были согласны съ его началами. Тѣмъ не менѣе, проектъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ [1]), былъ принятъ большинствомъ голосовъ [2]). Предъ закрытіемъ засѣданій, конгрессъ обратился къ прусскому королю съ пламеннымъ воззваніемъ, приглашая его принять участіе въ общемъ дѣлѣ.

Теперь г. Бисмаркъ могъ побѣдить Австрію собственнымъ ея оружіемъ, за которое она такъ неосторожно взялась, — оружіемъ либеральныхъ стремленій. Аргументація прусскаго министерства была направлена главнымъ образомъ противъ трехъ началъ австрійскаго проекта, изъ которыхъ два отвергались съ точки зрѣнія прусскихъ интересовъ, третье—съ точки зрѣнія интересовъ національныхъ. Г. Бисмаркъ возражалъ противъ рѣшенія всѣхъ, даже важнѣйшихъ вопросовъ, большинствомъ голосовъ, которому должны были подчиняться обѣ великія державы; затѣмъ, противъ исключительнаго первенства Австріи, при которомъ Пруссіи отводилось мѣсто лишь на ряду съ прочими государствами; наконецъ, противъ странной системы общегерманскаго представительства, предложеннаго проектами. Берлинскій кабинетъ требовалъ: 1) veto для Пруссіи и Австріи въ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, наступательной войны; 2) равноправности Австріи и Пруссіи; 3) общенароднаго представительства, основаннаго на прямыхъ и поголовныхъ выборахъ; 4) обсужденія проекта будущей конституціи не одними правительствами, но и избраннымъ для этой цѣли національнымъ собраніемъ или, по крайней мѣрѣ, ландтагами отдѣльныхъ государствъ.

Пруссія заявила, что на этихъ основаніяхъ она готова присту-

[1]) Главное измѣненіе состояло въ томъ, что число голосовъ въ директоріи увеличено съ 5 на 6.

[2]) Кромѣ Бадена и Мекленбурга.

пить къ выработкѣ союзной реформы на министерскихъ конференціяхъ. Но конференціи эти не состоялись. Въ концѣ 1863 г. выдвинутъ былъ на первый планъ другой вопросъ, начиналась трагедія, первый актъ коей разыгрался на Эльбѣ и Эйдерѣ, а послѣдній въ Версалѣ.

III.

Смерть Фридриха VII датскаго.—Наслѣдіе лондонскаго протокола.—Исключительное положеніе Даніи и причины ея распри съ Германіею.—Общая конституція и мѣстныя особенности.—Исторія герцогствъ.—Договоръ 1460 года.—Законъ о престолонаслѣдіи въ Даніи 1665 года.—Патентъ 1721 года.—Попытки объединенія.—Мѣры Фридриха VII.—Тяжба съ союзомъ.—Конституція 1863 года.—Шлезвигъ-Гольштейнская агитація въ Германіи. — Кандидатура принца Августенбургскаго.—Мечты германскихъ патріотовъ.—Адресъ второй палаты въ Пруссіи.—Противодѣйствіе г. Бисмарка.—Его взглядъ на силу лондонскаго договора.—Союзъ съ Австріею. — Сеймъ принужденъ ограничиться экзекуціею.—Комитетъ 36.—Принцъ Августенбургскій въ Килѣ. — Начало датской войны.—Лондонская конференція; ея неудача. — Отторженіе герцогствъ отъ Даніи, въ пользу Австріи и Пруссіи.—Вѣнскій миръ 30-го октября 1864 г. — Его смыслъ и послѣдствія.—Планы г. Бисмарка и препятствія, встрѣченныя имъ.—Настроеніе сейма.—Январская декларація.—Переговоры съ Австріею.— «Февральскія условія».—Оппозиція прусской палаты депутатовъ.—«Политика молчанія».—Рѣчь г. Бисмарка 1-го іюня 1865 года.—Гаштейнскій договоръ и впечатлѣніе, имъ произведенное.—«Послѣднее предостереженіе».

Событіе, подавшее поводъ къ измѣненію всѣхъ союзныхъ отношеній въ Германіи, резюмируется въ двухъ словахъ: 13-го ноября 1863 года скончался датскій король Фридрихъ VII.

Смерть его возбудила много серьезныхъ вопросовъ. Мы уже видѣли, что, по различію законовъ о престолонаслѣдіи въ Даніи и Шлезвигъ-Гольштейнѣ, эти двѣ страны должны были раздѣлиться. Въ видахъ общеевропейской политики, означенное затрудненіе было устранено лондонскимъ трактатомъ 1852 г., гарантировавшимъ цѣлость датской монархіи. Протоколъ былъ подписанъ Австріею и Пруссіею. Каждая изъ этихъ двухъ державъ заключила съ Фридрихомъ VII договоръ, основанный на началахъ лондонскаго протокола [1]). Ближайшій наслѣдникъ герцогствъ, Христіанъ-Августъ Августенбургскій, согласился отказаться отъ своихъ правъ за $2^1/_4$ милл. талер., на которые были пріобрѣтены имъ разныя помѣстья. Оба сына его,

[1]) Лондонскій протоколъ признали послѣ того: Ганноверъ, Кургессенъ, Саксонія и Виртембергъ.

по достиженіи ими совершеннолѣтія, долго воздерживались отъ всякихъ протестовъ и лишь въ 1860 году старшій изъ нихъ, принцъ Фридрихъ, счелъ долгомъ протестовать,—но врядъ ли протестъ его могъ имѣть особенное значеніе.

Дѣло было, повидимому, улажено; но въ области международнаго права нѣтъ ни одного вопроса, окончательно рѣшеннаго. Сила всегда можетъ воспользоваться малѣйшимъ предлогомъ, чтобы ниспровергнуть всякое зданіе, какъ бы оно ни казалось прочно. А въ данномъ случаѣ такихъ предлоговъ было не мало: вопервыхъ, Германскій союзъ, въ цѣломъ составѣ, не признавалъ лондонскаго протокола; вовторыхъ, въ трактатахъ, заключенныхъ съ датскимъ правительствомъ, была выговорена неприкосновенность „мѣстныхъ особенностей“ герцогствъ,—условіе весьма неопредѣленное и двусмысленное. Какія обязанности налагало оно на Данію? Могло ли датское правительство, сохраняя разныя мѣстныя привиллегіи, распространить на всю монархію дѣйствіе общей для всего государства конституціи? На первый взглядъ здѣсь не было ничего невозможнаго.

Мы видимъ много государствъ, признающихъ мѣстныя особенности, но имѣющихъ также и общее устройство, согласованное съ этими особенностями. Для Даніи такая общая конституція была необходимостью. Какъ могла она иначе достигнуть даже внѣшняго единства, необходимаго для каждаго государства? А подобное единство было логическимъ послѣдствіемъ лондонскаго договора, основаннымъ на принципѣ *цѣлости* датской монархіи.

Но какъ провести границу между мѣстнымъ и общимъ? Какъ опредѣлить условія, при которыхъ общее не будетъ нарушать мѣстнаго? Данія была поставлена въ такія печальныя условія, при которыхъ *всякая* попытка съ ея стороны объединить свои части истолковывалась мѣстною оппозиціею въ смыслѣ нарушенія „привиллегій“, а мѣстная оппозиція встрѣчала громкій отголосокъ въ Германіи, издавна раздраженной противъ стараго врага „нѣмецкихъ правъ“ на сѣверѣ. Къ этому присоединялась необыкновенная запутанность взаимныхъ юридическихъ и этнографическихъ отношеній разныхъ частей датской монархіи.

Врядъ ли въ архивахъ какого-нибудь суда можно найдти дѣло болѣе запутанное; врядъ ли возможно было, со строго національной точки зрѣнія, рѣшить, кому долженъ принадлежать Шлезвигъ [1]).

[1]) Шлезвигъ (166 кв. м.) имѣлъ въ 1860 слѣдующій составъ народонасе-

Со времени великаго переселенія народовъ, на небольшомъ пространствѣ земли, составляющей территорію „соединенныхъ герцогствъ“, шла упорная борьба между скандинавскимъ и нѣмецкимъ элементами. Перевѣсъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Въ общихъ чертахъ, борьба дала слѣдующій результатъ. Гольштейнъ сложился въ чисто нѣмецкое герцогство; онъ былъ признанъ имперскою землею и впослѣдствіи сдѣлался частью германскаго союза [1]); Шлезвигъ былъ тѣснѣе связанъ съ Даніею и не составлялъ части германской территоріи. Но и въ пользу германскихъ патріотовъ, простиравшихъ свои виды на Шлезвигъ, можно было привести нѣсколько аргументовъ. Главнѣйшій изъ нихъ заключался въ томъ, что въ XV вѣкѣ оба герцогства были соединены подъ властью герцога Адольфа VIII изъ дома Шауенбурговъ [2]); по смерти бездѣтнаго Адольфа, они избрали своимъ правителемъ его племянника, датскаго короля Христіана I, изъ дома Ольденбургскаго [3]).

Земскіе чины заключили съ новымъ королемъ, 5-го марта 1460 года, договоръ, въ силу коего была признана нераздѣльность двухъ герцогствъ и ихъ мѣстныя привиллегіи. Конечно, „нераздѣльность“ герцогствъ можно было поддерживать только въ смыслѣ общности дѣйствовавшаго въ нихъ права, но не въ смыслѣ единства политическаго. Послѣднее не могло осуществиться уже потому, что датскія земли не выработали еще принципа единонаслѣдія. Различныя части монархіи дѣлились между наслѣдниками; образовывались новыя династіи, причемъ путаница въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ напоминаетъ удѣльный періодъ нашей исторіи. Съ бо̀льшимъ успѣхомъ поддерживали датскіе короли единство своей земли съ Шлезвигомъ; но Гольштейнъ, подъ господствомъ Готторпской линіи, успѣлъ

ленія (по языку): 135.000 датскаго, 33.000 фризскаго, 146.000 нѣмецкаго, 85.000 смѣшаннаго. M. Блокъ, Dictionnaire général de la politique, II, 888.

[1]) Вмѣстѣ съ Лауэнбургомъ.

[2]) Домъ Шауенбурговъ получилъ графства Гольштейнъ и Сторморнъ въ 1125 году. Онъ достигъ владычества надъ Шлезвигомъ и большею частью Гольштейна въ 1386 году. Послѣ продолжительной борьбы съ Даніею, въ теченіе которой Шлезвигъ опять отпадалъ отъ Гольштейна, обѣ земли соединились подъ властью герцога Адольфа VIII (1421—1450)—въ 1440 г.

[3]) Христіанъ I (род. въ 1426 г., ум. въ 1481 г.), сынъ Дидриха Счастливаго, графа Ольденбургскаго, былъ избранъ Датчанами въ короли послѣ расторженія Кольмарской уніи (1397 г.) въ 1448 г.

обособиться. Лишь въ XVIII вѣкѣ были утверждены права датской короны на эти земли [1]).

Отношенія усложнились еще вслѣдствіе того обстоятельства, что въ 1665 году король Фридрихъ III измѣнилъ датскій законъ о престолонаслѣдіи, допустивъ къ наслѣдованію женщинъ, между тѣмъ какъ въ герцогствахъ сохранился прежній порядокъ. Вслѣдствіе того монархія должна была распасться съ прекращеніемъ мужскаго поколѣнія датскаго дома.

Въ XVIII вѣкѣ была сдѣлана попытка исправить ошибку Фридриха III, а именно Фридрихъ IV, въ 1721 году, особымъ патентомъ думалъ распространить новый датскій законъ и на Шлезвигъ; но смыслъ патента и обстоятельства, при которыхъ онъ явился, даютъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ.

Несомнѣнно только то, что Шлезвигъ никогда не былъ органически связанъ съ Даніею, а Гольштейнъ былъ соединенъ только съ царствующимъ датскимъ домомъ, по пресѣченіи мужскаго поколѣнія коего онъ долженъ былъ перейдти къ другой линіи. Эти затрудненія и думала устранить лондонская конференція 1852 года, гарантировавъ цѣлость датской монархіи. Логическимъ послѣдствіемъ этой „цѣлости" долженствовало быть единство политическое, хотя съ соблюденіемъ мѣстныхъ особенностей герцогствъ. Фридрихъ VII совершилъ попытку такого объединенія. Въ 1855 году датскій ригсрадтъ принялъ общую для всего королевства конституцію; шлезвигъ-гольштейнскіе чины обратились съ жалобою къ германскому сейму; послѣдній велъ переговоры съ датскимъ правительствомъ и наконецъ, въ 1858 году, пригрозилъ ему экзекуціею. Король отчасти уступилъ сейму; введеніе конституціи въ дѣйствіе было пріостановлено для Гольштейна и Лауэнбурга, но не для Шлезвига. Земскіе чины этой области снова протестовали, и на этотъ разъ Австрія и Пруссія, подписавшія лондонскій протоколъ лишь подъ условіемъ сохраненія мѣстныхъ особенностей Шлезвига, адресовали копенгагенскому кабинету сильную ноту, объявивъ, что будутъ ждать его рѣшенія до начала 1862 года. Но общественное движеніе въ Даніи не прекращалось. Національно-демократическая партія громко требовала тѣснѣйшаго соединенія Даніи съ Шлезвигомъ и правительство вознамѣрилось

[1]) По договору короля Христіана VII (1766—1808 г.) съ русскимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ законнымъ наслѣдникомъ гольштейнскимъ, въ 1773 г.

разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ: Гольштейнъ долженъ былъ получить особое устройство, Шлезвигъ соединиться съ Данiею. 28-го сентября 1863 году датское министерство снова внесло въ ригсрадтъ проектъ общей конституцiи; германскiй сеймъ отвѣтилъ на это (1-го октября) постановленiемъ объ экзекуцiи. Ригсрадтъ принялъ конституцiю, которой не доставало теперь только королевскаго утвержденiя. Фридрихъ VII предоставилъ эту заботу своему преемнику.

Христiанъ IX, уступая требованiямъ датской нацiональной партiи, подписалъ конституцiю 18-го ноября 1863 года. Вслѣдствiе того война между нимъ и Германiею сдѣлалась неизбѣжною. Европа, нѣкогда заботившаяся о „цѣлости“ датской монархiи, вручившая королю Христiану весьма тяжкое бремя, оставила его теперь одного. Въ пользу его послышался только голосъ г. Бисмарка, громко заявившаго о своемъ уваженiи къ лондонскому договору.

Смерть Фридриха VII и послѣдующiя событiя привели всю Германiю въ истинно лихорадочное состоянiе. Всѣ партiи, какъ во второстепенныхъ государствахъ, такъ въ Австрiи и въ Пруссiи, единогласно провозгласили, что теперь наступила минута отторгнуть Шлезвигъ-Гольштейнъ и возвратить ихъ законному наслѣднику — принцу Фридриху Августенбургскому. Это нацiональное движенiе представляло не мало комическихъ сторонъ. Нельзя было, говоритъ одинъ наблюдатель, смотрѣть безъ смѣха, какъ на демократическихъ сходкахъ, яростные демагоги съ жаромъ выводили наслѣдственныя права принца изъ давно забытыхъ генеалогическихъ таблицъ. Не менѣе странною казалась самая кандидатура. Сынъ претендента, отказавшагося отъ своихъ правъ за деньги, долго проживавшiй въ помѣстьяхъ, купленныхъ на эти деньги, и долго воздерживавшiйся отъ протестовъ, герцогъ Августенбургскiй вдругъ предъявилъ теперь свои права на области, вовсе не имѣвшiя о немъ понятiя. Онъ обратился къ населенiю этихъ областей съ протестомъ, въ которомъ именовалъ себя герцогомъ Фридрихомъ VIII, но вмѣстѣ съ тѣмъ не спѣшилъ къ своимъ подданнымъ, не смотря на патрiотическое ихъ настроенiе. Онъ ждалъ разрѣшенiя вопроса въ Германiи и проживалъ пока въ Готѣ, гдѣ окружилъ себя „министерствомъ“.

Общественное движенiе въ Германiи принимало серьезный оборотъ. Рѣчь шла уже не о союзной экзекуцiи, съ цѣлью охраненiя мѣстной автономiи Шлезвигъ-Гольштейна, но о томъ, чтобы утвердить надъ этими областями власть претендента. Отъ державъ, подписавшихъ лондонскiй договоръ, требовалось, чтобы онѣ отказались отъ него и

создали, вмѣстѣ съ Германіею, особое самостоятельное государство, съ новою династіею. Въ этомъ смыслѣ высказалась и прусская палата депутатовъ, по предложенію Вирхова и Штавенгагена.

Но стремленія такого рода рѣшительно не сходились съ планами г. Бисмарка. Отказаться сразу безусловно отъ лондонскаго протокола было неудобно въ виду возможнаго и основательнаго противодѣйствія великихъ европейскихъ державъ, которыя не только не молчали, но, какъ это сдѣлала Англія, рѣзко осуждали образъ дѣйствій сейма [1]. Создавать новое государство было, по его мнѣнію, не выгодно для Пруссіи, такъ какъ всякое второстепенное государство подчинялось австрійской политикѣ, въ ущербъ прусскимъ интересамъ. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, полезно было сохранить за Пруссіею полную свободу дѣйствій, не связывая ее солидарностью съ союзною политикой, представляемою „большинствомъ" сейма, къ которому г. Бисмаркъ питалъ недовѣріе.

Всѣ эти цѣли указывали на необходимость найдти для прусской политики твердую точку опоры внѣ политики союзной: такою точкою опоры представлялся лондонскій договоръ. Настаивая на обязательной силѣ этого договора, г. Бисмаркъ развязывалъ себѣ руки, во-первыхъ, относительно союза; Пруссія получала возможность дѣйствовать согласно своимъ интересамъ и по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, отстаивая лондонскій договоръ, Пруссія пріобрѣтала сильное оружіе противъ Даніи, удобное и противъ другихъ державъ, подписавшихъ протоколъ. Г. Бисмаркъ не заявлялъ о *безусловной* силѣ договора; онъ не заявлялъ, выражаясь его собственными словами, что Vertrag ist Vertrag, wir halten daran fest [2]. По теоріи его, лондонскій договоръ находился въ тѣсной связи съ разными предварительными условіями, на основаніи которыхъ онъ былъ заключенъ. Отъ соблюденія ихъ зависѣла и его собственная сила. Первое мѣсто между ними принадлежало мѣстной самостоятельности Шлезвига. Въ случаѣ инкорпораціи этой области, датское правительство открывало для Австріи и Пруссіи возможность отказаться отъ договора; между двумя сторонами возникалъ конфликтъ, а конфликтъ велъ къ войнѣ, исходъ которой былъ несомнѣненъ, то-есть, результатомъ ея долженствовало быть отторженіе герцогствъ отъ Даніи по праву завоеванія. Право такого рода, съ точки зрѣнія г. Бисмарка, сейму

[1]) Ноты англійскаго министерства отъ 27-го сентября и 27-го декабря 1863 г.

[2]) «Договоръ есть договоръ и мы стоимъ за него крѣпко».

не принадлежало; онъ имѣлъ лишь право *союзной экзекуціи*, *для возстановленія привиллегій герцогствъ*, но никакъ не для отторженія ихъ отъ Датской монархіи. Всякая другая политика сейма составила бы нарушеніе международнаго права и вовлекла бы Германію въ европейскую войну.

Въ результатѣ соблюденіе лондонскаго договора открывало для прусскаго правительства возможность войны и завоеванія герцогствъ въ свою пользу. Для достиженія этой цѣли ему предстояло: 1) устранить воинственные планы второстепенныхъ государствъ, между которыми Баварія и Саксонія, руководимая барономъ Бейстомъ, занимали первое мѣсто; 2) привлечь на свою сторону Австрію, какъ великую державу, подписавшую Лондонскій договоръ.

Трудно объяснить, какимъ образомъ Австрія, всегда опиравшаяся на второстепенныя государства, отважилась теперь на войну, не представлявшую ей особыхъ выгодъ въ будущемъ. Для Пруссіи австрійскій союзъ былъ чрезвычайно выгоденъ. Онъ отдалялъ Австрію отъ сейма, изолировалъ ее въ Германіи, помогалъ Пруссіи побѣдить сопротивленіе сейма; но что давалъ онъ Австріи? Здѣсь возможны только догадки, но нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ.

Во всякомъ случаѣ между Австріею и Пруссіею состоялось полное соглашеніе. Соединенными усиліями онѣ заставили сеймъ отказаться отъ намѣренія занять герцогства въ пользу Фридриха Августенбургскаго и ограничиться уже рѣшенною экзекуціею (7-го декабря 1863 года). Чрезъ двѣ недѣли саксонскія и ганноверскія войска вошли въ герцогства и заняли ихъ безъ сопротивленія со стороны датскихъ войскъ.

Но агитація въ пользу принца не прекращалась ни въ Германіи, ни въ герцогствахъ, ни въ правительственныхъ сферахъ. Въ концѣ декабря во Франкфуртѣ собрался съѣздъ членовъ и предводителей разныхъ партій. Резолюція его гласила, что лондонскій протоколъ не имѣетъ обязательной силы, а потому германскія правительства обязаны отторгнуть герцогства въ пользу законнаго ихъ наслѣдника. Для поддержанія постоянной агитаціи въ этомъ смыслѣ, съѣздъ избралъ комитетъ изъ 36-ти лицъ, въ числѣ которыхъ находились: историкъ Гейссеръ, юристъ Блунчли, Братеръ [1]), Бенингсенъ [2]), Миксль [3]),

[1]) Предводитель Баварской «партіи прогресса» (род. въ 1819 году). Издалъ вмѣстѣ съ Блунчли извѣстный «Deutsches Staatswörterbuch».

[2]) Извѣстный уже намъ предсѣдатель Nationalverein'а.

[3]) Извѣстный ораторъ, съ рѣчами котораго мы встрѣтимся ниже.

Твестенъ [1]), Шульце-Деличъ [2]) и историкъ Зибель [3]). Народонаселеніе герцогствъ горячо высказывалось въ пользу своего „законнаго" государя. 27-го декабря 1863 года сходка изъ 20.000 Гольштейнцевъ, собравшись въ Эльмсгарнѣ, провозгласила его своимъ правителемъ и послала ему приглашеніе торопиться пріѣздомъ въ герцогства. Принцъ прибылъ въ Киль 30-го декабря и возвѣстилъ о своемъ вступленіи на престолъ.

Эти дѣйствія, явно поощряемыя союзными коммиссарами въ герцогствахъ и второстепенными правительствами въ Германіи, вызвали протестъ со стороны Англіи и двухъ союзныхъ германскихъ державъ. Послѣднія провозгласили полную силу лондонскаго договора и требовали, чтобы принцъ-претендентъ покинулъ Гольштейнъ; онѣ жаловались на повсемѣстную агитацію, на дѣйствія комитета 36-ти и объявили, что не допустятъ стѣснить свою политику рѣшеніемъ сеймоваго большинства.

Конечно, всѣ эти протесты не имѣли въ виду умиротворенія Европы. Напротивъ, прусское правительство предвидѣло неизбѣжность военнаго столкновенія съ Даніею; оно требовало отъ ландтага утвержденія займа на предстоящія военныя издержки. Но палата депутатовъ отвергла означенное требованіе, сопровождая свой отказъ адресомъ, въ которомъ выражалось полное недовѣріе къ министерству (18-го декабря 1863 года).

Г. Бисмаркъ сказалъ по этому случаю въ палатѣ: „Путь, избранный нами для этой цѣли [4]), можетъ казаться неправильнымъ, но каковъ бы онъ ни былъ, выборъ его принадлежитъ исполнительной власти; по скольку вообще въ человѣческихъ дѣлахъ возможно правильно

[1]) Karl Twesten (род. въ 1820 году), сынъ богослова Августа Твестена, отличный ораторъ. Въ описываемое время былъ ревностнымъ членомъ оппозиціи въ прусской палатѣ. Съ 1866 года сдѣлался членомъ національно-либеральной партіи. Умеръ въ 1870 году въ Берлинѣ.

[2]) Schulze-Delitzsch, основатель рабочихъ союзовъ въ Германіи. Родился въ 1808 году, былъ членомъ франкфуртскаго національнаго собранія въ 1848 году. Извѣстенъ многими политико-экономическими трудами.

[3]) Heinrich Sybel род. въ 1817 году. Въ 1844 году занялъ каѳедру въ Боннскомъ университетѣ, былъ членомъ Эрфуртскаго сейма 1850 года. Въ 1856—1861 годахъ занималъ каѳедру въ Мюнхенскомъ университетѣ; въ 1861 году снова перешелъ въ Боннъ. Извѣстенъ, главнымъ образомъ, своею «Исторіею революціоннаго времени» (Geschichte der Revolutionszeit).

[4]) То-есть, для сохраненія цѣлости германской территоріи и самостоятельности герцогствъ.

предвидѣть будущее—это возможно только для правительства, потому что правительство, по самому положенію вещей, должно, лучше чѣмъ палаты, понимать подобныя дѣла. Собраніе въ 350 человѣкъ теперь не можетъ направлять, въ послѣдней инстанціи, политику великой державы, предписывая правительству программу, которой оно обязано слѣдовать во всѣхъ стадіяхъ дальнѣйшаго развитія дѣла" [1]).

Война началась скоро и безъ займа. 1-го января 1864 г. общая датская конституція вступила въ силу и распространилась на Шлезвигъ. 16-го января Австрія и Пруссія послали Даніи требованіе отмѣнить эту конституцію въ теченіе 48-ми часовъ. Датское правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказомъ. Послѣ этого обѣ державы объявили, что онѣ займутъ Шлезвигъ впредь до разрѣшенія спора, и угроза эта была приведена въ исполненіе чрезвычайно быстро. Въ концѣ января въ Шлезвигѣ явились союзныя войска въ числѣ 60.000 (40.000 Пруссаковъ и 20.000 Австрійцевъ). Пруссаки находились подъ начальствомъ прославившагося впослѣдствіи принца Фридриха-Карла, а главное начальство надъ союзными арміями было ввѣрено прусскому фельдмаршалу Врангелю.

Какую же роль должны были играть экзекуціонныя войска, занимавшія Гольштейнъ, въ виду этой новой экзекуціи, совершавшейся помимо и даже вопреки желанію союза? Съ своей точки зрѣнія, они должны были бы не пропустить чрезъ Гольштейнъ неразрѣшенную сеймомъ экзекуцію, но de facto главнокомандующій получилъ предписаніе не препятствовать движенію прусскихъ и австрійскихъ войскъ. Мы не станемъ слѣдить здѣсь за ходомъ военныхъ дѣйствій. Данія разчитывала, конечно, на поддержку Европы, но не встрѣтила ее. Правда, англійскій кабинетъ предложилъ обсудить возникшее столкновеніе на конференціи, и конференція дѣйствительно собралась; но результатомъ ея было лишь то, что послѣ разныхъ переговоровъ, одинаково неудачныхъ, Австрія и Пруссія объявили, что онѣ отказываются отъ лондонскаго протокола [2]).

Послѣ этого Шлезвигская экспедиція, предназначавшаяся сначала для временнаго занятія герцогствъ, приняла характеръ настоящей завоевательной войны, которая и кончилась отторженіемъ герцогствъ въ пользу двухъ союзныхъ державъ. Мирный трактатъ былъ подпи-

[1]) Reden, I, 89.

[2]) Лондонскія конференціи продолжались съ 13/25 апрѣля по 10/22 іюня 1863 года.

санъ въ Вѣнѣ 30-го октября 1864 года. III-я ст. этого трактата гласила, что Датскій король отказывается „отъ всѣхъ своихъ правъ на герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ въ пользу короля Прусскаго и императора Австрійскаго, обязываясь признать распоряженія, имѣющія быть сдѣланными ихъ величествами относительно сихъ областей".

Статья эта, очевидно, отстраняла отъ Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса Германскій союзъ съ его сеймомъ. Вопервыхъ, она заключала въ себѣ признаніе, что Христіанъ IX имѣлъ „собственныя права" на герцогства, чего сеймъ, стоявшій за наслѣдственныя права принца Августенбергскаго, не хотѣлъ признать. Вовторыхъ, упомянутыя права переносились на двѣ державы — Австрію и Пруссію, которыя могли теперь, по своему усмотрѣнію, предоставить рѣшеніе вопроса сейму, или рѣшить его и сами: всѣ союзныя права, договоры, наслѣдственныя притязанія отступали на задній планъ предъ правомъ завоеванія.

Конечно, III-я статья Вѣнскаго договора болѣе всего удовлетворяла стремленію Пруссіи подчинить себѣ герцогство или въ качествѣ своей провинціи, или въ качествѣ вассальной области. Берлинскій кабинетъ рѣшительно не былъ расположенъ къ созданію „новаго государства". Значеніе герцогствъ, съ ихъ отличными гаванями и крѣпостями, были слишкомъ важны для Германіи и Пруссіи, для интересовъ торговли и морскаго дѣла, чтобы упустить благопріятный случай сдѣлать первый шагъ къ увеличенію прусскаго могущества. Австріи, какъ замѣчено уже выше, condominium надъ герцогствами не приносило ровно ничего. Австрійское правительство скоро убѣдилось въ своемъ ошибочномъ образѣ дѣйствій и еще 21-го октября австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рехбергъ, допустившій такой оборотъ дѣлъ, долженъ былъ выдти въ отставку [1]). Мѣсто его занялъ графъ Менсдорфъ-Пульи [2]).

Но прусская политика еще должна была бороться съ важными препятствіями. Вопервыхъ, противъ нея были второстепенныя госу-

[1]) Графъ Рехбергъ (род. въ 1806 г.) началъ свою дипломатическую карьеру въ 1833 г.; въ 1849 г. былъ австрійскимъ уполномоченнымъ при Блюстителѣ Имперіи, а министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1859—1864 г. Потомъ сдѣлался пожизненнымъ членомъ палаты господъ.

[2]) Mensdorff-Pouilly (1813—1871) оставался министромъ съ 1864—1866 г.; умеръ въ Прагѣ, въ званіи намѣстника Чехіи.

дарства, отношеніе коихъ къ герцогствамъ не вполнѣ уяснилось; союзныя войска (ганноверско-саксонскія), облеченныя правомъ экзекуціи, все еще находились въ Гольштейнѣ. Вовторыхъ, народонаселеніе герцогствъ горячо высказывалось за права принца Августенбургскаго, видя въ нихъ символъ своей политической самостоятельности. Въ третьихъ, Австрія, вначалѣ поддавшись увлеченію, рѣшилась теперь всѣми мѣрами исправить свою ошибку, то-есть, воспрепятствовать присоединенію герцогствъ къ Пруссіи. Наконецъ, министерству г. Бисмарка предстояла по прежнему борьба съ прусскою нижнею палатою. Изъ всѣхъ этихъ препятствій самыя важныя были, конечно, послѣднія два, то-есть, противодѣйствіе Австріи и оппозиція нижней палаты.

Войска союзной экзекуціи, какъ мы уже видѣли, безпрепятственно пропустили австро-прусскую армію въ Шлезвигъ; они пребывали въ бездѣйствіи и въ теченіе всей войны, а также когда прусскія войска занимали, для военныхъ цѣлей, гольштейнскіе города Киль, Альтону и др. Дѣятельной оппозиціи со стороны сейма трудно было ожидать, но онъ былъ силенъ оппозиціею пассивною. По заключеніи вѣнскаго мира, когда всѣ права на герцогства перешли къ Австріи и Пруссіи, присутствіе экзекуціонныхъ войскъ въ Гольштейнѣ оказывалось лишнимъ, или, какъ выражались офиціально, gegenstandlos. Поэтому прусское правительство съ полнымъ основаніемъ потребовало удаленія означенныхъ войскъ, тѣмъ болѣе, что между ними и прусскою арміею начались прискорбныя столкновенія. Ганноверъ и Саксонія не показывали готовности исполнить это требованіе. Дѣло дошло до вооруженной демонстраціи со стороны Пруссіи, послѣ которой Ганноверъ уступилъ, а Саксонія передала вопросъ на разсмотрѣніе сейма. Австрія и на этотъ разъ оказала помощь Пруссіи. Сеймъ, подъ ея вліяніемъ, постановилъ прекратить экзекуцію, и 7-го декабря союзные коммиссары передали управленіе Гольштейнъ-Лауэнбургомъ коммиссарамъ австро-прусскимъ.

Настроеніе общественнаго мнѣнія въ герцогствахъ было неблагопріятно для Пруссіи, по мѣрѣ того какъ выяснялись дальнѣйшія ея намѣренія. Только область Лауэнбургъ, не составлявшая съ герцогствами одного цѣлаго, сразу заявила прусскія симпатіи и фактически перешла подъ власть Гогенцоллернскаго дома.

Но въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ неудовольствіе обнаруживалось очень рѣзко. Причины его коренились какъ въ общихъ, такъ и въ мѣстныхъ соображеніяхъ. Мѣстные патріоты утверждали, что право завоеванія, на которое опиралась теперь Пруссія, не было согласно съ

современными понятіями о народномъ правѣ, развившимися въ 1848 г., именно съ понятіемъ автономіи народонаселенія въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о присоединеніи его къ тому или другому государству. „Развѣ“, возглашали они, „Піемонтъ создалъ единство Италіи путемъ завоеванія? Развѣ не народное голосованіе вручило корону королю Виктору-Эммануилу? Развѣ и Наполеонъ III не избралъ тотъ же путь, присоединяя Ниццу и Савойю къ Франціи? Почему-же въ данномъ случаѣ принципъ завоеванія долженъ выступить во всей своей силѣ? Гольштейнцы не только не чуждались Германіи, но были вѣрнѣйшими ея сынами; они продолжали въ 1849 г. отстаивать интересы общаго отечества, когда въ самой Германіи уже пріостановилось движеніе, возникшее въ 1848 году. Почему же хотятъ поступить съ нами, какъ съ завоеванными? Конечно, право завоеванія имѣетъ свое значеніе, но врядъ-ли оно можетъ быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ. Австро-прусскія войска пришли не воевать съ жителями герцогствъ, а освободить ихъ отъ чуждаго ига; они встрѣтили въ насъ не враговъ, а друзей. Возможно-ли же послѣ того распоряжаться нашею судьбою безъ нашего согласія“?

Таковы были общія причины неудовольствія; въ мѣстныхъ также не оказывалось недостатка. Каждому германскому племени въ высокой степени присуще было доселѣ стремленіе къ независимости, и если оно не могло обезпечить себѣ независимости политической, то стойко держалось за провинціальныя свои особенности. Стремленія эти окрѣпли въ Гольштейнѣ, подъ вліяніемъ многовѣковой борьбы съ Даніею. Перспектива быть самостоятельнымъ государствомъ такъ улыбалась бывшей провинціи Датской монархіи, что присоединеніе къ Пруссіи казалось ей новымъ оскорбленіемъ ея мѣстнаго права. Что касается Шлезвига, то здѣсь обнаружилось двоякое настроеніе. Южная часть этой области, гдѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ, раздѣляло образъ мыслей Гольштейнцевъ; въ сѣверной части, гдѣ преобладало издавна датское народонаселеніе, не ослабли симпатіи къ Датской монархіи. Въ результатѣ ни тамъ, ни здѣсь не обнаруживалось симпатій къ Пруссіи, а если онѣ и существовали, то въ незначительномъ меньшинствѣ. Такъ въ декабрѣ 1864 г. нѣсколько членовъ аристократическихъ фамилій [1]) подали союзнымъ монархамъ адресъ, въ которомъ выражалось желаніе тѣснѣйшаго соединенія съ Пруссіею; гораздо болѣе многочисленная партія высказалась противъ такого

[1]) Именно баронъ Шеель-Плессенъ (Scheel-Plessen) и 16 другихъ лицъ.

присоединенія, какъ это видно изъ резолюціи, подписанной въ январѣ 1865 года 60,000 Шлезвигъ-Гольштейнцевъ.

Оппозиція эта была устранена на время мѣрами двоякаго рода. Во-первыхъ, гражданскій коммиссаръ Пруссіи энергически сдерживалъ въ герцогствахъ всякое проявленіе непріязненныхъ чувствъ: такъ, между прочимъ, онъ заключилъ въ крѣпость журналиста Мая (изъ Альтоны); во-вторыхъ, прусскій кабинетъ рѣшился поколебать въ общественномъ мнѣніи юридическую силу правъ Фридриха Августенбургскаго. Появились доказательства въ пользу герцога Ольденбургскаго, даже въ пользу правъ прусской короны на нѣкоторыя части Шлезвигъ-Гольштейна. Въ 1863 г. юридическіе факультеты 16-ти германскихъ университетовъ признали „ясными какъ день" права принца Августенбургскаго; теперь имъ, а вмѣстѣ и общественному мнѣнію, была задана новая работа, новые архивные труды.

Между тѣмъ, прусское правительство приступило къ утвержденію своего вліянія въ герцогствахъ и занялось самыми серьезными противниками своихъ плановъ — Австріею и собственнымъ ландтагомъ. Сопротивленіе Австріи было серьезно потому, что кромѣ могущества этой державы, она одна, на основаніи вѣнскаго договора, имѣла право вмѣстѣ съ Пруссіею опредѣлить судьбу герцогствъ. Безъ ея согласія нельзя было сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага; вынудить же это согласіе на все, что̀ желательно было для прусскаго кабинета, можно было силою, то-есть, войною, которую не удобно было предпринять, пока Австрія держалась оборонительной роли [1]).

Отношенія г. Бисмарка къ двумъ его противникамъ — Австріи и прусскому ландтагу представляютъ много интереснаго. Прошелъ почти годъ въ безплодныхъ переговорахъ; австрійское правительство отвергало всѣ планы г. Бисмарка относительно устройства судьбы герцогствъ, не предъявляя, однако, своихъ собственныхъ проектовъ; палата отвергала всѣ предложенія министерства, не указывая, что̀ ему, по ея мнѣнію, надлежитъ дѣлать.

Въ герцогствахъ прусскій кабинетъ имѣлъ энергическаго противника въ лицѣ австрійскаго коммиссара Гольбгубера, парализировавшаго всѣ дѣйствія прусскаго коммиссара барона Цедлица. Кромѣ

[1]) Утверждаютъ, что г. Бисмаркъ уже въ это время желалъ вызова со стороны Австріи. Такъ онъ говорилъ французскому посланнику въ Вѣнѣ, герцогу Граммону, что не только не боится войны съ Австріею, но скорѣе ищетъ ее. Пруссія успѣла бы въ такомъ случаѣ овладѣть герцогствами и пріобрѣсти, такъ или иначе, преобладаніе въ Германіи.

того, принцъ Августенбургскій, покровительствуемый Австріею, не удалялся изъ герцогствъ, не смотря на требованія Пруссіи. Изъ всѣхъ переговоровъ наиболѣе замѣчательны переговоры касательно такъ называемыхъ „февральскихъ условій". Г. Бисмаркъ 22-го февраля 1865 г. отправилъ въ Вѣну ноту, съ изложеніемъ условій, на основаніи коихъ Пруссія соглашалась уступить принцу Фридриху герцогства. Пруссія, говорилось въ нотѣ, можетъ согласиться на учрежденіе только безусловно дружественнаго и тѣсно связаннаго съ нею государства; она не можетъ собственными руками создавать государства, которыя впослѣдствіи сдѣлались бы ея врагами. Поэтому Пруссія требуетъ: 1) чтобы войска и флотъ будущаго герцогства были соединены съ прусскими; 2) чтобы контингентъ, выставляемый Шлезвигъ-Гольштейномъ въ союзную армію, находился подъ начальствомъ прусскаго короля; 3) чтобы для военныхъ цѣлей Пруссіи были уступлены ей Фридрихсортъ, городъ Зондербургъ съ округами и округи при устьяхъ сѣвернаго канала; 4) чтобы Ренсбургъ былъ объявленъ союзною крѣпостью и Пруссія занимала его своимъ гарнизономъ; 5) чтобы почтовое и телеграфное управленіе герцогствъ было соединено съ прусскимъ.

Таковы были главнѣйшія изъ „февральскихъ условій", но они были отвергнуты какъ Австріею, такъ и Фридрихомъ Августенбургскимъ. Точно также не удались и особые, личные переговоры г. Бисмарка съ принцемъ. Пруссія осталась при условіяхъ „совладѣнія" (condominium), которое приносило ей мало пользы. Министерство желало сразу приступить къ нѣкоторымъ работамъ, необходимымъ съ точки зрѣнія прусскихъ и даже общегерманскихъ интересовъ; въ числѣ этихъ предпріятій на первомъ планѣ стояло сооруженіе пристани въ Килѣ и флота. Правительство рѣшилось взяться за это дѣло, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія судьбы герцогствъ; но сооруженіе флота требовало сверхсмѣтнаго кредита и проектъ министерства былъ встрѣченъ сильною оппозиціею въ палатѣ.

Настроеніе ея, а также общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, нѣсколько измѣнилось послѣ войны, польстившей національному самолюбію. Конечно, не было и рѣчи о примиреніи съ министерствомъ, не уважавшимъ бюджетнаго права палаты; оппозиція рѣшилась отвергать всѣ его предложенія, пока не будетъ разрѣшенъ конфликтъ. Но съ другой стороны прежнее „августенбургское" настроеніе палаты и либеральной части общества видимо ослабѣло. Перспектива усиленія прусскаго вліянія на сѣверѣ улыбалась людямъ патріотиче-

скаго образа мыслей. Въ душѣ они были согласны съ началами „февральскихъ условій“; но оппозиція, принявшая чисто отрицательный характеръ, продолжала отвергать предложенія министерства, не выставляя вмѣсто нихъ своихъ собственныхъ.

Въ январѣ 1865 года открылась новая сессія ландтага. Въ тронной рѣчи выражалась надежда что, въ виду послѣднихъ событій, парламентское пререканіе кончится и палата, убѣдившись въ пользѣ совершившагося преобразованія арміи, утвердитъ правительственный проектъ. Но надежда и на этотъ разъ не осуществилась. Проектъ воинской реформы былъ отвергнутъ по докладу Гнейста; ту же судьбу испытали дополнительный кредитъ на военныя издержки, а такъ же чрезвычайный кредитъ для устройства флота и Кильской гавани.

Конечно, все это раздражало министерство, но не въ такой степени, какъ рѣшительный отказъ палаты высказать свое мнѣніе о судьбѣ герцогствъ. Отказъ палаты въ чрезвычайномъ кредитѣ на устройство Кильской гавани и флота основывался, независимо отъ „бюджетнаго пререканія“, на неувѣренности въ томъ, что Киль останется за Пруссіею, и на опасеніи, что средства страны будутъ потрачены даромъ. Но, по мнѣнію министерства, отъ палаты во многихъ отношеніяхъ зависѣла теперь судьба герцогствъ и вопросъ о принадлежности Киля Пруссіи. Г. Бисмаркъ настойчиво убѣждалъ ее высказаться, наконецъ, въ томъ или другомъ смыслѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что подобное заявленіе было бы важнѣе для правительства и страны, чѣмъ даже соглашеніе съ палатою по финансовымъ проектамъ.

„Вопросъ, говорилъ онъ въ засѣданіи 1-го іюня 1865 г., по которому я ожидалъ приговора палаты, еще болѣе нежели по финансовымъ дѣламъ, есть вопросъ политическій, касающійся и настоящаго и будущаго. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ стоялъ впереди всѣхъ другихъ германскихъ вопросовъ и ждетъ теперь своего разрѣшенія. Вы поставлены иниціативою правительства въ возможность высказаться по его поводу. Страна имѣетъ право убѣдиться, что̀ значитъ мнѣніе ея представительства объ этомъ дѣлѣ. Предъ вами удобный поводъ говорить; никакія дипломатическія соображенія не стѣсняютъ васъ, да вы не много обращали на нихъ вниманія и при другихъ обстоятельствахъ. Если, однако, вы продолжаете хранить молчаніе, то не мое дѣло подвергать критикѣ руководящія вами побужденія Если бы судить о мнѣніи всей палаты по заявленію депутата Вальдека [1]),

[1]) Вальдекъ (1802—1870 г.) старѣйшій членъ германской либеральной и демократической партіи.

то я долженъ былъ бы предположить, что вы или страшитесь, высказавъ завѣтныя свои мысли, очутиться въ противорѣчіи съ общественнымъ мнѣніемъ, или не хотите оказать поддержку министерству, котораго вы не терпите, ибо оно не принадлежитъ къ вашей партіи. Я не могу себѣ представить, чтобы таково было мнѣніе большинства изъ васъ; вы не можете отрицать, что фактически не существуетъ у насъ другой внѣшней политики, кромѣ той, которую отстаиваетъ министерство, назначенное королемъ. Нападая на эту политику, вы нападаете вообще на политику вашего отечества, въ союзѣ съ враждебными ему иностранными державами.

„Я думаю, что противъ простой, холодной логики этого вывода нельзя привести основательныхъ возраженій. Повторяю еще разъ, я не прибѣгнулъ бы къ сдѣланному мною сейчасъ предположенію, если бы не былъ уполномоченъ къ тому г. Вальдекомъ. Онъ сказалъ прямо: какое намъ дѣло до затрудненій прусскаго правительства? Къ чему стали бы мы усиливать его нашею подачею голосовъ? На какомъ основаніи дозволили бы мы утилизировать себя министерству, не признающему нашего бюджетнаго права? Словомъ, слѣдуя г. Вальдеку, вы должны пользоваться своимъ правомъ отказа въ займахъ, чтобы вынудить у министерства уступки въ другихъ сферахъ. Кажется, нельзя сомнѣваться, что именно таково его мнѣніе; но что оно не принадлежитъ всѣмъ вамъ, это доказывается предложеніемъ г. депутата Михаелиса и его товарищей [1]..... Мы изложили нашу программу подробно и ясно въ депешѣ 22-го февраля [2]) и я думаю, что если вы дѣйствительно не желаете *отречься* (abdiciren) въ области внѣшней политики, какъ это возвѣстилъ одинъ изъ ораторовъ, то королевское правительство въ правѣ ожидать отъ васъ приговора: желаете ли вы вмѣстѣ съ нимъ отстаивать его программу, желаете ли поддерживать его, или требуете въ этой программѣ какихъ-либо измѣненій? Правительство и страна въ правѣ вызвать ваше сужденіе“ [3]).

Но такого сужденія не послѣдовало. Не встрѣтивъ опоры въ палатѣ министерство продолжало дѣйствовать на свой рискъ. Оно утилизировало свое „совладѣніе“, на сколько это дозволяло открытое со-

[1]) Членъ прогрессивной партіи, депутатъ Михаелисъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ историкомъ Моммзеномъ, внесъ въ палату предложеніе объ устройствѣ герцогствъ, въ смыслѣ ихъ соединенія съ Пруссіею. Не смотря на поддержку Твестена, палата отвергла это предложеніе.

[2]) См. выше.

[3]) Reden, I, 157—158.

перничество Австріи, парализировавшей дѣйствія его въ герцогствахъ. Лѣтомъ 1865 года взаимныя пререканія грозили разрѣшиться войною, но Пруссія была не готова къ наступательному образу дѣйствій вслѣдствіе парламентскаго пререканія; Австрія не имѣла основанія желать войны, въ виду еще важнѣйшихъ затрудненій въ Италіи и Венгріи. Наконецъ война была не желательна для двухъ сторонъ еще и по неизвѣстности, на чью сторону станутъ въ этомъ случаѣ прочія германскія государства, которыя были тогда одинаково недовольны и Пруссіею и Австріею. Компромиссъ, повидимому, былъ единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія. При такихъ обстоятельствахъ г. Бисмарку удалось заключить съ Австріею извѣстный договоръ въ *Гаштейнѣ* (14-го августа 1865 г.).

На основаніи этого договора, обѣ державы раздѣлили между собою герцогства, а именно Пруссія получила въ управленіе Шлезвигъ, Австрія - Гольштейнъ. Лауэнбургъ былъ уступленъ Пруссіи за 2.500,000 датскихъ талеровъ; Киль былъ объявленъ союзною гаванью и отданъ въ управленіе Пруссіи; Ренсбургъ сдѣланъ союзною крѣпостью, причемъ обѣ державы согласились занимать его своими гарнизонами. Многія другія условія клонились такъ же въ пользу Пруссіи.

Договоръ вступилъ въ силу 14-го сентября 1865 г. и тотчасъ же въ Шлезвигъ явился прусскій намѣстникъ, генералъ Мантейфель [1]); Гольштейнъ былъ ввѣренъ австрійскому фельдмаршалу — лейтенанту Габленцу [2]).

Соглашеніе Австріи и Пруссіи вызвало всеобщее неудовольствіе. Обѣ державы, только что боровшіяся оружіемъ съ Даніею за нераздѣльность герцогствъ, теперь сами раздѣлили ихъ; онѣ дозволили себѣ посредствомъ купли пріобрѣсти цѣлую страну, что не соотвѣтствовало современнымъ понятіямъ. Австрія, нѣкогда взявшая принца Августенбургскаго подъ свое покровительство, теперь пожертвовала частью его наслѣдственныхъ владѣній въ пользу Пруссіи и сама заняла другую.

[1]) Эдвинъ-Гансъ-Карлъ баронъ Мантейфель род. въ 1809 г. Въ 1861 году былъ генералъ-адъютантомъ короля. Въ моментъ своего назначенія въ Шлезвигъ, онъ служилъ предметомъ общихъ разговоровъ вслѣдствіе своей дуэли съ депутатомъ Твестеномъ, оскорбившимъ его въ одной изъ своихъ брошюръ. Во время Франко-прусской войны 1870 г. командовалъ сначала первымъ армейскимъ корпусомъ, потомъ первою арміею.

[2]) Лудвигъ-Карлъ-Вильгельмъ Габленцъ род. въ 1814 г., родомъ Саксонецъ. Участвовалъ въ венгерской и итальянской кампаніяхъ. Во время австро-прусской войны 1866 г. начальствовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ.

Но съ точки зрѣнія цѣли, предположенной г. Бисмаркомъ, Гаштейнскій договоръ представлялъ большія выгоды: 1) онъ доставилъ прусской коронѣ Лауэнбургъ; 2) утвердилъ ея господство въ Шлезвигѣ и въ Килѣ; 3) теперь можно было разчитывать, что Австрія, за извѣстное вознагражденіе въ иномъ мѣстѣ, уступитъ Пруссіи и Гольштейнъ, владѣніе которымъ не представляло ей особенныхъ удобствъ.

Таковъ былъ первый реальный результатъ политики г. Бисмарка; дальнѣйшій успѣхъ ея заключался въ томъ, что г. Бисмарку удалось возобновить на новый срокъ таможенный союзъ, едва не распавшійся вслѣдствіе сопротивленія нѣкоторыхъ государствъ торговому договору съ Франціею [1]).

Но и „раздѣльное владѣніе" въ герцогствахъ не утвердило здѣсь преобладанія Пруссіи, не уладило ея отношеній къ Австріи, не разрѣшило парламентскаго пререканія. Напротивъ, оно только усилило рознь соперниковъ, превратило ихъ натянутыя отношенія во враждебныя, отъ борьбы дипломатической привело къ битвѣ при Садовой. Не улучшились также и отношенія министерства къ палатѣ, которая выразила сопротивленіе присоединенію Лауэнбурга къ Пруссіи, осудивъ при этомъ всю политику министерства въ герцогствахъ. Обстоятельства, при которыхъ открывался грозный для Германіи 1866 годъ, требовали рѣшительнаго образа дѣйствій. 3-го февраля г. Бисмаркъ высказался въ палатѣ слѣдующимъ образомъ по поводу личнаго соединенія Лауэнбурга съ прусскою короной [2]):

[1]) Торговый договоръ, заключенный съ Франціею въ 1862 г., вызвалъ противодѣйствіе со стороны другихъ членовъ Цолльфеpейна, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ Австріи. Пруссія объявила, что она согласна возобновить договоръ на новый срокъ (1865—1877 г.) лишь подъ условіемъ полнаго признанія французскаго трактата. Поставивъ такъ рѣшительно вопросъ, она спокойно ожидала событій, но и второстепенныя государства не дѣлали никакихъ шаговъ на пути къ соглашенію съ нею. Все зависѣло отъ того, какъ они выскажутся въ 1864 г., то-есть, когда должны были начаться переговоры о возобновленіи союза. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и торговыхъ интересовъ, они отказались отъ своего сопротивленія и таможенный договоръ былъ возобновленъ 12-го октября 1864 г., не смотря на помѣху со стороны Австріи. Эта удача прусскаго правительства была одною изъ причинъ отставки австрійскаго министра графа Рехберга. Нечего говорить, что въ 1867 г. таможенный союзъ организовался на другихъ началахъ.

[2]) Герцогство Лауэнбургъ (20 кв. миль и около 50,000 жит.) было, какъ замѣчено выше, уступлено Австріею Пруссіи за 2,500,000 т. датск. талеровъ (1,875,000 прус. тал.). По уплатѣ этой суммы изъ кассы особыхъ коронныхъ имуществъ (Kron-Fideicomiss-Fond; ср. прусск. конст. ст. 59, основ. на законѣ

„Если вамъ не нравится система личнаго соединенія, отчего-же не сказали вы этого раньше? Еще въ прошломъ году я обращался къ вамъ съ настоятельнымъ вопросомъ, даже съ просьбою, чтобъ вы выразили вашъ взглядъ на будущность герцогствъ. Я спрашивалъ васъ: согласны ли вы съ программой „февральскихъ условій?" Желаете ли вы, чтобы въ ней было что либо убавлено или прибавлено, одобряете ли вы, напримѣръ, личное соединеніе? Вы отвѣчали молчаніемъ, которое я не могу даже назвать краснорѣчивымъ. Вы не рѣшились отвѣтить: „мы остаемся при нашемъ мнѣніи, высказанномъ два года тому назадъ,—мы желаемъ и теперь, чтобы принцъ Августенбургскій былъ введенъ во владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ".

„Обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ же вопросомъ и теперь. Еще есть время, хотя не относительно Лауэнбурга — здѣсь уже поздно, — но относительно Шлезвигъ-Гольштейна: вы и теперь еще въ состояніи дать вѣсъ вашему мнѣнію и мнѣнію народа, котораго служите представителями: говорите же во имя этого народа, что̀ думаете вы о будущности Шлезвигъ-Гольштейна? Развѣ подобный предметъ вовсе не интересуетъ васъ? Вы дѣлаете намъ запросы по его поводу, создаете намъ препятствія при каждомъ случаѣ, но заботливо утаиваете собственное мнѣніе.

„Но если и теперь вы будете молчать, то не жалуйтесь, если позднѣе мы не будемъ въ состояніи сообразоваться съ вашимъ мнѣніемъ, которое намъ неизвѣстно. Среди переговоровъ и событій не всегда удобно созывать ландтагъ и справляться съ responsa prudentum; если бы великій курфирстъ, на котораго вы ссылаетесь, при за-

1820 г., Рöнне, назв. соч. стр. 487 и слѣд. третьяго изд.), правительство вступило во владѣніе герцогствомъ на основаніи королевскаго патента, 13-го сентября 1865 г. 26-го сентября земскіе чины герцогства присягнули королю. Такъ состоялось пока *личное* соединеніе герцогствъ съ прусскою короною. Но на основаніи 55 ст. конституціи король, безъ согласія палатъ, не можетъ быть государемъ въ чужихъ странахъ: «Ohne Einwilligung beider Häuser des Landtags kann der König nicht zugleich Herrscher *fremder Reiche* sein». Когда, въ 1866 г. правительство заявило ландтагу о присоединеніи Лауэнбурга къ прусской коронѣ, нижняя палата объявила этотъ актъ не конституціоннымъ, такъ какъ онъ состоялся безъ предварительнаго соглашенія съ ландтагомъ. Въ отвѣтной рѣчи г. Бисмаркъ доказывалъ законность этого образа дѣйствій на томъ основаніи, что Лауэнбургъ не есть *иностранное* (fremdes) владѣніе, и не составляетъ самостоятельнаго государства (Reich, буквально: имперію). Палата впослѣдствіи требовала присоединенія Лауэнбурга къ прусской территоріи, но этого не произошло. Прусскій государь является въ имперіи и теперь членомъ за Пруссію и Лауэнбургъ.

ключеніи трактатовъ въ Велау [1]), Лабіау [2]) и друг., вознамѣрился созывать свои чины предъ подписаніемъ каждой статьи этихъ договоровъ, то еще неизвѣстно, подъ чьимъ владычествомъ находилась бы теперь провинція, по имени которой называется наше отечество (Пруссія)" [3]).

Предостереженіе, высказанное въ этихъ словахъ палатѣ, сдѣлалось грознымъ пророчествомъ для всей Германіи. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ на поляхъ Садовой разрѣшились ея судьбы, также какъ судьба герцогствъ и парламентскаго конфликта.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Единая Германія.

I.

Прусская диктатура въ Шлезвигѣ.—Противоположная политика австрійскаго намѣстника въ Гольштейнѣ. — Австрія заслуживаетъ упрекъ въ потворствѣ революціи.—Соперничествующія стороны приступаютъ къ вооруженію.—Общественное мнѣніе въ Пруссіи противъ войны.—Воинственное настроеніе вѣнской публики.—Конфиденціальная нота австрійскаго кабинета.—Мнѣніе г. Бисмарка о «недвусмысленныхъ угрозахъ». - Отвѣтъ второстепенныхъ государствъ.—Переговоры и союзъ Пруссіи съ Италіею. — Нейтралитетъ Франціи.—Положеніе Россіи.—Г. Бисмаркъ предлагаетъ созвать общегерманскій парламентъ. — Австрія возбуждаетъ Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ.—Мобилизація прусской арміи. — Дѣло о германскомъ парламентѣ на сеймѣ. — Разъясненія г. Бисмарка.—Воинственное настроеніе второстепенныхъ правительствъ.—Рѣшительный шагъ Австріи въ Гольштейнѣ.—Репрессаліи со стороны Пруссіи.—Австрія обращается къ сейму.—Голосованіе 14-го іюня.—Его значеніе и послѣдствія.— Заявленіе прусскаго уполномоченнаго.—Проектъ 10-го іюня.

„Политическая жизнь", говорилъ нѣкогда г. Бисмаркъ въ назиданіе палатѣ депутатовъ, „есть рядъ компромиссовъ: тамъ, гдѣ онъ прерывается, начинаются конфликты, а конфликты становятся вопросами силы". Но примѣръ Гаштейнскаго договора, не смотря на нѣкоторыя выгодныя его стороны, врядъ ли свидѣтельствуетъ въ пользу компромиссовъ въ такихъ случаяхъ, когда требуется окончательное рѣшеніе

[1]) Wehlau на Прегелѣ, уѣзд. городъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. Здѣсь, въ 1657 г. былъ заключенъ договоръ, обезпечивавшій независимость восточной Пруссіи.

[2]) Labiau, уѣзд. городъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. По договору, заключенному здѣсь въ 1656 г. великимъ курфирстомъ, Швеція уступила ему восточную Пруссію.

[3]) Reden, I, 168—169.

вопроса. Означенный компромиссъ не только не устранилъ войны, но сдѣлалъ ее необходимою. Послѣ раздѣла Шлезвигъ-Гольштейна, антагонизмъ между интересами Австріи и Пруссіи выступилъ еще рѣзче, чѣмъ при „совладѣніи“ [1]).

Прусское правительство твердо рѣшилось не выпускать изъ рукъ Шлезвига и постепенно идти къ соединенію его съ Пруссіею, въ той или другой формѣ. Оно расположилось въ этой области на правахъ дѣйствительнаго хозяина, не желавшаго уступать новаго своего владѣнія безъ боя. Генералъ Мантейфель принялъ строгія мѣры противъ августенбургской и демократической агитаціи. Всѣ чиновники, обнаруживавшіе свои симпатіи къ герцогу, были смѣщаемы. Королевскимъ патентомъ были введены строгіе карательные законы, грозившіе тюремнымъ заключеніемъ отъ 5 до 10 лѣтъ за всякую попытку установить въ герцогствѣ другое владычество кромѣ прусскаго. Манифестаціи, сходки, частныя собранія не были допускаемы. Словомъ, въ Шлезвигѣ установился тотъ порядокъ вещей, какой всегда почти примѣняется въ завоеванной странѣ, въ первыя минуты послѣ „ввода во владѣніе“, а именно диктатура.

Въ Гольштейнѣ австрійское правительство играло другую роль. Для него обладаніе этимъ герцогствомъ не представляло особыхъ выгодъ, не округляло границъ Австріи и не увеличивало ея могущества. Австрія охотно отдала бы его за всякую другую землю, напримѣръ за Силезію [2]), или, по крайней мѣрѣ, за дѣйствительную гарантію ея венеціанскихъ владѣній. Въ данную минуту обладаніе Гольштейномъ представлялось ей удобнымъ средствомъ вынудить у Пруссіи разныя уступки въ другихъ сферахъ. Уступить Пруссіи Гольштейнъ, но на возможно выгодныхъ условіяхъ—такова, повидимому, была цѣль вѣнскаго кабинета; лучшимъ же средствомъ осуществить эту цѣль было сдѣлать свое сосѣдство невыносимымъ. Пруссія не могла, конечно, смотрѣть равнодушно на либеральную, можно сказать, распущенную администрацію, установленную въ Гольштейнѣ Габленцомъ. Для военной диктатуры у Габленца не было даже надлежащихъ силъ, ибо вся его армія ограничивалась трехъ-тысячнымъ отрядомъ, между тѣмъ

[1]) Никто, говоритъ Ламармора, не считалъ Гаштейнскій трактатъ дѣломъ серьезнымъ—договаривающіяся державы можетъ быть менѣе, чѣмъ кто нибудь. См. «*Не много болѣе свѣту*» и т. д., стр. 60 (франц. перев.).

[2]) О чемъ и была рѣчь въ теченіе дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 г.

какъ Мантейфель располагалъ въ Шлезвигѣ значительнымъ войскомъ. Габленцъ не только не стѣснялъ общественныхъ манифестацій, но повидимому покровительствовалъ имъ; принцъ Августенбургскій спокойно проживалъ въ Гольштейнѣ и дѣйствовалъ въ пользу своей кандидатуры.

Въ январѣ 1866 года въ Альтонѣ собралась сходка въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, постановившая ходатайствовать о скорѣйшемъ созваніи Шлезвигъ-Гольштейнскаго ландтага и заявившая о своей непоколебимой вѣрности Фридриху VIII.

Прусское правительство препроводило въ Вѣну грозную ноту, въ которой упрекало Австрію въ явномъ поощреніи кандидатуры принца Августенбургскаго и „опасныхъ революціонныхъ стремленій". Г. Менсдорфъ-Пульи не безъ ироніи опровергалъ этотъ послѣдній упрекъ въ нотѣ своей отъ 7-го февраля, но теперь всѣ дипломатическія средства были уже исчерпаны. Оба кабинета понимали, что война, въ ближайшемъ будущемъ, неизбѣжна и дѣятельно приступили къ вооруженіямъ.

Приготовленія къ войнѣ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, а именно съ февраля по іюнь 1866 г., послѣ чего военныя дѣйствія открылись одновременно, въ различныхъ пунктахъ. Рѣдкая война была такъ непопулярна и рѣдко когда правительство находилось въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ настроеніемъ общества, какъ прусское правительство весною 1866 г. Съ марта мѣсяца постоянно препровождались къ нему адресы, умолявшіе его о сохраненіи мира и даже о перемѣнѣ министерства. По примѣру Кёльна, многіе города Рейнской Пруссіи и 17 торговыхъ палатъ сдѣлали заявленія въ этомъ родѣ; за симъ послѣдовали адресы отъ Кенигсберга, Штеттина, Кёслина, Кольберга и Магдебурга. Дѣло не ограничилось этимъ. 7-го мая 1866 г. г. Бисмаркъ едва не сдѣлался жертвою убійцы, дважды выстрѣлившаго въ него изъ револьвера. Преступникомъ оказался молодой человѣкъ, по имени Юлій Когенъ [1]).

[1]) О мирномъ настроеніи прусскаго народонаселенія свидѣтельствуютъ писатели, наиболѣе расположенные къ политикѣ г. Бисмарка (что̀, конечно, ставится ими въ упрекъ націи). То же говорятъ и иностранные очевидцы: генералъ *Гавоне* писалъ, отъ 2-го апрѣля 1866 г., Ламарморѣ, что г. Бисмаркъ встрѣчаетъ оппозицію въ кругу старыхъ дипломатовъ. «Другое затрудненіе исходитъ отъ страны. Не только высшіе, но и средніе классы враждебны или мало расположены къ войнѣ. Что касается арміи, то судя по тому, что мы слышали отъ офицеровъ,—и она не пылаетъ энтузіазмомъ къ войнѣ съ Австріею. Въ ея ря-

Нечего говорить, что прусская палата депутатовъ была настойчивѣе въ своей оппозиціи чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ причинъ, она была еще раздражена судебнымъ преслѣдованіемъ депутатовъ Твестена и Френцеля [1]). Сессія открылась 15-го января 1866 г. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій палаты былъ протестъ противъ преслѣдованія депутатовъ; затѣмъ слѣдовали отказъ по дѣлу Лауэнбурга и нѣкоторые протесты по вопросамъ внутренней политики. Правительство поспѣшило закрыть сессію (23-го февраля), а затѣмъ и вовсе распустить нижнюю палату (9-го мая).

Если прусское правительство встрѣчало оппозицію въ миролюбивомъ настроеніи общества, то въ Вѣнѣ господствовалъ, напротивъ, совершенно иной духъ. Войны тамъ желали, ибо война должна была разрѣшить итальянскій и венгерскій вопросы, принести Австріи Силезію, взамѣнъ Гольштейна, упрочить ея положеніе въ Германіи. Нѣмецкія правительства были расположены въ пользу Австріи больше чѣмъ въ пользу Пруссіи. Всѣ заявленія г. Бисмарка ясно показывали, что „мѣстный суверенитетъ“ долженствовалъ потерпѣть отъ Пруссіи значительный ущербъ и что война, удачная для этой державы, поколеблетъ старое союзное начало въ пользу другаго, прямо ему противуположнаго. Австрія, напротивъ, по самому положенію своему, являлась охранительницею системы второстепенныхъ государствъ. Уже въ мартѣ 1866 г. былъ сдѣланъ опытъ классификаціи нѣмецкихъ государствъ на два лагеря. Графъ Менсдорфъ-Пульи отправилъ ко всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ, расположеннымъ къ Австріи, секретную депешу, въ которой заявлялось, что австрійское правитель-

дахъ существуетъ скорѣе симпатія къ австрійской арміи... Графъ Бисмаркъ, слѣдовательно, почти изолированъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ мало поддержки противъ вышеозначенныхъ затрудненій». Назв. соч. стр. 143 и слѣд.

[1]) Въ 1865 году депутаты Твестенъ и Френцель нападали, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, на нѣкоторыя дѣйствія министерства юстиціи. Правительство возбудило противъ нихъ судебное преслѣдованіе, но суды признали себя не компетентными, такъ какъ оскорбительныя слова были сказаны въ палатѣ и помѣщены въ отчетѣ о засѣданіи, а на основаніи 81 ст. конст. члены палатъ не были отвѣтственны за подачу голоса, за *высказанныя же ими мнѣнія* отвѣтствуютъ только предъ палатой. Прокуроръ апеллировалъ къ верховному суду (Obertribunal), который высказался въ пользу правительства, истолковавъ 81 ст. такимъ образомъ, что ею обезпечивалась только свобода *мнѣній* (Meinungen) но не *словъ*, подчиненныхъ контролю общей судебной власти. Это изъясненіе конституціи и основанное на немъ рѣшеніе верховнаго суда было признано нарушеніемъ парламентскихъ привиллегій (по предложенію Говербека) 10-го февраля 1866 г.

ство намѣрено сложить съ себя принятое имъ обязательство „устроить судьбу Шлезвигъ-Гольштейна не иначе какъ по соглашенію съ Пруссіею“. Вопросъ о герцогствахъ будетъ переданъ на рѣшеніе сейма, который долженъ подчинить Пруссію своему большинству; для большей же силы „большинства“, австрійскій кабинетъ предлагалъ держать на готовѣ 7—10 корпусовъ союзной арміи, дабы они, вмѣстѣ съ австрійскими войсками, поддержали будущее рѣшеніе сейма. Берлинскій кабинетъ, съ своей стороны, отправилъ къ нѣмецкимъ правительствамъ ноту (24-го марта), въ которой доказывалась необходимость для Пруссіи серьезныхъ гарантій противъ Австріи, настоятельность союзной реформы въ національномъ смыслѣ и польза тѣснаго союза всѣхъ нѣмецкихъ государствъ съ Пруссіею. Въ заключеніе нота приглашала дать отвѣтъ па вопросъ: „въ какой мѣрѣ Пруссія можетъ разчитыватъ на поддержку означенныхъ правительствъ, въ случаѣ нападенія со стороны Австріи, или въ томъ случаѣ, если прусское правительство будетъ вынуждено къ войнѣ не двусмысленными угрозами?“.

Подъ именемъ „не двусмысленныхъ угрозъ“ Берлинскій кабинетъ разумѣлъ обширныя военныя приготовленія, начавшіяся уже какъ въ Австріи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Саксоніи, руководимой воинственнымъ барономъ Бейстомъ. Въ отвѣтъ на депешу 24-го марта, большинство нѣмецкихъ правительствъ сослалось на 11-ю ст. Союзнаго акта и 19-ю ст. Вѣн. зак. акта, строго воспрещавшія войну между союзными государствами. Конечно, этотъ отвѣтъ не устранялъ „не двусмысленныхъ угрозъ“, въ которыхъ Пруссія, съ своей стороны, принимала дѣятельное участіе.

Когда война становится неизбѣжною, вооруженія производятся съ двухъ сторонъ и каждая сторона оправдываетъ свои военныя приготовленія такими же приготовленіями своего противника. Пруссія дѣятельно готовилась къ войнѣ. Если въ германскомъ обществѣ и среди нѣмецкихъ правительствъ ея планы встрѣчали мало поддержки, то дипломатическое искусство г. Бисмарка создало ему поддержку въ иностранныхъ государствахъ.

Въ извѣстномъ намъ письмѣ 1859 года онъ жаловался, что прусское правительство не хочетъ воспользоваться благопріятною минутой для улучшенія своего положенія въ союзѣ. Дѣйствительно, внѣшнія условія 1859 года были чрезвычайно благопріятны. Италія и Франція были въ войнѣ съ Австріею; Россія, занятая величайшею изъ когда-либо произведенныхъ реформъ, не расположенная къ Ав

стріи послѣ событій Крымской кампаніи, склонна была къ дружественному нейтралитету. Но и въ началѣ 1866 года положеніе дѣлъ было благопріятно для намѣреній берлинскаго кабинета. Правда, Италія неохотно помышляла теперь о войнѣ „на свой счетъ" и разчитывала пріобрѣсти Венеціанскую область или за деньги, или другимъ путемъ, чрезъ посредничество Наполеона III. Но съ другой стороны, Италія охотно присоединилась бы ко всякому врагу Австріи. Это доказывалось тѣмъ, что еще въ 1865 году (до заключенія Гаштейнскаго договора) на вопросъ прусскаго посланника во Флоренціи, г. Узедома, согласна ли будетъ Италія присоединиться къ Пруссіи въ случаѣ войны съ Австріею, — итальянское правительство отвѣчало утвердительно. Во Франціи менѣе всего думали о воинскихъ предпріятіяхъ, особенно послѣ неудачной мексиканской экспедиціи. Тюльерійскій дворъ врядъ ли былъ способенъ даже къ вооруженной демонстраціи. Оставалось, такъ сказать, „оформить" эти условія, что́ и было выполнено г. Бисмаркомъ.

Онъ не обманывался значеніемъ Гаштейнскаго договора. Съ осени 1865 года онъ началъ искать себѣ союзниковъ въ однѣхъ державахъ и обезпечивать нейтралитетъ другихъ. Италія была привлечена на сторону Пруссіи скорѣе другихъ. Пруссія оказала ей, вопервыхъ, важную услугу заключеніемъ торговаго трактата отъ имени таможеннаго союза, благодаря чему самыя враждебныя Италіи государства — Саксонія и Баварія—должны были признать ее (декабрь 1865 года — февраль 1866 года). Вовторыхъ, какъ мы замѣтили выше, еще въ августѣ 1865 года съ Италіею начаты были переговоры на случай войны. Гаштейнскій договоръ прервалъ ихъ. Но съ конца февраля 1866 года они возобновились съ новою силою при посредствѣ итальянскаго генерала Гавоне, отправленнаго въ Берлинъ съ этою цѣлью. Послѣ многихъ колебаній, обѣ державы заключили, наконецъ, союзный договоръ (8-го апрѣля 1866 года). Главныя постановленія его состояли въ слѣдующемъ: 1) Если предполагаемое соглашеніе съ Австріею и *союзная реформа* не состоятся, и прусское правительство принуждено будетъ объявить войну Австріи и ея союзникамъ, то Италія объявитъ войну австрійскому правительству. 2) Ни Италія, ни Пруссія не могутъ оканчивать войны и заключать мира съ врагами безъ взаимнаго соглашенія. 3) Сила этого трактата прекращается, если Пруссія не объявитъ войны Австріи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ [1]).

[1]) Исторія этого договора весьма подробно изложена въ книгѣ Ламар-

Отношенія Пруссіи къ Франціи выяснились еще въ концѣ 1865 года. Конечно, употребляя выраженіе „выяснились", мы не думаемъ сказать, чтобы дворы Берлинскій и Тюльерійскій вступили между собою въ какое-нибудь *соглашеніе* относительно передѣлки карты Европы. Такое соглашеніе врядъ ли существовало, не смотря на то, что о немъ говорили послѣ знаменитой поѣздки г. Бисмарка въ Біаррицъ, гдѣ онъ видѣлся съ Наполеономъ (октябрь 1865 года). Послѣ этой поѣздки стали ходить слухи, что императоръ Французовъ согласился на „исправленіе" прусскихъ границъ, подъ условіемъ такого же исправленія французскихъ — на лѣвомъ берегу Рейна. Вѣроятно, подобные переговоры велись въ Біаррицѣ, какъ они положительно велись послѣ знаменитаго свиданія [1]). Но они были на столько неопредѣленны, что сами по себѣ не имѣли никакого вліянія на образъ дѣйствій двухъ державъ. Увѣренность относительно пышныхъ обѣщаній, данныхъ будто бы г. Бисмаркомъ Наполеону III, возникла изъ убѣжденія въ непреодолимой силѣ Франціи: она не могла, казалось всѣмъ, допустить усиленія Пруссіи на востокѣ, не обезпечивъ себѣ достаточнаго вознагражденія на западѣ. Но это мнѣніе о силѣ Франціи врядъ ли раздѣлялось гр. Бисмаркомъ, давно убѣдившимся, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ публицистовъ, въ „прочномъ положеніи французскаго берега".

Врядъ ли раздѣлялъ это убѣжденіе самъ Наполеонъ III. По крайней мѣрѣ въ событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 года, онъ не держалъ себя властнымъ распорядителемъ судебъ Европы, какимъ его всѣ считали. Съ конца 1865 года до іюня 1866 года

моры, стр. 88 и слѣд. Еще до ратификаціи торговаго трактата (конецъ февраля) г. Бисмаркъ пригласилъ итальянское правительство прислать въ Берлинъ довѣренное лицо для соглашенія на случай войны съ Австріею. Генералъ Гавоне отправился туда 9-го марта. Первое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ разговора съ г. Бисмаркомъ, состояло въ томъ, что Пруссія начала переговоры съ Италіею не столько съ цѣлію серьезнаго союза, сколько ради интимидаціи Австріи, съ которою дѣятельно продолжались переговоры. Сколько видно изъ депешъ, напечатанныхъ Ламармороѣ, Гавону и Барралю стоило большаго труда привести дѣло къ опредѣленному результату.

[1]) Сравн. ноту гр. *Бисмарка* къ представителямъ сѣверо-германскаго союза при иностранныхъ дворахъ отъ $^{17}/_{29}$ іюля 1870 года, напечатанную въ сборникѣ *Гена*, «Der Krieg Deutschland's gegen Frankreich», стр. 394 и слѣд., и отвѣтъ *Бенедетти*, тамъ же, стр. 398 и слѣд. Какъ относились оба кабинета къ взаимнымъ предложеніямъ — это другой вопросъ, но въ существованіи дѣятельныхъ переговоровъ не можетъ быть сомнѣнія.

онъ, такъ сказать, спекулировалъ своимъ прежнимъ обаяніемъ въ качествѣ посредника между державами, готовившимися къ войнѣ. Онъ вступалъ въ переговоры то съ Пруссіею, то съ Италіею, которой предлагалъ отъ имени Австріи уладить уступку Венеціи безъ войны, то съ Австріею, то, наконецъ, со всѣми главными державами, ради устройства конгресса. Но онъ не могъ воспрепятствовать Италіи заключить союзъ съ Пруссіею; не удалось ему и разстроить его. Не даромъ онъ жаловался итальянскому посланнику въ Парижѣ, кавалеру Нигрѣ: „c'était bien la peine de me demander conseil pour faire *tout le contraire* de ce que je conseillais“ [1]).

Для г. Бисмарка достаточнымъ ручательствомъ бездѣйствія Франціи служило „положеніе ея берега“ и затѣмъ рѣшительная политика итальянскаго кабинета, связавшаго участь своей страны съ планами союзной реформы въ Германіи. Послѣ того, какъ союзный договоръ былъ подписанъ въ Берлинѣ, императорское правительство не могло уже препятствовать видамъ берлинскаго кабинета, не препятствуя въ тоже время объединенію Италіи, то-есть, не вооружая противъ себя разомъ два народа. За симъ веденіе переговоровъ, въ смыслѣ „вознагражденія“ Франціи то лѣвымъ берегомъ Рейна, то Бельгіею, представлялось дѣломъ безопаснымъ и даже выгоднымъ. Въ свое время эти переговоры открывали Франціи разные виды на вознагражденіе и склоняли ее къ нейтралитету; впослѣдствіи, въ 1870 году, г. Бисмаркъ напечаталъ черновые проекты французскихъ предложеній, ради доказательства своекорыстія и маккіавелизма этой державы.

Отношенія Пруссіи къ Россіи были особенно дружественны послѣ событій 1863 года, и Пруссія могла вполнѣ разчитывать на нейтралитетъ своей старинной союзницы. Англія все время ограничивалась предложеніемъ посредничества и „добрыхъ услугъ“, не приведшихъ ее ни къ какому результату.

Въ апрѣлѣ 1866 года силы Пруссіи были сосчитаны, отношенія ея къ заинтересованнымъ державамъ улажены и она могла ускорить развязку дѣла въ Германіи. На другой день по заключеніи союзнаго договора съ Италіею, 9-го апрѣля, г. Бисмаркъ, чрезъ прусскаго уполномоченнаго на франкфуртскомъ сеймѣ, г. Савиньи [2]), внесъ предло-

[1]) Ла-Мармора, 201.

[2]) Карлъ-Фридрихъ Савиньи (Savigny), сынъ знаменитаго юриста Фридриха-Карла Савиньи (1779 — 1861), род. въ 1813 году. Былъ уполномоченнымъ на Франкфуртскомъ сеймѣ съ 1864 года.

женіе о реформѣ союзнаго устройства, при чемъ предлагалъ, чтобы будущая союзная конституція была обсуждена какъ правительствами, такъ и общегерманскимъ парламентомъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ.

„Общегерманскій парламентъ“ былъ, конечно, могущественнымъ средствомъ агитаціи противъ правительствъ, враждебныхъ Пруссіи. Онъ и вообще союзная реформа были также однимъ изъ главныхъ средствъ вызвать войну [1]). Противъ него у австрійскаго кабинета не было другаго оружія, кромѣ того же Гольштейнскаго вопроса. Дѣйствительно, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ о „всеобщемъ разоруженіи“, австрійское правительство нотою, посланною въ Берлинъ 26-го апрѣля, напомнило о необходимости „окончательнаго“ разрѣшенія Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса и при томъ на основаніи „несомнѣнныхъ“ правъ принца Августенбургскаго. Если Пруссія, говорилось въ нотѣ, будетъ настаивать на своемъ отказѣ, то императорское правительство будетъ вынуждено передать вопросъ на обсужденіе сейма и созвать также Гольштейнскіе чины. Прусскій кабинетъ напечаталъ въ „Государственномъ Указателѣ“ (Staatsanzeiger) заявленіе, что онъ намѣренъ твердо держаться вѣнскаго мирнаго трактата и Гаштейнскаго договора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ мобилизаціи своихъ войскъ. Къ 8-му мая было мобилизировано уже 8 армейскихъ корпусовъ.

Открытіе военныхъ дѣйствій зависѣло теперь, вопервыхъ, отъ отношенія сейма къ прусскому проекту союзной реформы и, вовторыхъ, отъ образа дѣйствій Австріи по Гольштейнскому вопросу.

Сеймъ приступилъ къ обсужденію прусскаго предложенія 21-го апрѣля. На первый разъ было постановлено передать вопросъ на разсмо-

[1]) Ламармора, 95. Депеша Гавоне отъ $^{2}/_{14}$ марта 1866 года: «Le comte de Bismark formula ses plans de la façon suivante: d'ici à peu de temps, dans trois ou quatre mois, par exemple, remettre sur le tapis la question de la réforme de l'Allemagne, assaisonnée d'un parlement allemand. A l'aide de cette question et de parlement, soulever des complications qui ne tarderaient pas à placer la Prusse en face de l'Autriche. La Prusse se déciderait alors à en arriver à la guerre, et l'Europe ne pourrait faire d'opposition puisqu'il s'agirait d'une question importante et nationale». Затѣмъ: «Quant à faire sortir la guerre uniquement de la question des Duchés d'Elbe, cela lui serait facile; mais faire une aussi grande guerre pour une aussi petite question, ce serait heurter l'opinion de l'Europe, qui trouverait légitime, au contraire, une guerre dans le but de donner à la question allemande une solution large et nationale».

трѣніе особой коммиссіи [1]). Министры второстепенныхъ государствъ съѣхались въ Аугсбургъ для обсужденія своихъ отношеній къ Пруссіи и ея предложенію. Они нашли, что послѣднее не заключаетъ въ себѣ *проекта* союзной реформы, что для всѣхъ остается неизвѣстнымъ, чего хочетъ Пруссія. Въ этомъ отношеніи они были правы. Прусская нота предлагала только созваніе общегерманскаго парламента, не высказывая, что именно будетъ предложено на его разсмотрѣніе. Отвѣтная нота прусскаго кабинета (27-го апрѣля) не отрицала этого упрека, но указывала на полную невозможность открыть свои намѣренія прежде, чѣмъ сеймъ согласится на созваніе парламента. „Мы представимъ", гласила нота, „наши предложенія членамъ союза только тогда, когда созваніе парламента будетъ назначено въ опредѣленный срокъ..... Опредѣленіе срока для открытія парламента *прежде* обсужденія проекта реформы правительствами есть ядро, основа нашего предложенія отъ 9-го апрѣля. Съ устраненіемъ этого вопроса было бы вообще фактически устранено серьезное обсужденіе союзной реформы".

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько дней (11-го мая) г. Савиньи представилъ союзной коммиссіи главныя основанія прусскаго плана. Они состояли въ слѣдующемъ. 1) Въ составъ союзныхъ установленій входитъ періодически созываемый парламентъ. 2) Парламентъ избирается прямою и всеобщею подачею голосовъ на основаніи закона 1849 г. 3) Компетенція парламента распространяется на: а) всѣ вопросы, по которымъ прежняя союзная конституція требовала единогласнаго рѣшенія сейма; б) вопросы, касающіеся указанныхъ въ 64 ст. Вѣнскаго зак. акта „общеполезныхъ учрежденій". 4) Компетенція союзной власти распространяется на многіе предметы, до сихъ поръ не подвѣдомственные сейму, напримѣръ, на устройство таможенной части, торговое законодательство и мѣры къ защитѣ торговыхъ интересовъ, на устройство флота и т. д. 5) При обсужденіи союзной реформы должно обратить вниманіе на лучшее устройство военной части [2]).

Нота 27-го апрѣля не успокоила второстепенныя государства; они дѣятельно продолжали свои вооруженія; палаты усердно вотировали сверхсмѣтные кредиты для военныхъ издержекъ. Не больше успѣха

[1]) Изъ уполномоченныхъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Бадена, Гессенъ-Дармштадта и Саксонскихъ герцогствъ.

[2]) *Клюпфель*, назв. соч. II, стр. 29—33.

имѣла прусская политика и въ германскомъ обществѣ. Правда, не большая фракція старыхъ либераловъ, на съѣздѣ въ Галлѣ, заявила свое сочувствіе идеямъ Берлинскаго кабинета, но за то прогрессивная партія и „Народный Союзъ“ громко заявили о своемъ недовѣріи къ правительству, предлагавшему созваніе общегерманскаго парламента и не признавшему правъ своего собственнаго ландтага.

При этихъ обстоятельствахъ ничто уже не могло устранить войны. Безплодны были попытки сейма найдти путь къ мирному разрѣшенію пререканій; столь же безплодно было предложеніе Россіи, Англіи и Франціи разрѣшить вопросъ на конференціяхъ (24-го мая) [1]. Вопросъ заключался только въ томъ, когда начнется война и кто сдѣлаетъ первый шагъ.

Австрія рѣшилась сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ. 1-го іюня австрійскій уполномоченный объявилъ сейму, что императорское правительство признаетъ тщетными всѣ свои усилія подготовить согласное съ союзомъ рѣшеніе по Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу, и что оно передаетъ это общегерманское дѣло на усмотрѣніе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Габленцу было предписано созвать Гольштейнскій ландтагъ на 5-е іюня. Прусское правительство, въ нотѣ отъ 3-го іюня, заявило, что въ австрійской декларацiи оно видитъ нарушеніе Гольштейнскаго договора. Въ силу такого акта Австрія даетъ Пруссіи право возвратиться къ порядку вещей, установленному вѣнскимъ мирнымъ договоромъ 30-го октября 1864 г., т. е., къ *совладѣнію* герцогствами. Эти воззрѣнія были изложены и въ циркулярной нотѣ къ европейскимъ державамъ отъ 4-го іюня [2]. Фактъ „совладѣнія“ открывалъ для Пруссіи возможность ввести свои войска въ Гольштейнъ,

[1] Конференція европейскихъ державъ, предложенная Россіею, Англіею и Франціею, не состоялась вслѣдствіе требованія Австріи, чтобы на ней не было рѣчи о какихъ бы то ни было территоріальныхъ измѣненіяхъ, слѣдовательно, и о Венеціанскомъ вопросѣ. (Нота г. Менсдорфа-Пульи отъ 1-го іюня 1866). Князь Горчаковъ заявилъ, что при такихъ условіяхъ конференція не имѣетъ практической цѣли. Но за мѣсяцъ предъ тѣмъ (5-го мая) Австрія думала разстроить прусско-итальянскій союзъ уступкою Италіи Венеціанской области, подъ условіемъ пріобрѣтенія Силезіи отъ Пруссіи (à la condition que l'on laisserait l'Autriche libre de se dédommager sur la Prusse), а послѣ (6-го мая) подъ условіемъ простаго нейтралитета (contre la simple promesse de neutralité). Дѣло не состоялось вслѣдствіе того, что Австрія рѣшилась твердо держаться договора съ Пруссіею. Ламормора телеграфировалъ посланнику Нигрѣ (въ Парижѣ) «c'est une question d'honneur et de loyauté de ne pas nous dégager avec la Prusse».

[2] *H. Schultze* «Einleitung in das deutsche Staatsrecht», стр. 374 и слѣд.

воспрепятствовать замысламъ австрійскаго кабинета и даже вовсе устранить безсильное правительство Габленца. Дѣйствительно, 7-го іюня генералъ Мантейфель вошелъ въ Гольштейнъ и скоро послѣ того Габленцъ, вмѣстѣ съ принцемъ Августенбургскимъ, покинулъ навсегда эту область (12-го іюня).

Австрія обвинила свою соперницу въ „самоуправствѣ", не дозволенномъ союзною конституціею, и апеллировала къ сейму. Ея предложеніе, отъ 11-го іюня, заключало въ себѣ слѣдующіе пункты. Принимая въ соображеніе насильственныя дѣйствія Пруссіи, равно какъ и совершившуюся уже въ ней мобилизацію войскъ, императорское правительство полагаетъ, что внутренній миръ въ Германіи можетъ быть сохраненъ только всею военною силою союза. Поэтому сеймъ долженъ бы предписать мобилизацію всѣхъ союзныхъ корпусовъ (кромѣ прусскихъ) и принять всѣ мѣры для подчиненія Пруссіи союзному рѣшенію. Прусскій уполномоченный протестовалъ противъ австрійскаго предложенія на томъ основаніи, что 1) Шлезвигъ-Гольштейнское столкновеніе не подлежитъ сужденію сейма, такъ какъ Австрія и Пруссія заняли это герцогство не въ качествѣ членовъ союза, а въ качествѣ великихъ европейскихъ державъ; 2) что еслибы и признать компетентность сейма по данному вопросу, то австрійское предложеніе не согласно съ порядкомъ, указаннымъ въ союзной конституціи для разрѣшенія пререканій между членами союза. Порядокъ этотъ состоитъ въ *судебномъ* изслѣдованіи и рѣшеніи вопроса, причемъ противъ государства, не подчиняющагося приговору суда, можетъ быть назначена экзекуція, порядокъ которой также опредѣленъ союзными законами [1]).

Дѣйствительно, предложеніе Австріи не подходило ни подъ одно изъ средствъ, указанныхъ союзными актами для поддержанія „мира". Тѣмъ не менѣе 2 (14-го) іюня послѣдовало голосованіе сейма въ тѣсномъ совѣтѣ, и большинство высказалось въ пользу Австріи. Именно за предложеніе были: Австрія, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ, Кургессенъ, XIII и XIV коллективные голоса; противъ: Пруссія, Люксембургъ, XII, XIV, XV и XVII коллективные голоса. Баденъ воздержался отъ подачи голоса, вслѣдствіе чего, по союзнымъ законамъ, его голосъ былъ присчитанъ къ большинству.

Голосованіе 14-го іюня рѣзко раздѣлило нѣмецкія государства со-

[1]) См. выше, глава вторая, II, стр. 54 и слѣд.

гласно ихъ австрійскимъ или прусскимъ симпатіямъ. Для ясности необходимо здѣсь анализировать коллективные голоса, такъ какъ отношеніе самостоятельныхъ голосовъ понятно изъ сказаннаго: только Голландія (за Люксембургъ) была на сторонѣ Пруссіи.

Начнемъ съ коллективныхъ голосовъ, высказавшихся въ пользу Австріи. XIII голосъ состоялъ изъ Брауншвейга и герц. Нассаускаго. Первый высказался за Пруссію, второй за Австрію. Но, по установленной очереди (Turnus), рѣшающій голосъ принадлежалъ, въ случаѣ раздѣленія голосовъ, Нассау и потому XIII голосъ былъ присчитанъ къ большинству, XVI голосъ принадлежалъ Лихтенштейну, двумъ Рейссамъ, двумъ Липпе, Вальдеку и Гессенъ-Гомбургу. Изъ нихъ Липпе-Детмольдъ, Вальдекъ и Рейссъ м. лин. были противъ австрійскаго проекта. Гомбургъ 24-го марта 1866 г. присоединился къ Гессенъ-Дармштадту [1]). Изъ остальныхъ трехъ голосовъ, голосъ Липпе-Шаумбурга былъ сомнителенъ. Тѣмъ не менѣе представитель XVI голоса вотировалъ за Австрію [2]).

XII голосъ — Саксенъ-Веймаръ, Кобургъ-Гота, С. Альтенбургъ, С. Мейнингенъ—былъ поданъ за Пруссію, такъ какъ изъ всѣхъ этихъ герцогствъ только С. Мейнингенъ былъ за австрійское предложеніе. Въ числѣ государствъ, составлявшихъ XVII голосъ (вольные города) три были за Пруссію (Гамбургъ, Бременъ, Любекъ), одинъ (Франкфуртъ) высказался противъ. Государства, располагавшія XIV и XV голосами—два Мекленбурга, Ольденбургъ, Ангальтъ, два Шварцбурга—издавна были на сторонѣ Пруссіи.

Такимъ образомъ, предъ началомъ войны германскія государства сгруппировались около двухъ соперницъ, согласно своимъ старымъ симпатіямъ.

На одной сторонѣ были: *Австрія*, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Лихтенштейнъ, Рейссъ-Грейцъ, С. Мейнингенъ, Франкфуртъ на Майнѣ.

На другой: *Пруссія*, Брауншвейгъ, два Мекленбурга, Ольденбургъ, Ангальтъ, два Шварцбурга, Вальдекъ, Рейссъ м. л., Липпе-Детмольдъ и три вольныхъ города.

[1]) Послѣдній ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, Фердинандъ-Генрихъ-Фридрихъ (1848—1866) умеръ безъ потомства, вслѣдствіе чего, по фамильнымъ законамъ, наслѣдованіе перешло въ домъ В. Г. Гессенъ-Дармштадтскихъ.

[2]) Пруссія оспаривала законность дѣйствій уполномоченнаго отъ XVI куріи.

Вопросъ о мобилизаціи былъ рѣшенъ большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 7-ми [1]). Прусскій уполномоченный, съ полнымъ основаніемъ назвалъ мѣру, принятую сеймомъ, не актомъ союзнаго правосудія, а *объявленіемъ войны*, и притомъ не законнымъ, такъ какъ по закону объявленіе войны рѣшалось in pleno и большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ, что прусское правительство считаетъ Германскій союзъ распавшимся, слагаетъ съ себя всѣ союзныя обязанности и предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій. Его примѣру послѣдовали Ольденбургъ, Липпе-Детмольдъ, Ангальтъ, С. Альтенбургъ и друг. *24-го августа 1866 г.*, послѣ событій великой войны, происходило послѣднее засѣданіе сейма въ Аугсбургѣ, куда бѣжали его остатки, спасая союзныя дѣла и архивы отъ прусскихъ войскъ [2]).

Но удаляясь изъ сейма, прусскій уполномоченный заявилъ отъ имени своего правительства, что оно вовсе не намѣрено оставлять вопроса о политическомъ единствѣ Германіи. „Е. В. король“, гласило заявленіе, „не желаетъ видѣть поколебленными, съ прекращеніемъ нынѣшняго союза, тѣ національныя основы, на которыхъ былъ учрежденъ союзъ Напротивъ, Пруссія твердо стоитъ за нихъ и за единство Нѣмецкаго народа, возвышающееся *надъ преходящими формами*, и считаетъ непремѣнною обязанностью германскихъ государствъ найдти пригодное выраженіе для этого единства. Съ своей стороны, она предлагаетъ при семъ начало *новаго*, соотвѣтствующаго условіямъ времени, соединенія (Einigung) и объявляетъ о готовности своей заключить, на началахъ, измѣненныхъ такою реформою, *новый союзъ*

[1]) Въ голосованіи 14-го іюня участвовало 16-ть голосовъ, такъ какъ 17-й (за Гольштейнъ-Лауэнбургъ) былъ пріостановленъ.

[2]) Подъ вліяніемъ лѣтнихъ событій 1866 г. (см. ниже) сеймъ, такъ сказать, растаялъ къ 24-го августа. Значительное число германскихъ государствъ вышли изъ него, за долго до формальнаго его закрытія. Этотъ выходъ совершился въ слѣдующемъ порядкѣ: 21-го іюня Ольденбургъ и Липпе-Детмольдъ; 23-го Саксенъ-Альтенбургъ; 25-го Ангальтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и Вальдекъ; 29-го Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шаумбургъ-Липпе, Бременъ, Гамбургъ и Любекъ; 1-го іюля Кобургъ-Гота, Рейссъ м. л. и Мекленбургъ-Шверинъ; 5-го Саксенъ-Веймаръ; 26-го Саксенъ-Мейнингенъ; 2-го августа Баденъ; 4-го Брауншвейгъ. За выходомъ этихъ государствъ, у сейма не было потребнаго числа голосовъ для законности его рѣшеній. На послѣднемъ засѣданіи, 24-го августа, присутствовали уполномоченные Австріи, Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Гессенъ-Дармштадта и Нассау. Ср. *Шульце*, наз. соч., стр. 398 и слѣд. *Thudichum*, Das Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes, стр. 3.

съ тѣми изъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя пожелаютъ содѣйствовать ей въ этомъ".

Пруссія отрекалась, слѣдовательно, отъ одной изъ „преходящихъ формъ" нѣмецкаго единства, то-есть, отъ стараго союза. Теперь рѣчь шла уже не о *реформѣ* союза, какъ въ 1861, 1863 и началѣ 1866 г., но объ учрежденіи союза *новаго* и на другихъ началахъ. Эти начала были изложены въ проектѣ федеральнаго устройства, доставленномъ во Франкфуртъ за день до того, какъ Австрія внесла свое предложеніе о всеобщемъ вооруженіи противъ Пруссіи, именно 10-го іюня 1866 г. Во главѣ ихъ было поставлено „исключеніе Австріи" изъ будущаго союза. Остальныя части проекта, въ общихъ чертахъ, соотвѣтствуютъ началамъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза. Война должна была рѣшить участь проекта 10-го іюня [1]).

II.

Классификація воюющихъ сторонъ.—Война начинается раньше ея объявленія.—Ультиматумъ Ганноверу, Кургессену и Саксоніи. — Ихъ отказъ. — Прусскія войска вступаютъ въ области этихъ государствъ. — Военныя силы Пруссіи и Австріи. — Театръ войны перенесенъ въ Богемію. — Успѣхи Пруссіи.— Никольсбургское перемиріе и его условія. — Исходъ войны въ южной Германіи.—Планы Пруссіи.—Созваніе ландтага.—Разрѣшеніе пререканія.—Территоріальныя пріобрѣтенія Пруссіи. – Объемъ прочихъ государствъ сѣверной Германіи.—«Предварительный договоръ» 18-го августа и его значеніе.—Проектъ союзной конституціи; его содержаніе и характеръ.—Созваніе союзной Думы.— Тронная рѣчь.—Партіи въ парламентѣ и ихъ отношеніе къ проекту. —Идеи національно-либеральной партіи.—Рѣчь г. Микеля.—Клерикалы.—Рѣчь г. Маллинкродта.—«Прусскій сепаратизмъ»; рѣчь г. Михелиса. — Протестъ г. Контака. — Окончательное голосованіе.—Провозглашеніе сѣверо-германской конституціи.

Голосованіемъ 14-го іюня война фактически была объявлена. Кто же были воюющія стороны? Повидимому, Пруссія — съ одной, и Германскій союзъ — съ другой стороны; но прусское правительство, объявивъ союзъ не существующимъ, смотрѣло на этотъ вопросъ иначе. Война, съ его точки зрѣнія, возникала, вопервыхъ, между Пруссіею и Австріею; вовторыхъ, между Пруссіею и каждымъ изъ государствъ, ставшихъ на сторону Австріи при голосованіи 14-го іюня, если они не заявятъ противоположныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ

[1]) Проектъ 10-го іюня помѣщенъ въ сборникѣ Bezold'a: Materialien der Deutchen-Reichsverfassung, I, стр. 64 и слѣд.

въ смыслѣ нейтралитета; въ-третьихъ, каждое изъ государствъ, высказавшихся за Пруссію, могло при предстоящей войнѣ заключить съ нею союзъ. Такъ и поступили Ольденбургъ, Саксенъ-Альтенбургъ и друг.

Но формальное объявленіе войны между Австріею и Пруссіею послѣдовало только 17-го и 18-го іюня [1]). До тѣхъ поръ Германскій союзъ находился въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Ни одно изъ государствъ, кромѣ Пруссіи, не смотря на давно начавшееся вооруженіе, не успѣло, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ войнѣ. Только Пруссія выступила во всеоружіи и поспѣшила воспользоваться каждымъ днемъ для упроченія своего стратегическаго положенія.

Территорія четырехъ государствъ, а именно, Ганновера, Кургессена, Нассау и Саксоніи, представляла для нея высокую важность съ стратегической точки зрѣнія. 15-го іюня правительства этихъ государствъ получили отъ Пруссіи ультиматумъ, содержаніе коего сводится къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) они приглашаются соблюдать нейтралитетъ и немедлено поставить свои арміи на мирную ногу; 2) приглашаются выразить свое согласіе на реформу союза, предложенную Пруссіею 10-го іюня; 3) съ своей стороны Пруссія гарантируетъ имъ цѣлость ихъ территоріи и державныя права, согласныя съ началами будущаго союзнаго устройства; 4) отказъ ихъ будетъ признанъ за объявленіе войны.

Правительства, о которыхъ идетъ рѣчь, отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Пруссія не замедлила привести въ исполненіе свою угрозу. 16-го іюня, въ тотъ день, когда сеймъ еще обсуждалъ во Франкфуртѣ вопросъ о формальномъ объявленіи войны, прусскія войска двинулись на Ганноверъ, Кургессенъ и Саксонію. Значеніе этихъ движеній было различно. Ганноверъ и Кургессенъ необходимо было занять для обезпеченія военныхъ дѣйствій противъ южно-германскихъ государствъ; занятіе Саксоніи открывало доступъ къ Богеміи, гдѣ были сосредоточены австрійскія силы подъ начальствомъ Бенедека [2]).

17-го іюня прусскія войска вступили въ столицу Ганновера; король бѣжалъ изъ государства, а войска его собрались въ Гёттингенѣ. Они

[1]) 17-го іюня австрійскій императоръ издалъ манифестъ къ своимъ народамъ, а 18-го прусскій король объявилъ войну Австріи. Дипломатическія сношенія между этими двумя державами прервались еще 12-го іюня.

[2]) Лудвигъ Ф. Бенедекъ, род. въ 1804 г., участвовалъ въ войнахъ 1848—1849 и 1859 гг.

вышли отсюда для соединенія съ баварскою арміею (20-го іюня), но послѣ битвы 27-го іюня при Лангензальцѣ [1]) принуждены были капитулировать на всей волѣ Пруссіи. Король Георгъ V удалился въ Вѣну, оставивъ все свое государство въ полной власти Пруссіи. Кургессенъ былъ занятъ генераломъ Бейеромъ, вступившимъ 19-го іюня въ Кассель, а кургессенская армія удалилась безъ боя для соединенія съ 8-мъ союзнымъ корпусомъ. Курфирстъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Штеттинъ [2]). Между тѣмъ какъ Ганноверъ и Кургессенъ были заняты отдѣльными отрядами, Саксоніи угрожала вся прусская армія, двигавшаяся по направленію къ Богеміи.

Главныя силы Пруссіи, предназначенныя для борьбы съ Австріею, были раздѣлены на три части: 1) Эльбскую армію (40.000), находившуюся подъ начальствомъ генерала Герварта фонъ-Биттенфельда [3]); она составляла правое крыло. 2) Центромъ служила первая армія (100.000 чел.), подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла. 3) На лѣвомъ крылѣ находилась армія наслѣднаго принца изъ 116.000 ч. [5]). Къ этому должно присоединить резервъ и часть мобилизированнаго ландвера. Въ общемъ итогѣ прусская армія состояла изъ 280.000 человѣкъ хорошо концентрированной массы, тогда какъ въ распоряженіи Австріи вмѣстѣ съ саксонскими войсками (25.000), было 270.000 чел., разбросанныхъ, благодаря нераспорядительности Бенедека, на довольно большомъ пространствѣ.

16-го іюня Эльбская армія вступила въ Саксонію, 18-го іюня заняла Дрезденъ, а 20-го, вмѣстѣ съ арміею Фридриха-Карла, овладѣла всѣмъ королевствомъ. Конечно, выраженіе „овладѣла“ въ данномъ случаѣ не точно. Саксонская армія, подобно Ганноверской и Кургессенской, уступила страну безъ боя. Она спѣшила соединиться съ Австрійцами; вмѣстѣ съ войскомъ выѣхалъ и король [6]).

Пока Пруссія упрочивала свое положеніе и переносила центръ военныхъ дѣйствій изъ своихъ земель въ области своихъ враговъ,

[1]) Langensalza теперь уѣзд. городъ Эрфуртскаго округа.

[2]) Stettin, окружн. городъ прусск. провинція Помераніи, первоклассная крѣпость.

[3]) Эбергардъ Гервартъ фонъ-Биттенфельдъ, род. въ 1796 г.; ветеранъ 1813 и слѣд. годовъ. Съ 1870 г. фельдмаршалъ.

[4]) Сынъ Карла, младшаго брата Вильгельма I, род. въ 1828 г.

[5]) Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ прусскій, род. въ 1831 г.

[6]) Престарѣлый (нынѣ покойный) король Іоаннъ, братъ короля Фридриха-Августа II. Вступилъ на престолъ въ 1854 г.

послѣдніе рѣшились, наконецъ, объявить ей войну. Но и послѣ того Бенедекъ сохранилъ выжидательное положеніе. Враги сами нашли его, вступивъ 23-го іюня въ Богемію. Съ этого времени началась война въ настоящемъ смыслѣ слова, и началась въ двухъ пунктахъ: въ Богеміи и на итальянской границѣ. Италія объявила войну Австріи 20-го іюня, и 22-го ея войска перешли чрезъ Минчіо. Въ южногерманскихъ государствахъ война разыгралась послѣ того, какъ въ Богеміи она была близка къ окончанію.

Извѣстно, что военное счастье Италіи въ этой борьбѣ было не велико. Австрійскія войска наносили ей пораженіе за пораженіемъ и на сушѣ и на морѣ. Если бы единство Италіи зависѣло отъ ея собственныхъ силъ, вѣроятно Венеція оставалась бы еще и теперь подъ австрійскимъ владычествомъ. Но исходъ борьбы разрѣшился не на По и Минчіо, а въ областяхъ Богеміи. Здѣсь успѣхъ прусской арміи превзошелъ всякія ожиданія.

Австрійская армія была быстро ослаблена въ частныхъ сраженіяхъ при Траутенау, Скалицѣ и друг. Наконецъ 3-го іюля произошла рѣшительная битва при Садовой [1]). Австрійцы потерпѣли страшный разгромъ. Они потеряли 22.000 убитыми и ранеными, 18.000 плѣнными, 174 пушки и 11 знаменъ. Прусская армія двинулась на Вѣну. Австрійскія войска претерпѣвали пораженіе за пораженіемъ, и вѣроятно миръ былъ бы подписанъ въ столицѣ имперіи, если бы не дипломатическое вмѣшательство Наполеона III.

Задача императора Французовъ, не предусмотрѣвшаго быстрое возвышеніе Пруссіи, состояла теперь въ томъ, чтобы по возможности ослабить послѣдствія военныхъ ея успѣховъ. Возможность новыхъ усложненій въ борьбѣ заставила Пруссію нѣсколько ограничить свои планы. Во всякомъ случаѣ Берлинскій кабинетъ твердо отстоялъ *ближайшіе* и, въ данную минуту, существеннѣйшіе результаты своихъ подвиговъ, а именно: 1) исключеніе Австріи изъ Германіи; 2) инкорпорацію Шлезвигъ-Гольштейна; 3) округленіе своихъ границъ на сѣверѣ Германіи и 4) образованіе новаго союза. Уступкою въ пользу Франціи и Австріи служили: 1) цѣлость австрійской монархіи, кромѣ Венеціи, уступленной Италіи [2]); 2) цѣлость королевства Саксонскаго [3]);

[1]) Деревня подлѣ г. Кенигсгреца въ Богеміи. Нѣмцы называютъ эту битву по имени города.

[2]) Императоръ Австрійскій уступилъ Венецію Наполеону III, а послѣдній передалъ ее Италіи.

[3]) Государства наиболѣе враждебнаго прусской политикѣ, благодаря Бейсту.

3) обязательство возвратить Даніи сѣверный Шлезвигъ, если народонаселеніе, путемъ всеобщаго голосованія, выскажется въ пользу этого предложенія [1]), и 4) признаніе Майна раздѣльною чертою между будущимъ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и южными государствами, коимъ должна быть предоставлена свобода соединиться въ отдѣльный союзъ [2]). На этихъ началахъ были заключены предварительныя мирныя условія въ Никольсбургѣ 26-го іюля [3]) и, наконецъ, мирный договоръ въ Прагѣ 23-го августа.

Въ теченіе іюля рѣшилась судьба и остальныхъ государствъ. Силы ихъ состояли, вопервыхъ, изъ баварской арміи (50.000 ч.) подъ начальствомъ престарѣлаго принца Карла [4]) и, вовторыхъ, изъ 8-го союзнаго корпуса, подъ начальствомъ принца Александра Гессенскаго [5]). 8-й корпусъ былъ сформированъ изъ 14.000 Виртембергцевъ, 12.000 Баденцевъ, 10.000 Гессенцевъ, 9.000 Кургессенцевъ, 5.000 Нассаусцевъ и 12.000 Австрійцевъ—всего 62.000 чел. Пруссія, сосредоточившая свои главныя силы въ Богеміи, могла выставить противъ нихъ всего 50.000 человѣкъ, подъ начальствомъ энергическаго

[1]) См. Ист. Пражскаго трактата: «S. M. l'Empereur d'Autriche transfére à S. M. le Roi de Prusse tous les droits que la paix de Vienne du 30 octobre 1864 lui avait reconnus sur les duchés de Schleswig et de Holstein, avec *cette réserve que les populations des districts du Nord du Schlesvig seront de nouveau réunies au Danemark, si elles en expriment le désir par un vote librement émis*» (ср. 3 ст. Никольсбургскаго договора). Эта статья еще не исполнена до настоящаго времени.

[2]) См. 4 ст. Пражскаго трактата: «S. M. l'Empereur d'Autriche reconnait la dissolution de la confédération germanique, telle qu'elle a existé jusqu'ici, et donne son assentiment à une nouvelle organisation de l'Allemagne sans la participation de l'Empire d'Autriche. S. M. promet également de reconnaitre *l'union fédérale plus étroite* qui sera fondée par S. M. le Roi de Prusse *au nord de la ligne du Main*, et déclare consentir à ce que les états Allemands situés au sud de cette ligne contractent une union, dont les liens nationaux avec la Confédération du nord de l'Allemagne feront l'objet d'une entente ultérieure entre les deux parties, *et qui aura une existence internationale indépendante*» (ср. 2 ст. Никольсбург. догов.).

[3]) Городокъ въ Моравіи, съ замкомъ князей Дитрихштейновъ, отъ которыхъ онъ перешелъ къ Менсдорфу-Пульи.

[4]) Сынъ герцога Максимиліана-Іосифа Баварскаго, род. въ 1795 г. Ветеранъ 1814 г.

[5]) Сынъ Лудвига II, в. г. Гессенъ-Дарміштадтскаго, род. въ 1823 г. Началъ свою службу въ русской арміи, на Кавказѣ. Затѣмъ поступилъ въ австрійскую армію.

генерала Фогеля-фонъ-Фолькенштейна [1]), съ присоединенiемъ контингента отъ Саксенъ-Кобурга и Липпе-Детмольда въ 3.000 ч. Не смотря на это, плохая организацiя союзной армiи, отсутствiе единства и общаго плана дѣйствiй, предвѣщали успѣхъ Пруссiи. Фогель-фонъ-Фолькенштейнъ разбилъ сначала, въ нѣсколькихъ сраженiяхъ, баварскiй корпусъ и отбросилъ его за Майнъ; затѣмъ подобная же участь постигла 8-й корпусъ, которому не удалось отстоять Франкфуртъ. 16-го iюля прусскiя войска заняли этотъ городъ, обложенный ими немедленно тяжкою контрибуцiею, Нассау и часть Гессенъ-Дармштадта, по сiю сторону Майна. Задачу Фогеля-фонъ-Фолькенштейна, послѣ того какъ онъ былъ отозванъ отъ начальствованiя надъ Майнскою армiею, продолжалъ генералъ Мантейфель. Съ новыми, полученными имъ подкрѣпленiями, онъ успѣшно вытѣснилъ союзныя войска изъ всѣхъ пунктовъ. Послѣ Никольсбургскаго перемирiя, Пруссiя могла угрожать своимъ соперникамъ на Майнѣ еще бо́льшими силами. Паническiй страхъ овладѣлъ правительствами и обществомъ. Послѣднее громко требовало мира. 2-го августа воюющiя стороны заключили перемирiе, и затѣмъ, до начала сентября, мирные договоры слѣдовали одинъ за другимъ [2]).

Теперь Пруссiя могла приступить къ организацiи союза „на всей своей волѣ" и—о чемъ она заботилась прежде всего,—прiобрѣсти границы, „необходимыя для здороваго государственнаго тѣла". Мы разсмотримъ результаты войны 1866 года прежде всего относительно Пруссiи, сдѣлавшейся теперь не только главою Германiи, но матерiальною основою германскаго единства.

Пражскiй миръ отдавалъ сѣверную часть Германiи въ полное распоряженiе Пруссiи. Послѣ катастрофы при Кёнигсгрецѣ, далеко не всѣ сѣверныя государства могли разчитывать на продолженiе своего самостоятельнаго существованiя; далеко не для всѣхъ готовился и будущiй союзъ. Только *мелкiя* владѣнiя, подавшiя 14-го iюня голосъ за Пруссiю, сохранили свою независимость; *второстепенныя*, всегда составлявшiя оппозицiю прусской политикѣ, должны были (за исключенiемъ Саксонiи), исчезнуть изъ списка германскихъ державъ. Таковы были: Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау и Франкфуртъ. Къ нимъ

[1]) Vogel von Folckenstein, род. въ 1797 году, участвовалъ въ войнѣ 1813 и слѣд. годовъ.

[2]) А именно 13-го августа 1866 г. съ Виртембергомъ; 17-го августа съ Баденомъ; 22-го августа съ Баварiею; 3-го сентября съ Гессенъ-Дармштадтомъ.

было вполнѣ примѣнено начало *завоеванія* [1]). По плану правительства, они должны были войдти въ составъ прусской монархіи. Та же участь предстояла и Эльбскимъ герцогствамъ, на основаніи Пражскаго трактата.

Конечно, примѣненіе завоевательнаго начала къ независимымъ до сихъ поръ государствамъ должно было встрѣтить противодѣйствіе, вопервыхъ, въ ихъ народонаселеніи, вовторыхъ въ прусской палатѣ депутатовъ, если послѣдняя желала оставаться вѣрною высказанному ею принципу, что соединеніе государствъ требуетъ согласія ихъ народовъ.

Депутація отъ Ганновера представила королю Вильгельму адресъ съ просьбою сохранить независимость этого королевства; Франкфуртъ также не хотѣлъ и слышать о присоединеніи къ Пруссіи, но правительство твердо рѣшилось осуществить свои планы. Все зависѣло теперь отъ рѣшенія палатъ, которымъ, на основаніи 2 ст. конституціи, слѣдовало представить проектъ закона о расширеніи границъ Прусскаго государства [2]).

Ландтагъ былъ созванъ на 5-е августа 1866 г., но правительство не встрѣтило уже въ нижней палатѣ прежнихъ своихъ противниковъ. Графъ Бисмаркъ хорошо зналъ прусскую публику; онъ могъ надѣяться, что подъ вліяніемъ военныхъ событій въ общественномъ мнѣніи произойдетъ рѣшительный поворотъ. Мы видѣли, что 9-го мая, когда война въ принципѣ была уже рѣшена, кабинетъ распустилъ нижнюю палату, чего онъ не дѣлалъ во все время „конфликта". Новые выборы были назначены на 3-е іюля, послѣ славныхъ для прусскаго оружія битвъ при Траутенау, Находѣ и Скалицѣ. Выборы начались въ тотъ день, когда прусскія войска вступили въ битву при Садовой и происходили подъ вліяніемъ полнаго опьяненія военною славой. Большинство палаты было теперь благопріятно правительству, какъ потому, что составъ ея измѣнился, такъ и потому, что многіе оппозиціонные депутаты явились въ Берлинъ съ сильно измѣненнымъ

[1]) Нѣкоторые монархи, лишенные престоловъ, получили, впрочемъ, вознагражденіе. Такъ 18-го сентября 1867 г. былъ заключенъ договоръ съ герц. Нассаускимъ, въ силу коего онъ отказывался отъ престола, подъ условіемъ вознагражденія въ 16 мил. гульденовъ и сохраненія за нимъ нѣкоторыхъ коронныхъ имуществъ; 23-го сентября 1867 г. былъ заключенъ подобный же договоръ съ королемъ Ганноверскимъ.

[2]) Ст. 2. пр. конституціи: «Die Grenzen dieses Staatsgebiets können nur durch ein Gesetz verändert werden».

образомъ мыслей. Только немногіе члены лѣвой стороны остались вѣрны прежнему направленію. Король, открывая засѣданіе ландтага, высказалъ, на этотъ разъ не тщетную, надежду что парламентское пререканіе кончится. 13-го августа правительство внесло въ палату требованіе о вознагражденіи бывшихъ издержекъ и чрезвычайнаго кредита въ 60 милліоновъ на военное и морское управленіе, объ инкорпораціи Ганновера, Кургессена, Франкфурта, Нассау и нѣкоторые другіе проекты. Одинъ за другимъ они были приняты палатой огромнымъ большинствомъ. Именно проектъ о вознагражденіи былъ утвержденъ 230 противъ 75 голосовъ (3-го сентября), чрезвычайный кредитъ 230 противъ 83 (25 сентября), инкорпорація Ганновера и пр. 273 противъ 14. На основаніи послѣдняго закона, дѣйствіе прусской конституціи должно было начаться въ новыхъ областяхъ съ 1-го октября 1867 г. Скоро послѣ того (24-го декабря) палата приняла и проектъ инкорпораціи Шлезвигъ-Гольштейна.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь рѣчь г. Бисмарка, которою онъ заключилъ „конфликтъ". Въ рѣчи этой выразилось полное сознаніе торжества, тонкая иронія относительно недавнихъ противниковъ, нынѣ горячихъ его почитателей, и смѣлые виды на великое будущее.

„Чѣмъ искреннѣе правительство желаетъ мира, тѣмъ болѣе члены его чувствуютъ обязанность воздерживаться отъ всякой попытки ретроспективной критики, въ смыслѣ обороны, или нападенія. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, мы, съ обѣихъ сторонъ, часто защищали нашъ образъ мыслей съ большею или меньшею раздражительностью или благожелательностью, но никто изъ насъ не могъ убѣдить другъ друга. Каждый считалъ себя правымъ, дѣйствуя такъ, а не иначе. Едва ли водворилось бы согласіе между нами и по внѣшней политикѣ, если бы для этого требовалось, чтобы одна изъ сторонъ напередъ созналась, что она дѣйствовала неправильно. Мы желаемъ мира не потому, чтобы были неспособны къ продолженію борьбы; напротивъ, обстоятельства сложились въ нашу пользу лучше, чѣмъ прежде. Мы желаемъ его также не для того, чтобы уйдти отъ какого-нибудь *будущаго* обвиненія, основаннаго на какомъ-либо *будущемъ* законѣ объ отвѣтственности (министровъ). Если насъ и будутъ обвинять въ чемъ нибудь, то ужь конечно не въ трусости (*Смѣхъ*).

„Мы желаемъ соглашенія, потому что отечество, по мнѣнію нашему, нуждается въ немъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Мы добивались бы его и прежде, если бы могли тогда разчитывать на успѣхъ, и надѣемся

достигнуть его теперь, потому что вы могли убѣдиться, что правительство не стоитъ такъ далеко отъ задачъ, къ которымъ стремится большинство изъ васъ. Прежде васъ вводило, быть можетъ, въ заблужденіе *молчаніе* правительства о многомъ, требовавшемъ молчанія (*Браво!*).

„Вслѣдствіе того, мы протянули вамъ руку, и докладъ коммиссіи даетъ намъ ручательство, что вы ее примете. Мы разрѣшимъ тогда сообща предстоящія намъ задачи. Я нисколько не исключаю изъ нихъ и лучшаго выполненія обѣщаній, данныхъ конституціею.

„Но въ эту минуту задачи внѣшней политики еще не разрѣшены; блестящіе военные успѣхи только возвысили нашу ставку въ игрѣ: мы можемъ проиграть гораздо больше чѣмъ прежде, но—игра еще не выиграна. Если вы оглянетесь на иностранныя государства, если вы пробѣжите вѣнскія газеты, то встрѣтите въ нихъ тѣ же выраженія ненависти къ Пруссіи, какія не мало способствовали тому, что война сдѣлалась неизбѣжною; и если вы посмотрите на настроеніе южно-германскихъ народовъ, то конечно не найдете въ нихъ примирительнаго духа и сознанія общегерманской задачи. Обратите вниманіе на отношеніе отдѣльныхъ государствъ ко вновь возникающимъ установленіямъ [1]: у однихъ оно удовлетворительно, у другихъ враждебно, но вѣрно то, что въ Европѣ едва-ли найдется держава, которая благожелательно содѣйствовала бы установленію этого новаго германскаго общенія, и не чувствовала бы потребности *по своему* участвовать въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, господа, наша задача еще не разрѣшена; она требуетъ тѣснаго единенія всей земли. Часто говорятъ: что̀ пріобрѣтено мечомъ, то испорчено перомъ; я вполнѣ увѣренъ, что мы не услышимъ: „что пріобрѣтено мечомъ и перомъ, то было уничтожено съ этой трибуны!“ [2]).

Событія 1866 года принесли Пруссіи: 1) разрѣшеніе парламентскаго пререканія; 2) значительное территоріальное приращеніе. Между прочимъ Пруссія пріобрѣла нѣкоторыя части Баваріи [3]) и Гессенъ-

[1]) То-есть, къ Сѣверо-германскому союзу.

[2]) Ср. Materialien der deutschen Reichs-Verfassung, herausgegeben von *E. Bezold*. т. I, стр. 60—62.

[3]) На основаніи 14 ст. Баварско-Прусскаго договора Пруссіи, были уступлены: города Герсфельдъ (1.600 жит.), Орбъ (3.728 жит.) съ округами, территорія Каульсдорфъ, расположенная между нѣкоторыми прусскими владѣніями.

Дармштадта [1]), уступленныя ей на основаніи мирныхъ договоровъ. Въ результатѣ владѣнія Пруссіи увеличились на 1.308 кв. миль съ 4 слишкомъ мил. жителей, а именно:

Названіе государствъ.	Кв. м.	Жит.
Ганноверъ [2])	699	1.923.172.
Кургессенъ [3]).	174	737.307.
Нассау [4])	86	466.014.
Франкфуртъ [5])	1,8	89.913.
Шлезвигъ-Гольштейнъ.	324	960.996.
Гессенъ-Гомбургъ	5	27.374.
Части Гессенъ-Дармштадта. . . .	—	47.728.
Части Баваріи	—	32.976.

Съ прежними своими владѣніями (5.130 кв. м. и 18.500.000 жит.) Пруссія составляла теперь государство въ 24 милліона народонаселенія, съ хорошо округленными границами, выгоднымъ положеніемъ на морѣ, отличными финансами, съ арміею, составлявшею уже предметъ зависти въ Европѣ. Она сама по себѣ составляла бо́льшую часть будущаго союза. Остальныя государства, имѣвшія войдти въ составъ „союзнаго государства", всѣ вмѣстѣ заключали народонаселеніе почти въ 6 милліоновъ [6]).

[1]) По 13 ст. мирн. догов. Пруссіи были уступлены: 1) Ландграфство Гессенъ-Гомбургъ, за нѣкоторыми исключеніями; 2) изъ Верхняго Гессена округа Биденкопфъ, Вёль съ принадлежностями, часть округа Гессенскаго Нидерурильи округъ Бёдельгеймъ.

[2]) Теперь составляетъ прусскую провинцію этого имени.

[3]) Теперь часть прусской провинціи Гессенъ-Нассау.

[4]) См. предыд. примѣч.

[5]) Теперь два округа (Bezirke) провинціи этого имени. Глав. гор. Киль.

[6]) Слѣдующая таблица полезна будетъ для уясненія «реальныхъ отношеній» членовъ Сѣверо-Германскаго союза, а эти отношенія имѣли неотразимое вліяніе на его устройство.

Названіе государствъ.	Квад. м.	Жит.
Пруссія (съ Лауэнбургомъ)	6.438	24.018.000.
Королевство Саксонія	272	2.426.193.
Сѣверная часть Гессенъ-Дармштадта. . .	73	257.899.
Мекленбургъ-Шверинъ	241	560.732.
Мекленбургъ-Стрелицъ	49	99.433.
Ольденбургъ	116	315.936.
Саксенъ-Веймаръ	66	283.044.
Брауншвейгъ	68	301.966.
Ангальтъ	43	197.050.

Это численное отношеніе Пруссіи къ прочимъ государствамъ и было тѣмъ реальнымъ основаніемъ, на которомъ должно было возникнуть зданіе *Сѣверо-Германскаго союза*. Главныя начала его были высказаны прусскимъ правительствомъ еще въ проектѣ 10-го іюня 1866 г. Теперь настало время предложить членамъ будущаго союза подробный его проектъ и привести ихъ къ скорѣйшему соглашенію. Министерство г. Бисмарка понимало что̀ значитъ пользоваться временемъ; оно желало поставить и правительства, и будущій парламентъ въ такія условія, чтобы и они „не теряли времени" и приняли прусскій проектъ безъ продолжительныхъ преній. 4-го августа прусскій кабинетъ препроводилъ къ дружественнымъ ему 17 государствамъ проектъ временнаго союза, долженствовавшаго соединить эти государства, впредь до установленія союза въ окончательной его формѣ. Въ силу этого договора, означенныя правительства заключали между собою и съ Пруссіею оборонительный и наступательный союзъ для поддержанія своей цѣлости и независимости, внѣшней и внутренней безопасности и приступали тотчасъ же ко взаимной защитѣ своихъ владѣній, которыя были гарантированы этимъ союзомъ. Цѣль его долженствовала быть окончательно установлена союзною конституціею, изданною при содѣйствіи общаго парламента. Послѣдній положено было избрать на

Названіе государствъ.	Кв. м.	Жит.
Саксенъ-Альтенбургъ	24	141.799.
Саксенъ-Мейнингенъ	46	181.483.
Саксенъ-Кобургъ-Гота	36	166.313.
Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	15,4	68.076.
Шварцбургъ-Рудольштадтъ	17,4	75.149.
Шаумбургъ-Липпе	8	31.814.
Липпе-Детмольдъ	20,5	112.062.
Вальдекъ	21,8	57.509.
Рейссъ ст. л.	6,2	43.889.
Рейссъ мл. л.	15,1	88.007.
Гамбургъ	6,4	306.510.
Бременъ	4,6	111.411.
Любекъ	6,6	49.183.

Такимъ образомъ: 1) По отношенію къ *пространству*, ни одно государство, кромѣ Пруссіи, имѣвшей 6½ тысячь кв. м., не превышало даже 300 кв. миль. Два имѣли болѣе 200, одно болѣе 100, два болѣе 50, три болѣе 40, одно болѣе 30, три болѣе 20, три болѣе 10 и пять менѣе 10 кв. м. 2) Относительно народонаселенія одна Пруссія была великою державой, съ 24 мил. жителей; одно изъ государствъ имѣло болѣе 2 милліоновъ; остальныя не достигали милліона. Одно имѣло болѣе 500.000; прочія 300.000 и менѣе.

основаніи закона 1849 года, а до созванія его, проектъ конституціи слѣдовало изготовить и обсудить уполномоченными союзныхъ правительствъ, долженствовавшими прибыть въ Берлинъ. Союзныя войска поступали подъ начальство прусскаго короля. Союзный договоръ получалъ силу на одинъ годъ, если до тѣхъ поръ не установится окончательная форма союза. Трактатъ былъ подписанъ 18-го августа 1866 года [1]).

Одногодичный срокъ для союзнаго договора былъ, замѣчаетъ г. Тудихумъ [2]), весьма хорошо разчитанъ Пруссіею. Перспектива, представлявшаяся малымъ государствамъ, утратить, по истеченіи означеннаго срока, гарантію своей цѣлости, должна была склонить ихъ къ уступчивости требованіямъ Пруссіи и Германскаго народа. 7-го февраля 1867 года проектъ новой конституціи былъ вполнѣ готовъ для внесенія его въ парламентъ [3]).

Проектъ союзнаго устройства, скоро сдѣлавшійся конституціею Сѣверо-Германскаго союза, а потомъ конституціею имперіи, будетъ разсмотрѣнъ во второй части нашего труда. Теперь достаточно привести главныя его начала. Предполагаемое союзное устройство не могло удовлетворить лицъ, жившихъ преданіями 1848 года и обсуждавшихъ проектъ съ точки зрѣнія идей, выраженныхъ въ имперской конституціи 1849 года. Въ проектѣ не было рѣчи „о центральной власти, постановленной, въ качествѣ особаго установленія, внѣ и выше прочихъ правительствъ“. Центральная власть составлялась изъ союзныхъ правительствъ. Функціи ея распредѣлялись между союзнымъ президентомъ (Bundespräsidium), права коего были наслѣдственно соединены съ прусскою короною, и союзнымъ совѣтомъ (Bundesrath), составленнымъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ. Оба эти установленія суть правительство союза, управляющее имъ при содѣйствіи, въ законодательныхъ дѣлахъ, имперской думы (Reichstag). Второе важное отступленіе отъ началъ 1848 года заключалось въ отсутствіи *отвѣтственности* союзной администраціи предъ народнымъ представительствомъ и вообще въ отсутствіи какого бы то ни было министерства. Между имперскою думой, съ одной, и правитель-

[1]) Текстъ договора см. у Bezold'a, Materialien, I, 23—29. Batbie, Les Constitutions d'Europe et d'Amérique, 263—264.

[2]) Thudichum, Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes, стр. 14 и слѣд.

[3]) Онъ напечатанъ, между прочимъ, въ видѣ приложенія къ назв. труду *Клюпфеля*, т. II, стр. 411—422.

ствомъ, съ другой стороны, не установлено никакой посредствующей исполнительной власти, отвѣтственной предъ думой. Сношенія союзнаго совѣта съ думой производятся чрезъ президентство, конечно, не отвѣтственное, въ силу монархическихъ прерогативъ короля. Правда, распоряженія, исходящія отъ президентства, нуждались въ скрѣпѣ (контрасигнированіи) союзнаго канцлера (Bundeskanzler), который, тѣмъ самымъ, бралъ на себя и отвѣтственность за нихъ (welcher dadurch die Verantwortlichkeit übernimmt). Но предметы и порядокъ этой отвѣтственности не были опредѣлены, а потому она и не могла имѣть практическаго значенія.

Но если будущій союзъ не подходилъ подъ понятіе о союзномъ государствѣ по организаціи его центральнаго правительства, то въ отношеніи *обязательной силы* и *компетенціи* союзнаго законодательства и управленія, единство Германіи было обезпечено. Союзные законы получили первенство надъ законами отдѣльныхъ государствъ. Они обнародовались для всего союза непосредственно центральною властью и получали обязательную силу чрезъ напечатаніе ихъ въ союзномъ „Указателѣ законовъ". Компетенція союзной власти была значительно расширена сравнительно съ компетенціею стараго сейма. Это расширеніе было логическимъ послѣдствіемъ *цѣли*, указанной новому союзу. Старый союзъ, какъ мы видѣли, существовалъ единственно для охраненія внѣшней и внутренней безопасности Германіи; новый же — учреждался для защиты союзной территоріи, дѣйствующаго въ ней права и *для попеченія о благосостояніи* Германскаго народа. Предметы этого благосостоянія подробно изчислены въ союзной конституціи. Сюда относятся опредѣленіе правилъ передвиженія, законовъ объ осѣдлости, занятій ремеслами и промыслами, законодательства таможенное и торговое, общее опредѣленіе мѣръ, вѣсовъ и монетной системы, банковое законодательство, патенты на изобрѣтенія, желѣзнодорожное управленіе, почты, телеграфы, военно-сухопутное и морское управленія и т. д. Далѣе, конституція обезпечиваетъ единство народное, въ юридическомъ смыслѣ. Для всего союза установляется общій индигенатъ; житель каждаго изъ отдѣльныхъ государствъ считается *природнымъ* обывателемъ во всѣхъ другихъ государствахъ, въ которыя онъ желалъ бы переселиться; каждый считается, въ то же время, непосредственнымъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, подданнымъ союзнаго правительства. Онъ обращается къ нему для защиты и охраны своихъ интересовъ.

Обезпечивая единство Германіи, конституція осуществляетъ и дав-

нишнюю цѣль берлинскаго кабинета—усиленіе прусскаго вліянія въ союзѣ. Это достигается различными способами. Вопервыхъ, президентство, предоставленное Прусскому королю, ни въ чемъ не напоминало „предсѣдательства" австрійской короны въ старомъ сеймѣ. Король, какъ президентъ союза, получалъ различныя прерогативы во внутреннихъ и международныхъ отношеніяхъ, которыя онъ осуществлялъ независимо отъ союзнаго совѣта. Важнѣйшею изъ этихъ прерогативъ было, конечно, *начальствованіе надъ союзнымъ войскомъ*. Вся совокупность войскъ союза должна была составить одну армію, которая, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, находилась подъ начальствомъ Прусскаго короля. Въ распоряженіи ею королю открывался полный просторъ какъ въ военно-административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Вопросъ о военномъ бюджетѣ, причинившій въ свое время столько хлопотъ министерству г. Бисмарка, устранялся до 31-го декабря 1870 года. Сама конституція постановляла (ст. 62-я), что до срока каждое государство должно было вносить по 225-ти талеровъ на солдата въ мирномъ составѣ арміи. Графъ Бисмаркъ, очевидно, надѣялся на новые вопросы въ международной политикѣ, на необходимость, въ близкомъ будущемъ, отстаивать и развивать начатое имъ дѣло, на все, что̀ разрѣшается, по его словамъ, желѣзомъ и кровью. Поэтому, онъ надолго хотѣлъ обезпечить для прусской короны возможность распоряжаться арміею и средствами на ея содержаніе, независимо отъ прочихъ правительствъ и прусскаго ландтага. Французская война 1870 года еще разъ обнаружила его проницательность.

Наконецъ, существенное преимущество Пруссіи выразилось въ организаціи союзнаго совѣта. По формѣ совѣтъ этотъ былъ организованъ на федеративномъ началѣ, то-есть, каждому государству предоставленъ былъ въ немъ голосъ, какъ и въ plenum'ѣ стараго сейма. Но въ распредѣленіи *числа голосовъ* выразилось явное предпочтеніе Пруссіи. Въ plenum'ѣ стараго сейма ни одно государство не имѣло болѣе 4-хъ голосовъ, причемъ Австрія и Пруссія, не смотря на свой территоріальный объемъ, пользовались равнымъ числомъ голосовъ съ прочими королевствами союза. Теперь, изъ общаго числа 43-хъ голосовъ, Пруссія получала 17, Саксонія—4, Мекленбургъ-Шверинъ и Ольденбургъ — по два, прочія государства — по одному. Одно государство располагало, слѣдовательно, болѣе чѣмъ $^1/_3$ всѣхъ голосовъ и составленіе благопріятнаго ему абсолютнаго большинства не представляло никакихъ затрудненій. Для устраненія сопротивленія отдѣльныхъ го-

сударствъ союзнымъ постановленіямъ по воинскимъ дѣламъ, президенту (королю) предоставлялось право экзекуціи, которая предписывалась и приводилась въ исполненіе его собственною властью.

Въ итогѣ новое союзное устройство менѣе всего имѣло въ виду осуществленіе политическихъ идей и духовныхъ стремленій, издавна волновавшихъ Германское общество. Оно стремилось осуществить внѣшнее единство нѣмецкихъ земель посредствомъ сосредоточенія всѣхъ ихъ матеріальныхъ, преимущественно военныхъ, силъ подъ верховнымъ руководствомъ Пруссіи [1]).

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, проектъ союзной конституціи, ожидавшій своего окончательнаго обсужденія въ учредительной думѣ, созванной на 24-е февраля 1867 года. Въ этотъ день засѣданія были открыты тронною рѣчью Прусскаго короля, призывавшаго парламентъ къ скорѣйшему разрѣшенію великаго національнаго вопроса. Вся рѣчь проникнута была мыслью, что настало время вывести Германію изъ ея немощнаго раздробленія; король напоминалъ членамъ думы, съ какою готовностью союзныя правительства пожертвовали своими частными интересами общему дѣлу и выразилъ надежду, что и народные представители поступятъ также. „Господа", сказалъ онъ въ заключеніе, „вся Германія, даже за предѣлами этого союза, ждетъ рѣшеній, которыя должны быть постановлены вами. Пусть нашимъ совокупнымъ трудомъ осуществятся мечты столѣтій, все, по чемъ тосковали, изъ за чего боролись новѣйшія поколѣнія. Во имя всѣхъ союзныхъ правительствъ, во имя Германіи, съ полнымъ довѣріемъ прошу васъ, помогите намъ разрѣшить великую національную задачу быстро и вѣрно. Благословеніе Божіе, на которомъ все зиждется, да сопутствуетъ и споспѣшествуетъ этому отечественному дѣлу" [2]).

Тронная рѣчь отличается нѣсколько идеальнымъ, даже романтическимъ характеромъ. Напротивъ, рѣчь графа Бисмарка, при внесе-

[1]) На этотъ практически-утилитарный характеръ Сѣверо-Германскаго союза указываетъ извѣстный нѣмецкій публицистъ *К. Францъ*, въ своей брошюрѣ Die Schattenseite des Norddeutschen Bundes (Berlin, 1870 г.). «Союзъ», говоритъ онъ, «по своимъ основамъ, есть, коротко говоря, военный, таможенный и торговый округъ. Только въ этомъ послѣднемъ качествѣ можетъ онъ пріобрѣсти народное уваженіе»... (стр. 70). Авторъ вообще доказываетъ, что Сѣверо-Германскій союзъ, желавшій стать государствомъ, съузилъ, однако, государственную идею, упустилъ изъ виду идеальныя стороны и цѣли человѣческой жизни и превратился исключительно въ экономическое и военное установленіе.

[2]) *Bezold*, Materialien, I, 74.

ніи имъ проекта конституціи въ палату (4-го марта), имѣла чисто практическое значеніе. Мы видѣли, что краткосрочность договора 18-го августа была сильнымъ средствомъ, побудившимъ сѣверо-германскія правительства согласиться на требованія Пруссіи; къ нему же прибѣгнулъ теперь г. Бисмаркъ, чтобы убѣдить парламентъ не затягивать преній.

„Я позволю себѣ“, сказалъ онъ, „обратить вниманіе ваше только на одно обстоятельство. 6-я статья предварительнаго договора 18 августа гласитъ (слѣдуетъ извѣстная уже намъ статья). Я не намѣренъ говорить о томъ, въ какомъ положеніи очутится Германія, если до 18 августа текущаго года, слѣдовательно, по разчету, чрезъ пять съ половиною мѣсяцевъ, нашъ трудъ не будетъ приведенъ къ концу. Надѣюсь, что этого не случится. Но позволю себѣ упомянуть объ одномъ, всѣмъ извѣстномъ обстоятельствѣ, а именно, что ландтаги, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, предоставили себѣ подвергнуть своему обсужденію результатъ нашихъ нововведеній [1]). Мы должны будемъ, поэтому, по закрытіи рейхстага, поспѣшно созвать ландтаги 22-хъ союзныхъ государствъ. Чрезвычайно желательно, чтобы и этотъ фазисъ въ развитіи федеральнаго устройства закончился прежде, чѣмъ наступитъ 18-е августа. Все это побуждаетъ ускорить наши работы. Договорное опредѣленіе нашихъ отношеній къ южной Германіи..... будетъ, по моему мнѣнію, облегчено быстрымъ и энергическимъ образомъ дѣйствій Германіи сѣверной. Надежда южно-Германскихъ государствъ на присоединеніе ихъ къ сѣвернымъ, будетъ значительно подкрѣплена, какъ скоро они увидятъ, что мы идемъ къ нашей цѣли рѣшительными шагами и что мы можемъ ожидать скораго ея осуществленія“ [2]).

Конечно, трудно было ожидать, чтобы собраніе лицъ, привыкшихъ къ всестороннему и основательному обсужденію каждаго вопроса, вело пренія съ быстротою рѣшительнаго государственнаго человѣка. Но со стороны г. Бисмарка было сдѣлано все, чтобы ускорить дѣло. Такъ онъ, къ великому сожалѣнію нѣкоторыхъ членовъ рейхстага, не представилъ объяснительной записки къ проекту конституціи съ изложеніемъ мотивовъ ея отдѣльныхъ постановленій. Разчетъ, въ данномъ случаѣ, былъ вѣренъ. Пренія сразу долженствовали быть направлены

[1]) На томъ законномъ основаніи, что союзная конституція во многихъ отношеніяхъ видоизмѣняла значеніе конституцій отдѣльныхъ государствъ.

[2]) *Bezold*, Materialien, I, 74—75.

на самую конституцію, въ цѣломъ и въ частностяхъ, не останавливаясь на предварительныхъ соображеніяхъ [1]. „Будемъ работать скорѣе“, воскликнулъ однажды графъ Бисмаркъ среди преній, „посадимъ Германію, такъ сказать, на сѣдло... Поѣдетъ она сама!“ [2].

Обсужденіе проекта началось 9-го марта 1867 года и окончилось 17-го апрѣля, слѣдовательно, съ небольшимъ въ мѣсяцъ [3]. Правительственный проектъ не могъ встрѣтить въ палатѣ радикальной оппозиціи по самому ея составу, который былъ весьма благопріятенъ для министерства [4]. Правительство могло съ полнымъ основаніемъ надѣяться выйдти побѣдоносно изъ общихъ преній, посвященныхъ разсмотрѣнію проекта въ цѣломъ его составѣ. Но въ частностяхъ проектъ ожидали многія поправки [5].

Возраженія противъ проекта находились въ связи съ политическимъ міросозерцаніемъ различныхъ партій. Изъ нихъ самою могущественною была партія *національныхъ либераловъ* [6]. Они привѣтствовали Сѣверо-Германскій союзъ какъ серьезный и рѣшительный шагъ къ объединенію Германіи, вознамѣрились поддерживать правительство и сдержали свое слово. Но они не сочувствовали многимъ началамъ проекта. По ихъ убѣжденію, объединеніе Германіи долженствовало идти рука объ руку съ развитіемъ конституціонной свободы; проектъ долженъ былъ представлять новый шагъ на пути конституціонализма. Между тѣмъ, въ немъ не находилось даже тѣхъ условій парламентской жизни, какія представляло политическое устройство

[1] Ср. объясненія, данныя г. Бисмаркомъ, Bezold, тамъ же, I, 170 и слѣд.

[2] *Bezold*, I, 181.

[3] Общія пренія продолжались съ 9-го по 13-е марта; въ нихъ участвовало 33 оратора, при чемъ графъ Бисмаркъ говорилъ нѣсколько разъ. 18-го марта начались спеціальныя пренія по отдѣльнымъ статьямъ проекта и продолжались до 15-го апрѣля. 15—17 апрѣля были посвящены заключительнымъ преніямъ. Всѣхъ засѣданій было 35.

[4] Не безполезно будетъ привести здѣсь числовыя данныя, рисующія взаимное отношеніе главныхъ партій въ учредительной думѣ; въ ней было: консерваторовъ—58; свободныхъ консерваторовъ—40; старыхъ либераловъ—28; національныхъ либераловъ—80; членовъ лѣвой стороны—26. Остающееся число членовъ дѣлилось между партіями меньшей важности. *Ф. Шульце*, Einleitung, 437 и слѣд.

[5] При обозрѣніи этихъ поправокъ какъ здѣсь, такъ и во второй части нашего труда, мы будемъ пользоваться названнымъ выше собраніемъ матеріаловъ Бецольда.

[6] Вліятельнѣйшимъ членомъ которой былъ Ласкеръ.

отдѣльныхъ государствъ Германіи. Не было въ немъ ни отвѣтственнаго министерства, ни права утвержденія бюджета, признаннаго за парламентомъ; самая свобода слова въ парламентѣ не была гарантирована въ полной мѣрѣ [1]). Избирательный законъ, признавая всеобщую и прямую подачу голосовъ, ограничивалъ, однако, косвенно это право, отвергая вознагражденіе депутатамъ [2]). Самое единство Германіи обезпечивалось союзною конституціею не въ полной мѣрѣ. Каждая изъ федерацій представляетъ больше условій единства, чѣмъ новый союзъ; въ нихъ всѣ установленія, какъ центральныя, такъ и мѣстныя, приведены въ извѣстную гармонію. Каждому изъ нихъ отмѣрена извѣстная доля власти по одному общему плану и всѣ они дѣйствуютъ въ полномъ согласіи. Союзная же конституція вноситъ сильное раздвоеніе въ политическую жизнь Германіи. Чувство долга, симпатіи, антипатіи, повиновенія должно двоиться между отдѣльными правительствами и мѣстными ландтагами, съ одной, и союзнымъ совѣтомъ, рейхстагомъ, съ другой стороны. Обѣ категоріи политическихъ учрежденій разнородны, построены по различнымъ планамъ, преслѣдуютъ различныя цѣли. Притомъ новый проектъ скудно опредѣлилъ компетенцію союзнаго законодательства, оставилъ слишкомъ много на попеченіе отдѣльныхъ правительствъ. Польза Германіи требовала, чтобы общее законодательство Германіи въ скорѣйшемъ времени коснулось многихъ вопросовъ и разрѣшило ихъ единообразно [3]). Послѣднее изъ главныхъ возраженій національно-либеральной партіи имѣло лишь временное значеніе и утратило всякій смыслъ съ 1870 года. Проектъ конституціи, говорила она, не упоминаетъ объ отношеніяхъ Сѣверо-Германскаго союза къ южнымъ государствамъ. Основываясь на смыслѣ Пражскаго договора, онъ относится къ южно-Германскимъ государствамъ, какъ къ *иностраннымъ* державамъ, съ которыми могутъ суще-

[1]) Такъ, 22-я ст. проекта постановляла только, что «засѣданія имперской думы гласны». По предложенію Ласкера, она дополнена слѣдующимъ постановленіемъ: «вѣрные (Wahrheitsgetreue) отчеты о преніяхъ въ публичныхъ засѣданіяхъ имперской думы свободны отъ всякой отвѣтственности». Иначе и въ послѣдствіи могли бы возникать такіе процессы, какъ процессъ Твестена.

[2]) Это ограниченіе остается въ силѣ и до настоящаго времени.

[3]) Такъ, 4-я ст. проекта, опредѣлявшая компетенцію союзной власти, была значительно дополнена во время преній въ думѣ. Къ предметамъ вѣдомства союза отнесены, кромѣ названныхъ въ проектѣ, уголовное законодательство, изданіе правилъ о военной и морской администраціи союза, по медицинской и ветеринарной полиціи и т. д.

ствовать только *международныя*, но не государственныя связи. Поэтому, подобныя отношенія должны быть опредѣлены особыми договорами, безъ упоминанія о нихъ въ конституціи. Правительство сдѣлало уже нѣкоторые шаги на этомъ пути. Но справедливость требуетъ относиться къ „Майнской линіи", какъ къ временному ограниченію, навязанному Германіи недоброжелательствомъ и опасеніями иностранныхъ державъ. Въ самой конституціи долженъ быть открытъ широкій путь къ возсоединенію южныхъ государствъ съ союзомъ или всѣхъ вмѣстѣ, или въ отдѣльности [1]).

Жалобы на отчужденіе южной Германіи съ особенною силою были изложены въ рѣчи депутата Микеля (изъ Ганновера). „Мы должны задать себѣ вопросъ", говорилъ онъ, „можно ли оправдывать учрежденіе союза для одной только сѣверной Германіи, съ исключеніемъ изъ него, нѣкоторымъ образомъ, если осмѣлюсь употребить выраженіе прежняго времени, Германіи южной. Для многихъ изъ насъ Майнская линія всегда была тревожнымъ призракомъ. Мы боялись *дуализма* Германіи гораздо больше чѣмъ ея *множественности*; съ этой точки зрѣнія, дуализму предпочитали мы федерализмъ. Теперь мы имѣемъ Майнскую линію; призракъ сдѣлался дѣйствительностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ быть призракомъ; въ немъ слѣдуетъ видѣть — отваживаюсь употребить еретическое слово—благотворную необходимость. Майнская линія, въ томъ видѣ, какъ она установлена теперь, не есть раздѣлъ между областями двухъ великихъ государствъ, это не та Майнская линія, которой мы боялись прежде—раздѣльная черта между Австріею и Пруссіею. Майнская линія служитъ *приваломъ*, гдѣ мы запасемся водой и углемъ, переведемъ духъ и пойдемъ затѣмъ дальше... Никольсбургскій договоръ, вызванный военными и политическими соображеніями, обезпечиваетъ только международныя отношенія сѣверной и южной Германіи. Виллафранкскій миръ сдѣлалъ то же самое, хотя и въ другой формѣ: итальянская нація перешла отъ него къ „очереднымъ дѣламъ". Основывая единство безъ чужой помощи, но собственною силою, силою Прусскаго государства и противъ

[1]) 71-я ст. проекта гласила: «Отношенія союза къ южно-Германскимъ государствамъ будутъ опредѣлены, тотчасъ по установленіи конституціи Сѣверо-Германскаго союза, *особыми договорами*, которые имѣютъ быть представлены на утвержденіе имперской думы». По предложенію г. Микеля, эта статья дополнена слѣдующимъ образомъ: «вступленіе южно-Германскихъ государствъ или одного изъ нихъ въ союзъ, совершается, по предложенію союзнаго президентства, законодательнымъ путемъ».

воли иностранныхъ державъ, мы также перейдемъ къ „очередному порядку“ мимо постановленій Никольсбургскаго договора. Никакая иностранная держава не должна намъ препятствовать въ этомъ“.

Безусловная оппозиція проекту исходила главнымъ образомъ отъ ультрамонтановъ, партикуляристовъ и членовъ крайней лѣвой стороны, но эти элементы въ учредительной думѣ были еще очень слабы. Пруссія должна была ожидать клерикальной партикуляристической оппозиціи изъ южно-германскихъ государствъ, теперь еще стоявшихъ въ сторонѣ. Одинъ изъ горячихъ защитниковъ правительственнаго проекта, Финке [1]) имѣлъ основаніе сказать, что онъ считаетъ великою выгодою, что сѣверная Германія, на первый разъ, можетъ основать союзъ безъ Германіи южной. Опытъ франкфуртскаго парламента показалъ, по его словамъ, какъ трудно привести къ соглашенію разнородныя германскія племена.

Тѣмъ не менѣе возраженія нѣкоторыхъ „непримиримыхъ“ были рѣшительны и рѣзки, особенно же слѣдуетъ это сказать объ извѣстномъ клерикалѣ Маллинкродтѣ [2]). Онъ заявилъ, что руководится не интересами католической церкви, которые, по его мнѣнію, могутъ быть и будутъ достаточно обезпечены въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ а общими соображеніями справедливости. „Я держусь“, воскликнулъ онъ, „стараго начала—justitia fundamentum regnorum [3]); но у колыбели Сѣверо-Германскаго союза не удалось мнѣ найдти „юстиціи“..... Доказательство тому на лицо. Въ Шлейзвигъ-Гольштейнѣ война началась для освобожденія земли изъ подъ несправедливаго владычества; въ Лондонѣ были признаны права герцога Августенбургскаго [4]); когда герцогъ медлилъ удовлетворить вполнѣ здѣшнимъ требованіямъ, стали оспаривать его право, но остерегались дать слово единственно компетентнымъ инстанціямъ: народу и союзу. Безъ войны, безъ всякой вины со стороны упомянутой области, Пруссія присоединила ее къ себѣ и лишила ее самостоятельности. Я вижу въ этомъ нѣчто худшее, чѣмъ даже завоеваніе, ибо освободитель поступилъ насильственно. Послѣдняя война (1866 г.) доставила, съ одной стороны, блестящую побѣду и усиленіе прусскаго могущества, но съ другой, она повлекла за собою расторженіе хотя и слабой связи,

[1]) Извѣстный уже намъ дѣятель 1848 г.

[2]) Род. въ 1821 г. Вестфалецъ.

[3]) Слова бл. Августина.

[4]) Намекъ на то, что сама Пруссія на лондонскихъ конференціяхъ признавала права принца.

обнимавшей *весь* Германскій народъ и при которой Германія наслаждалась долгимъ, въ прежнія времена неизвѣстнымъ, періодомъ мира. Въ войнѣ этой я вижу отпаденіе австрійскихъ и голландскихъ союзныхъ земель[1]), лишеніе престола трехъ государей, конфискацію вольнаго города Франкфурта и, болѣе или менѣе, фактическую медіатизацію прочихъ государей,—и все это безъ справедливаго повода"..... Затѣмъ ораторъ доказывалъ, что конституція стремится основать не *союзное государство*, за которое онъ охотно подалъ бы голосъ, а государство централизованное, подчиненное прусскому владычеству. „Въ 1867 г.", говорилъ онъ, „домогаются, въ сущности, ничего иного какъ „старой Пруссіи", въ собственномъ смыслѣ; только съ нѣсколько болѣе широкими плечами, болѣе плотнымъ станомъ и въ легкомъ нѣмецкомъ сюртукѣ".

Партикуляристическія стремленія слышались не со стороны только клерикаловъ и нѣкоторыхъ депутатовъ отъ вновь присоединенныхъ провинцій [2]). Защитникамъ проекта пришлось имѣть дѣло, такъ сказать, съ представителями прусскаго партикуляризма. Въ различныхъ постановленіяхъ союзной конституціи нѣкоторые депутаты видѣли противорѣчіе съ началами конституціи прусской. Принять ихъ значило, по ихъ мнѣнію, измѣнить этой послѣдней. Такимъ убѣжденіемъ проникнута, напримѣръ, рѣчь депутата Михелиса. „Какъ прусскій депутатъ", сказалъ онъ, „я вижу во всемъ этомъ, также какъ и многіе другіе, дѣйствительно лишь практическій „привалъ" [3]). Для насъ является вопросъ *совѣсти:* дерзнешь-ли ты уступить что-либо изъ конституціи, которой присягнулъ? Я не гонюсь за идеалами, но для меня всегда остаются несомнѣнными слова поэта: когда предъ тобой лежатъ различныя дороги и ты не знаешь, идти-ли на право или на лѣво, то вѣрнымъ путеводителемъ твоимъ должна служить совѣсть; я присягнулъ прусской конституціи и, по доброй совѣсти, не могу согласиться ни на что, составляющее уступку изъ основныхъ ея правъ".

Рядомъ съ прусскимъ партикуляризмомъ возвысилъ свой голосъ

[1]) Т. е., Лимбурга и Люксембурга; см. ниже.

[2]) Такъ, между прочимъ, депутаты *Альмонъ* и *Кригеръ* предложили измѣнить 1-ю статью проекта (о территоріи союза) слѣдующимъ образомъ: не принадлежатъ къ территоріи союза тѣ округа герцогства Шлезвига, народонаселенію коихъ договорами обезпечено право свободнаго голосованія относительно ихъ принадлежности». (5 ст. Пражскаго трактата). *Bezold*, I, 316. Рѣчь Кригера см. тамъ же, стр. 351—352. Отвѣтная рѣчь г. Бисмарка тамъ же, 352—355.

[3]) Намекъ на «привалъ», указанный Микелемъ въ его рѣчи.

партикуляризмъ польскій. Познанскій депутатъ, г. Кантакъ, представилъ протестъ относительно присоединенія польскихъ областей Пруссіи къ территоріи Сѣверо-Германскаго союза [1]).

Эти отдѣльные голоса не воспрепятствовали, однако, успѣху проекта. Правительство провело его путемъ уступокъ въ пользу самой вліятельной изъ всѣхъ партій — національно-либеральной и опираясь на плотную массу членовъ правой стороны. 16-го апрѣля президентъ собранія, Симсонъ [2]) провозгласилъ результатъ окончательнаго голосованія. Проектъ былъ принятъ большинствомъ 230-и противъ 53-хъ голосовъ. 17-го апрѣля графъ Бисмаркъ объявилъ палатѣ, что союзный совѣтъ также принялъ проектъ съ нѣкоторыми исправленіями, сдѣланными во время преній.

Теперь оставалось провести проектъ въ „послѣдней стадіи" — въ мѣстныхъ ландтагахъ, предоставившихъ себѣ обсудить его послѣ союзной думы и совѣта. Но и эта часть работы кончилась быстро; 24-го іюня 1867 конституція Сѣверо-Германскаго союза была утверждена, а 1-го іюля вступила въ силу. Должность союзнаго канцлера была предоставлена творцу своего союза—графу Бисмарку.

III.

Положеніе южно-германскихъ государствъ послѣ учрежденія сѣверо-германскаго союза.—Оборонительные трактаты.—Люксенбургское столкновеніе.—Таможенный парламентъ.—Оппозиціонные элементы въ южной Германіи.—Баварія и клерикалы; демократы въ Виртембергѣ.—Клерикалы въ Баденѣ.—Южногерманскіе депутаты въ таможенномъ парламентѣ —Ихъ сѣверные союзники.—Результаты первой сессіи таможеннаго парламента.—Оппозиція правительству въ Рейхстагѣ.—Баденскій вопросъ.—Рѣчь графа Бисмарка. — Паденіе министерства Гогенлоэ въ Баваріи. — Раздоръ въ Виртембергѣ.—Общее положеніе Германіи предъ войною съ Франціей.

Сѣверо-Германскій союзъ былъ, наконецъ, основанъ. Въ Европѣ явилось могущественное нѣмецкое государство въ $7\frac{1}{2}$ тысячъ квадр. миль и съ 30 милліонами жителей; но, расматриваемое съ точки зрѣнія политическаго своего единства, оно далеко не достигало цѣли.

[1]) Познань и Пруссія не входили въ составъ прежняго Германскаго союза. Рѣчь Кантока см. у *Bezold*'а, 316—326. Знаменитая отвѣтная рѣчь г. Бисмарка тамъ же, 327—337.

[2]) Бывшій президентъ франкфуртскаго парламента 1849 г.

Нечего говорить здѣсь о возраженіяхъ велико-германской партіи, съ горестью смотрѣвшей на исключеніе Австріи. Огромное большинство патріотовъ видѣло въ этомъ результатѣ событій 1866 года великую выгоду для своего отечества. Но въ другомъ свѣтѣ представлялось положеніе южно-германскихъ государствъ, восьми милліоновъ чисто нѣмецкаго племени. Они остались безъ организаціи. На основаніи Пражскаго трактата они могли образовать свой союзъ, что̀, конечно, привело бы къ раздвоенію Германіи—и раздвоенію легальному. Новый союзъ былъ бы слишкомъ незначителенъ для самостоятельной политической роли; но онъ могъ составить серьезное „дополненіе“ къ каждой державѣ, желавшей соперничать съ Сѣверо-Германскихъ союзомъ; могъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Австріи, или еще ближе, Франціи, не забывшей о выгодахъ Рейнскаго союза. Въ да̀нную минуту, конечно, нельзя было думать объ органическомъ сліяніи двухъ частей Германіи, но можно и должно было установить между ними прочныя отношенія, хотя бы международнаго характера. Въ этомъ случаѣ графъ Бисмаркъ предупредилъ желанія національно - либеральной партіи.

Вопервыхъ, еще при заключеніи въ 1866 году, мирныхъ трактатовъ съ отдѣльными государствами южной Германіи, была предотвращена возможность Рейнскаго союза съ одной, и голосованія 14-го іюня 1866 года, съ другой стороны. Упомянутые трактаты были заключены на условіяхъ сравнительно легкихъ для побѣжденныхъ, на томъ основаніи, что состоялись оборонительные договоры означенныхъ государствъ съ Пруссіею (Schuz- und Truz- Bündnisse).

Содержаніе ихъ было кратко и ясно. Каждая изъ договаривающихся сторонъ обѣщалась хранить цѣлость территоріи своего союзника и, въ случаѣ внѣшней войны, предоставлять въ его распоряженіе всѣ они военныя силы Верховное начальствованіе надъ арміею предоставлялось прусскому королю. Ратификація означенныхъ договоровъ состоялась одновременно съ подписаніемъ мирныхъ трактатовъ, но они должны были храниться пока въ тайнѣ [1]).

Съ военной точки зрѣнія, единство Германіи было фактически достигнуто; единая война отдала бы въ распоряженіе Пруссіи всѣ силы Германіи. Филиппика Микеля противъ Никольсбургскаго договора была бы не такъ горяча, если бы ему, какъ и другимъ депутатамъ, была извѣстна „тайна“ графа Бисмарка, но она скоро пере-

[1]) *Laibie*, les constitutions d'Europe et d' Amérique, 256, 257, 259, 262.

стала быть тайной, когда прусскому кабинету понадобилось показать Европѣ, что Германія, въ военномъ отношеніи, не разъединена.

Поводомъ къ этому послужило извѣстное Люксембургское столкновеніе. Герцогство Люксембургъ до 1866 г. составляло часть Германскаго союза, но было соединено съ Голландіею. Положеніе голландскаго короля съ 1866 года было довольно неопредѣленно. 14-го іюня 1866 года его уполномоченный подалъ голосъ за Пруссію; но во время войны правительство сохранило нейтралитетъ. Послѣ голосованія 24-го августа союзъ былъ объявленъ несуществующимъ; судьба всѣхъ государствъ была опредѣлена особыми трактатами; только Люксембургскій вопросъ обойденъ молчаніемъ. Между тѣмъ какъ прусскому, такъ и голландскому правительствамъ необходимо было опредѣлить свои взаимныя отношенія. Особенно заинтересовано было этимъ послѣднее изъ нихъ. Во времена стараго союза Пруссіи дано было право содержать свой гарнизонъ въ крѣпости Люксембургѣ; герцогство входило, кромѣ того, въ область таможеннаго союза. Съ прекращеніемъ союзныхъ отношеній, очевидно, прекратилось и право Пруссіи занимать Люксембургъ своими войсками. Въ этомъ смыслѣ и была написана отъ голландскаго правительства нота, отправленная въ Берлинъ 6-го октября 1866 года. Пруссія оставила это заявленіе безъ вниманія, но не предлагала Голландіи вступить въ сѣверо-германскій союзъ за Люксембургъ-Лимбургъ. Король обратился за помощію къ Наполеону III, который увидѣлъ въ данномъ столкновеніи случай добыть для Франціи нѣкоторое вознагражденіе за допущенное имъ усиленіе Германіи. Голландія получила предложеніе продать Франціи Люксембургъ и въ тоже время было затребовано согласіе Пруссіи, подъ условіемъ облегченія дальнѣйшаго объединенія Германіи. Голландскій король изъявилъ свое согласіе, но Пруссія не обнаруживала уступчивости. Слухъ объ этихъ переговорахъ проникъ въ общество и въ имперскій рейхстагъ, занятый обсужденіемъ проекта конституціи. 1-го апрѣля 1867 года депутатъ Беннигсенъ съ 70 другими членами сдѣлалъ запросъ министерству относительно его роли въ Люксембургскомъ вопросѣ. Въ Германіи и Франціи общественное мнѣніе было сильно возбуждено. Германскіе патріоты въ ландтагахъ и на сходкахъ говорили рѣчи на извѣстную тему, что правительство и народы Германіи не должны уступать ни одной пяди нѣмецкой земли. Конечно, лучшимъ средствомъ для этого было бы принять Люксембургъ въ Сѣверо-Германскій союзъ, но голландскій король, а также народонаселеніе герцогства, не обнаружили къ тому ни малѣйшаго желанія; насильственное

же присоединеніе упомянутой области къ союзу было бы, конечно, вопіющею несправедливостію. Затѣмъ голландское правительство и народонаселеніе Люксембурга имѣли полное право требовать удаленія прусскаго гарнизона, дальнѣйшее пребываніе котораго въ герцогствѣ не имѣло никакого основанія. Наконецъ для Франціи удаленіе прусскаго гарнизона было вопросомъ чести. Пруссія получила право занимать крѣпость въ качествѣ угрожающей и оборонительной мѣры противъ Франціи; теперь держава эта, видѣвшая и допустившая возвышеніе Германіи, могла требовать, чтобы по крайней мѣрѣ эта угроза была устранена; удаленіе прусскаго гарнизона было minimum того, чего могло желать французское общество и правительство. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Говорили даже о приготовленіяхъ Французовъ къ войнѣ, и въ эту-то критическую минуту прусское правительство обнародовало (19-го марта) тайные договоры съ южными государствами.

Но война была, конечно, нежелательна для обѣихъ сторонъ. Франція понесла большія потери во время Мексиканской экспедиціи; Германія, едва кончившая междоусобную борьбу, не безъ смущенія помышляла о новой борьбѣ, размѣры которой трудно было тогда предвидѣть. Дѣло уладилось миролюбиво, благодаря посредничеству Россіи и Англіи. 7-го мая собралась въ Лондонѣ конференція изъ представителей великихъ державъ и, кромѣ того, Голландіи съ Люксембургомъ и Бельгіи. На основаніи трактата, заключеннаго 11-го мая 1867 года, Люксембургъ остался во владѣніи Оранскаго дома, въ качествѣ *нейтральнаго* государства. Вѣчный его нейтралитетъ обезпечивался всѣми державами, подписавшими трактатъ. Прусскій гарнизонъ долженъ былъ очистить крѣпость, но Голландскій король долженъ срыть ее съ обязательствомъ никогда не возстановлять; кромѣ того, Люксембургъ былъ по прежнему причисленъ къ германскому таможенному союзу.

Но самымъ важнымъ и много обѣщавшимъ пріобрѣтеніемъ для Сѣверо-Германскаго союза была реформа *таможеннаго управленія*. Договоры, на коихъ былъ основанъ старый таможенный союзъ, юридически рушились, но фактически ни одно государство, а тѣмъ болѣе прусское, не помышляло о ниспроверженіи таможенныхъ учрежденій. Дѣятельность ихъ не прекращалась ни на одну минуту. Въ то время, какъ войска бывшихъ союзниковъ сражались на поляхъ Германіи, таможенные чиновники спокойно продолжали отправленіе сво-

ихъ обязанностей, во имя не существовавшаго союза [1]). Но по окончаніи войны, вопросъ объ юридическомъ возстановленіи его представился болѣе сложнымъ. Германія по одну сторону Майна готовилась составить довольно компактное государство, въ которомъ таможенное управленіе передавалось въ руки общей союзной власти [1]); а по другую, она представляла совокупность независимыхъ государствъ, даже безъ прежней слабой связи. Организовать общее таможенное управленіе для столь разнородныхъ частей было чрезвычайно важно, но вмѣстѣ съ тѣмъ затруднительно. Если четыре южногерманскихъ государства желали сохранить его, то оно должно было сложиться по типу или новаго союза, или старой федераціи; оно должно было служить шагомъ впередъ или назадъ, на пути къ германскому единству. Для прусскаго правительства подобная реформа была единственнымъ поводомъ и средствомъ перешагнуть за „Майнскую линію"—и оно не выпустило его изъ рукъ. При заключеніи мирныхъ договоровъ съ южными державами было постановлено, что договаривающіяся стороны вступятъ въ соглашеніе касательно новаго устройства таможеннаго союза. Въ ожиданіи, трактатъ 1865 года оставался въ силѣ, подъ условіемъ, что каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ прекратить его дѣйствіе, по заявленію объ этомъ за шесть мѣсяцевъ.

Понятно само собою, что эта шестимѣсячная угроза была гораздо опаснѣе для южныхъ государствъ, чѣмъ для Сѣвернаго союза. Выгода южныхъ правительствъ требовала, чтобы они заключили новый договоръ на условіяхъ, предложенныхъ Пруссіею. Условія эти состояли теперь въ слѣдующемъ. Графъ Бисмаркъ охотно соединилъ бы таможенное управленіе съ учрежденіями Сѣверо-Германскаго союза; всего лучше было бы сосредоточить эти дѣла въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ, усиливъ ихъ составъ, спеціально для таможенныхъ

[1]) Ср. *Вормсъ*, L'Allemagne économique (Paris, 1874 г.), стр. 480 и слѣд.: «Le gouvernement prussien..., s'interdit formellement de suspendre en quelque manière le service régulier des douanes ou d'entraver la libérté commerciale de ses associés et se borne à retirer ses plénipotentiaires fédéraux et ses contrôlleurs de stations de celles de régions, qu'il avait à combattre sans conserver des rapports de service avec les agents douaniers des régions. Aussi fût-ce un curieux spectacle que celui qu'offrit à ce moment le Zollverein, dont les membres s'acharnaient les uns sur les autres de toutes leurs forces militaires, pendant que les diverses autorités des douanes continuaient à remplir leur fonctions au nom de la communauté, percevaient de l'argent pour elle et partaient aux comtes respectifs les fonds encaissés».

[1]) Союзн. конст. ст. 4 п. 2.

дѣлъ, уполномоченными отъ южныхъ государствъ въ совѣтѣ и ихъ депутатами въ рейхстагѣ. Но этотъ планъ былъ пока неосуществимъ; приходилось избрать средній путь, то-есть, организовать *особое* таможенное управленіе, но по образу сѣверо-германской конституціи. Органами его должны были явиться таможенный союзный совѣтъ, таможенный парламентъ и президентъ [1]). Союзный совѣтъ составлялся изъ уполномоченныхъ отъ членовъ сѣверо-германскаго союза и отъ южныхъ государствъ [2]). Число голосовъ въ совѣтѣ увеличивалось съ 43 на 58 [3]). Таможенный парламентъ (Zollparlament) составился изъ членовъ сѣверо-германскаго рейхстага и депутатовъ отъ южныхъ государствъ, избранныхъ въ соотвѣтствующемъ числѣ прямою и всеобщею подачею голосовъ [4]). Президентство предоставлялось прусской коронѣ [5]).

Принятіе этихъ началъ южными государствами было облегчено событіями послѣдней войны и обаяніемъ прусскаго могущества. Перемѣна, происшедшая въ направленіи южно-германскихъ правительствъ была разительна. Новый духъ обнаружился и въ измѣненіи личнаго состава министерствъ.

Въ Баваріи враждебный Пруссіи первый министръ фонъ-деръ Пфордтенъ былъ замѣненъ княземъ Гогенлоэ-Шиллингефспретомъ [6]); въ Виртембергѣ пали министръ юстиціи Вейротъ и военный Гордеггъ и были замѣнены Миттнахтомъ и полковникомъ Вагнеромъ; въ Баденѣ усилились и безъ того крѣпкія симпатіи къ Пруссіи. Всѣ правительства горячо взялись за преобразованіе воинской системы по прусскому образцу. Прусскіе генералы были приглашаемы для совѣтовъ, указаній и примѣровъ.

[1]) Новый таможенный договоръ напечатанъ, между прочимъ, у *Бецольда*, т. III, стр. 74—105.

[2]) Ст. 8.

[3]) Именно: *Баваріи* предоставлялось 6 голосовъ, *Виртембергу*—4, *Бадену*—3, *Гессену*—3. Но изъ трехъ Гессенскихъ голосовъ должно вычесть 1, который держава имѣла уже за сѣверныя свои области, вошедшія въ составъ Сѣверо-Германскаго союза. Такимъ образомъ С. Сов. увеличился 15 новыми голосами. Ст. 8, § 1.

[4]) Ст. 9, § 1.

[5]) Ст. 8, § 6.

[6]) Князь Хлодвигъ Гогенлоэ род. въ 1819 г.; вступилъ въ министерство 31-го декабря 1866 г., гдѣ и оставался до 7-го марта 1870, когда онъ былъ низвергнутъ клерикалами. См. ниже. Въ маѣ 1874 назначенъ германскимъ посланникомъ во Франціи.

Подъ вліяніемъ такого настроенія, заключеніе новаго таможеннаго договора съ правительствами не представляло затрудненій. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній, договоръ былъ окончательно подписанъ 8-го іюля 1867 года. Онъ долженъ былъ вступить въ силу 1-го января 1868 и сохранять свое дѣйствіе до 1877 года; затѣмъ сила его продолжалась на новыя 12 лѣтъ, если до 1-го января 1876 года та или другая договаривающаяся сторона не сдѣлаетъ противнаго заявленія [1]).

Учрежденіемъ таможеннаго парламента было достигнуто пока все,—и можетъ быть даже больше, чего можно было достигнуть въ данную минуту для объединенія двухъ частей Германіи. Какъ ни благопріятно были настроены южныя правительства къ Пруссіи, но они (кромѣ Бадена) не обнаруживали стремленій идти дальше того, что уже было сдѣлано. Они понимали, правда, что образованіе *южногерманскаго* союза, возвѣщеннаго пражскимъ договоромъ, невозможно: для этого не существовало центра, подобнаго Пруссіи на сѣверѣ; Баварія не могла разыграть такой роли среди своихъ сосѣдей. Затѣмъ союзъ, даже если бы онъ возникъ, врядъ-ли имѣлъ бы шансы на самостоятельное существованіе и роль въ Европѣ. Отстаивая свою независимость отъ сѣверной Германіи, онъ долженъ былъ бы искать поддержки или въ сомнительныхъ силахъ Австріи, или въ обременительномъ протекторатѣ Франціи. Единственно возможная для южныхъ государствъ политика состояла въ обезпеченіи своихъ экономическихъ интересовъ и внѣшней безопасности въ связи съ сѣверною Германіею; въ остальныхъ отношеніяхъ каждое государство должно было сохранить полную независимость [2]).

Но и эта умѣренная политика правительствъ была излишнею и унизительною уступчивостью въ глазахъ сильнѣйшихъ общественныхъ партій—баварскихъ клерикаловъ и виртембергскихъ демократовъ. Народонаселеніе Баваріи никогда не было расположено къ Пруссіи, а событія Шлезвигъ-Гольштейнской войны и войны 1866 г. еще усилили эту антипатію. Она утилизировалась и разжигалась католиче-

[1]) Дог. 8-го іюля, ст. 29: «Der gegenwärtige Vertrag tritt mit dem 1 Januar 1868 in Wirksamkeit. Er soll, sofern er nicht vor dem 1 Januar 1876 von dem einen oder dem anderen der vertragendenden Theile aufgekündigt wird, auf weitere zwölf Jahre und so fort von zwölf zu zwölf Jahren als verlängert angesehen werden».

[2]) См. заявленія Баварскаго министра-президента кн. Гогенлоэ и Виртембергскаго Варнбюллера, помѣщ. въ назв. сборникѣ *Гана*, стр. 228—235.

скимъ духовенствомъ, опасавшимся утратить свое преобладаніе въ нѣдрахъ возможной въ будущемъ германской имперіи съ ея протестантскимъ характеромъ. Духовенство и клерикалы предприняли настоящій крестовый походъ противъ Пруссіи въ печати, въ проповѣдяхъ, на сходкахъ [1]). Въ Виртембергѣ оппозиція исходила отъ радикальной демократіи, главнымъ органомъ которой въ печати былъ „Наблюдатель“, издававшійся К. Майеромъ. Идеаломъ ея были южногерманскіе штаты, организованные по швейцарскому образцу, то-есть, на федеративно-республиканскихъ началахъ. Обѣ партіи дѣйствовали довольно дружно. Въ Гессенѣ, напримѣръ, при выборѣ депутатовъ въ таможенный парламентъ, радикальный кандидатъ Дюмонъ былъ поддерживаемъ архіепископомъ Кеттлеромъ съ одной и соціалистами Бебелемъ и Либкнехтомъ съ другой стороны [2]).

Сила оппозиціонныхъ элементовъ не замедлила обнаружиться во-первыхъ, при обсужденіи въ палатахъ таможеннаго и оборонительно-наступательныхъ договоровъ и, вовторыхъ, при выборахъ въ таможенный парламентъ.

Оборонительные договоры, о которыхъ мы говорили выше, нуждались въ одобреніи мѣстныхъ ландтаговъ (кромѣ Баварскаго); въ томъ же нуждался и таможенный договоръ во всѣхъ южно-германскихъ государствахъ. Въ Виртембергѣ ландтагъ былъ созванъ 18-го октября 1867 г., но еще прежде демократическая партія объявила войну трактатамъ; они установляли, по ея мнѣнію, вассальную зависимость южной Германіи отъ Пруссіи. Въ нижней палатѣ однимъ изъ главныхъ ораторовъ оппозиціи явился Морицъ Моль [3]). Не смотря на усилія министерства, оборонительно-наступательный договоръ былъ утвержденъ не слишкомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, а именно 57 противъ 32, таможенный же 76 противъ 13. Удачнѣе было обсужденіе договоровъ въ верхней палатѣ. Напротивъ, въ Баваріи нижняя палата отнеслась къ таможенному договору благосклон-

[1]) *Worny*, назв. соч. стр. 508 и слѣд. *Бенедетти*, Mission en Prusse, стр. 278 (третьяго изданія).

[2]) Архіепископъ Кеттлеръ (род. въ 1811 г.), одинъ изъ видныхъ членовъ клерикальной оппозиціи въ рейхстагѣ, издавна оказывалъ нѣкоторую поддержку соціалистической агитаціи. Такъ Лассаль, въ своей защитительной рѣчи по дюссельдорфскому процессу (1864), ссылался на значительное сходство своихъ идей съ воззрѣніями Кеттлера, изложенными въ его брошюрѣ: «Die Arbeiterfrage und das Christenthum (3-е изд. вышло въ 1864 г.).

[3]) Братъ знаменитаго ученаго Роберта Моля, род. въ 1802.

нѣе верхней. Между тѣмъ какъ она приняла договоръ большинствомъ 177 противъ 17, верхняя палата едва не отвергла его и только благодаря особымъ усиліямъ и вліяніямъ, онъ соединилъ здѣсь 35 голосовъ противъ 13. Баденскія палаты дали договорамъ огромное большинство.

Съ момента принятія договоровъ, роль оппозиціонныхъ партій была опредѣлена. Они не могли уничтожить связей, установившихся между сѣверомъ и югомъ въ экономическомъ и военномъ отношеніи, но могли воспрепятствовать дальнѣйшему объединенію или, какъ выражались тогда, опрусаченію Германіи. Оппозиція могла сказать: до сихъ поръ—и не дальше! Всѣ усилія ея были направлены теперь къ упроченію торжества ея кандидатовъ въ таможенномъ парламентѣ. Это было необходимо потому, что въ сѣверной Германіи разчитывали на парламентъ, какъ на лучшее средство расширить компетенцію новаго союза и перешагнуть понемногу за Майнскую линію. Правда, компетенція таможеннаго законодательства ограничивалась извѣстными вопросами, но кто могъ воспрепятствовать расширенію ея при дружномъ согласіи парламента? Развѣ нельзя было привлечь къ разсмотрѣнію его много экономическихъ вопросовъ, имѣвшихъ хотя бы отдаленную связь съ задачами таможеннаго законодательства?

Оппозиція въ южной Германіи рѣшилась обдать холодомъ всѣ подобныя стремленія; ей нужно было, кромѣ того, остановить успѣхи прусской системы и у себя дома. Сопротивленіе воинской реформѣ, требовавшей трехлѣтней службы въ строю и соотвѣтствующаго возвышенія налоговъ, сдѣлалось лазунгомъ оппозиціи и орудіемъ ея вліянія на народъ. Усилія ея увѣнчались большимъ успѣхомъ. Клерикальные и радикальные кандидаты побѣдили на выборахъ. Въ Баваріи 24 депутата изъ 48 принадлежали къ клерикальной партіи; въ Виртембергѣ всѣ 17 депутатовъ были изъ оппозиціи. Даже въ Баденѣ, гдѣ прусскія симпатіи обнаруживались довольно сильно, значительное число депутатовъ принадлежало къ клерикальной партіи.

Таможенный парламентъ собрался и засѣданія его были открыты тронною рѣчью 27-го апрѣля 1868 г. Немедленно обнаружилось въ немъ соперничество партій. Оно, конечно, не отразилось особенно сильно па движеніи таможеннаго законодательства, въ собственномъ смыслѣ [1]). Многія преобразованія, предложенныя главнымъ образомъ

[1]) Ходъ работъ въ таможенномъ парламентѣ въ этой области за сессіи 1868, 1869 и 1870 гг. подробно разсмотрѣнъ г. *Вормсомъ*, L'Allemagne Economique, стр. 511—566.

Пруссіею, были приняты. Но въ области политическихъ стремленій, тамъ гдѣ рѣчь шла о дальнѣйшихъ мѣрахъ къ объединенію Германіи при помощи парламента, такъ называемая „нѣмецкая партія" встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны южно-германской и нѣкоторыхъ другихъ. Южно-германская партія была только центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ остальные оппозиціонные элементы. Далеко не всѣ южно-германскіе партикуляристы принадлежали къ рядамъ клерикаловъ и демократовъ, противупоставлявшихъ монархической федераціи, созданной графомъ Бисмаркомъ, идею германской республики. Въ числѣ ихъ были конституціонные партикуляристы, противившіеся объединенію Германіи на началахъ, предложенныхъ сѣверо-германскою конституціею. Они полагали, что соединеніе южныхъ государствъ съ сѣверомъ при существующихъ условіяхъ не возможно, потому, вопервыхъ что союзное устройство не обезпечиваетъ началъ конституціоннаго правленія, такъ какъ въ немъ нѣтъ отвѣтственнаго министерства; вовторыхъ, союзная конституція можетъ быть примѣнена къ южнымъ государствамъ только подъ условіемъ установленія различія между средними и малыми государствами: въ сѣверо-германскомъ союзѣ есть одно господствующее государство Пруссія и множество зависимыхъ отъ него мелкихъ владѣній; но Баварія и Виртембергъ не могутъ соединиться съ сѣверомъ на правахъ Ангальта или Бремена; они должны удержать за собою нѣкоторыя прерогативы. Наконецъ, они не сочувствовали сильному развитію милитаризма въ сѣверной Германіи, находя его опаснымъ для гражданской свободы и несовмѣстнымъ съ развитіемъ экономическаго благосостоянія. Такъ думали многіе и къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый экономистъ Шеффле [1]).

Эти три фракціи южно-германской партіи—клерикалы, демократы и конституціоналисты—находили себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ элементахъ сѣверо-германской оппозиціи. Вопервыхъ, къ нимъ присоединилась крайняя правая сторона рейхстага, состоявшая изъ лицъ,

[1]) Авторъ книги: «Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft» и друг. Въ 1871 г. былъ членомъ министерства Гогенварта (въ Австріи) и вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовалъ благородную цѣль примиренія народовъ Австріи путемъ широкихъ уступокъ историческому праву. Въ настоящее время онъ остается однимъ изъ лучшихъ двигателей экономической науки, въ которой является представителемъ такъ называемаго «соціализма каѳедры» (Kathedersocialismus), въ противуположность старому направленію политической экономіи.

солидарныхъ съ извѣстнымъ манифестомъ консервативной партіи [1]. Для нихъ все, совершенное г. Бисмаркомъ, было плодомъ революціонныхъ стремленій; онъ заставилъ, говорили они, старую, монархическую Пруссію, заключить союзъ съ партіями, враждебными монархіи; онъ вызвалъ къ жизни главное политическое орудіе демократіи — всеобщую подачу голосовъ [2]. Затѣмъ къ южно-германцамъ пристали соціально-демократическіе депутаты и члены крайней лѣвой стороны.

Этой соединенной оппозиціи удалось устроить всѣ важнѣйшія политическія предложенія, каковъ, напримѣръ, проектъ національнаго адресса королю [3] и др. Она зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы сѣверогерманскій союзъ не распространилъ свое господство на югѣ путемъ законодательства, понимаемаго въ слишкомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Не даромъ графъ Бисмаркъ жаловался въ одной изъ своихъ рѣчей, что въ южной Германіи стремленія къ единству изумительно слабы [4].

Вообще политическая исторія первыхъ трехъ лѣтъ сѣверо-германскаго союза не предвѣщала быстраго окончанія дѣла, начатаго въ 1866 году. Правда союзное правительство и рейхстагъ сдѣлали изумительно много въ области союзнаго законодательства. Они сплотили всѣ части новаго политическаго тѣла общими законами по разнымъ отраслямъ управленія [5]. Но, не смотря на это, союзный канцлеръ долженъ былъ выдерживать сильныя нападенія со стороны партій, наиболѣе расположенныхъ или наименѣе враждебныхъ къ его дѣлу. Нападки эти имѣли двоякій источникъ. Вопервыхъ, значительное боль-

[1] Ср. выше, гл. VI.

[2] Оппозиція феодальной партіи въ прусской палатѣ господъ обнаружилась въ концѣ 1869 г., между прочимъ, по дѣлу объ учрежденіи общегерманскаго торговаго суда. Ср. *Клюпфель*, II, 293 и слѣд.

[3] *Клюпфель*, тамъ же, стр. 259 и слѣд.

[4] Reden, III, 25 и слѣд. II, стр. 71.

[5] Дѣятельность рейхстага видна, между прочимъ, изъ количества законовъ, имъ разсмотрѣнныхъ и долженствовавшихъ вступить въ силу въ южной Германіи, по установленіи имперіи. Сюда относятся: 1) законъ о паспортахъ, 12-го октября 1867 г.; 2) о консульствахъ, 8-го ноября 1867 г.; 3) законъ о промышленныхъ и хозяйственныхъ обществахъ, 4-го іюля 1868 г.; 4) воинскій законъ, 9-го ноября 1867 г.; 5) О мѣрахъ и вѣсахъ, 17-го августа 1868 г.; 6) вексельный законъ, 5-го Іюня 1869 г.; 7) законъ объ учрежденіи верховнаго торговаго суда, 12-го Іюня 1869 г.; 8) о равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій, 3-го іюля 1869 г.; 9) объ акціонерныхъ обществахъ, 11-го іюня 1869 г. и многіе другіе. Ср. *Бецольда*, III, 59 и слѣд.

шинство желало дальнѣйшаго развитія конституціонныхъ началъ, мало обезпеченныхъ союзнымъ устройствомъ; вовторыхъ, по временамъ обнаруживалось патріотическое нетерпѣніе въ виду нѣкотораго, будто бы нежеланія союзнаго правительства переступить за Майнскую линію и соединить южныя государства съ „общимъ отечествомъ“ Депутаты лѣвой стороны и національно-либеральной партіи безпрерывно вносили въ рейхстагъ проекты законовъ, имѣвшіе цѣлію ускорить, или конституціонное развитіе союза, или объединеніе Германіи. Такъ въ 1868 году депутатъ Вальдекъ внесъ предложеніе о пересмотрѣ 32 ст. союзной конституціи, съ цѣлью опредѣленія депутатамъ, вознагражденія [1]). Въ 1869 году Твестенъ и графъ Мюнстеръ внесли предложеніе, подписанное 98 депутатами объ учрежденіи отвѣтственнаго союзнаго министерства, въ составъ котораго должны были входить министры иностранныхъ дѣлъ, военный, морской, финансовъ, торговли и путей сообщенія. Г. Бисмаркъ принялъ это предложеніе за выраженіе личнаго къ себѣ недовѣрія, такъ что Ласкеръ долженъ былъ успокоивать его, въ чемъ онъ и успѣлъ до извѣстной степени [2]). Въ 1868 году депутатъ Микель предложилъ издать законъ объ отвѣтственности предъ рейхстагомъ администраціи союзнаго долга. Канцлеръ точно также усмотрѣлъ въ этомъ личное къ себѣ недовѣріе и пригрозилъ взять назадъ проектъ займа на сооруженіе флота и тѣмъ пріостановить начавшіяся работы. Палата согласилась на компромиссъ [3]). Наконецъ въ 1870 году Ласкеръ внесъ предложеніе о принятіи Бадена въ составъ сѣверо-германскаго союза. Предложеніе это было весьма замѣчательно во многихъ отношеніяхъ, а потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе [4]).

Баденъ твердо желалъ войдти въ составъ союза, что̀ объясняется различными причинами. Вопервыхъ, въ Баденѣ была сильна нѣмецкая партія, хотя она и потерпѣла временный ущербъ отъ клерикальной агитаціи; вовторыхъ, Баденскій великій герцогъ лично горячо сочувствовалъ германскому единству; въ томъ же духѣ дѣйствовали и его министры—Мати [5]) и замѣнившій его Жолли (Jolly). Наконецъ

[1]) Ст. 32 с. конст. гласитъ: «Die Mitglieder des Reichstages dürfen als solche keine Besoldung oder Entschädigung beziehen».

[2]) Reden, II, 65 и слѣд. *Бецольдъ*, т. III.

[3]) Тамъ же, II, 45 и слѣд. *Бецольдъ*, т. III.

[4]) Предложеніе Ласкера было внесено 24-го февраля 1870 года, по поводу одного договора, состоявшагося между Баденомъ и союзомъ.

[5]) Карлъ Мати (Mathy), род. въ 1806 году, умеръ въ 1868 году, одинъ

историческій опытъ доказалъ Бадену, что въ случаѣ войны Германіи съ Франціею, его территоріи всегда грозитъ сильная опасность.

Въ заявленіяхъ со стороны Бадена о желаніи войдти въ составъ союза не было недостатка, но г. Бисмаркъ, или оставлялъ ихъ безъ отвѣта, или отвѣчалъ отказомъ. Теперь Ласкеръ, внося свое предложеніе, ставилъ канцлера въ необходимость объяснить, почему онъ не хочетъ воспользоваться 79 ст. конституціи, открывающей южнымъ государствамъ полную возможность вступать въ союзъ? Почему онъ не хочетъ принять государство, которое можетъ подать примѣръ всѣмъ другимъ? „Гдѣ, говорилъ онъ, ключъ къ этой загадкѣ?“

Отвѣтная рѣчь графа Бисмарка бросаетъ яркій свѣтъ на его политику [1]). Она содержитъ въ себѣ нѣсколько обычныхъ ему loca topica, какъ напримѣръ, сожалѣніе о томъ, что столь обширное собраніе, мало свѣдущее въ практической политикѣ, снова вступается не въ свое дѣло, что оно должно довѣрять ему и т. д. Но рядомъ съ этимъ онъ прямо указалъ на причины, по которымъ не желалъ въ данную минуту, rebus sic stantibus, вступленія Бадена въ союзъ.

Лица, говорилъ онъ, желающія присоединенія в. герцогства, конечно видятъ въ этомъ актѣ не *довершеніе* германскаго единства, а только *средство* къ его довершенію. Рѣчь идетъ о полномъ единствѣ страны. Итакъ, спрашивается, при какихъ условіяхъ Баденъ лучше можетъ служить національному дѣлу, присоединившись къ союзу, или служа ему среди прочихъ государствъ юга, въ качествѣ независимаго государства? Баварія, Виртембергъ и Гессенъ должны быть приведены къ единству путемъ свободнаго сознанія и соглашенія. „Смущенный и принужденный Баварецъ или Виртембержецъ, въ тѣсномъ общеніи, не можетъ мнѣ ни въ чемъ помочь и я всегда предпочту ждать еще цѣлое поколѣніе, нежели прибѣгнуть къ принужденію въ этомъ смыслѣ“. Внезапное присоединеніе Бадена къ союзу не будетъ ли принято другими государствами за средство „смущенія“ за угрозу? Не воспользуются ли этимъ событіемъ оппозиціонные элементы для возбужденія недовѣрія къ политикѣ союза? Союзъ пріобрѣтетъ мало выгодъ отъ немедленнаго присоединенія небольшой страны,

изъ видныхъ дѣятелей во Франкфуртскомъ парламентѣ 1848 года, гдѣ онъ принадлежалъ къ партіи Гагерна. Въ 1863 году сдѣлался министромъ торговли, въ 1866 году — первымъ министромъ. Еще въ 1867 году онъ настаивалъ предъ г. Бисмаркомъ на необходимости принять Баденъ въ сѣверо-германскій союзъ.

[1]) Reden, III, стр. 25 и слѣд.

но потеряетъ усерднаго союзника въ противномъ лагерѣ. Присоединеніе Бадена не только не будетъ содѣйствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ единства, но только повредитъ имъ.

Таковъ былъ предлогъ, представленный палатѣ. Онъ имѣлъ многое за себя въ данную минуту, то-есть, безотносительно къ грядущимъ событіямъ, которыя тогда уже легко было предвидѣть даже не такому государственному человѣку, какъ графъ Бисмаркъ [1]). Но, по тѣмъ или другимъ основаніямъ—Ласкеръ счелъ за лучшее взять назадъ свое предложеніе.

Южная Германія, предоставленная самой себѣ, не только не подвигалась на пути „свободнаго сознанія" германскаго единства, но даже сдѣлала нѣсколько попятныхъ шаговъ [2]).

Въ Баваріи агитація клерикаловъ повела къ паденію министерства Гогенлоэ. Два акта его вызвали особенное раздраженіе—проектъ школьной реформы, составленный въ смыслѣ эманципаціи школы отъ церковной опеки, и заявленіе Гогенлоэ по поводу догмата папской непогрѣшимости. Проектъ школьной реформы, принятый нижнею палатою, палъ вслѣдствіе оппозиціи въ верхней (1869 г.), оставивъ крайнее раздраженіе въ духовенствѣ. Но оно достигло крайнихъ предѣловъ, когда Гогенлоэ выступилъ защитникомъ интересовъ государства противъ непомѣрныхъ притязаній папскаго престола. Въ то время какъ Германія была поглощена борьбою за единство, клерикальный міръ сдѣлалъ послѣднее усиліе въ развитіи своихъ ученій, послѣднее, потому что послѣ сказаннаго на quasi вселенскомъ соборѣ

[1]) Конечно оставленіе Бадена на югѣ было лучшимъ средствомъ подготовить *свободное* объединеніе Германіи. Но врядъ-ли таковъ былъ истинный предлогъ отказа со стороны г. Бисмарка. Въ 1870 году онъ не задумался ввести въ имперію достаточно «смущенныхъ» Виртембергцевъ и Баварцевъ. Отсрочка объединенія Германіи на «цѣлое поколѣніе», оказалась отсрочкою на нѣсколько мѣсяцевъ. Гораздо вѣроятнѣе основаніе, указанное г. Клюпфелемъ, этимъ горячимъ сторонникомъ политики знаменитаго министра. «Бисмаркъ зналъ, говоритъ г. Клюпфель, что подготовляется нѣчто, могущее представить удобнѣйшій случай соединить съ сѣверною Германіею не только Баденъ, но и весь югъ. Онъ зналъ, что война съ Франціею неизбѣжна, но не хотѣлъ, чтобы сказали, что Пруссія вызвала ее своимъ нетерпѣніемъ въ дѣлѣ расширенія сферы своего могущества. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція избрала другой предлогъ къ началу ойны, а именно такой, который бы несомнѣнно выставилъ ее въ глазахъ Европы зачинщицею и нарушительницею мира». II, 325.

[2]) Главные акты, относящіеся къ этому движенію, напечатаны въ названномъ сборникѣ Гана «Der Krieg Deutschlands gegen Frankreich».

1869—1870 годовъ—нѣчего сказать больше. „Подобно тому“, говоритъ Ренанъ, „какъ Ришельё и Людовикъ XIV заранѣе обозначили основныя черты революціи, Пій IX рѣшилъ, что католицизмъ погибнетъ путемъ революціоннымъ—отъ избытка власти, отъ преувеличенія началъ“ [1]. Но въ тотъ моментъ, когда соборъ установлялъ догматъ папской непогрѣшимости, государственнымъ людямъ нельзя было гадать объ историческихъ судьбахъ римской куріи. Они должны были предотвратить вредныя практическія послѣдствія новаго догмата для государственной жизни, а такихъ послѣдствій легко было ожидать особенно въ Баваріи, гдѣ ультрамонтанство было особенно сильно и притязательно. Гогенлоэ рѣшился обратить вниманіе Европейскихъ правительствъ на дѣло, задуманное въ Римѣ, и пригласить ихъ къ совокупному противодѣйствію намѣреніямъ Пія IX, пока они еще не осуществились [2]. Въ этомъ смыслѣ написана его извѣстная нота къ представителямъ Баваріи въ иностранныхъ государствахъ. Голосъ его остался одинокимъ. Но за то онъ вызвалъ противъ себя цѣлый походъ духовенства, тѣмъ болѣе опасный, что въ маѣ предстояли новые выборы въ ландтагъ. Они принесли (22-го мая) клерикальное большинство. Правительство созвало новую палату только 21-го сентября и вскорѣ распустило ее. Новые выборы были еще неблагопріятнѣе для министерства. Съ самаго начала засѣданій (17-го января 1870 г.) оппозиція приступила къ строгой критикѣ всѣхъ его дѣйствій, причемъ были ему поставлены въ вину и договоры съ сѣверо-германскимъ союзомъ. Распря кончилась тѣмъ, что палата вотировала недовѣріе къ министерству и Гогенлоэ подалъ въ отставку. Его замѣнилъ (7-го марта) графъ Брей-Штейнбургъ [3], взгляды котораго на германскій вопросъ значительно отличались отъ взглядовъ его предшественника.

Въ Виртембергѣ агитація демократической партіи и парламентская распря разыгрались довольно оригинально. Ближайшимъ предметомъ агитаціи былъ законъ о воинской повинности, принятый палатами въ 1868 году. Правительство, колебавшееся между страхомъ народной партіи и своими обязанностями къ сѣверо-германскому

[1]) La crise réligieuse en Europe, пом. въ *Rèvue des deux Mondes* 1874 г., т. I, стр. 755.

[2]) Догматъ папской непогрѣшимости былъ провозглашенъ 6/28-го іюля 1870 года, а нота князя Гогенлоэ отправлена 9-го апрѣля 1869 г.

[3]) Род. въ 1807 г. Въ 1848—1849 г. былъ уже министромъ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ того занималъ дипломатическіе посты въ С.-Петербургѣ, Вѣнѣ и пр.

союзу, долго не рѣшалось созывать палатъ; наконецъ ландтагъ былъ созванъ на 8-е марта 1870 года, и тотчасъ же было внесено въ него предложенiе 45-ти членовъ объ измѣненiи воинской повинности, поддержанное петицiею отъ народа съ 150.000 подписями. Подъ влiянiемъ агитацiи правительство рѣшилось сдѣлать перемѣны въ министерствѣ, но совершенно не въ смыслѣ народной партiи. Военный министръ Вагнеръ былъ, правда, принесенъ въ жертву; но его замѣнилъ одинъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ его—Суковъ (Suckow). Затѣмъ другiе министры также удалились не потому, что они были не угодны демократической партiи, а потому, что мало противодѣйствовали ея агитацiи на выборахъ. Такъ получилъ отставку министръ В. Д. Гесслеръ, замѣненный Шерленомъ, (Scheurlen), пользовавшимся репутацiею человѣка энергическаго. Вмѣсто министерства примиренiя явилось министерство борьбы. Народная партiя горячо протестовала противъ новыхъ назначенiй, противъ задуманнаго правительствомъ, какъ она говорила, опруссаченiя (Verpreussung) Виртемберга.

Въ обоихъ главныхъ государствахъ юга начиналась, очевидно, борьба, исходъ которой трудно было предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, общая картина состоянiя южной Германiи была далеко не благопрiятна успѣхамъ германскаго единства, въ смыслѣ союза, созданнаго г. Бисмаркомъ.

Важнѣе всего, въ данномъ случаѣ, было то обстоятельство, что оппозицiя Сѣверо-Германскому союзу вызывалась не частными неудовольствiями, не вопросами о „мѣрѣ и способахъ", но самыми принципами, радикально противорѣчившими новой формѣ германскаго единства. Никогда еще ультрамонтанство не возставало съ такою силою; никогда еще не ставился такъ рѣзко вопросъ объ отношенiи церкви къ государству. Безусловный догматъ папской непогрѣшимости, въ томъ видѣ, какъ былъ онъ выработанъ въ Ватиканѣ, готовъ былъ прiйдти въ столкновенiе съ догматами государственной непогрѣшимости,—съ этою „субстанцiальною государственною волею", возведенною въ философскiй принципъ Гегелемъ и осуществленною въ началахъ публичнаго права сѣверной Германiи. Демократическая партiя, съ ея республиканскимъ идеаломъ, съ ея соцiальными требованiями, подымала голову, опираясь на аналогическое движенiе во Францiи, въ которой она видѣла свою естественную союзницу. Правительствамъ въ Баварiи и Виртембергѣ грозила серьезная опасность; даже въ сѣверной Германiи союзныя учрежденiя сдѣлались предметомъ серьезной критики. Въ глазахъ самой могущественной партiи — на-

ціонально-либеральной, Сѣверный союзъ не былъ *единствомъ* Германіи, но только обѣщаніемъ, залогомъ этого единства, серьезнымъ шагомъ къ конечной цѣли. Когда осуществится эта цѣль? Вопросъ чрезвычайно важный и съ другой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія внутренней свободы. Сѣверо-Германскій союзъ, какъ *временное* учрежденіе, полезное для дальнѣйшихъ широкихъ цѣлей, предполагалъ необходимость сильнаго напряженія національныхъ силъ, нѣкоторой военной диктатуры, умѣряемой скромными правами народнаго представительства. Но сколько времени продлится такое положеніе вещей? Сдѣлается ли единство Германіи залогомъ обще-германской свободы? Мы видѣли, что этотъ вопросъ, въ той или другой формѣ, постоянно предлагался союзному канцлеру членами рейхстага. Оппозиція, пока скромная, могла принять размѣры, далеко превышавшіе безсильную оппозицію прусскаго ландтага въ 1863 году.

Въ этихъ условіяхъ заключалось много побужденій къ внѣшнему предпріятію, предъ которымъ замолкнули бы на время внутренніе раздоры.

III.

Поводы къ войнѣ 1870 года. — Положеніе Германіи. — Настроеніе французскаго общества и положеніе императорскаго правительства. — Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна. — Запросъ Кошери и отвѣтъ Грамона.—Дипломатическій походъ Бенедетти. — 13-е іюля въ Эмсѣ. — Засѣданіе законодательнаго корпуса 15-го іюля.—Чрезвычайное собраніе Сѣверо-Германскаго рейхстага.— Адресъ королю. — Распоряженія союзнаго правительства. — Вопросъ о войнѣ въ южной Германіи. — Положеніе правительства и оппозиція въ Баваріи. — Рѣчь Пранка. — Оппозиція и министерство въ Виртембергѣ. — Силы Германіи. — Изолированность Франціи. — Положеніе австрійскаго кабинета. — Нота графа Бейста. — Настроеніе Италіи. — Состояніе французской арміи.

Трудно найдти въ новой исторіи войну, истинныя причины которой были бы до такой степени скрыты, какъ прусско-французская война 1870 года. Конечно, только въ будущемъ разъяснится она вполнѣ, но и теперь никто не рѣшится признать истиннымъ предлогомъ къ ней кандидатуру принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ. Правда, обѣ стороны одинаково настойчиво выставляли этотъ предлогъ. Франція доказывала, что ея интересы компрометтированы кандидатурой принца, получившаго согласіе прусскаго короля; Пруссія доказывала, что истинная причина войны заключается въ непомѣрномъ тщеславіи французскаго правительства, не удовлетворившагося сдѣланными ею объясненіями. Эта „общая ссылка“ на предлогъ,

не особенно важный, доказываетъ, что ни одна изъ сторонъ не имѣла осязательныхъ предлоговъ къ войнѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы каждая изъ нихъ не имѣла сильныхъ причинъ искать ее.

Начнемъ съ Германіи. Мы видѣли до какой степени движеніе къ единству, вспыхнувшее послѣ событій 1866 года, остановилось въ виду той формы, въ которой сложилось это единство. Только новое обширное предпріятіе могло пробудить снова національное чувство Но союзное правительство нуждалось не только во внѣшнемъ предпріятіи вообще, но въ предпріятіи, направленномъ именно противъ Франціи, ибо только эта страна обнаруживала намѣреніе поставить препоны возраставшему могуществу Германіи. Она провела между сѣверомъ и югомъ Германіи Майнскую линію; она тревожила спокойствіе новаго союза постоянными требованіями „вознагражденія" то на берегахъ Рейна, то на счетъ Бельгіи или Люксембурга; въ ней, наконецъ, находили точку опоры всѣ партикуляристическія партіи южно-германскихъ государствъ, начиная съ клерикаловъ и кончая демократами. Не даромъ графъ Бисмаркъ съ гнѣвомъ говорилъ о людяхъ, желавшихъ видѣть вражескіе штыки обагренными кровью „своихъ сѣверныхъ братьевъ". Сломить на долгое время могущество Франціи значило устранить единственную силу, еще поддерживавшую значеніе Майнской линіи,—силу, сдерживавшую дальнѣйшее развитіе Германіи, и лишить партіи, противныя германскому единству, всякой внѣшней точки опоры. Изолированныя въ своемъ отечествѣ, партіи эти становились ничтожными фракціями, не опасными для видовъ союзнаго правительства. Южная Германія могла быть завоевана только во Франціи.

Не менѣе сложны были побужденія къ войнѣ и во Франціи. Они вытекали изъ самого положенія императорскаго правительства. Каждый изъ двухъ Наполеоновъ, царствовавшихъ во Франціи, былъ фатально обреченъ выкупать утрату политической свободы и невыгоды административнаго гнета блескомъ внѣшнихъ предпріятій и международнымъ могуществомъ своего отечества; каждый изъ нихъ имѣлъ свой героическій періодъ; и тотъ, и другой разыгрывали, въ свое время, роль рѣшителей судебъ всей Европы; на нашихъ глазахъ Европа тревожно прислушивалась къ словамъ повелителя Франціи— къ словамъ, отъ которыхъ зависѣли миръ или война, повышеніе или паденіе биржевыхъ курсовъ, застой или прогрессъ въ торговлѣ. Но такая политика порождала опасныя стремленія во французской націи. Правительство, держащееся исключительно блескомъ внѣшняго

могущества, не можетъ опираться на здоровые, истинно патріотическіе инстинкты массъ и образованнаго общества. Прочныя политическія добродѣтели, дѣйствительный патріотизмъ враждебны ему; оно нуждается во внѣшнемъ, офиціальномъ патріотизмѣ, который получилъ во Франціи характерное названіе *шовинизма*; источникъ его въ безпредѣльномъ самомнѣніи, требующемъ признанія безусловнаго первенства, не выносящемъ чужихъ успѣховъ, чужой силы. Чужіе успѣхи служили оскорбленіемъ для „первой націи въ мірѣ"; они вызывали требованіе вознагражденія, безъ чего нація потерпѣла бы ущербъ въ своемъ первенствѣ.

Значительная масса общества развивалась подъ вліяніемъ этихъ опасныхъ идей. Выродившаяся и подкупленная журналистика усердно поощряла развитіе такого ложнаго чувства [1]). Затмѣніе умовъ доходило до того, что по всеобщему убѣжденію Франція должна была выигрывать безъ всякаго труда при каждой перемѣнѣ въ политическомъ мірѣ. Понятно само собою, что императорское правительство не могло всегда удовлетворять такимъ неумѣреннымъ требованіямъ. Война 1853—1856 годовъ, итальянская война 1859 года, нѣкоторыя другія предпріятія, конечно, льстили національному тщеславію Французовъ, но послѣ Мексиканской экспедиціи значеніе Франціи понизилось. Событія 1866 года выдвинули впередъ другую державу, о которой во Франціи имѣли смутное понятіе. Блескъ Садовой затмилъ славу Севастополя и Сольферино. Съ этого момента имперіи грозила опасность съ двухъ сторонъ.

Вопервыхъ, оппозиціонные элементы, слабые послѣ разгрома 1859 года, теперь организовались и заявили свое требованіе съ новою си-

[1]) Печальную, но вѣрную картину общественнаго настроенія Франціи и особенно Парижа нарисовалъ г. *Леклеркъ* въ своей книгѣ: La guerre de 1870 L'ésprit Parisien etc. (Bruxelles, 1870 г.). Вотъ чтò онъ говоритъ, между прочимъ, о Парижанахъ: «Par le souvenir du premier empire, dés l'avénement du romantisme, il s'est fait en France un mouvement des ésprits qui les a portés à s'encenser, à s'aduler mutuellement sans cesse. *Ils se sont grisés de leur supériorité* ils ont crié a tous les échos de l'univers, qu'ils etaient la première nation, la nation par éxcéllence; que la France était le vaste réservoir et que Paris était le cerveau de l'intelligence humaine. Cette éternelle flagornerie devait avoir et a eu les résultats, quon connait aujourd'hui: une éxpansion exorbitante de tous les défauts qui ont la vanité pour foyer, la jactance, le mépris des adversaires, une certitude de plaire—et de vaincre—absolument folle, et en définitive un abaissement de caractères tel qu'on se demande avec douleur combien de générations il faudra pour fortifier et purifier le grand peuple français». Стр. 22.

лою. Ихъ нельзя было уже удовлетворить незначительными уступками, дѣлаемыми постепенно съ 1860 года. Въ концѣ 1869 года императоръ рѣшился „увѣнчать зданіе“, превратиться въ конституціоннаго монарха съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Послѣднее было составлено однимъ изъ членовъ прежней оппозиціи Э. Олливье [1]). Плебисцитъ 7.500.000 голосами закрѣпилъ и увѣнчалъ реформу, но новое зданіе далеко не было прочно. Законодательный корпусъ былъ составленъ изъ людей, преданныхъ имперіи, но подъ условіемъ славы и блеска, которыми она должна была себя окружать. Масса представителей и ихъ избирателей горѣла желаніемъ отомстить за Садовую, не дававшую покоя національному тщеславію Французовъ. Правительство, руководимое человѣкомъ, отличающимся исключительно легкостью рѣчи, было поставлено между двумя огнями: между непримиримою оппозиціею радикаловъ и настойчивыми требованіями правительственной партіи поддержать первенство Франціи.

Съ 1866 года правительство испытывало всѣ средства „успокоить“ общественное мнѣніе по поводу успѣховъ сѣверной Германіи. Лавалетъ разными софизмами старался доказать, что старый Германскій союзъ былъ страшнѣе для Франціи, чѣмъ твореніе графа Бисмарка! [2]). Въ 1867 году думали загладить дѣло покупкой Люксембурга. Французская печать осмѣивала этотъ проектъ, сравнивая Наполеона съ охотникомъ, который, ничего не настрѣлявъ на охотѣ, тайкомъ покупаетъ дичь, чтобы не прійдти домой съ пустыми руками. Мы видѣли, что Франція едва добилась очищенія крѣпости Люксембурга отъ прусскаго гарнизона. Планы относительно Бельгіи и лѣваго берега Рейна имѣли еще меньше удачи. Министерство Олливье было лишено всякихъ рессурсовъ для „успокоенія“ общественнаго мнѣнія съ этой стороны и было лишено ихъ именно въ ту минуту, когда ему нужно было укрѣпиться во мнѣніи партіи, почитавшей славу и внѣшнее первенство за единственный признакъ хорошаго правительства. Поэтому, оно съ великою горячностью ухватилось за первый предлогъ для доказательства, что дорожитъ преданіями французской славы.

Такимъ предлогомъ и послужила кандидатура принца Гогенцоллернскаго. Трудно рѣшить, была ли она неожиданностью для Франціи, Пруссіи и Европы. Герцогъ Грамонъ настаивалъ на томъ, что

[1]) Эмиль Олливье род. въ 1825 году. Съ 1857 года оппозиціонный членъ законодательнаго корпуса; съ 2-го января 1870 года первый министръ.

[2]) См. циркулярную депешу Лавалета отъ 4/16 сентября 1866 года.

она издавна подготовлялась Пруссіею [1]); г. Бисмаркъ и испанское правительство отвергали это [2]). Внѣшній ходъ дѣла состоялъ въ слѣдующемъ. 3-го іюля новаго стиля въ Парижѣ было получено извѣстіе, что совѣтъ министровъ въ Испаніи рѣшился предложить вакантный тронъ принцу Леопольду Гогенцоллернскому и что съ этою цѣлью къ нему отправлена депутація [3]). Этотъ шагъ маршала Прима [4]) и принятіе кандидатуры принцемъ Леопольдомъ произвели страшный взрывъ общественнаго мнѣнія въ Парижѣ, усмотрѣвшаго во всемъ дѣлѣ явное стремленіе Пруссіи къ униженію Франціи [5]). 5-го іюля новаго стиля депутатъ Кошери внесъ въ законодательный корпусъ краткій, но энергическій запросъ министерству; герцогъ Грамонъ [6]) не зналъ и не могъ знать еще документально объ отношеніяхъ прусскаго правительства къ означенной кандидатурѣ. Король и графъ

[1]) Ср. циркулярную ноту герцога Грамона отъ $^{9}/_{21}$ іюля 1870 года. Герцогъ утверждаетъ, что въ Берлинѣ была рѣчь о кандидатурѣ еще въ мартѣ 1869 г. *Бенедетти*, Ma Mission, стр. 302 и слѣд.

[2]) Офиціальное опровержсніе г. Бисмарка. Депеша испанскаго министерства посланнику въ Парижѣ Алозагѣ отъ 8-го іюля, новаго стиля, 1870 года.

[3]) Принцъ Леопольдъ Гогенцоллернъ, род. въ 1835 году, старшій сынъ князя Антона, X, бывшаго министра-президента Пруссіи (1858—1862). Его братъ принцъ Карлъ (род. въ 1839 году) съ 1866 года князь Румынскій.

[4]) Хуанъ Примъ, графъ Рейсъ, род. въ 1814 году, участвовалъ въ разныхъ испанскихъ революціяхъ; по низверженіи Изабеллы (1863 г.)—членъ временнаго правительства, президентъ совѣта и военный министръ. Убитъ въ 1870 году, $^{18}/_{30}$-го декабря.

[5]) Вотъ какъ описываетъ г. Леклеркъ впечатлѣніе, произведенное «кандидатурою» въ Парижѣ: «Tout à coup un bruit se propage, descendant les «hautes sphères» de la diplomatie jusqu'à la sphère agitée du journalisme: l'Espagne a trouvé un roi, et ce roi est un prince allemand, un Hohenzollern. On feint aussitôt de craindre une manœuvre prussienne en Espagne; on crie bien haut que M. Bismark veut entourer la France d'un cercle de fer. Voilà Paris qui s'émeut et les journaux qui s'insurgent, comme si un signal avait été donné. Un Hohenzollern, roi d'Espagne, jamais! Un cousin du roi de Prusse, vainqueur de Sadowa, régnerait à Madrid!... Halt-là! L'ambition de la Prusse trouvera un obstacle,—la France armée. La France ne permettra jamais... A nous les zouaves et les turcos! A peine si ceux à qui il reste un peu de bon sens osent contrarier cet élan «national», cette protestation véhémente. La chambre législative devient aussi folle que Paris; le senat crie: «à la frontière!» On croirait que c'est Charenton (домъ умалишенныхъ) qui a envahi Paris. Стр. 24.

[6]) Герцогъ Ант. Альфр. Грамонъ, род. въ 1819 году, съ 1852 года занималъ мѣсто посланника при разныхъ дворахъ. 15-го мая 1870 года занялъ мѣсто въ министерствѣ Олливье.

Бисмаркъ были въ отсутствіи; французскій посланникъ въ Берлинѣ, г. Бенедетти, также находился въ отпуску въ Вильдбадѣ [1]). Повѣренный въ дѣлахъ, Ле-Сурдъ, получилъ отъ статсъ-секретаря Тиле уклончивый отвѣтъ; наконецъ, испанскіе кортесы не высказались ни за, ни противъ кандидатуры. При такихъ условіяхъ, благоразуміе требовало отклонить на время запросъ Кошери. Вмѣсто того, герцогъ Грамонъ не только взялся за уясненіе вопроса, исходъ котораго былъ неизвѣстенъ, но и прибавилъ въ своемъ объясненіи, что правительство не потерпитъ, чтобы иноземная держава замѣстила тронъ Карла V своимъ принцемъ, ради своихъ выгодъ и къ ущербу европейскаго равновѣсія. Въ такомъ же духѣ высказался и Олливье. Столь публичное обвиненіе Пруссіи было, конечно, неумѣстно и врядъ-ли могло способствовать успѣху дальнѣйшихъ переговоровъ. Они начались послѣ знаменитаго „объясненія". 7-го іюля Бенедетти по телеграфу получилъ предписаніе ѣхать въ Эмсъ, гдѣ находился король Вильгельмъ I. Въ чемъ могли теперь заключаться требованія Франціи? Министерство Олливье ссылалось на прецеденты изъ новѣйшей европейской исторіи, въ силу которыхъ замѣщеніе вакантныхъ престоловъ производилось не иначе, какъ по соглашенію съ другими заинтересованными державами; оно ссылалось на примѣръ кандидатуры герцога Лейхтенбергскаго на греческій престолъ, при чемъ Русскій императоръ устранилъ ее въ виду несогласія другихъ державъ и т. д. [2]). Исходя изъ той мысли, что принцъ Леопольдъ принялъ кандидатуру съ дозволенія своего правительства, французскій кабинетъ рѣшился настаивать предъ королемъ, чтобы онъ повелѣлъ принцу отклонить предложеніе Прима. Эта часть дипломатической кампаніи была выиграна скоро. 12-го іюля Антонъ Гогенцоллернъ, отъ имени своего сына, отказался отъ кандидатуры, о чемъ и было немедленно сообщено въ Парижъ [3]). Но теперь эта уступка не могла уже удовлетворить французское правительство. Общественное мнѣніе было проник-

[1]) Городокъ въ Виртембергскомъ Шварцвальдѣ.

[2]) Циркулярная нота г. Грамона отъ $^{9}/_{21}$-го іюля 1870 года, гдѣ разсмотрѣны примѣры кандидатуръ на греческій, бельгійскій и неаполитанскій престолы. *Бенедетти*, Ma Mission etc., стр. 319 и слѣд.

[3]) *Ганъ*, назв. Сборникъ, стр. 316 и слѣд. Подробный отчетъ о переговорахъ въ Эмсѣ съ 9-го (то-есть, со дня прибытія туда Бенедетти) по 13-е іюля см. въ книгѣ *Бенедетти*, Ma Mission etc., стр. 300 и слѣд. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его депеша отъ 9-го іюля (стр. 328—338), заключающая въ себѣ отчетъ о первыхъ его переговорахъ съ королемъ.

нуто такимъ недовѣріемъ и опасеніями относительно прусской политики, что простое отреченіе принца не могло его успокоить. Принцъ отрекся сегодня, но что помѣшаетъ ему принять кандидатуру завтра? Задача министерства состояла теперь въ томъ, чтобы вытребовать отъ Пруссіи прочныя гарантіи, которыя, какъ говорилъ герцогъ Грамонъ, были бы способны вполнѣ успокоить общественное мнѣніе [1]).

12-го іюля, въ 10 часовъ утра, герцогъ Грамонъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ, г. Вертеромъ. Изъ депеши послѣдняго видно, что герцогъ считалъ отреченіе принца вопросомъ второстепеннымъ; что, по словамъ его, для установленія добрыхъ отношеній между двумя державами необходимо уничтожить корень недоразумѣнія, а для этого нужно, чтобы прусскій король далъ обѣщаніе, что принцъ и впредь не пріиметъ испанской кандидатуры. Тоже видно изъ депеши лорда Лайонса лорду Гренвиллю. „Nous demandons“, говоритъ ему Грамонъ, — „du roi de Prusse de défendre au prince de Hohenzollern *de revenir* sur la résolution“. Это предложеніе и было сдѣлано графомъ Бенедетти королю утромъ 13-го іюля въ Эмсѣ. Король рѣшительно отказался отъ такихъ обѣщаній и не принялъ вновь французскаго посла [2]).

[1]) До чего доходило это возбужденіе общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ котораго и дѣйствовало министерство, видно, вопервыхъ, изъ депешъ Грамона къ Бенедетти и, во вторыхъ, изъ отзывовъ газетъ о значеніи отказа принца Леопольда отъ кандидатуры. Вотъ, напримѣръ, что телеграфировалъ Грамонъ 11-го іюля: «Vous ne pouvez vous imaginer à quel point l'opinion public est exaltée. *Elle nous déborde de tous cotés et nous comptons les heures.* Il faut absolument insister pour obtenir une réponse du Roi, négative ou affirmative. Il nous le faut pour demain: après demain serait trop tard». *Бенедетти* 348; ср. также стр. 368, 384. Печать отзывалась объ отказѣ принца, какъ о *смѣшной* (dérisoire) уступкѣ Франціи. Тамъ же, стр. 404 и слѣд.

[2]) Нѣмецкая печать передала послѣднее объясненіе короля съ Бенедетти въ томъ видѣ, что французскій посолъ требовалъ «гарантій» съ настойчивостью, перешедшею предѣлы приличія, а король сообщилъ свой отказъ въ формѣ, оскорбившей достоинство посла. И Бенедетти, и особенно герцогъ Грамонъ стараются опровергнуть это. Вотъ ихъ аргументы: послѣ того, какъ король передалъ Бенедетти чрезъ своего адъютанта (кн. Радзивилла) отказъ свой принять его, посолъ никому не сообщилъ объ этомъ. Вдругъ въ *Кёльнской Газетѣ* появилась телеграмма о столкновеніи короля съ посломъ, не заключавшая, по словамъ Бенедетти, ничего похожаго на дѣйствительность. Бенедетти телеграммою отъ 14-го іюля сообщилъ объ этомъ Грамону, при чемъ онъ высказалъ предположеніе, что кельнская телеграмма имѣла офиціальное происхожденіе. «M. le c-te Benedetti», продолжаетъ Грамонъ,—(La France et la Prusse avant la guerre, 224)

Дѣйствительно, Вильгельмъ I не могъ дать подобнаго обѣщанія, не вооруживъ противъ себя общественнаго мнѣнія всей Германіи, зорко слѣдившей за излагаемыми нами переговорами. Если особенное настроеніе парижскаго общества побуждало Грамона и Оливье къ воинственнымъ заявленіямъ въ палатѣ,—мало чѣмъ отличавшееся отъ него настроеніе германскаго общества побуждало прусскаго короля не дѣлать никакихъ уступокъ „вѣчному врагу Германіи". Послѣ переговоровъ въ Эмсѣ имя короля сдѣлалось популярнѣйшимъ именемъ въ цѣлой Германіи; возвращеніе его въ Берлинъ изъ Эмса напоминало тріумфальное шествіе [1]).

Извѣстіе объ эмскомъ происшествіи привело законодательный корпусъ въ страшное волненіе. 15-го іюля Олливье внесъ отъ имени правительства требованіе кредита въ 50.000.000 франковъ на вооруженіе и призывъ мобилей. Требованіе сопровождалось пылкими рѣчами министерства, между которыми отличалась рѣчь Э. Олливье [2]). Тщетно возражали нѣкоторые члены оппозиціи—Тьеръ, Араго, Жюль-Фавръ, Гарнье-Пажесъ и другіе. Ихъ рѣчи покрывались шумомъ обезумѣвшей палаты [3]). Кредитъ въ 50 милл. былъ вотированъ большинствомъ 245 противъ 10 голосовъ. Въ сенатѣ всѣ законопроекты были приняты единогласно. 19-го іюля послѣдовало объявленіе войны со стороны Франціи [4]).

ne s'était pas trompé; c'était bien d'Ems, du cabinet du Roi qu'était parti le télégramme annonçant que Sa Majesté avait chargé un aide de camp de déclarer à l'ambassadeur de France que le roi ne voulait prendre aucum engagement pour l'avenir et qu'il refusait l'audiance demandée par l'ambassadeur. *Il n'y avait rien de bien extraordinaire dans une semblable communication*; mais M. de Bismark s'en était servi d'une manière suivante: il avait envoyé le télégramme à la *Gazette de l'Allemagne du Nord*, journal du ministére et l'avait fait accompagner d'un récit fantastique» etc. Цѣль подобнаго маневра, по мнѣнію Грамона, состояла въ томъ, чтобы воспламенить окончательно всѣ національныя страсти по обѣ стороны Рейна. Жаль, что герцогъ Грамонъ не догадался объ этомъ раньше: онъ могъ бы успокоить палату и самъ выслушать спокойнѣе возраженіе Тьера и другихъ членовъ оппозиціи. Но 15-го іюля онъ самъ былъ въ числѣ наиболѣе «воспламененныхъ».

[1]) *Ганъ*, стр. 345—348. См. любопытный адресъ отъ «Männer des Preussischen Volkes», 15-го іюля.

[2]) *Ганъ*, 382 и слѣд.

[3]) Вотъ образчикъ настроенія палаты и печати. Поль де Кассаньякъ напечаталъ въ своемъ журналѣ: «Jules Favre, Arago, Glais-Bizain, nous vous mellerons le bouillon à la bouche, les menottes au poignet et nous imprimerons sur l'épaule le stigmate des travaux forcés patriotique!»

[4]) Текстъ договора у Гана, стр. 342.

Прусское правительство, съ своей стороны, поспѣшило мобилизировать армію Сѣверо-Германскаго союза и созвать чрезвычайное собраніе рейхстага [1]). Послѣдній собрался подъ вліяніемъ чрезвычайнаго возбужденія общественнаго мнѣнія. Безчисленныя манифестаціи и адресы встрѣтили короля по прибытіи его въ Берлинъ [2]). Засѣданія рейхстага были открыты 19-го іюля тронною рѣчью короля. На другой же день палата, по предложенію депутата Микеля и 150 другихъ членовъ разныхъ партій, вотировала адресъ на высочайшее имя, въ которомъ выражалась благодарность за твердый и исполненный достоинства образъ дѣйствій короля во время переговоровъ съ Бенедетти [3]) и готовность народа и его представителей поддерживать политику правительства [4]). Адресъ заканчивался словами: „es gilt unsere Ehre und unsere Freiheit; es gilt die Ruhe Europas und die Wohlfahrt der Völker“ [5]).

При такомъ настроеніи страны и палаты, правительству не трудно было получить отъ рейхстага согласіе на всѣ свои требованія. Первое изъ нихъ состояло въ назначеніи чрезвычайнаго кредита въ 120.000.000 талеровъ; оно прошло единогласно и безъ преній. Второе предложеніе, возможность котораго вполнѣ раскроется ниже, состояло въ томъ, чтобы рейхстагъ продлилъ свои полномочія до 31-го декабря 1870 г. По 24 ст. союзной конституціи, члены рейхстага избираются на три года. Срокъ полномочій того рейхстага, о которомъ идетъ рѣчь, истекалъ 31-го августа 1870 года, но правительство считало болѣе выгоднымъ имѣть, во время войны, дѣло съ палатою, въ расположеніи которой оно убѣдилось. Новымъ закономъ устранялись, кромѣ того, всѣ случайности, сопряженныя съ выборами. Законъ прошелъ 21-го іюля, но далеко не единогласно. Онъ встрѣтилъ сильныя возраженія, значеніе которыхъ мы увидимъ ниже.

[1]) Въ Пруссіи и Сѣверо-Германскомъ союзѣ повелѣніе о мобилизаціи вышло 16-го іюля. См. *Ганъ*, стр. 366.

[2]) См. адресы отъ Берлина, Кильскаго университета, лейпцигскаго студенчества, южно-германскаго рабочаго союза у *Гана*, стр. 377 и слѣд.

[3]) «Mit freudigem Stolze erfüllt die Nation der sittliche Ernst und die hohe Würde, mit welcher Ew. Majestät die unerhörte Zumuthung des Feindes zurückgewiesen, der uns zu demüthigen gedachte, jetzt aber unter schlecht ersonnenen Vorwänden das Vaterland mit Krieg überzieht».

[4]) «Von den Ufern des Meeres bis zum Fusse der Alpen hat das Volk sich auf den Ruf seiner einmüthig zusammenstehenden Fürsten erhoben. Kein Opfer ist ihm zu schwer».

[5]) *Ганъ*, стр. 462 и слѣд.

Наконецъ, всякія случайности, возможность какихъ бы то ни было оппозиціонныхъ заявленій, были заранѣе устранены учрежденіемъ, на время войны, генералъ-губернаторствъ, причемъ генералъ-губернаторы были облечены значительными полномочіями [1]).

Дисциплинированный внутри и во внѣ, Сѣверо-Германскій союзъ готовъ былъ вступить въ отчаянную борьбу съ Франціею. Теперь настало время и для южной Германіи присоединиться къ той или другой сторонѣ. Мобилизація войскъ началась здѣсь одновременно съ мобилизаціею въ Сѣверной Германіи, то-есть, 16-го іюля [2]). Но какое употребленіе предстояло сдѣлать изъ этихъ силъ? Правда, всѣ южно-германскія государства заключили съ Пруссіею извѣстный намъ оборонительный союзъ, но за ними оставалось, конечно, право обсудить, представляетъ ли каждый данный случай casus foederis. Относительно этого предмета, далеко не всѣ элементы правительства были согласны между собою, особенно въ Баваріи.

Короли баварскій и Виртембергскій съ самаго начала столкновенія рѣшились стать на сторону Пруссіи, но въ палатахъ господствовало иное настроеніе. Въ баварской нижней палатѣ продолжалась оппозиція противъ закона о воинской повинности. Въ то время какъ въ Эмсѣ разыгрывался прологъ къ войнѣ, именно 13-го—15-го іюля, депутатъ Кольбъ (извѣстный статистикъ), поддерживаемый Іергомъ (Jörg), доказывалъ необходимость сокращенія военнаго бюджета и обращенія, для этой цѣли, къ системѣ милиціи. Оппозиція дѣйствовала такъ настойчиво, что правительство вынуждено было отсрочить засѣданія палаты съ 15-го по 18-е іюля. Въ теченіе этихъ дней взаимное отношеніе Франціи и Пруссіи выяснилось окончательно. Баварскій король настойчиво выражалъ желаніе стать на сторону Пруссіи и правительство, 18-го іюля, потребовало кредита въ 26 милл. гульденовъ. Требованіе это было поддерживаемо массою мюнхенскаго народонаселенія, воспламененнаго теперь общегерманскимъ патріотизмомъ. Толпы народа окружали зданіе палатъ. Не смотря на это, оппозиція настаивала на прежнихъ намѣреніяхъ; нѣкоторые клерикалы требовали даже, чтобы правительство стало на сторону Франціи (напримѣръ, Зигль). Палатская коммиссія, составлявшая докладъ относительно кредита, отвергла, большинствомъ 7 противъ 2 голосовъ, требованіе правительства и, большинствомъ 6 противъ 3, по-

[1]) *Ганъ*, стр. 497 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 367.

становила требовать *вооруженнаго нейтралитета*. Послѣднее предложеніе энергически поддерживалось Іергомъ, доказывавшимъ, что франко-прусское столкновеніе не имѣетъ ничего общаго съ интересами Германіи, но коренится исключительно въ династическихъ интересахъ Гогенцоллерновъ. Замѣчательно, что само министерство одно время склонялось на идею вооруженнаго нейтралитета [1]). Но 18-го іюля правительству пришлось сдѣлать рѣшительный выборъ.

Союзъ съ Франціею противъ сѣверной Германіи былъ не мыслимъ въ виду сильнаго возбужденія общественнаго мнѣнія, выразителемъ котораго никакъ нельзя было считать теперь палатскую оппозицію. Оно выражалось въ народныхъ сходкахъ, въ адресахъ королю, въ возгласахъ толпы, окружавшей палату. Было, правда, одно сомнѣніе, возникавшее въ умѣ правительства, крѣпко стоявшаго за независимость Баваріи. Французская война могла повести за собою объединеніе Германіи, то-есть, вступленіе Баваріи въ сѣверный союзъ. Союзъ съ Пруссіею, въ виду возможности такого результата, представлялся, слѣдовательно, актомъ самоотверженнаго патріотизма. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ патріотизмѣ баварскаго правительства, но нельзя не признать, что имъ руководили и практическія соображенія. Что могла выиграть Баварія отъ союза съ Франціею, даже въ случаѣ разгрома Пруссіи? Номинальную самостоятельность съ фактическою зависимостью отъ могущественнаго сосѣда, какъ это было во времена рейнскаго союза. Но война могла имѣть и другой исходъ— побѣду сѣверной Германіи. Тогда Баваріи грозила худшая участь, чѣмъ Пруссіи въ 1807 году. Неумолимый побѣдитель ввелъ бы ее въ сѣверный союзъ въ качествѣ завоеванной провинціи. Напротивъ, сражаясь подлѣ Пруссіи въ общегерманскомъ дѣлѣ, Баварія могла разчитывать на почетное мѣсто въ средѣ единой Германіи, съ сохраненіемъ такихъ правъ мѣстнаго суверенитета, какихъ не имѣли сѣверные члены союза (что̀ дѣйствительно и случилось). Правда, вступленіе въ объединенную Германію, даже на почетныхъ правахъ, все-таки предполагало отреченіе отъ нѣкоторой доли мѣстной независимости, но развѣ не гораздо опаснѣе для правительства были успѣхи клерикально-демократической агитаціи? Присоединяясь къ сѣверному союзу, оно получало отъ крѣпкой руки Пруссіи гарантіи нѣкоторыхъ

[1]) *Клюпфель*, назв. соч. II, стр. 342. Переговоры о нейтралитетѣ прервались потому, что Франція выставила условіемъ такого нейтралитета свободный пропускъ своихъ войскъ чрезъ баварскую территорію.

своихъ правъ, а оставаясь лицомъ къ лицу съ клерикалами и демократами, рисковало потерять все. Эти соображенія могутъ, какъ кажется, объяснить истинный смыслъ знаменитой рѣчи, сказанной въ палатѣ военнымъ министромъ Пранкомъ (Prankh).

Правительство, говорилъ онъ, сознаетъ очень хорошо, какія бури вызываетъ принятое имъ рѣшеніе; оно знаетъ также, какія жертвы и кровью, и имуществомъ потребуются отъ страны. Старая тысячелѣтняя Баварія пережила много бурь; она переживетъ и теперешнія, твердая и нераздѣльная съ прочими германскими государствами. Если бы мы остались нейтральными, то достигли бы лишь того, что воюющія стороны рѣшились бы вознаградить себя на нашъ счетъ. Баварія должна доказать, что при всей своей самостоятельности она не забываетъ, однако, о своей принадлежности къ Германіи. Національная идея существуетъ—этого нельзя отрицать; рѣчь идетъ только о томъ, чтобы указать этой идеѣ путь, слѣдуя которому она могла бы принести намъ пользу. Если мы отшатнемся отъ остальной Германіи—то погибнемъ...“ Ораторъ заключилъ свою рѣчь надеждой, что миръ, которымъ закончится война, принесетъ странѣ нѣчто лучшее: внутренній миръ, всеобщее примиреніе и всестороннее довѣріе [1]).

Нижняя палата уступила настойчивости министерства, хотя успѣхъ его нельзя назвать блестящимъ. Предложеніе коммиссіи относительно нейтралитета было отвергнуто большинствомъ 89 голосовъ противъ 58—слѣдовательно, довольно слабымъ. Послѣ этой побѣды, предложеніе министерства о сверхсмѣтномъ кредитѣ прошло нѣсколько лучше. Кредитъ былъ утвержденъ 101 голосомъ противъ 47 съ оговоркою, что онъ дается на случай „неизбѣжности“ войны. Конечно, 19-го іюля война была уже „неизбѣжна“.

Оппозиція въ Виртембергѣ была далеко не такъ упорна. Два обстоятельства вліяли на ея ослабленіе: возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ Франціи и побѣда министерства въ Баваріи. Народныя сходки, при первомъ извѣстіи о предстоящей войнѣ, высказались за Пруссію. Карлъ Майеръ, редакторъ главнаго органа демократовъ, былъ встрѣченъ свистками и спеціально-нѣмецкими криками pfui, pfui! Палаты были созваны [2]) на 21-е число. Въ это время баварская оппозиція уже уступила и король телеграфировалъ къ королю Виль-

[1]) *Ганъ*, стр. 373.

[2]) По случаю отсутствія короля, находившагося въ Швейцаріи.

гельму I, что онъ отдаетъ свою армію подъ его начальство [1]). Въ виду этихъ событій и послѣдовавшаго уже объявленія войны со стороны Франціи, колебанія были невозможны. Варнбюлеръ, отъ имени правительства, объявилъ палатамъ, что союзъ Виртемберга съ Пруссіею есть вопросъ чести и долга по отношенію къ Германіи [2]). Чрезвычайный кредитъ былъ вотированъ почти единогласно. Съ внѣшней стороны успѣхъ министерства былъ полный, но въ сущности голосованія было нѣчто, умалявшее значеніе этого успѣха: 38 демократовъ и „великогерманцевъ", предводительствуемые депутатомъ Пробстомъ, заявили, что они готовы дать свое согласіе на утвержденіе кредита, не по поводу начавшейся войны, *въ которой они видятъ только продолженіе дѣла 1866 г.*, но единственно для охраненія цѣлости германской территоріи, находящейся въ опасности [3]). Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это заявленіе означало, что 38 депутатовъ (то-есть, абсолютное большинство палаты) никогда не согласились бы на союзъ съ Пруссіею, еслибы общественное мнѣніе не было убѣждено въ общегерманскомъ значеніи войны противъ Франціи и что они остаются при убѣжденіи, что война 1870 г. вызвана рукою, начавшею междоусобную войну въ 1866 году.

Гораздо большее сочувствіе встрѣтила война въ Баденѣ и Гессенѣ. Въ Баденѣ дѣло обошлось даже безъ созванія ландтага: до такой степени правительство было увѣрено въ его настроеніи.

Не смотря на нѣкоторыя „темныя точки", предвѣщавшія оппозицію въ будущемъ, сѣверо-германское общество и печать могли съ удовольствіемъ взирать на дѣятельное вооруженіе *всей* Германіи. Въ „Провинціальной корреспонденціи" явилась статья на тему "der König rief, und Alle, Alle kamen" [4]), заканчивавшая вѣрнымъ замѣчаніемъ: „чего не могло сдѣлать внутреннее патріотическое вліяніе, то сдѣлалъ внѣшній врагъ".

Сила вновь вступала въ свои права и сила неслыханная. Благодаря новой военной системѣ, Германія располагала арміею въ 1.136,000 человѣкъ; у Франціи не было союзниковъ. Дружественный нейтралитетъ Россіи позволилъ Пруссіи не оставить ни одного солдата на своихъ восточныхъ границахъ; участіе Англіи ограничилось попыт-

[1]) *Ганъ*, стр. 370.

[2]) Тамъ же, стр. 373 и слѣд.

[3]) *Клюпфель*, II, стр. 344.

[4]) «Король воззвалъ и всѣ, всѣ явились на его зовъ».

ками посредничества ради сохраненія мира—пока не началась война. Не могъ ли Наполеонъ III разчитывать на Австрію, на ея жажду мести за 1866 г., на ея понятное стремленіе снова занять мѣсто въ Германіи, откуда ее „исключили" въ силу пражскаго судебнаго приговора? Не подлежитъ сомнѣнію, что дружественныя отношенія между двумя державами, между императоромъ Французовъ, мечтавшимъ о вознагражденіи за усиленіе Пруссіи, и австрійскимъ канцлеромъ Бейстомъ, не забывшимъ своего пораженія въ Саксоніи, усиливались и дѣятельно развивались. Герцогъ Граммонъ имѣлъ много основаній разчитывать на Австрію, но обстоятельства заставили вѣнскій кабинетъ ограничиться нейтралитетомъ. Поводы этого рѣшенія выяснены до извѣстной степени въ замѣчательной депешѣ Бейста къ князю Меттерниху, австрійскому посланнику въ Парижѣ, отъ $^{8}/_{20}$-го іюля 1870 г. [1]). Вотъ главныя мѣста этой депеши:

„Потрудитесь еще разъ подтвердить его величеству и его министрамъ, что *вѣрные своимъ обязательствамъ* въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены въ письмахъ, которыми въ прошедшемъ году обмѣнялись оба монарха, *мы считаемъ дѣло Франціи нашимъ собственнымъ дѣломъ* и будемъ содѣйствовать успѣху ея оружія въ предѣлахъ возможнаго. Предѣлы эти, съ одной стороны, зависятъ отъ нашихъ *внутреннихъ* затрудненій, съ другой—отъ политическихъ соображеній первостепенной важности. Буду говорить преимущественно о послѣднихъ... Мы имѣемъ основаніе думать, что Россія продолжаетъ держаться союза съ Пруссіею, такъ что при извѣстныхъ обстоятельствахъ вмѣшательство русскаго оружія надо считать не только вѣроятнымъ, но и несомнѣннымъ... Не требуютъ ли интересы Франціи столько же какъ и наши, чтобы борьба, завязавшаяся между двумя сторонами, не усложнилась слишкомъ рано? Мы имѣемъ основаніе думать, что наше вмѣшательство немедленно повлекло бы за собою и вмѣшательство Россіи, которая угрожаетъ намъ не только въ Галиціи, но и на Прутѣ и на нижнемъ Дунаѣ [2]). *Нейтрализировать Россію*, задержать ее до тѣхъ поръ, пока наступитъ зима и не дать ей возможности сосредоточить свои войска, избѣгать всего, что можетъ причинить ей неудовольствіе или дать ей поводъ принять участіе въ борьбѣ—вотъ цѣль нашей политики". Затѣмъ г. Бейстъ переходитъ и къ „внутреннимъ" затрудненіямъ:

[1]) Она была обнародована только въ началѣ 1874 г.

[2]) Нечего объяснять, что эти обвиненія русскаго правительства въ панславизмѣ совершенно неосновательны.

„Во время прошлогоднихъ нашихъ переговоровъ, я не разъ указывалъ, что мы не можемъ забыть, что наши десять милліоновъ Нѣмцевъ видятъ въ настоящей войнѣ не просто борьбу между Франціею и Пруссіею, но начало борьбы національной. Мы не можемъ также обманывать себя и на счетъ Венгерцевъ. Какъ ни велика готовность ихъ къ великимъ жертвамъ въ дѣлѣ защиты имперіи противъ Россіи, усердіе ихъ значительно охладится, когда имъ понадобится проливать кровь и тратить свои деньги для того, чтобы снова завоевать Австріи ея мѣсто въ Германіи. При такихъ обстоятельствахъ, нейтралитетъ, хотя мы съ сожалѣніемъ произносимъ это слово, предписывается намъ высшею необходимостію и логическою оцѣнкою нашихъ обоюдныхъ интересовъ".

Оставалась Италія. Но, конечно, не въ этой странѣ Наполеонъ III могъ найдти себѣ союзника. Не онъ ли постановилъ преграду къ довершенію итальянскаго единства знаменитою сентябрьскою конвенціею? Не французскія ли войска отстаивали Римъ противъ итальянскаго народа? Г. Бейстъ, въ своей депешѣ, совѣтовалъ скорѣе вынуть изъ Италіи „занозу римскаго вопроса". Французское правительство и вынуло ее, то-есть, вывело свои войска изъ Рима, но теперь это было уже поздно. То, что прежде было бы принято какъ благодѣяніе, какъ разумная уступка національнымъ стремленіямъ, имѣло теперь видъ уступки внѣшней необходимости. Французскія войска удалились изъ Рима, сопровождаемыя горькими упреками первосвященника и насмѣшками Итальянцевъ, вступившихъ въ вѣчный городъ съ развернутыми знаменами единой Италіи.

Франція должна была положиться только на свой мечъ, но и этотъ оплотъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Читая отчеты о состояніи французской арміи, не знаешь, чему болѣе удивляться: крайнему ли разстройству военной администраціи, или увѣреніямъ министерствъ въ „превосходномъ" состояніи войска. На запросъ Кератри, готова ли армія, маршалъ Лебёфъ отвѣчалъ: „мы болѣе чѣмъ готовы (archiprêt)". Между тѣмъ оказалось, что на дѣлѣ у Франціи было меньше войскъ, чѣмъ на бумагѣ, да и эта „готовая" часть арміи находилась въ жалкомъ положеніи. 18-го іюля генералъ Фальи прислалъ въ Парижъ изъ Бича слѣдующую телеграмму: „пришлите денегъ для прокормленія войскъ; билеты не имѣютъ хода; нѣтъ денегъ въ общественныхъ кассахъ во всей окружности; нѣтъ денегъ и въ кассѣ корпуса". 27-го іюля генералъ Мишель телеграфировалъ изъ

Бельфора: „прибылъ въ Бельфоръ, не нашелъ ни моей бригады, ни дивизіоннаго генерала. Что мнѣ дѣлать? Не знаю, гдѣ мои полки“. Самъ императоръ телеграфировалъ Лебёфу, 26-го іюля изъ С.-Клу: „я вижу, что арміи не достаетъ сухарей и хлѣба“. Начальникъ эскадры телеграфировалъ, что у него нѣтъ морскихъ картъ; начальникъ 2-го армейскаго корпуса, что нѣтъ у него карты съ точнымъ обозначеніемъ границъ Франціи; изъ 3-го и 4-го корпусовъ извѣщали, что при арміи не находится ни маркитантовъ, ни повозокъ, ни лазаретныхъ принадлежностей и т. д.

Самое настроеніе общества было далеко неудовлетворительно. Крайняя заносчивость, вызвавшая войну, перешла въ отчаяніе, какъ скоро начала обнаруживаться горькая истина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Имперія (1870—1871 г.).

Седанская катастрофа.—Значеніе ея для воюющихъ сторонъ.—Начало переговоровъ союзнаго правительства съ южными государствами. — Дельбрюкъ въ Мюнхенѣ.—Требованія Баваріи и прекращеніе конференціи. — Возобновленіе переговоровъ въ Версалѣ.—Договоры съ Гессеномъ и Баденомъ.—Баварскій договоръ. —Привиллегіи, выговоренныя Баваріею. — Договоры предъ рейхстагомъ.—Предложеніе Дункера. —Рѣчь Шульце-Делича. — Заявленіе Дельбрюка. — Оппозиція; рѣчи Виндгорста и Лёве. — Защитники договоровъ а) консервативная и свободно-консервативная партія; б) воззрѣніе національно-либеральной партіи. – Рѣчь Ласкера. — Предложеніе Дункера отвергнуто.—Судьба прочихъ оппозиціонныхъ предложеній.—Принятіе договоровъ.—Депутація въ Версаль.—Договоры предъ южными ландтагами.—Баденъ и Гессенъ.—Оппозиція въ Виртембергѣ.—Борьба въ Баварскомъ ландтагѣ.—Рѣчь министра Луца.—Палатская коммиссія и докладъ Іорга.—Заявленіе Кольба.—Возраженіе министерствъ.—Рѣчь Барта.—Договоръ принятъ.—Провозглашеніе Имперіи.—Созваніе рейхстага.—Ревизія конституціи.—Взглядъ правительства на задачу ревизіи. — Оговорка Шульце-Делича. — Поправка Злотовскаго. — Проектъ «основныхъ правилъ» Рейхеншпергера.—Его смыслъ.—Противныя ему предложенія Шульце-Делича и графа Ренара.—Пренія по основнымъ правамъ.—Рѣчь Рейхеншпергера.—Отвѣтная рѣчь Трейчке.—Конецъ преній и принятіе конституціи.—Заключеніе.

2-го сентября 1870 года, въ $1^1/_2$ пополудни, король Вильгельмъ телеграфировалъ королевѣ Августѣ, что французская армія капитулировала подъ Седаномъ и что императоръ Наполеонъ сдался военно-

плѣннымъ лично ему: „welch eine Wendung durch Gottes Führung“, говорилось въ заключеніи депеши. Дѣйствительно, событія принимали съ этого момента рѣшительный оборотъ. Война съ Франціею *могла* кончиться послѣ того, какъ глава правительства, ее объявившаго, находился въ рукахъ побѣдителя. 4-го сентября революція въ Парижѣ прекратила даже номинальное существованіе имперіи. Теперь могли быть подведены итоги всѣхъ предшествовавшихъ побѣдъ Германіи и подведены относительно двухъ сторонъ — Франціи и южно-германскихъ государствъ. Какъ бы ни кончилась война съ Франціею, необходимо было именно въ моментъ высочайшаго торжества нѣмецкихъ войскъ подумать о томъ, чтобы Германія, соединенная въ арміи, осталась соединенною и въ политическомъ отношеніи. Графъ Бисмаркъ могъ сказать теперь aut nunc, aut nunquam.

Итоги съ Франціею еще не были подведены. Республиканское правительство, назвавшееся „правительствомъ народной обороны“, исходило изъ той мысли, что война была начата правительствомъ Наполеона III; противъ него, а не противъ націи, направлялись силы Германіи. По низложеніи императора, говорили Французы, война не имѣла болѣе смысла, ибо побѣдителю не слѣдовало дѣлать всю націю отвѣтственною за ошибку правительства; Франція готова заключить выгодный и почетный для Германіи миръ, но ея жертвы не могутъ быть слишкомъ велики. Она не можетъ согласиться на территоріальныя пожертвованія, она не уступитъ „ни пяди своей земли, ни камня отъ своихъ крѣпостей“. Таковъ былъ смыслъ циркулярной депеши, отправленной 6-го сентября къ представителямъ Франціи Ж. Фавромъ. Но разчеты пылкаго оратора были слишкомъ не основательны. Война продолжалась по прежнему.

Но союзный канцлеръ могъ за то начать дѣятельные переговоры съ южно-германскими правительствами [1]). Баденъ, по прежнему, первый подалъ примѣръ. Уже 3-го сентября онъ заявилъ о необходимости докончить дѣло германскаго единства; но, по прежнему, его заявленіе было отклонено, въ виду необходимости согласиться предварительно съ другими государствами. Независимо отъ этого, народныя собранія въ разныхъ частяхъ Германіи заявляли о своемъ желаніи видѣть Германію единою и составляли въ этомъ смыслѣ адресы пра-

[1]) Довольно полный очеркъ этихъ переговоровъ см. у *Ауэрбаха* (Леопольда): Das neue Deutsche Reich стр. 31—55.

вительствамъ. Главные члены національно-либеральной партіи, Беннигсенъ, Феркенбекъ, Ласкеръ, Бамбергеръ, въ теченіе сентября посѣтили Мюнхенъ, Штутгартъ и Карлсруэ для соглашенія съ мѣстными представителями національной партіи [1]).

Оффиціальные переговоры начались 21-го сентября, когда въ Мюнхенъ, по желанію баварскаго правительства, прибылъ бывшій президентъ союзной канцеляріи г. Дельбрюкъ [2]). Графъ Бисмаркъ разчитывалъ, что соглашеніе должно состояться прежде всего съ Баваріею, самымъ значительнымъ изъ южно-германскихъ государствъ и наименѣе подготовленнымъ ко вступленію въ Сѣверный союзъ. По требованіямъ Баваріи, на которую смотрѣлъ и Виртембергъ, можно было судить о размѣрѣ уступокъ со стороны Сѣвернаго союза и прочимъ государствамъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ внѣшней исторіи этихъ переговоровъ, необходимо остановиться на мотивахъ, руководившихъ главными дѣятелями описываемаго времени.

Всѣ южныя государства, не исключая Баваріи, сознавали если не необходимость присоединенія къ Сѣверному союзу, то невозможность изолироваться отъ него. Источники этого сознанія на лицо: экономическіе интересы двухъ частей Германіи, созданные и скрѣпленные цолльферейномъ. Что будетъ съ южною Германіею, если, по истеченіи срока таможеннаго договора 1868 г., Пруссія не возобновитъ его? Эта угроза постоянно представлялась южногерманскимъ государственнымъ людямъ [3]). Къ этому, особенно послѣ начала французской войны, присоединялось сознаніе необходимости опредѣлить прочно свое международное положеніе. Опытъ трехъ лѣтъ показалъ, что „южный союзъ“ есть мечта не осуществимая. Переходное же положеніе становилось все тяжелѣе съ каждымъ годомъ. Баварскій король вѣрно выразилъ общественное мнѣніе въ письмѣ своемъ къ королю Вильгельму I [4]): „Настало время“, говорилъ онъ, „перейдти съ почвы *международныхъ* договоровъ, соединявшихъ до сихъ поръ югъ съ сѣверомъ, къ *конституціонному* союзу“ (Verfassungs-Bündnisse).

Но заключеніе такого „конституціоннаго союза“ никакъ не предполагало простаго, безусловнаго *вступленія* южныхъ государствъ въ

[1]) *Клюпфель*, II, 357 и слѣд. 363.

[2]) Рудольфъ Дельбрюкъ, род. въ 1817 г., а съ 1868 президентъ союзной канцеляріи (Bundeskanzleramt), съ 1869 г. министръ безъ портфеля.

[3]) *Ауэрбахъ*, Das Neue Deutsche Reich, стр. 11 и слѣд.

[4]) Письмо отъ 12-го сентября. *Bezold*, Materialien, III, 108 и слѣд.

Сѣверный союзъ. Въ этомъ отношеніи всѣ они, въ большей или меньшей степени, были согласны между собою. Такая держава, какъ Баварія, не считала совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вступить въ союзъ на правахъ Липпе или Рейсса. Конституція Сѣвернаго союза слишкомъ, по ихъ мнѣнію, усиливала центральную власть и слишкомъ „медіатизировала" союзныхъ государей. Если интересы южныхъ государствъ требовали установленія прочныхъ связей съ сѣверомъ, то, съ другой стороны, это не могло случиться иначе, какъ подъ условіемъ видоизмѣненія нѣкоторыхъ частей союзной конституціи въ пользу отдѣльныхъ государствъ юга. Вопросъ состоялъ только въ размѣрѣ уступокъ, требовавшихся отъ сѣвера, а размѣръ этотъ опредѣлялся уже субъективнымъ настроеніемъ каждой страны. Баденъ могъ довольствоваться меньшимъ, чѣмъ Баварія или Виртембергъ. Вотъ почему сѣверо-германское правительство и не могло разчитывать на заключеніе *общаго* договора со всѣми южными государствами. Послѣ первыхъ же совѣщаній выяснилось, что договоры эти могутъ состояться лишь съ каждымъ государствомъ въ отдѣльности, и что Баварію, съ которой думали начать, слѣдуетъ оставить подъ конецъ по очень простой причинѣ: прочія государства могли быть удовлетворены нѣкоторыми частными уступками, требованія же Баваріи клонились къ измѣненію всего характера сѣверной конституціи.

На первыхъ совѣщаніяхъ г. Дельбрюка съ баварскими министрами [1]), эти министры потребовали множество (до 80) измѣненій въ конституціи. Главныя изъ ихъ требованій состояли въ слѣдующемъ: Баваріи предоставлялось самостоятельное управленіе войскомъ, освобожденіе отъ издержекъ на флотъ, независимость въ судебномъ отношеніи, абсолютное veto касательно измѣненій въ конституціи, участіе во внѣшней политикѣ и т. д. Переговоры были прерваны, породивъ въ обществѣ смутные толки. Изъ Берлина телеграфировали отъ 27-го сентября, что южныя государства согласились вступить въ Сѣверный союзъ на началахъ его конституціи, но этотъ слухъ былъ категорически опровергнутъ въ Виртембергскомъ „Государственномъ указателѣ" [2]). Графъ Бисмаркъ обратился къ правительствамъ Виртембергскому и Баденскому съ просьбою прислать своихъ уполномоченныхъ въ Версаль, гдѣ тогда находился главный штабъ германской арміи. На зовъ его явились уполномоченные не только отъ

[1]) Въ совѣщаніяхъ участвовалъ и виртембергскій министръ Миттнахтъ.

[2]) *Ауэрбахъ*, стр. 33.

Бадена и Виртемберга, но и отъ всѣхъ южныхъ государствъ (19—24-го октября), что̀ дало возможность начать *общіе* переговоры [1]).

Баварскіе министры настаивали на прежней программѣ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, вслѣдствіе чего союзный канцлеръ снова прекратилъ общія совѣщанія и пригласилъ уполномоченныхъ отъ Виртемберга, Бадена и Гессена въ особое засѣданіе для отдѣльныхъ переговоровъ (6-го ноября). Результатомъ ихъ былъ договоръ, заключенный съ Баденомъ и Гессеномъ 15-го ноября 1870 г. [2]). Означенныя государства согласились вступить въ составъ Сѣвернаго союза подъ условіемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ его конституціи, а именно: Баденъ получилъ различныя привиллегіи касательно желѣзнодорожнаго управленія и акциза съ пива и водки [3]). На подобныхъ же основаніяхъ соглашался заключить договоръ и Виртембергъ. Но рѣшеніе дѣла внезапно было пріостановлено 13-го ноября и Виртембергскіе уполномоченные уѣхали въ Штутгардтъ.

Причина такой пріостановки объясняется различно [4]), но по всему видно, что Виртембергское правительство находилось подъ вліяніемъ Баваріи или, по крайней мѣрѣ, соображеній о солидарности нѣкоторыхъ интересовъ Виртемберга съ интересами Баваріи. Съ другой стороны, рѣшенія Гессена и Бадена повліяли на неуступчивость баварскаго министерства: оно рѣшилось приступить къ заключенію договора съ меньшими требованіями и, дѣйствительно, договоръ былъ подписанъ 23-го ноября, [5]) на условіяхъ, весьма для Баваріи выгодныхъ.

Совокупность уступокъ, сдѣланныхъ союзнымъ правительствамъ, можно раздѣлить на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ обезпечивали привилегированное положеніе Баваріи, другія видоизмѣняли самый характеръ союзной конституціи, т. е., усиливали федеративное начало, ограничивая гегемонію Пруссіи.

Баварія, сама по себѣ получала слѣдующія привиллегіи: 1) Въ *военномъ* отношеніи король сохранялъ главенство надъ своимъ войскомъ, въ томъ смыслѣ, что войско должно было присягать ему и

[1]) Отъ Виртемберга явились Миттнахтъ и Суковъ, отъ Бадена—Жолли и Фрейдорфъ (19-го окт.), отъ Гессена Дальвигкъ и Гофманъ (24-го окт.), отъ Баваріи—Брай и Луцъ.

[2]) *Бецольдъ*, Materialien, III, стр. 42 и слѣд.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ср. *Ауэрбахъ*, наз. соч. 36 и слѣд.

[5]) *Бецольдъ*, III, 51—69.

только на время отдавалось подъ начальство главы союза; распоряженіе о мобилизаціи баварскаго контингента приводилось въ исполненіе не непосредственно союзнымъ правительствомъ, но чрезъ Баварскаго короля. 2) Въ *административномъ* отношеніи король получалъ особыя права по управленію почтами, телеграфами и желѣзными дорогами; союзные законы объ осѣдлости и передвиженіи не примѣнялись къ Баваріи. 3) Въ *финансовомъ* отношеніи король сохранялъ право исключительнаго обложенія акцизомъ пива и водки. 4) Въ *международномъ* отношеніи Баварія сохраняла право посольствъ. 5) Наконецъ Баварія получала право имѣть постояннаго уполномоченнаго въ воинскомъ комитетѣ союзнаго совѣта.

Измѣненія основныхъ началъ союзной конституціи состояли въ слѣдующемъ: 1) 78-я ст. конституціи, постановлявшая, что измѣненія въ конституціи могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда въ ихъ пользу выскажется большинство двухъ третей голосовъ въ союзномъ совѣтѣ, была редактирована въ томъ смыслѣ, что проекты измѣненія конституціи считаются отвергнутыми, если противъ нихъ выскажется 14 голосовъ. Но упомянутое число голосовъ всегда находится въ распоряженіи южныхъ государствъ [1]), которыя такимъ образомъ получали право абсолютнаго veto противъ всякихъ измѣненій конституціи. 2) Къ той же статьѣ было прибавлено, что предписанія конституціи, касающіяся правъ отдѣльныхъ государствъ относительно союза (jura singulorum) могутъ быть измѣнены только съ ихъ согласія [2]). Въ такомъ же смыслѣ измѣнена 28 ст. конституціи (о рейстагѣ). Въ силу новой прибавки, при голосованіи по вопросамъ, касающимся jura singulorum, считаются голоса только депутатовъ, избранныхъ заинтересованною страною (или странами). 3) Вліяніе южныхъ государствъ на внѣшнюю политику обезпечено въ томъ смыслѣ, что въ составѣ союзнаго совѣта организованъ особый (8-й) комитетъ иностранныхъ сношеній. Онъ формируется, подъ предсѣдательствомъ баварскаго уполномоченнаго, изъ уполномоченныхъ Саксоніи и Виртемберга. 4) 11-я ст. союз. конст., облекавшая президента (короля) правомъ объявлять войну и заключать миръ, измѣнена тѣмъ, что объявленіе имперской войны условливается согласіемъ союзнаго совѣта.

[1]) Со вступленіемъ въ союзъ южныя государства получали въ федеральномъ совѣтѣ: Баварія—6 голосовъ, Виртембергъ 4, Баденъ—3, Гессенъ—3.

[2]) Нечего напоминать, что это одинъ изъ принциповъ старой союзной конституціи, который не вяжется съ основнымъ началомъ новой, по которой «союзные законы имѣютъ первенство надъ мѣстными».

Таковы были главнѣйшія уступки со стороны Пруссіи въ пользу федеративнаго начала; но, съ другой стороны, и интересы „единства“ получали новое обезпечсніе. Компетенція союзнаго правительства расширилась; права союзной законодательной власти были распространены на дѣла о печати, сходкахъ и нѣкоторыя другія. Но этотъ выигрышъ, въ глазахъ горячихъ сторонниковъ единства, далеко не вознаграждалъ уступокъ, сдѣланныхъ партикуляризму. Конечно, безъ этихъ уступокъ южныя государства врядъ ли вошли бы въ составъ союза. Чрезъ два дня послѣ подписанія Баварскаго договора, былъ подписанъ договоръ и съ Виртембергомъ, которому также даны были значительныя привиллегіи, но все это не устраняло сильной оппозиціи противъ договоровъ, которая не замедлила обнаружиться при разсмотрѣніи ихъ въ рейхстагѣ и въ ландтагахъ южно-германскихъ государствъ. Въ самомъ союзномъ совѣтѣ договоры вызвали возраженія. Саксонскій уполномоченный, Фризенъ, напалъ на расширеніе компетенціи союза относительно законодательства по дѣламъ печати, сходокъ и ассоціацій. Саксонскія герцогства, Ангальтъ, Рейссъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Бременъ и Любекъ напали на привиллегіи, предоставленныя Баваріи. Соглашеніе состоялось не безъ труда.

Рейхстагъ былъ созванъ на 24-е ноября и засѣданія его были открыты, по порученію короля, г. Дельбрюкомъ [1]). Разсмотрѣніе договоровъ началось 5-го декабря. Г. Дельбрюкъ въ весьма пространной рѣчи [2]) старался выяснить ихъ значеніе и оправдать всѣ уступки, сдѣланнныя новымъ членамъ союза. Рѣчь его была выслушана съ большимъ вниманіемъ, но не устранила готовившагося столкновенія съ оппозиціей, которая прежде всего возбудила вопросъ о правѣ рейхстага разсматривать договоры.

Мы видѣли, что полномочія рейхстага, истекавшія въ августѣ 1870 г., были, не смотря на оппозицію многихъ депутатовъ, искусственно продолжены до 31-го декабря 1870 г. Теперь депутатъ Дункеръ съ 14-ю товарищами внесъ предварительное предложеніе о созваніи особаго, обще-нѣмецкаго рейхстага, избраннаго всѣми государствами, какъ сѣверными, такъ и южными, для обсужденія новой нѣмецкой конституціи. Предложеніе это шло, слѣдовательно, дальше сомнѣнія въ компетентности *даннаго* рейхстага; имъ отвер-

[1]) *Бецольдъ*, III, 129 и слѣд.
[2]) *Бецольдъ*, III, 132 и слѣд.

галось вообще право сѣвернаго рейхстага обсуждать, безъ особаго полномочія, вопросъ, касающійся всей Германіи [1]).

Пренія открылись рѣчью горячаго сторонника Дункеровскаго предложенія—г. Шульце-Делича. Ораторъ напомнилъ прежде всего, что еще 21-го іюля онъ возставалъ противъ продолженія полномочій; тѣмъ болѣе сомнѣвается онъ въ компетенціи рейхстага теперь, когда рѣчь идетъ о вопросѣ, касающемся всей Германіи. Палата, избранная три года тому назадъ, можетъ невѣрно выразить народное настроеніе, видоизмѣнившееся, быть можетъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій. Прусское правительство, не безъ ироніи замѣтилъ ораторъ, въ 1866 г. сочло нужнымъ предписать новые выборы въ ландтагъ, въ виду измѣнившагося настроенія общественнаго мнѣнія: почему же теперь обходится важное право страны высказаться по поводу событія первостепеннаго значенія — пересмотра конституціи? Напрасно такое обращеніе съ общественнымъ мнѣніемъ стараются оправдать силою внѣшнихъ обстоятельствъ, требующихъ быстраго рѣшенія. Предварительные переговоры между государями и министрами продолжались нѣсколько времени; имъ дано было время обсудить каждый вопросъ, отстоять каждую свою прерогативу. Только отъ народа и его представителей требуется поспѣшность; рейхстагъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ, въ данную минуту, можетъ сказать только или „да“ или „нѣтъ“. Всѣ измѣненія, произведенныя договорами въ конституціи, изъяты фактически изъ критики народнаго представительства. Ораторъ указалъ за тѣмъ на эти не желательныя, съ его точки зрѣнія, измѣненія, и заключилъ свою рѣчь призывомъ отстоять конституцію 1866 г. противъ попытокъ возвращенія къ началамъ 1815 г. [2]).

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны члена союзнаго совѣта Попе, депутатъ Фриденшаль доказывалъ, что при данныхъ условіяхъ дальнѣйшее объединеніе Германіи возможно только подъ условіемъ соглашенія началъ единства съ интересами отдѣльныхъ государей. Отнынѣ Германія, не смотря на частныя уступки партикуляризму, будетъ имѣть двѣ основы народнаго единства: общее народное представительство и главу государства. Ораторъ заключилъ свою рѣчь запросомъ, обращеннымъ къ правительственному коммис-

[1]) Этотъ же принципъ былъ выставленъ и южно-германскою оппозиціею. Ср. *Клюпфель*, II, 365.

[2]) *Бецольдъ*, III, 139—148.

сару г. Дельбрюку, правда ли, что въ настоящее время готовится возстановленіе императорскаго достоинства? Г. Дельбрюкъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ палаты, прочелъ извѣстное письмо короля Баварскаго къ королю Вильгельму I, въ которомъ король Лудвигъ предлагалъ ему принять титулъ Германскаго императора [1]).

Среди всеобщаго волненія, вызваннаго сообщеніемъ г. Дельбрюка, началъ говорить оппозиціонный депутатъ г. Виндгорстъ [2]). Рѣчь этого депутата [3]) вмѣстѣ съ рѣчью депутата Лёве [4]) была истиннымъ событіемъ дня. Искусный ораторъ старался затронуть страсти всѣхъ партій, возбудить неудовольствіе къ договорамъ въ различныхъ фракціяхъ палаты, начиная съ крайней правой и кончая лѣвой. Онъ съ радостью привѣтствовалъ заявленіе г. Дельбрюка, что императорская корона готова увѣнчать зданіе единства, но радость эта отравлялась для него сознаніемъ, что самое зданіе не имѣетъ еще прочныхъ основъ, что основы эти не могутъ быть установлены надежнымъ образомъ при той спѣшности, какая требуется отъ рейхстага. Ораторъ всегда отъ души желалъ соединенія сѣвера съ югомъ, но какъ совершается это соединеніе? Въ формѣ ли простаго вступленія южныхъ государствъ въ Сѣверный союзъ? Нѣтъ, южныя государства навязываютъ сѣверу новую конституцію. Можетъ-ли рейхстагъ обсудить предполагаемыя измѣненія? Нѣтъ,—онъ не можетъ этого по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, измѣненія эти предлагаются на обсужденіе рейхстага не въ видѣ проекта новой конституціи; они включены въ *договоры*, заключенные съ отдѣльными южными государствами, а договоры не подлежатъ измѣненію, ибо составляютъ единое органическое цѣлое, — ихъ можно принять, или отвергнуть цѣликомъ. Вовторыхъ, спрашивается, можетъ ли рейхстагъ сдѣлать даже только это? Ораторъ объявилъ, что онъ считаетъ настоящую палату за очень

[1]) Тамъ же, стр. 153 и слѣд. Письмо было написано отъ 30-го ноября.

[2]) Лудвигъ Виндгорстъ род. въ 1812 г., въ Ганноверѣ. Здѣсь онъ долгое время былъ министромъ, президентомъ нижней палаты и т. д. По присоединеніи Ганновера къ Пруссіи, онъ вступилъ въ рейхстагъ и сдѣлался тамъ вождемъ клерикальной оппозиціи.

[3]) См. *Бецольда*, III, 154—164.

[4]) Вильгельмъ Лёве (Löwe) род. въ 1814 г. Въ 1848 г. былъ членомъ лѣвой стороны во Франкфуртскомъ парламентѣ и затѣмъ предсѣдателемъ парламентскаго «охвостья», бѣжавшаго въ Штутгардтъ (см. выше). Долгое время былъ въ изгнаніи, занимаясь врачебнымъ искусствомъ въ Швейцаріи, Англіи и Америкѣ.

почтенное собраніе достойныхъ мужей, но не признаетъ ее за законный рейхстагъ, ибо срокъ его полномочія истекъ еще въ августѣ. Наконецъ, онъ намекнулъ и на то, что врядъ-ли возможно переступить Майнскую линію, не нарушая Пражскаго договора. Обратившись затѣмъ къ оцѣнкѣ договоровъ по существу, онъ съумѣлъ, какъ выразился послѣ г. Ласкеръ, сказать что-нибудь пріятное для каждой изъ парламентскихъ партій.

Рѣчь г. Лёве [1]) отличалась болѣе цѣльнымъ характеромъ. Его интересы не сосредоточивались, такъ сказать, внѣ палаты, подобно интересамъ клерикала Виндгорста, надѣявшагося затронуть страсти всѣхъ крайнихъ партій въ пользу своихъ цѣлей, тщательно имъ прикрытыхъ. Старый боецъ 1848 г. осудилъ договоры съ точки зрѣнія того идеала, которому онъ служилъ во франкфуртскомъ парламентѣ и осуществленіе коего, по крайней мѣрѣ относительно *единства*, онъ увидѣлъ въ конституціи 1867 г. Неужели, спрашивалъ онъ, великія событія современной войны, когда всѣ германскія племена, съ рѣдкимъ, неслыханнымъ единодушіемъ сражаются за независимость отечества, приведутъ къ тому, что германская государственная идея, сдѣлавшая шагъ впередъ съ 1866 года, отступитъ теперь назадъ, ко временамъ стараго союза? Императорскій титулъ, предоставляемый главѣ союза—слабое вознагражденіе за умаленіе союзной власти, за усиленіе партикуляризма.

Безусловныхъ защитниковъ договора въ рейхстагѣ нашлось не много. Къ числу ихъ принадлежалъ, извѣстный впослѣдствіи своими желѣзно-дорожными операціями, Вагенеръ [2]) и другіе, хотя болѣе почтенные, но менѣе вліятельные дѣятели. Таковы были графъ Бетуси-Гукъ [3]), Зенгеръ [4]) и нѣкоторые члены консервативной и свободно-консервативной партій. Но, безъ сомнѣнія, окончательное рѣшеніе дѣла находилось въ рукахъ могущественной національно-либеральной партіи.

[1]) *Беціольдъ*, III, 195—204.

[2]) Германъ Вагенеръ род. въ 1815 году, занималъ въ Пруссіи разныя высокія государственныя должности. Основатель извѣстной «Крестовой Газеты», органа феодальной партіи. Обличенъ г. Ласкеромъ въ злоупотребленіи по желѣзно-дорожнымъ концессіямъ. Рѣчь Вагенера у *Беціольда*, III, 189—195.

[3]) Эдуардъ-Георгъ Бетуси-Гукъ (Bethusi-Huc) род. въ 1829 г. Вмѣстѣ съ графомъ Ренаромъ (Renard) основалъ партію такъ называемыхъ свободныхъ консерваторовъ. Рѣчь его у *Беціольда*, III, 210—214.

[4]) Тамъ же, 221—222.

Оставаясь вѣрною своей программѣ, она не могла, конечно, принять договоры съ полнымъ одобреніемъ. Признавая ихъ, она уступала многое изъ того, что было сдѣлано въ 1866 г. Но, съ другой стороны, вотируя противъ договоровъ, она рисковала погубить единственные результаты, добытые пока франко-прусскою войной. Она сознавала необходимость осудить уступки, сдѣланныя партикуляризму, поставить себѣ цѣлью впослѣдствіи умалить ихъ значеніе; но практическія условія требовали установленія *органической* связи между сѣверомъ и югомъ,—связи, которая могла быть создана только въ данный моментъ всеобщаго возбужденія германскаго патріотизма. Въ этомъ смыслѣ высказались гг. Ласкеръ и Микель [1]).

Ласкеръ прежде всего остановился на вопросѣ, поставленномъ Дункеромъ и его товарищами, то-есть, на правѣ засѣдавшаго рейхстага обсуждать договоры. „Я долженъ объявить", сказалъ ораторъ, „что не правительство, но въ сущности нѣмецкій народъ несетъ отвѣтственность за то, что мы теперь заняты этими разсужденіями. Не правительства взяли на себя иниціативу дѣла,—сообщеніе г. Дельбрюка обнимало только дипломатическіе переговоры; первая иниціатива къ довершенію единства въ настоящую минуту вышла отъ народа. Послѣ начала войны, когда границы были обезпечены (истинный патріотъ не думаетъ ни о свободѣ, ни о реформахъ, ни о другихъ высшихъ интересахъ, пока отечество въ опасности), когда нѣмецкія войска заняли Францію, когда появились извѣстія о величественныхъ ихъ побѣдахъ,—тогда можно было услышать изъ устъ каждаго: не эти побѣды суть конечная цѣль, которой нація стремится достигнуть настоящею войною, не расширенія границъ ищетъ она, но своего политическаго единства". Союзное правительство вступило въ переговоры съ югомъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. И та, и другая стороны преслѣдовали при этомъ свои законныя цѣли. Южныя государства съ полнымъ правомъ утверждали, что сѣверъ, въ виду жертвъ, понесенныхъ ими въ настоящую войну, долженъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки. Таково же было мнѣніе и союзнаго правительства. Вопросъ идетъ только о размѣрѣ уступокъ. Ласкеръ ничего не возражалъ противъ договоровъ съ Баденомъ, Гессеномъ и Виртембергомъ. Они не нарушаютъ коренныхъ началъ союзнаго устройства. Другое значеніе имѣетъ договоръ съ Баваріею. Онъ—дѣйствительная побѣда партикуляризма. Чтеніе его стоило оратору без-

[1]) Тамъ же, 164—179; 204—210.

сонной ночи. Грустное впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что въ основѣ баварскаго договора лежитъ не идея партикуляризма—можно было бы съ уваженіемъ отнестись къ борьбѣ *идей*,—но эгоистическая забота баварскихъ министровъ о своихъ департаментахъ. Съ этой точки зрѣнія ораторъ подвергъ мастерской критикѣ главныя постановленія баварскаго договора, но все-таки не считалъ себя въ правѣ подать голосъ противъ договора. Созданныя въ интересахъ министерства, а не въ интересахъ народа, постановленія эти падутъ сами собою, подъ вліяніемъ общихъ интересовъ Германіи. Не этимъ статьямъ задержать дальнѣйшее развитіе единства, къ которому стремится нація. Поэтому договоры должны быть приняты теперешнимъ рейхстагомъ, и нѣтъ никакой необходимости созывать особый, учредительный рейхстагъ. „Нечего спрашивать народъ о томъ, должно ли быть основано единство; спрашивать его о частностяхъ было бы не цѣлесообразно; мы должны принять на самихъ себя отвѣтственность, оцѣнить всѣ подробности дѣла, и если прійдемъ къ убѣжденію, что онѣ препятствуютъ образованію союза, способнаго къ успѣшному развитію,—отказать договорамъ въ нашемъ согласіи. Если же мы убѣдимся, что не смотря на всѣ невыгоды, конституція способна къ усовершенствованію, и утвердимъ ее,—это будетъ хорошій подвигъ, потому что мы воспользовались временемъ, наиболѣе удобнымъ для интересовъ единства“. Въ томъ же смыслѣ выразился и депутатъ Микель.

Доводы консервативной и національно-либеральной партіи восторжествовали. Палата отвергла предложеніе Дункера. При спеціальномъ обсужденіи договоровъ не могло уже возникнуть серьезныхъ препятствій, такъ какъ отношеніе всѣхъ партій къ этому вопросу выяснилось еще во время преній по предложенію Дункера. Оппозиціонныя поправки были отвергнуты рейхстагомъ съ большимъ единодушіемъ. Такую судьбу испытали: 1) требованіе Вигарда внести въ конституцію изложеніе основныхъ правъ германскаго народа [1]; 2) предложеніе Виггерса обезпечить права народнаго представительства въ отдѣльныхъ государствахъ [2]; 3) предложеніе Дункера объ обезпеченіи свободы печати и сходокъ [3]; 4) предложеніе Говербека исключить

[1]) *Бецольдъ*, III, 234 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 237 и слѣд.

[3]) Тамъ же, 252 и слѣд.

(извѣстную намъ) прибавку къ 28 ст. союзной конституціи [1]) и т. д. Съ другой стороны, рейхстагъ принялъ поправку, предложенную г. Альбрехтомъ, о замѣнѣ названія „Германскій союзъ", какъ первоначально было сказано въ договорахъ, словомъ „Германская Имперія" [2]). Договоры были приняты 9-го декабря большинствомъ 188 противъ 6 голосовъ.

10-го декабря рейхстагъ кончилъ свои занятія и вечеромъ того же дня принялъ проектъ адреса королю, предложенный г. Ласкеромъ [3]). Въ адресѣ выражалась благодарность за успѣшное веденіе войны и просьба принять титулъ Германскаго императора. Адресъ былъ представленъ Вильгельму I въ Версалѣ, 18-го декабря, депутаціею изъ 30 членовъ, съ президентомъ Симсономъ во главѣ [4]).

Если сѣверогерманскіе патріоты видѣли въ договорахъ печальную уступку партикуляризму, то южногерманская оппозиція нападала на нихъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Изъ всѣхъ южныхъ палатъ только баварская представляла серьезное затрудненіе. Оппозиція, низвергнувшая г. Гогенлоэ, сохранила всѣ свои силы, а это было тѣмъ опаснѣе, что для какихъ бы то ни было измѣненій въ конституціи (договоры же вносили серьезныя измѣненія) требовалось большинство двухъ третей голосовъ [5]). Правда, Баденская, Виртембергская и Гессенская конституціи содержатъ въ себѣ подобное же постановленіе [6]), но принятіе договоровъ въ этихъ государствахъ было облегчено какъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, такъ и мѣрами правительства.

Въ Баденѣ и Гессенѣ національная партія издавна пользовалась большимъ вліяніемъ. Первое изъ этихъ государствъ уже прежде стремилось ко вступленію въ Сѣверный союзъ. Засѣданія Баденскаго ландтага были открыты 12-го декабря 1870 года. Рѣчь министра Жолли произвела самое благопріятное впечатлѣніе [7]). Ораторъ заявилъ, что правительство готово было бы вступить въ Сѣверный союзъ безъ всякихъ условій, и сожалѣетъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ началъ кон-

[1]) Тамъ же, 271 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 231. Ср. стр. 366 и слѣд.

[3]) Рѣчь Ласкера и адресъ у *Бецольда*, III, 369—371.

[4]) *Ганъ*, назв. сборн. 796—799.

[5]) Конст. 1818 года гл. X, § 7. *Батби*, «Les constitutions d'Europe» etc. стр. 241.

[6]) Тамъ же, 157 и слѣд. 212. *Ауэрбахъ*, 45, примѣч. 1 и 2.

[7]) *Ауэрбахъ*, 42.

ституціи 1867 года; но вліяніе Баваріи и Виртемберга, не соглашавшихся вступить въ союзъ на другихъ условіяхъ, заставили сдѣлать эту уступку. Баденъ будетъ, впрочемъ пользоваться предоставленною ему долею привиллегій ко благу общаго отечества. Договоръ былъ принятъ 16-го декабря второю палатою единогласно, а 19-го верхнею, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ [1]). 20-го декабря договоръ былъ утвержденъ гессенскою палатою депутатовъ, а 29-го верхнею, такимъ же огромнымъ большинствомъ голосовъ [2]).

Въ Виртембергѣ дѣло не обошлось безъ искусственныхъ мѣръ. Палата депутатовъ, съ ея сильною демократическою оппозиціею, была очевидно неудобна для такого щекотливаго вопроса, какъ разсмотрѣніе договора. Правительство рѣшилось распустить ее, въ надеждѣ, что выборы, руководимые особымъ настроеніемъ общества въ 1870 году, дадутъ другое большинство. Надежда эта оправдалась. Демократическая народная партія (Volkspartei) оказалась въ меньшинствѣ. 23-го декабря договоръ былъ принятъ большинствомъ 74 голосовъ противъ 14, и въ числѣ этихъ 14 находилось 10 депутатовъ народной партіи. Послѣ преній, они внесли въ протоколъ заявленіе, что они также преданы дѣлу единства Германіи, а давая голосъ противъ договора, руководились слѣдующими мотивами: 1) тѣмъ, что народное представительство было поставлено въ необходимость или принять, или отвергнуть договоръ цѣликомъ; 2) партикуляристическими уступками, сдѣланными Виртембергу и Баваріи; 3) отсутствіемъ „основныхъ правъ Германскаго народа“ въ конституціи; 4) отсутствіемъ министерства, отвѣтственнаго предъ рейхстагомъ [3]).

Во всякомъ случаѣ, къ 30-му декабря разсмотрѣніе договоровъ какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ трехъ южныхъ государствахъ было закончено. 31-го декабря въ *Союзномъ Указателѣ Законовъ* (Bundesgesetzblatt) была обнародонована новая конституція на основаніи заключенныхъ уже договоровъ [4]) и съ 1-го января 1871 года союзъ получилъ названіе имперіи. Но дѣло новой имперіи не было еще выиграно въ Баваріи.

Правда, баварское правительство рѣшилось приступить къ обмѣну ратификацій договора прежде, чѣмъ онъ былъ утвержденъ ландта-

[1]) *Бецольдъ*, III, стр. 394, 419.

[2]) Тамъ же, 478, 481.

[3]) *Ауэрбахъ*, назв. соч. стр. 44.

[4]) Окончательно редактированный текстъ конституціи обнародованъ только 16-го апрѣля 1871 г.

гомъ. Это и дало возможность союзному правительству провозгласить союзъ имперіею уже 1-го января 1871 года [1]). Но это не устраняло будущей продолжительной борьбы въ ландтагѣ, которому договоръ былъ представленъ 14-го декабря 1870 года. Партикуляристы и ультрамонтаны составляли болѣе одной трети всего числа депутатовъ, слѣдовательно имѣли полную возможность воспрепятствовать принятію конституціонныхъ измѣненій.

Правительственный ораторъ, министръ Луцъ, долженъ былъ употребить всю силу своего краснорѣчія для того, чтобы оправдать вступленіе Баваріи въ союзъ. Онъ настойчиво указывалъ на необходимость, именно въ данную минуту, прочно установить отношенія южной Германіи къ сѣверу. Мы, говорилъ онъ, начали переговоры безъ всякаго внѣшняго принужденія; обстоятельства вынудили насъ начать ихъ, ибо намъ было достовѣрно извѣстно, что если Баварія и не соединится съ сѣвернымъ союзомъ, все-таки это не остановитъ Баденъ, Гессенъ и Виртембергъ. Съ этой минуты была бы устранена разъ на всегда возможность успѣшнаго существованія внѣ союза если не Баваріи, то одной изъ нашихъ лучшихъ провинцій (прирейнской Баваріи). Скоро обнаружилась бы невозможность изолированнаго существованія и въ экономическомъ отношеніи. Вы знаете, въ какой степени мы нуждаемся въ таможенномъ союзѣ. Въ тотъ моментъ, когда настало бы время возобновленія таможеннаго договора, мы были бы вынуждены вступить въ союзъ безъ всякихъ условій. Въ этомъ смыслѣ я называю положеніе Баваріи вынужденнымъ. Сивиллины книги — избитый примѣръ, но въ теченіе моей жизни я не видѣлъ еще случая, къ которому бы въ большей степени шла мораль старой сказки, какъ нынѣшній. Осмѣлюсь ли напомнить вамъ, что Пруссія въ 1866 году, при паденіи стараго союза, дѣлала предложенія, оставлявшія гораздо больше простора особенностямъ отдѣльныхъ государствъ, чѣмъ это сдѣлала позднѣе сѣверо-германская конституція? Эти предложенія были отвергнуты. Они шли слишкомъ далеко! Они отдалялись отъ стараго союза въ такой степени, что въ южной Германіи съ ними нельзя было примириться!—Теперь, продолжалъ ораторъ, мы опять должны на что-нибудь рѣшиться; мы опять должны высказаться по поводу предлагаемыхъ условій, — не отвергайте ихъ!

[1]) По смыслу договоровъ, они должны были вступить въ силу съ этого числа.

Въ другой разъ никакой рейхстагъ, никакое союзное правительство не предложатъ вамъ этихъ условій....

Нельзя не признать вѣрности этихъ мыслей г. Луца. Но кромѣ соображеній о трудномъ положеніи Баваріи, было еще одно обстоятельство, вліявшее на ослабленіе оппозиціи. Баварское правительство и самъ король зашли въ своихъ переговорахъ слишкомъ далеко. Посылая къ королю Вильгельму I письмо свое съ предложеніемъ императорскаго титула, Лудвигъ II, очевидно считалъ дѣло конченнымъ. Отвергнуть договоръ значило поставить въ невозможное, компрометтирующее положеніе не только министерство, но и короля. На это обстоятельство и указывали нѣкоторые депутаты. Одинъ изъ нихъ напомнилъ палатѣ, что договоръ уже утвержденъ королемъ, а „гдѣ король, тамъ и истинные патріоты" [1]). Мало того: король, глубоко заинтересованный рѣшеніемъ дѣла, употребилъ свое личное вліяніе на ходъ преній; онъ написалъ, 30-го декабря 1870 года, письмо къ архіепископу Мюнхенскому, въ которомъ благодарилъ его за произнесеніе рѣчи въ пользу договоровъ и просилъ его употребить соотвѣтствующее вліяніе въ кругу депутатовъ [2]).

Не смотря на это, оппозиція твердо рѣшилась не покидать оружія. Въ верхней палатѣ (Reichsrathskammer) докладчикъ коммиссіи, разсматривавшей договоръ, г. Неймайръ, составилъ докладъ свой въ томъ смыслѣ, что палата вынуждена признать договоръ въ виду труднаго положенія Баваріи, чего, конечно, не случилось бы при другихъ условіяхъ [3]). Въ томъ же духѣ высказались и другіе ораторы, за исключеніемъ князя Гогенлоэ, произнесшаго вполнѣ сочувственную договорамъ рѣчь [4]). Они были утверждены 30-го декабря большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 3.

Въ палатѣ депутатовъ оппозиція дѣйствовала открыто. Договоры были переданы на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи, составленной изъ 15-ти членовъ. Изъ числа этихъ 15-ти только три, Бартъ, Кремеръ и Луисъ, были въ пользу договоровъ, остальные высказались противъ [5]). Пренія въ палатѣ начались только 11-го января 1871 года. Докладчикомъ большинства коммиссіи явился извѣстный

[1]) *Ауэрбахъ*, назв. соч. 46.
[2]) Тамъ же, 47.
[3]) *Бецольдъ*, III, 830—838.
[4]) Тамъ же, 841—844.
[5]) *Ауэрбахъ*, 49.

намъ Іоргъ [1]). Въ рѣчи своей онъ заявилъ, что цѣлью войны всегда считалъ не только низверженіе французскаго могущества, но и пораженіе противниковъ національно-либеральной партіи. Цѣль эта достигнута, но партія, о которой было сейчасъ упомянуто, все-таки никакъ не ожидала, что война поведетъ къ уничтоженію самостоятельности страны, къ ея медіатизаціи, при содѣйствіи самого правительства. Предъ началомъ войны, правительственный коммисаръ заявлялъ въ комитетѣ палаты, что Баварія приметъ участіе въ кампаніи только подъ извѣстными условіями, а именно что Баварія потребуетъ неприкосновенности таможеннаго договора и точнаго толкованія оборонительнаго договора 1867 года [2]). Слѣдовательно, правительство намѣрено было не только обезпечить, но и расширить самостоятельность Баваріи. Теперь оно требуетъ отъ страны самоотреченія. Чѣмъ вызвана такая перемѣна? Министерство ссылается на таможенный союзъ. Ораторъ сомнѣвается въ возможности такого шага. Во всякомъ случаѣ онъ не видитъ, почему опасеніе предъ событіемъ, могущимъ наступить въ 1877 году [3]), должно повести къ такимъ невѣроятнымъ уступкамъ въ 1870? Министерство указываетъ, далѣе, на сильное движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу единства Германіи, но ораторъ имѣетъ основаніе сомнѣваться въ серьезности этого движенія. Побудительныя причины его лежатъ не въ Баваріи, но внѣ ея. Представители народа, собранные въ палату, должны стоять выше увлеченій массы и ихъ мнѣніе должно быть принимаемо въ разчетъ конституціоннымъ правительствомъ. Г. Луцъ напоминаетъ палатѣ сказаніе о сивиллиныхъ книгахъ, напоминаетъ о томъ, какъ сравнительно выгодныя предложенія Пруссіи были отвергнуты въ 1866 году, и совѣтуетъ не отвергать предлежащихъ договоровъ теперь. Но кто отвергъ тогда эти предложенія? Тогдашнее большинство палаты въ его совокупности и тогдашнее меньшинство въ его совокупности. Не восклицали ли тогда даже на лѣвой сторонѣ, что Пруссію должно раздробить? Министерство ссылается на національную идею, которой служитъ Пруссія. Но дѣйствительно ли договоры 1870 года вытекаютъ изъ требованій

[1]) *Бецольдъ*, III, 603—615. Іосифъ-Эдмундъ Іоргъ род. въ 1819 году; извѣстенъ своими историческими трудами, между прочимъ, «Исторіею великой крестьянской войны»; ревностный ультрамонтанъ.

[2]) То-есть, изъясненія вопроса, что должно̀ считать за casus fœderis.

[3]) Срокъ таможеннаго договора.

національной идеи? Почему Пруссія находила согласными съ требованіями этой идеи свои предложенія 1866 года? Почему отъ Баваріи требуется бо̀льшихъ жертвъ теперь, когда она послужила Германіи кровью и имуществомъ своихъ гражданъ? Ораторъ полагаетъ, что договоры служатъ не единству Германіи, а могуществу Пруссіи. Лучше остаться внѣ союза, чѣмъ вступить въ него на условіяхъ, не согласныхъ съ достоинствомъ самостоятельнаго государства.

Эти нравственно политическія соображенія оппозиція старалась подкрѣпить экономическими мотивами. Чего будетъ стоить вступленіе Баваріи въ союзъ? Знаменитый публицистъ и статистикъ Кольбъ [1]) взялъ на себя трудъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Выводъ его былъ не утѣшителенъ. По его исчисленію, бюджетъ Баваріи долженъ былъ увеличиться на $5^1/_2$ мил. гульденовъ. Доводы Кольба опровергались министромъ финансовъ Пфретчнеромъ (Pfretzschner) какъ въ офиціальномъ сообщеніи на запросъ оппозиціи [2]), такъ и въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ [3]). Министерство доказывало, что увеличеніе бюджета не превзойдетъ 2.700.000 гульденовъ и что эта сумма значительно уменьшится отъ предполагаемаго сокращенія расходовъ въ союзномъ управленіи. Конечно, и эта сумма могла навести депутатовъ на серьезныя размышленія. Но сила внѣшнихъ обстоятельствъ была слишкомъ велика. Оппозиція могла отсрочить рѣшеніе на нѣсколько дней, но не могла измѣнить его существа. „Сила внѣшнихъ обстоятельствъ“ была главною темой рѣчей какъ министерства, такъ и ораторовъ, настаивавшихъ на принятіи договоровъ. Докладчикъ меньшинства палатской коммиссіи, Бартъ [4]), заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ размышленіемъ:

„Если палата скажетъ *нѣтъ*, каково будетъ положеніе Баваріи среди Германскаго народа? Отрицая въ эти дни общегерманское настроеніе, она сдѣлается предметомъ насмѣшекъ и поруганія. Если она отвергнетъ договоры не большинствомъ, но меньшинствомъ, превы-

[1]) Георгъ-Фридрихъ Кольбъ род. въ 1808 году, членъ Франкфуртскаго парламента въ 1848 году; авторъ «Сравнительной статистики», «Культурной исторіи человѣчества» (Kulturgeschichte der Menschheit, 1868—1870 г.) и др.

[2]) *Ауэрбахъ*, назв. соч., 51 и слѣд. въ примѣчаніи, гдѣ приведенъ подлинный текстъ отвѣта министерства финансовъ.

[3]) *Бецольдъ*, Materialien, III, 635—644.

[4]) Марквардъ-Адольфъ *Бартъ* род. въ 1809 году. Не должно смѣшивать его съ знаменитымъ путешественникомъ Генрихомъ Бартомъ (1811—1865 г.).

шающимъ одну треть голосовъ [1]), что выиграетъ тогда палата? Правительство сдѣлаетъ воззваніе къ націи и самое большее, чего могутъ ожидать противники договора, это новаго отрицательнаго меньшинства. Полагаете ли вы, что вы въ состояніи обратить вспять исторію? Никогда! Вы можете поставить Баварію въ почти невыносимое переходное положеніе; можете довести борьбу партій до послѣднихъ предѣловъ, но наступитъ, наконецъ, моментъ, когда вы утвердите договоръ, не содержащій въ себѣ *никакихъ* привиллегій для Баваріи, какъ ваши предшественники утвердили французскій торговый договоръ [2]), противъ котораго они энергически боролись нѣсколько лѣтъ сряду. Такова внутренняя сила вещей; примѣнитесь же къ обстоятельствамъ и не стремитесь къ невозможному!“ [3]).

„Сила вещей“ сломила оппозицію. 21-го января пренія были заключены и договоры приняты большинствомъ 102 голосовъ противъ 48,—большинствомъ, не особенно блистательнымъ, такъ какъ оно едва составило требуемыя двѣ трети. 28-го января послѣдовала ратификація договора.

Событія въ остальной Германіи опередили баварскія происшествія. Провозглашеніе имперіи послѣдовало безъ разрѣшенія вопроса о договорахъ въ Мюнхенской палатѣ. 18-го января 1871 года, чрезъ 170 лѣтъ послѣ того, какъ Бранденбургскій курфирстъ провозгласилъ себя королемъ [4]), Вильгельмъ I принялъ въ Версалѣ предложенный ему императорскій титулъ [5]).

Между тѣмъ война близилась къ концу. Франція должна была дорого поплатиться за свое недавнее преобладаніе. Всѣ оборонительныя средства ея были истощены. „Правительство народной защиты“ должно было формировать, въ самомъ разгарѣ войны, новыя арміи, на мѣсто капитулировавшихъ или погибшихъ. Не съ этими новобранцами можно было бороться противъ колоссальной, хорошо дисциплинированной арміи германской. 1-го марта французское національное собраніе, засѣдавшее въ Бордо, приняло предварительныя условія мира, заключенныя 26-го февраля, большинствомъ 566 голосовъ про-

[1]) См. выше.

[2]) См. выше.

[3]) *Бецольдъ*, III, 635.

[4]) Фридрихъ III (какъ король I) принялъ королевскій титулъ 18-го января 1701 года.

[5]) Подробности у *Гана*, стр. 811 и слѣд.

тивъ 107. Побѣдитель вознаградилъ себя щедро. Эльзасъ и Лотарингія отошли къ Германіи въ качествѣ непосредственныхъ имперскихъ земель. Франція потеряла 263 кв. мили территоріи и болѣе 1.500.000 жителей. Кромѣ того, она должна была выплатить побѣдителю пять милліардовъ контрибуціи, до уплаты которыхъ часть ея департаментовъ была занята непріятельскими войсками [1]). Окончательный мировой договоръ былъ подписанъ во Франкфуртѣ 10-го мая 1871 года [2]).

Теперь имперскому правительству предстояло подвести итоги всѣмъ событіямъ и пріобрѣтеніямъ Германіи за 1870 годъ. Эти „итоги" могли быть двоякаго свойства—формальные и матеріальные. Можно было ограничиться, такъ сказать, сводомъ частныхъ измѣненій, послѣдовавшихъ въ конституціи, въ силу новыхъ договоровъ съ южными государствами, то-есть, ограничиться чисто *редакціонною* работою. Затѣмъ правительство и рейхстагъ могли вывести изъ войны 1870 года разныя другія послѣдствія, въ смыслѣ, напримѣръ, удовлетворенія нѣкоторыхъ требованій оппозиціонныхъ партій. Вопросъ о томъ, какимъ изъ двухъ путей пойдетъ теперь союзное правительство, былъ чрезвычайно важенъ именно потому, что рейхстагу предстояла ревизія конституціи.

Засѣданія его были открыты 21-го марта 1871 года. Съ самаго начала обнаружилось, что и правительство, и палата ограничатся формальною редакціею совершившихся измѣненій. Взглядъ правительства выразился, вопервыхъ, въ мотивахъ къ имперской конституціи, препровожденныхъ рейхстагу княземъ Бисмаркомъ [3]), и въ заявленіи г. Дельбрюка. Мотивы гласили слѣдующее: конституціонное право имперіи основывается пока на отдѣльныхъ актахъ — на договорахъ Сѣверо-Германскаго союза съ Гессеномъ и Баденомъ 15-го ноября, съ Баваріею 23-го и Виртембергомъ 25-го ноября. При такомъ разнообразіи источниковъ союзной конституціи, примѣненіе ея можетъ встрѣтить неудобства. Предлагаемая конституція Германской имперіи стремится устранить ихъ. „*Она не имѣетъ въ виду никакого матеріальнаго измѣненія существующаго конституціоннаго права*". Одно только измѣненіе предлагалось союзнымъ правительствамъ. Мы

[1]) «Предварительныя условія» см. у *Гана*, 749—752.

[2]) Тамъ же, 861 и слѣд.

[3]) Г. Бисмаркъ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ за успѣшную политику во время Французской войны.

видѣли, что Баварія настояла на образованіи, въ составѣ союзнаго совѣта, особаго комитета внѣшнихъ сношеній изъ уполномоченныхъ Баваріи, Саксоніи и Виртемберга. Теперь предполагалось прибавить къ нимъ двухъ уполномоченныхъ, ежегодно избираемыхъ союзнымъ совѣтомъ [1]). Г. Дельбрюкъ своимъ заявленіемъ [2]) старался поставить предстоящія пренія на эту почву.

Точка зрѣнія правительства раздѣлялась и національно-либеральною партіею, какъ это доказала рѣчь Ласкера. По его словамъ, рейхстагъ долженъ былъ ограничиться исключительно редакціонными вопросами и не касаться матеріальнаго содержанія конституціи. „Я полагаю", сказалъ онъ при громкомъ одобреніи палаты, „что каждая нація нуждается иногда въ отдохновеніи, но особенно нуждается въ немъ теперь Германскій народъ" [3]). *Микель* согласился со взглядомъ своего друга, хотя съ нѣкоторою оговоркой [4]).

Конечно, такая задача удовлетворила далеко не всѣхъ. Шульце-Деличь заявилъ, съ самаго начала преній, что онъ и его друзья, принимая теперь существующую конституцію за исходную точку всѣхъ разсужденій, полагаютъ, однако, необходимымъ при дальнѣйшихъ работахъ содѣйствовать развитію конституціи въ болѣе свободномъ духѣ [5]). Другія партіи не ограничились однимъ пророчествомъ. Прежде всего польскіе депутаты, Злотовскій, Ніеголевскій и друг. внесли снова предложеніе исключить изъ Германской имперіи польскія области Пруссіи [6]). Огромное большинство въ рейхстагѣ отвергло это предложеніе. Но главный интересъ представляло для палаты предложеніе клерикальнаго депутата Рейхеншпергера внести въ конституцію нѣкоторыя „основныя права" Германскаго народа. Со времени Франкфуртскаго парламента ни одна германская палата не видѣла такихъ продолжительныхъ и горячихъ преній объ „основныхъ правахъ". Но причина этой горячности лежала далеко не въ самомъ предметѣ, о которомъ шла рѣчь: предложеніе Рейхеншпергера было вызвано особыми интересами клерикальной партіи.

Клерикалы входили въ составъ новой имперіи, придавшей особую

1) *Бецольдъ*, III, 866 и слѣд.
2) Тамъ же, 867 и слѣд.
3) Тамъ же, 873 и слѣд.
4) Тамъ же, 876.
5) Тамъ же, 868 и слѣд.
6) Тамъ же, 877.

силу государственному началу и притомъ въ строгой его формѣ, съ новыми требованіями, созданными quasi-вселенскимъ соборомъ 1869—1870 годовъ, съ догматомъ папской непогрѣшимости. Какъ отнесется новая первенствующая держава къ интересамъ католицизма? Въ бывшей первенствующей странѣ—во Франціи клерикализмъ имѣлъ твердую точку опоры. Здѣсь онъ добился сентябрьской конвенціи, охранявшей свѣтское могущество папы отъ Италіи. Что̀ дастъ ему Германская имперія? Затѣмъ, внутреннія отношенія католической церкви къ государству въ Германіи возбуждали безпокойство католической церкви. Теперь предстояло, до извѣстной степени, обезпечить ея будущее,—и это будущее, то-есть, такъ-называемое отдѣленіе государства отъ церкви, казалось возможнымъ гарантировать посредствомъ занесенныхъ въ конституцію „основныхъ правъ".

Въ этомъ духѣ былъ редактированъ проектъ Рейхеншпергера [1]). Онъ заключалъ въ себѣ всего 6 статей: первыя двѣ касались свободы печати, 3-я и 4-я—свободы сходокъ и ассоціацій, 5-я и 6-я—религіозной свободы. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательна 6-я статья, касавшаяся автономіи церковнаго управленія [2]). Въ этихъ правахъ заключался центръ тяжести предложенія. Печать и сходки служили какъ бы дополненіемъ къ главной цѣли. Всѣ послѣдующія пренія держались на почвѣ церковныхъ вопросовъ. Клерикальный проектъ былъ встрѣченъ двумя предложеніями о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Одно изъ нихъ, исходившее отъ Шульце-Делича, выставляло, какъ основаніе къ отклоненію проекта, что палата можетъ приступить и приступитъ къ дальнѣйшему развитію конституціи только по окончательной редакціи конституціи существующей, и что проектъ основныхъ правъ, предложенный Рейхеншпергеромъ, не полонъ и не способенъ удовлетворить потребностямъ Германскаго народа [3]). Въ томъ же смыслѣ, только нѣсколько пространнѣе, было составлено предложеніе графа Ренара [4]). Всѣ партіи готовились къ горячей борьбѣ по этому единственному серьезному вопросу, возбужденному въ первомъ имперскомъ ландтагѣ.

Рейхеншпергеръ употребилъ всѣ усилія для защиты внесеннаго

[1]) Тамъ же, 896 и слѣд. На 897 стр. напечатано подобное же предложеніе *Зоннемана*, о которомъ будетъ сказано ниже.

[2]) Она составляетъ перепечатку 15-й ст. прусской конституціи прежней редакціи.

[3]) *Бецольдъ*, 898.

[4]) Тамъ же, 897 и слѣд.

имъ предложенія и нельзя не признать его рѣчи однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ краснорѣчія [1]). Я вполнѣ раздѣляю, говорилъ онъ, воззрѣніе, высказанное однимъ изъ предыдущихъ ораторовъ [2]), что Германскій народъ, послѣ сдѣланныхъ имъ пожертвованій, нуждается въ покоѣ. Но въ настоящее время нельзя предаваться успокоенію, не подвергая опасности существеннѣйшіе, основные интересы и права Германскаго народа. Покой возможенъ только по окончаніи труда, а дѣло представителей націи далеко не кончено. Съ 1867 года патріоты поставили себѣ задачею сначала достигнуть единства и затѣмъ уже обезпечить свободу. Теперь единство достигнуто въ размѣрахъ, возможныхъ при данныхъ условіяхъ, и настало время подумать о гарантіяхъ для свободы. Это необходимо въ виду того обстоятельства, что законодательство по дѣламъ печати, сходокъ и ассоціацій передано въ руки союзной власти. Если эта передача совершится безъ предварительнаго обезпеченія свободы слова и ассоціацій въ самой имперской *конституціи*, то будетъ полное основаніе опасаться, что *имперское законодательство* сдѣлаетъ шагъ назадъ сравнительно съ существующими узаконеніями по этому предмету въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Въ особенности безпокоила оратора судьба началъ, выраженныхъ въ 12-й и 15-й ст. прусской конституціи, заключающей въ себѣ гарантіи церковной и религіозной свободы. Эти права далеко не пользовались симпатіею въ извѣстныхъ сферахъ общества и рейхстага. Изъ либеральнаго лагеря раздавались голоса, выражающіе мнѣніе, что въ церковныхъ дѣлахъ не худо возвратиться къ началамъ государственнаго всемогущества и возстановить существовавшую до мартовскихъ дней 1848 года зависимость церкви [3]). Основанія, которыми руководятся либералы, по мнѣнію оратора, слѣдующія. Интересы диссидентовъ и Евреевъ, говорятъ они, достаточно обезпечены признанною за ними гражданскою и политическою равноправностію. Союзный законъ 3-го іюля 1869 года довершилъ эту эманципацію. Что̀ касается евангелической церкви, то мнѣнія относительно необходимости и пользы автономіи, предоставленной ей прусскою конституціею, различны. Остаются только интересы католической церкви. По убѣжденію оратора, такое воззрѣніе вполнѣ ложно. Всѣ виды свободы солидарны; нельзя нарушить

[1]) Тамъ же, 899—905.

[2]) То-есть, Ласкеромъ.

[3]) Опасенія Рейхеншпергера оправдались.

одного, не колебля другихъ. Если величайшая карпорація вселенной, католическая церковь, не будетъ ограждена, то и другіе виды свободы будутъ стоять на шаткихъ основахъ. Но дѣло идетъ не только о пользахъ католической церкви,—ораторъ имѣетъ въ виду интересы новой имперіи, новосозданнаго государства. Для прочности имперіи необходимо разрѣшить вопросъ объ отношеніи церкви къ государству и разрѣшить его въ духѣ XIX вѣка. Европа испробовала и осудила разныя системы церковно-государственныхъ отношеній — преобладаніе церкви надъ государствомъ въ средніе вѣка, преобладаніе государства надъ церковью послѣ того. Современная цивилизація выработала начало свободы церкви въ свободномъ государствѣ. Это начало должно быть принято и рейхстагомъ, если онъ желаетъ преуспѣянія новой имперіи. Старая германская имперія погибла отъ религіознаго раздвоенія, возникшаго въ XIV вѣкѣ. Да не постигнетъ такая же участь новый союзъ!

Нужно было много краснорѣчія и знанія дѣла, чтобы разбить доводы Рейхеншпергера. На этой задачѣ попробовалъ свои силы человѣкъ, издавна поддерживавшій политику князя Бисмарка и только что вступившій въ рейхстагъ, въ качествѣ депутата за Гейдельбергъ, гдѣ до того времени онъ былъ профессоромъ. Это былъ Трейчке [1]). Мы остановимся на его рѣчи нѣсколько подробнѣе, потому что она вѣрно формулируетъ взглядъ большинства, отвергшаго предложеніе Рейхеншпергера [2]).

Ораторъ, при вступленіи своемъ въ палату, надѣялся, что всѣ помыслы рейхстага будутъ направлены къ *будущему* Германіи, но онъ ошибся. Нѣсколько дней палата обсуждала вопросы, имѣющіе значеніе лишь для *прошлаго*. Рейхстагъ занимался папскими владѣніями, владѣніями старой Польши и т. п. Наконецъ, какъ ни либерально съ виду предложеніе Рейхеншпергера, оно также напоминаетъ времена давнопрошедшія. Оно напоминаетъ 1848 годъ, время политическаго дѣтства Нѣмцевъ. Тогда было своевременно разсуждать о томъ, можно ли разрѣшить въ четырехъ строкахъ всеміpно-историческій вопросъ объ отношеніи государства къ церкви. Это исторически понятно. Но мыслимо ли теперь вносить подобныя предложенія? Между всѣми почти партіями рейхстага состоялось безмолвное соглашеніе принять

[1]) Генрихъ Трейчке, извѣстный историкъ и публицистъ, родился въ 1834 году.

[2]) *Бецольдъ*, III, 905 и слѣд.

конституцію, какъ она есть, ради отдыха, въ которомъ, по замѣчанію Ласкера, нуждается Германскій народъ. Это рѣшеніе не обошлось безъ самопожертвованія. Самъ ораторъ съ трудомъ помирился съ новою редакціею 78 ст., затрудняющею будущее развитіе Германіи [1]). Еще больше жертвъ принесла прогрессивная партія и ея руководитель Шульце-Деличъ. Настоящее предложеніе вносится партіею, выдѣлившеюся изъ рейхстага при обсужденіи адреса императору [2]). „Эти господа жалуются на то, что они „подавленное меньшинство". Если это правда, то я долженъ, по крайней мѣрѣ, сказать, что они переносятъ свое угнетеніе съ малою степенью христіанскаго смиренія". Переходя къ обзору содержанія „основныхъ правъ", ораторъ высказываетъ полное согласіе съ мнѣніемъ Шульце-Делича. „Г. Рейхеншпергеръ и его друзья, выдавая намъ несчастныя 6 статей за „основныя права Германскаго народа", предлагаютъ націи камень вмѣсто хлѣба. Это ли magna charta Нѣмецкой націи, это ли Rechte der Deutschheit, о которыхъ говорилъ на вѣнскомъ конгрессѣ баронъ Штейнъ? Даже во Франкфуртской конституціи больше говорилось объ истинныхъ „основныхъ правахъ", чѣмъ въ этихъ 6-ти статьяхъ. Почему же они выбрали изъ основныхъ правъ прусской конституціи именно эти немногія? Почему въ ихъ основныхъ правахъ не достаетъ статьи [3]), которая мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень по сердцу, — почему они не упомянули о свободѣ научнаго преподаванія? Это начало, введенное именно въ католическіе богословскіе факультеты, было бы великимъ благодѣяніемъ. Почему они не упомянули о статьѣ [4]), устанавливающей гражданскій бракъ? Подобная, совершенно произвольная, выборка изъ основныхъ правъ прусской конституціи держится на системѣ, мнѣ совершенно неизвѣстной". Конечно, Рейхеншпергеръ и его друзья указываютъ на мотивы своего предложенія. 16-й п. 4-й ст. конституціи, говорятъ они, передаетъ союзной власти законодательство по дѣламъ печати, сходокъ и ассоціацій; они опасаются, что союз-

[1]) Намекъ на veto, предоставленное 14-ти голосамъ.

[2]) При обсужденіи адреса императору (составленнаго Беннигсеномъ и Ласкеромъ), клерикалы требовали, чтобы въ документѣ этомъ было высказано желаніе взять права папы подъ защиту имперіи. При голосованіи адреса, въ которомъ заявлялось, что имперія должна держаться политики мира и невмѣшательства, они составили сильное меньшинство, въ 63 чел., подавшее голосъ противъ.

[3]) 20 ст. прусск. конст.

[4]) 19 ст. прусск. конст.

ная власть злоупотребляетъ своими правами. Ораторъ не раздѣляетъ этихъ опасеній. Въ союзномъ совѣтѣ не засѣдаетъ князь Меттернихъ, который сказалъ бы, что какая-либо изъ партій грозитъ неприкосновенности трона. Настоящая война сплотила во-едино нѣмецкія племена и ихъ государей. Въ союзномъ совѣтѣ никто не возбудитъ уже недовѣрія государей и ихъ уполномоченныхъ къ народу. Если даже настроеніе и составъ союзнаго совѣта не представляютъ достаточно ручательства, то такимъ ручательствомъ является германскій рейхстагъ. Довѣріе оратора къ будущности имперіи основывается не только на ея силѣ, но и на томъ фактѣ, что Германскій императоръ окруженъ народнымъ представительствомъ. Это фактъ небывалый въ исторіи Германіи. „Подумайте о прошедшихъ столѣтіяхъ: *Нѣмецкій народъ былъ совершенно медіатизированъ.* Только имперскимъ непосредственнымъ князьямъ и магистратамъ вольныхъ городовъ было предоставлено совѣщаться о дѣлахъ нашего народа". Итакъ, въ существованіи рейхстага, этой народной силы, заключается достаточное ручательство для свободы слова и сходокъ. Самъ Рейхенспергеръ и его друзья предлагаютъ, въ сущности, то, что̀ уже содержится въ конституціи. Она предоставляетъ союзной власти опредѣлить предѣлы и гарантіи упомянутыхъ правъ закономъ. Только одно положеніе прибавлено Рейхенспергеромъ: оно гласитъ, что цензура не можетъ быть введена въ имперіи. И это выдается за новость въ 1871 году! Ораторъ думаетъ, впрочемъ, что всѣ эти статьи о печати и сходкахъ суть нѣчто добавочное къ главной цѣли означенныхъ депутатовъ — къ обезпеченію самостоятельности церкви. Но спрашивается, въ силу какой логики можно въ современномъ государствѣ подвести католическую церковь подъ простое понятіе объ ассоціаціи. Еслибы Рейхенспергеръ и его товарищи были послѣдовательны и искренни, они должны были бы предложить прибавку къ 4-й ст. союзной конституціи [1]) гласящей, что церковныя дѣла относятся къ компетенціи имперскаго законодательства. Но они не пошли по этому прямому пути, а предпочли достигнуть расширенія компетенціи союза путемъ окольнымъ. И эти общія постановленія о самостоятельности церкви, по мнѣнію оратора, чрезвычайно опасны. Они способны нарушить религіозный миръ именно въ малыхъ государствахъ. Опытъ, пережитый Пруссіею послѣ изданія 12-й и 15-й ст., ясно показываетъ, къ чему можетъ повести попытка разрѣшить во-

[1]) Опредѣляющей компетенцію союзной власти.

просъ объ отношеніи государства къ церкви общими фразами. Въ прусскомъ церковномъ правѣ господствуетъ страшная неопредѣленность. Желательно ли, чтобы эта неопредѣленность была распространена на всю Германію, и притомъ въ такую минуту, когда въ католической церкви совершается движеніе, исходъ котораго нельзя предвидѣть? Не будетъ ли создано для католической іерархіи право попирать мѣстные законы каждой страны, опираясь на общую фразу союзной конституціи? Католическіе ораторы хвалятъ Пруссію за постановленное ею въ 1848 году разрѣшеніе церковныхъ вопросовъ. Ораторъ не можетъ присоединиться къ этимъ похваламъ. 12-я и 15-я ст. суть доказательство господствовавшаго тогда политическаго диллетантизма. На составленіе ихъ вліяли два совершенно различные элемента: съ одной стороны—радикализмъ, полагающій, что къ церкви можно относиться на американскій ладъ, съ другой — клерикальныя стремленія, желавшія создать для церкви, на бельгійскій ладъ, одновременно и привиллегированное, и равноправное съ государствомъ положеніе.

Въ заключеніе ораторъ обратился къ рейхстагу съ просьбою отвергнуть предложеніе клерикаловъ. По его мнѣнію, палата должна была бы отвергнуть его даже безъ мотивовъ. „Станемъ“, сказалъ онъ, „смотрѣть не на прошлое, а на будущее, на задачи положительнаго законодательства, представляющееся намъ съ сухими, важными подробностями и которое, для нѣмецкихъ людей, будетъ предметомъ болѣе достойнымъ труда, чѣмъ въ общемъ никогда не разрѣшимые вопросы о границахъ государства и церкви“.

Эта замѣчательная рѣчь была, однако, только началомъ продолжительныхъ и горячихъ преній. Множество ораторовъ, самыхъ различныхъ направленій, спѣшили высказаться за или противъ предложенія клерикаловъ. Страсти всѣхъ партій были возбуждены, что̀ вліяло и на характеръ преній. Депутатъ Зоннеманъ (редакторъ „Франкфуртскихъ Вѣдомостей“) внесъ поправку къ предложенію Рейхенспергера, въ которой не было рѣчи о церковномъ управленіи, а только о свободѣ слова, ассоціацій и сходокъ. Но всѣ усилія оппозиціи не превозмогли заранѣе принятаго рѣшенія палаты. Предложеніе Рейхенспергера было отвергнуто большинствомъ 223 противъ 59 голосовъ [1]).

Подобную же участь потерпѣли всѣ другія оппозиціонныя пред-

[1]) *Бецольдъ* III, 1010.

ложенія. Имперская конституція была принята 14-го апрѣля 1871 года огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Таковъ былъ ходъ развитія новой имперіи, ставшей на мѣсто „упраздненной“ въ 1806 году „Священной Римской имперіи Германскаго народа“. Оканчивая этотъ историческій очеркъ, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ процесса образованія новаго государства. Попытка создать „единую Германію“ чисто общественными, народными силами, не только независимо отъ правительствъ, но часто противъ нихъ, рушилась въ 1849 году. Современное единство сложилось подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, руководимыхъ и даже вызванныхъ волею великаго государственнаго человѣка, трудившагося, прежде всего, въ интересахъ Пруссіи. Не должно забывать, что огромное большинство германскихъ патріотовъ чрезъ „единую Германію“ думали и думаютъ достигнуть различныхъ благъ, не осуществимыхъ въ государствахъ отдѣльныхъ. Въ глазахъ огромнаго большинства образованнаго общества могущество Германіи— далеко не конечная цѣль ея единства, какъ безопасность далеко не конечная цѣль отдѣльнаго человѣка. Германская имперія, до настоящаго времени, есть форма, которой еще предстоитъ дать опредѣленное содержаніе, а послѣднее можетъ быть выработано только многими годами мирнаго и свободнаго развитія.

[illegible]. Имперская конституція была принята 14-го апрѣля 1849 года огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Таковъ былъ ходъ развитія идеи имперіи, ставшей на мѣсто „упраздненной" въ 1806 году „Священной Римской имперіи Германскаго народа". Основная [illegible] этого историческаго [illegible] въ нѣсколькихъ характерныхъ [illegible] новаго государства. [illegible] создать единство Германіи [illegible] общественными партіями [illegible] только [illegible] правительства, а [illegible] противникъ [illegible] въ 1849 году. [illegible] единство [illegible] свободы [illegible] и даже [illegible] Пруссіи. [illegible] можно сказать, что [illegible] большинство германскихъ [illegible] Германіи [illegible] не [illegible] образованія [illegible] Германіи [illegible] не конечная [illegible] единства [illegible] Германская имперія [illegible] времени, [illegible] форма, которой [illegible] содержаніе, а [illegible] можетъ быть [illegible] только [illegible] и свободнаго развитія.

ОПЕЧАТКИ.

Опечатки, отмѣченныя *, должно исправить предъ чтеніемъ книги.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
48	19 снизу	austraego	austraega
*87	11 »	Дёмеръ	Рӧмеръ
—	*6 »	Дёмеръ	Рӧмеръ.
90	10 сверху	Кондернѣ	Кандернѣ
127	1 снизу	Гонау	Ганау
128	1 »	Brigontium	Brigantium
*132	13—16 св.	Въ маѣ 1849 года франкфуртское собраніе превратилось въ «охвостье» (Rumpfparlament), докончившее свое жалкое существованіе въ Штутгардѣ только въ маѣ 1851 года. Сеймъ снова вступилъ въ свои права.	Въ маѣ 1849 года франкфуртское собраніе превратилось въ «охвостье» (Rumpfparlament) докончившее свое жалкое существованіе въ Штутгардѣ. Только въ маѣ 1851 года Сеймъ снова вступилъ въ свои права.
148	17 сверху	sator	sutor
191	8 снизу	Сторморнъ	Стормарнъ
201	7 »	Гольбгубера	Гальбгубера
214	4 »	*Гена*	*Гана*
224	8 »	Провинція	Провинціи
227	1 сверху	Фогель-фонъ-Фолькенштейнъ	Фогель-фонъ-Фалькенштейнъ.
—	4 »	тоже	тоже
—	10 »	тоже	тоже
—	4 снизу	тоже	тоже
*235	15 сверху	31 декабря 1870 года	31 декабря 1871 года.
242	7 снизу	Альмонъ	Альманъ
*248	20 сверху	Гогенлоэ-Шиллингефспретомъ.	Гогенлоэ-Шиллингсфюрстомъ.
—	21 »	Гордеггъ	Гардеггъ
*250	9 снизу	*Worny*	*Worms*
263	18 сверху	Алозогѣ	Олозагѣ
276	2 «	Феркенбекъ	Форкенбекъ
281	10 снизу	Фриденшаль	Фриденталь

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gradovskij, Aleksandr Dmitrievič,

Germanskaja konstitucija

Bd.: 1

S.-Peterburg 1875

J.publ.g. 1066 i-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11316563-6